

Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан

Л.Р. ГАБДРАФИКОВА, Х.М. АБДУЛЛИН

**ТАТАРЫ В ГОДЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1914–1918 гг.)**

Казань – 2015

УДК 94(47)"1914/1918"

ББК 63.3(2)524

Г 12

*Монография подготовлена в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Реализация государственной национальной политики
в Республике Татарстан на 2014–2020 гг.»*

Научный редактор

член-корреспондент АН РТ,
доктор исторических наук *Р.Р. Салихов*

Рецензенты:

кандидат исторических наук *И.Р. Миннуллин*
кандидат исторических наук *Б.И. Измайлов*

Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.): монография. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. – 396 с.

ISBN 978-5-94981-191-7

Монография посвящена жизни татарского народа в годы Первой мировой войны. Книга включает два блока: фронт и тыл. На основе разноплановых источников авторы рассматривают участие татарских солдат и офицеров в Первой мировой войне, социально-экономическую и культурную жизнь татарского мусульманского общества в годы войны. Книга представляет собой первое комплексное исследование, посвященное роли Первой мировой войны в истории татарского народа.

Для специалистов гуманитарного профиля и всех интересующихся отечественной историей и культурой.

В оформлении обложки использованы материалы из фондов НМ РТ и ОРПК НБ КФУ.

ISBN 978-5-94981-191-7

УДК 94(47)"1914/1918"

ББК 63.3(2)524

© Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М., 2015

© Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (<i>Л.Р.Габдрафикова, Х.М.Абдуллин</i>)	6
Глава 1. Начало войны (<i>Л.Р.Габдрафикова</i>)	14
1.1. Татарское общество накануне Первой мировой войны	14
1.2. «Тяжелее смерти уходить на войну...»: военные мобилизации	23
Первые месяцы войны. Льготы для инородцев. «Самые несчастные из людей называются солдатами...»: продолжение мобилизации.	
Пути уклонения от службы: мифы и реальность. Дезертиры	
Глава 2. Татары на фронтах Первой мировой войны	58
2.1. Татарские генералы и офицеры в период Первой мировой войны (<i>Х.М.Абдуллин</i>)	58
Награжденные орденами св.Георгия и Георгиевского оружия. Обладатели других орденов. Младший офицерский состав	
2.2. Нижние чины: унтер-офицеры и рядовые из татар (<i>Х.М.Абдуллин</i>)	88
Награжденные Знаком отличия военного ордена – Георгиевским крестом и Георгиевской медалью. Солдаты-татары в разных воинских частях. Нижние чины из татар в 138-м Болховском пехотном полку	
2.3. Татарское мусульманское военное духовенство (<i>Х.М.Абдуллин</i>)	103
Военные имамы в русской армии накануне Первой мировой войны. Мусульманское военное духовенство в тылу и на фронте. Военные муллы и «национализация» воинских подразделений в последний год войны	
2.4. «Письма мусульман проникнуты свойственной их религии верой в судьбу...»: война глазами солдат (<i>Л.Р.Габдрафикова</i>)	120
Солдатские будни в ментальном разрезе. Война и религия. «Татаризм» или языковой барьер. Георгиевский крест для солдата-татарина. Война в ощущениях и образах. Болезни и ранения. Отсутствие смысла и мечты о мире. Оценка противника	
2.5. Другая война: судьбы татарских военнопленных (<i>Л.Р.Габдрафикова</i>)	148
Пропагандистские лагеря в Германии. Лагеря в Австро-Венгрии и Турции. Открытие культур. Возвращение на Родину	

Глава 3. Тыловая повседневность (<i>Л.Р.Габдрафикова</i>)	176
3.1. Общественная жизнь в годы Первой мировой войны	176
Официальная реакция на войну. Благотворительная деятельность. Несбывшиеся надежды: вопрос о муфтии. Роль информации в общественной жизни	
3.2. Исламский срез Великой войны	212
Участие татарской буржуазии в судьбах турецких военнопленных. Проблема карских мусульман в общественной жизни волго-уральских татар. Помощь беженцам	
3.3. «Теперь уж нет и сахара, а чай покупают, вступив в пай ...» (материальные вопросы войны)	236
Мобилизация средств передвижения. Первые материальные затруднения. Казенная помощь. Вынужденная благотворительность. Продажа казенного имущества. Благополучие по инерции. Сухой закон. Общества потребления. Нарастание кризиса. Разные лики повседневности. На краю пропасти	
3.4. Татарские женщины в годы Первой мировой войны	267
«Инфантильные» женщины. Реалии военного времени. Семья в условиях войны. Общественная активность женщин в годы войны. Ростки феминизма. Феминизм и традиции	
3.5. Татарская культура в 1914–1917 гг.	288
Театр и музыка. Книгоиздательское дело и литература. Зарождение изобразительного искусства	
Заключение (<i>Л.Р.Габдрафикова</i>)	311
Библиография	316
Приложения	339
<i>Приложение №1.</i> Объявление казанского губернатора П.Боярского о мобилизации	339
<i>Приложение №2.</i> Заметка из газеты «Волжское слово» о начале мобилизации	339
<i>Приложение №3.</i> Список нижних чинов из числа татар и башкир, награжденных в Первую мировую войну Георгиевскими крестами и Георгиевскими медалями	340
<i>Приложение №4.</i> Письмо солдата-татарина родным о получении Георгиевского креста	350
<i>Приложение №5.</i> Расписка Б.Шакировой о получении Георгиевского креста 4-й степени за погибшего мужа	351

<i>Приложение №6.</i> Заметка «Герой-татарин» из журнала «Нива» о рядовом Гильмутдине Гильманове	351
<i>Приложение №7.</i> Копия перевода статьи муллы Садыка Иманкулова из газеты «Юлдуз» от 21 сентября 1914 года, призывающая к оказанию помощи раненым	353
<i>Приложение №8.</i> Объявление казанского губернатора П.Боярского от 19 июля 1915 г. о выдаче продовольственных пайков семьям солдат	354
<i>Приложение №9.</i> Копия отношения председателя комиссии начальников средних учебных заведений г. Казани №23 от 16 марта 1916 г. на имя председателя Казанской губернской земской управы об оказании помощи семьям военнослужащих	355
<i>Приложение №10.</i> Статья Гали Рахима «Среди раненых мусульман»	356
<i>Приложение №11.</i> Списки потерь нижних чинов из числа татар и башкир 138-го Болховского пехотного полка в 1914–1917 гг. (погибшие, раненые, пропавшие без вести и попавшие в плен)	360
<i>Приложение №12.</i> Служебная записка Царевококшайского уездного воинского начальника в Куллекиминское волостное правление № 28162 от 19 декабря 1916 года о солдатах, пропавших без вести	387
<i>Приложение №13.</i> Стихи татарских поэтов, написанные в 1914–1917 гг.	387
<i>Приложение №14.</i> Из воспоминаний писателя Амирхана Еники о родных братьях отца – участниках Первой мировой войны	393
Список сокращений	395

ПРЕДИСЛОВИЕ

100-летие со дня начала Первой мировой войны и связанные с ним мероприятия дали новый импульс изучению истории этого эпохального события. Прошел целый ряд научных конференций, организованы выставки на основе архивных и музейных коллекций, опубликованы новые исследования, переизданы старые труды, сняты документальные и художественные киноленты. Все это обосновывается исторической памятью, призванной помнить о подвигах героев, о трудностях военных лет, о народном патриотизме. Несомненно, каждая война порождает своих героев, но потомки должны постигать не только героические страницы прошлого, а, прежде всего, осознавать последствия тех или иных событий, в особенности, трагедию войны. К сожалению, популяризация исторической памяти очень часто приводит к романтизации различных событий, в том числе и войн. Это мы видим на примере лубочных фильмов о Великой Отечественной войне, такого рода спекуляции не избежала и тема Первой мировой войны.

«...Долг историков состоит также в том, чтобы способствовать созданию механизма предотвращения войны. Это труднейшая, но решаемая задача», – пишет академик Ю.А.Поляков¹. Одним из способов осуществления этой задачи нам видится реконструкция реальной картины военных лет, без прикрас и романтики, со всеми фронтовыми и тыловыми ужасами, моральными и физическими тяготами, унижениями человеческого достоинства. И, конечно, очень ценно изучение судеб тех, кто в этих тяжелейших условиях сумел сохранить свой нравственный облик, проявил мужество и героизм, да и просто человеколюбие.

История Первой мировой войны, как в исторической памяти народа, так и в отечественной историографии долгое время занимала, пожалуй, одно из периферийных мест. К сожалению, первая половина XX столетия обрушила на головы россиян целый ряд трагедий, что в бесконечной череде потерь история этой войны как-то отступила на второй план. Юбилейные публикации первых десятилетий

---

¹ Мировые войны XX века: в 4 т. Кн.1. – М.: Наука, 2005. – С.11.

носили весьма тенденциозный характер¹. Конечно, не малую роль сыграла идеология нового советского государства, где было принято оценивать события 1914–1917 гг. лишь как абстрактную империалистическую войну, без привязки к героизму солдат, к патриотизму и благотворительной деятельности в тылу. А ведь на первых порах войны все это было характерно для российского общества, рост цен и социальной напряженности и, в конечном итоге, усталость от нескончаемой войны наступили позднее.

Новый виток в изучении истории Первой мировой войны начался на рубеже XX–XXI вв., со сменой научной парадигмы и открытием доступа к новым архивным данным². «Отечественные историки находятся в неоплатном долгу перед общественностью: судьбы миллионов российских солдат и офицеров, погибших в войне, и десятков тысяч русских граждан, волей случая оказавшихся за границей в результате войны и так и не сумевших вернуться домой, ждут своего освещения», – обозначил одно из исследовательских направлений академик Ю.А.Писарев в 1993 году³.

Кроме ввода в исторический оборот новых источников и документов по исследуемой теме, огромное значение в раскрытии существенных явлений Первой мировой войны в последние десятилетия имели публикации мемуаров и трудов крупных военачальников из числа эмигрантов – А.И.Деникина, Ю.Н.Данилова, П.Г.Курлова, А.С.Лукомского, а также политиков и дипломатов А.Ф.Керенского, В.Н.Кокорцова, П.Н.Милюкова, С.Д.Сазонова, Г.Н.Трубецкого и многих других. В этой связи следует особо выделить работу М.Португаль-

---

¹ Империалистическая война (к десятой годовщине). Материалы для рабочих, красноармейских и школьных клубов. – Л.: рабочее изд-во «Прибой», 1924. – 118 с.; Покровский М.Н. Империалистская война (1915–1930). Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 344 с.

² Виноградов В.Н. Еще раз о новых подходах к истории Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 1995. – №5. – С.62–74; Первая мировая война: Пролог 20 века. – М.: Наука, 1999. – 697 с.; Последняя война Российской империи = The Last War of the Russian Empire: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: материалы Международной научной конференции, Москва, 7–8 сентября 2004 года. – М.: Наука, 2006. – 386 с.

³ Писарев Ю.А. Новые подходы к изучению Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 1993. – №3. – С.56.

ского, П.Д.Алексеева и В.А.Рунова «Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников»¹.

Среди исследований характеризующих собственно военные вопросы исследуемой темы следует выделить работы Г.Л.Воскобойникова, Р.Н.Евдокимова, Д.В.Литвиненко, И.Н.Гребенкина и др., рассматривающих в своих трудах отдельные рода войск, военное управление и снабжение, а также командный состав русской армии в Первой мировой войне².

Из обобщающих исследований необходимо отметить коллективную работу «Мировые войны XX века» в четырех томах³. В первых двух томах данного труда в новом ракурсе рассмотрены актуальные вопросы Первой мировой войны, обобщены многочисленные исследования и опубликованы новые документы и материалы.

Кроме переосмысления причин войны, политики государства и тенденций развития социума на общероссийском уровне, особое внимание стало уделяться реконструкции событий на основе региональных материалов⁴.

---

¹ Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников. – М.: «Компания Арсенал-Пресс», 1994. – 400 с.

² Воскобойников Г.Л. Казачество в Первой мировой войне 1914–1918 годов. – М.: Издательство Российской киноvideокомпании, 1994. – 174 с.; Евдокимов Р.Н. Казачьи войска в условиях Первой мировой войны: кавказский фронт: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005. – 360 с.; Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945. Биографический справочник. – М.: Русский путь, 2007. – 676 с. Стрелянов (Калабухов) П.Н., Киреев Ф.С., Картагузов С.В. Кубанские, терские и уральские казаки в наступлении Юго-Западного фронта 1916 года. – М.: Рейтар, 2007. – 264 с.; Литвиненко Д.В. Деятельность военных органов управления России по развитию артиллерийского снабжения в годы Первой мировой войны: 1914–1918: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2009. – 251 с.; Гребенкин И.Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. – Рязань: Рязанский гос. ун-т, 2010. – 400 с.

³ Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк / Отв. ред. Г.Д.Шкундин. – М.: Наука, 2002. – 686 с.; Мировые войны XX века. Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы / Сост. А.П. Жилин; отв. ред. В.К. Шацилло. – М.: Наука, 2005. – 580 с.

⁴ Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 288 с.; Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). – М.: РОССПЭН, 2014. – 423 с. и др.

С этого времени характерными стали, например, диссертации связанные с деятельностью местных органов самоуправления в годы Первой мировой войны. Кроме того, активно стали изучаться различные сферы жизни общества (культура, повседневность и т.д.) военного периода¹. Наметилась даже отдельная научная дисциплина – военно-историческая антропология, ставящая во главу угла проблемы маленького человека, с его ментальными установками и переменами в сознании и поведении в условиях войны².

Однако рано еще говорить о полном раскрытии вопроса. Несмотря на большое количество современных работ, особенно диссертационных, охватывающих период 1914–1917 гг., не все из них отличаются объективностью. И дело даже не в добросовестности историков, а скорее в слепом следовании документам, которые и до революции отличались определенной тенденциозностью. Например, из-за огромной массы жандармских материалов, повествующих о мифических панисламистах, магометанское население во многих работах наивно представляется чуть ли не основной оппозиционной силой страны. Такого рода утверждения требуют перепроверки потому, что сообщения анонимных агентов жандармерии не могут доминировать над реальным героическим опытом всего народа, многие тысячи представителей которого пали на фронтах Первой мировой войны. И эти десятки тысяч людей навсегда остались в братских могилах Восточного и Кавказского фронтов, пополнив именные списки погибших и пропавших без вести, публиковавшихся в годы войны. И лишь часть вернулась домой с фронта и плена, в большинстве своем инвалидами.

Изучение истории татарского народа в годы Первой мировой войны имеет несколько особенностей. С одной стороны, история та-

---

¹ Хайрутдинова Д.Р. Культурная жизнь Казани в годы первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1997. – 218 с.; Абдрашитов Э.Е. Источники личного происхождения по истории российских военнопленных первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2003. – 285 с.; Терешина Е.П. Деятельность местного самоуправления в годы первой мировой войны (по материалам поволжской прессы // Вопросы истории. – 2004. – №10. – С.132–134; Она же. Периодическая печать и формирование общественного мнения в начале первой мировой войны // Научный Татарстан. – 2005. – №1/2. – С.126–132; Она же. Отношение населения Поволжья к первой мировой войне: (по материалам периодической печати 1914–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2005. – 252 с.

² Сенявская Е.С. История войн России XX века в человеческом измерении. Проблемы военно-исторической антропологии и психологии. – М., 2012. – 331 с.

тар этого периода – время наивысшего расцвета татарской культуры, в том числе и политической – достаточно активно исследована. Но тема Первой мировой войны проходит в них скорее фоном к событиям политического и культурного характера¹. Вероятно, это объясняется тем, что носителями идей национального прогресса являлись, в основном, представители буржуазии и интеллигенции, которых собственно материальные и другие тяготы войны коснулись в меньшей степени. Основную тяжесть мобилизации, человеческих потерь, роста цен взяли на себя преимущественно самые незащищенные слои населения. Их жизнь в контексте Первой мировой войны пока остается малоизученным вопросом, а имеющиеся ныне работы продолжают во многом традиции марксистской школы².

Собственно к теме Первой мировой войны в последнее десятилетие некоторые авторы обращались лишь в связи с вопросом о татарских военнопленных. Примечательно, что в таких исследованиях нередко вводятся в научный оборот новые источники. Эта тема раскрывалась и в статьях любителей истории, и профессиональных исследователей³. Большую научную работу на основе уникальных документов из немецких архивов провели И.А.Гилязов и Л.Р.Гатауллина. Их монография является единственным комплексным исследованием по этой проблеме⁴.

---

¹ Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления татарского общества в конце XVIII – в начале XX веков. – Казань, 2001. – 384 с.

² Румянцев Е.Д. Социально-экономическое положение и быт рабочего класса Поволжья в годы первой мировой войны. – Казань, 2002. – 103 с.

³ Ислаев Ф., Нәккаш Н. Солтангәрәй Хәбибуллин – беренче бөтендөнъя сугышы әсире // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2001. – №1/2. – С.152–157; Вәгыйзова В. Үлгәннәрнен дә кадәр бел // Татарстан. – 2006. – №9. – С.58–63; 2006. – №11. – С.40–41; 2007. – №2. – С.60–61; Мустафин Р. Черная трава Германии: забытая страничка истории // Татарстан. – 2006. – №7. – С.44–47; Список военнопленных татар, скончавшихся в годы первой мировой войны в немецком лагере для военнопленных Вюнсдорф и похороненных на кладбище Церендорф // Татарстан. – 2006. – №9. – С.67–68; Әхмәтжанов М. Әсир солдат бәете / Әхмәтжанов М. Мирас истәлекләре. – Казан, 2008. – С.128–148; Ислаев Ф. «Һәрбер фәндә маһир дә бул, шагыйрь дә бул...» (Беренче бөтендөнъя сугышы сәхифәләреннән) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2014. – №3/4. – С.226–235.

⁴ Гилязов И.А., Гатауллина Л.Р. Российские солдаты-мусульмане в германском плену в годы Первой мировой войны (1914–1920). – Казань: Татарское книжное издательство, 2014. – 303 с.

В последние годы все больше появляется публикаций о тыловой жизни татар в годы Первой мировой войны: о благотворительности, о настроениях общества, об участниках войны¹. Этот исследовательский интерес свидетельствует о том, что на сегодняшний день в истории Первой мировой войны остается много лакун и нужен обобщающий труд о жизни татарского народа в условиях военного времени.

Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Например, 10–11 октября 2014 года прошла Всероссийская научная конференция с международным участием «Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны», организованная Институтом истории им. Ш.Марджани АН РТ². Данное научное мероприятие стало первой конференцией в Татарстане, посвященной теме Первой мировой войны. Внушительная часть выступлений была посвящена истории мусульманских общин в годы войны. В частности, историки сумели представить картину восприятия войны и жизни в тылу основных татарских центров – Казани, Оренбурга, Астрахани, Вятки, Саратова, Уфы и других населенных пунктов. Ряд докладов был посвящен фронтовой жизни, героике и трагедии войны, в том числе военно-служащих из татар. Вместе с тем, остается еще много научных вопросов, которые требуют дальнейшего исследования.

* * *

Представленное вниманию читателей исследование было осуществлено в рамках государственной программы «Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан на 2014–2020 гг.».

Для изучения жизни и деятельности татарского народа в годы Первой мировой войны нами были привлечены, в первую очередь,

---

¹ Хайрутдинова Д.Р. Благотворительность и милосердие татарских женщин в годы Первой мировой войны // Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.): проблемы изучения. – Казань, 2008. – С.418–423; Тухватуллин А.Х. Настроения татарского населения города Казани в начале Первой мировой войны // Дискуссия. – 2013. – №9. – С.187–190.

² Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, приуроченной 100-летию начала войны (г.Казань, 10–11 октября 2014 г.) / Под общ. ред. Л.Р.Габдрафиковой. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. – 508 с.

неопубликованные источники из различных архивохранилищ страны: Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Национального архива Республики Татарстан (НА РТ), Центрального исторического архива Республики Башкортостан (ЦИА РБ), Государственного архива Республики Марий-Эл (ГАРМЭ), Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), Государственного архива Ульяновской области (ГАУО), Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО), Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПДРТ), Центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусств им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (ИЯЛИ АН РТ). Это различные циркуляры, переписки и отчеты, прошения, судебные материалы и т.д. Документы о Первой мировой войне отложились на самом первичном уровне органов власти – в многочисленных фондах волостных правлений: от списка мобилизованных солдат до заявлений о назначении пенсии уже вернувшимся с войны солдатам.

Более эмоциональный характер носят материалы периодической печати и источники личного происхождения (письма, дневники, воспоминания). В восстановлении событий военного времени определенную источниковедческую ценность представляют материалы татарского фольклора (баиты, пословицы, короткие песни), а так же авторской литературы 1914–1918 гг.

Серьезным подспорьем в исследовательской работе стали сборники документов, подготовленные в основном Архивной службой Республики Татарстан, в том числе еще в советское время¹. Много документов и статей, так или иначе затрагивающих проблемы Первой мировой войны, появилось в последние десятилетия и на страницах журнала «Гасырлар авазы = Эхо веков». Новые сборники документов и материалов были подготовлены учеными разных регионов

---

¹ Царская армия в период мировой войны и февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны) / Отв. ред. М.Вольфович, Е.Медведева. – Казань: Татиздат, 1932. – 239 с.; У милосердия древние корни (Благоворительность и милосердие в Казани в годы Первой мировой войны. 1914–1917). Сборник документов и материалов. Кн.2 / Научн. ред. Д.Р.Шарафутдинов. – Казань: Гасыр, 2003. – 208 с.

и в связи со 100-летием начала войны, в том числе в Волго-Уральском регионе¹. Таким образом, источниковедческая работа по выявлению документов военных лет продолжается и в настоящее время.

Современный мир и сегодня живет на грани: малейший военный конфликт может как вспыхнувшая спичка стать предвестником мирового пожара. Всматриваясь в документы столетней давности, мы невольно проводим параллели с днем сегодняшним и очень надеемся, что очередная книга о Первой мировой войне станет одним из кирпичиков в строительстве общемирового дома, без конфликтов и войн.

---

¹ Казанская губерния в период Первой мировой войны. Сборник документов и материалов / Под общ. ред. Д.И.Ибрагимова. – Казань: Главное архивное управление при Кабинете министров РТ, 2014. – 208 с.; Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914–1918. Сборник документов и материалов / Сост. Р.Н.Рахимов [и др.]. – Уфа: Китап, 2014. – 448 с.

ГЛАВА 1. НАЧАЛО ВОЙНЫ

1.1. Татарское общество накануне Первой мировой войны

К 1914 году татарский народ прошел сложнейшие этапы своего исторического развития: от «темных» веков после завоевания Казанского ханства, насильственной христианизации Нового времени и до культурного возрождения в начале XX столетия. Несмотря на «инородческий» и в большинстве своем «иноверческий» статус на рубеже XIX–XX вв. они довольно активно интегрировались в общероссийское культурное и социально-правовое пространство: добились заметных успехов в сфере предпринимательства, несли государственную службу, учились в гимназиях и университетах, служили в армии.

Например, накануне Первой мировой войны в рядах царской армии в качестве нижних чинов проходили службу 38 679 татар-мусульман (что составляло 3,1% от общего числа нижних чинов), среди 269 офицеров, исповедующих ислам, также большинство являлось татарами. Традиции военной службы насчитывали почти четыре столетия¹.

В силу исторических условий и национальных особенностей, в том числе, по экономическим соображениям, татарский народ был разбросан по территории практически всей Российской империи: от западных окраин до Сибири, от Архангельска до Туркестана. Где бы ни оказались татары, ядром их общины, фактором единства оставалась религия предков – ислам. Их фанатичная преданность своей вере помогла выжить и сохранить идентичность при меняющейся с каждой сменой правителя государственной политики России. Ислам, как часть повседневности татарского народа, выполнял, в зависимости от исторической эпохи, различные роли: охранительную – в XVI–XVIII вв., во второй половине XIX – в начале XX в. религия выступала в качестве катализатора буржуазных преобразований социально-экономиче-

---

¹ История татар с древнейших времен в семи томах. – Т.VII. – Казань, 2013. – С.196.

ского и культурного характера¹. Традиционными институтами мусульман большинства регионов России являлись махалля (община), медресе (конфессиональные учебные заведения), вакфы (имущество, переданное в дар обществу для благотворительных целей). С конца XVIII в. религиозная жизнь татар Центрального, Волго-Уральского регионов и Сибири регулировалась Оренбургским магометанским духовным собранием. На рубеже XIX–XX вв. в татарском обществе появились новые социальные институты: мусульманские благотворительные общества, мусульманские парламентарии, всероссийские мусульманские съезды². Таким образом, религия являлась одной из первооснов татарской частной и общественной жизни.

На рубеже XIX–XX веков для татарского сообщества символическую и фактическую объединительную функцию продолжала выполнять Казань и Казанский край. «Несмотря на отдаленность, поселенцы Кульджи жили в одном ритме с тем, что делалось на далекой родине, дыхание Казани чувствовалось и тут, – передает воспоминания предков, живших на российско-китайской границе в начале XX столетия, З.Рафикова. – Передовые люди Кульджи выписывали журналы, книги из Казани, учебные программы татарских школ были ориентированы на Казань»³. Для татарского народа Казань всегда оставалась исторической столицей, даже будучи губернским центром, она продолжала ассоциироваться с древним ханским городом. Столичное прошлое предопределило ее административные, экономические и культурные преимущества уже в имперский период. Расцвет татарской культурной жизни начала XX века во многом связан именно с Казанью.

Согласно переписи 1897 года татары проживали, в основном, на Европейской части России. Здесь их насчитывалось 3,7 млн. человек: 1,9 млн. мужчин и 1,8 млн. женщин. Надо отметить, что в это число не вошли 52 тыс. мещеряков (мишарей) и 118 тыс. тептярей, проживавших в Приуралье. Самым «татарским» оставался Волго-Уральский регион⁴.

¹ Мухаметшин Р.Ф. Татары и ислам в XX веке (Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана). – Казань: Изд-во «Фэн», 2003. – С.302–303.

² См. подробнее: Хабутдинов А.Ю. Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. – М.: Изд. дом «Марджани, 2013.

³ Мы из Китая. Сборник воспоминаний / Сост. Г.Т.Хайруллин, Г.Т.Исхаков. – Алматы, 1999. – С.93.

⁴ Население России в XX веке: в 3-х т. – Т.1. – М.: РОССПЭН, 2000. – С.18.

Основной сферой занятости большинства татарского населения оставалось сельское хозяйство, но вместе с тем характерной чертой наступившего XX века стала ускоренная урбанизация. По подсчетам А.Каппелера, среди татар и азербайджанцев степень урбанизации составляла 11,29%. Для сравнения доля урбанизации среди русских в этот период равнялась 15,86%¹. Татары, преимущественно малоземельные, приезжали на заработки в города, а вскоре обосновывались в них целыми семьями. Многие крестьяне занимались отходничеством и посреднической торговлей, так как выращенного урожая не хватало на прокорм семьи. Например, в татарском селе Старый Мостяк Хвалынского уезда Саратовской губернии на одного человека приходилось менее 1 десятины земли². Способствовала процессу оттока крестьянства из сел в города начавшаяся перед войной столыпинская аграрная реформа. Самые бедные слои крестьянства выходили из общины и выбирали наемную работу в качестве основного источника дохода.

В целом аграрная реформа в татарских деревнях реализовывалась с большим трудом: довольно сильными были общинные традиции землевладения, поэтому отрубные земельные наделы создавались не во всех обществах. Надо сказать, что «антиотрубные» бунты в татарских деревнях продолжались и в годы Первой мировой войны. До лета 1914 года в Казанской губернии отрубы появились лишь в 266 сельских общинах из 2,9 тысяч или около 9% сельских обществ. Более того, выход из общины деревенской бедноты стал одним из факторов укрепления сельского общества³, поиска новых форм ведения хозяйства.

Например, одним из характерных явлений начала XX столетия, в том числе в деревнях, стало открытие многочисленных мелкокредитных обществ. Среди татарского населения кооперативные объединения особенно активно организовывались в Белебеевском и Стерлита-

---

¹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / Пер. с нем. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – С.328.

² Рашитов Ф.А. Мостяк (1713–2013). Страницы истории татарского села. – Саратов, 2013. – С.84.

³ Зайнуллина Ф.Г., Шайдуллин Р.В. Татарское крестьянство Казанской губернии в период столыпинской аграрной реформы (1906–1914) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – Т.150, кн.1. – С.118.

макском уездах Уфимской губернии, Буинском уезде Симбирской губернии. Несмотря на существование проблемы рыбы (банковского процента) в системе традиционных исламских воззрений, в буржуазных условиях жизни татарское общество в большинстве своем приняло новые формы материального обеспечения¹. Мелкое кредитование крестьянских хозяйств оказывало положительное влияние на развитие деревни. Например, более находчивые хозяева в условиях малоземелья искали новые способы повышения урожайности, применяли различные сельскохозяйственные машины. Весьма характерно, что для населения организовывались просветительские лекции на сельскохозяйственные темы. Так, в 1912 году в «Мусульманское общество Симбирского уезда» устроило серию лекций о земледелии, которые читал специально приглашенный для этого агроном². Земскими службами выпускалась литература по аграрной проблематике, в том числе и на татарском языке. Все эти мероприятия и продукция, очевидно, пользовалась спросом у ряда крестьян. Некоторые из них переходили на рыночные культуры земледелия. Однако начавшаяся война оказала сильное влияние на прогрессивные начинания земледельцев. По данным Р.В.Шайдуллина, уже в первые годы войны произошло сокращение производства наиболее высокотоварных культур, начали больше сеять простые зерновые культуры – рожь, овес и просо³.

Заметным социальным явлением рубежа XIX–XX вв. стало татарское предпринимательство. Как уже было отмечено выше, посреднической торговлей повсеместно занимались как крестьяне, так и муллы сельских и городских приходов. Для них это являлось своеобразным приработком к основной статье доходов. Ведь коммерция издавна считалась одним из традиционных занятий татар. Но были и лица, для которых торговля превратилась в главное дело жизни. К началу XX века сформировалась своеобразная модель мусульманской экономики, со специфическими отраслями производства и направлениями торговли. Это касалось продуктов питания, одежды и

---

¹ Губайдуллин Л.И. Проблемы функционирования мелкокредитных товариществ в татарских деревнях в начале XX века (на материале татарских печатных изданий) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – Т.152, кн.3, ч.2. – С.32.

² Мир ислама. – СПб., 1912. – Т.1. – №2. – С.266.

³ Шайдуллин Р.В. Крестьянские хозяйства Татарстана: проблемы и пути их развития в 1920–1928 годах. – Казань: Фэн, 2000. – С.8.

обуви, печатного дела, сферы услуг. Например, по подсчетам Р.Р.Салихова, в Старотатарской и Новотатарской слободах г.Казани в 1914–1916 гг. функционировали около 500 татарских торгово-промышленных заведений с ежегодным оборотом в 19 000 000 рублей¹. «Татары, как народ, крепко держащийся своей религии, но еще крепче стремятся к развитию своего благосостояния, они гораздо менее философы, чем мы, гораздо «буржуазнее нас», – отмечал в 1914 году предводитель казанского и царевкошайского уездного дворянства А.Н.Боратынский².

Татарские купцы развивали свои коммерческие дела практически в любом городе Волго-Уральского региона (Оренбурге, Троицке, Уфе, Стерлитамаке, Перми, Екатеринбурге, Саратове, Астрахани, Самаре, Симбирске и т.д.), Центральной России (Санкт-Петербурге, Москве, Костроме, Касимове и т.д.) и Сибири. Безусловно, обороты предприятий татарских предпринимателей не могли сравниться с миллионными показателями крупных русских торговцев и промышленников. Однако у татарских товаропроизводителей и продавцов имелась своя целевая аудитория, чей покупательский спрос обеспечивал успешность микроэкономики мусульманских общин. При этом предпринимательство составляло небольшой процент от общего числа татарского населения, но, увлеченные идеями культурного развития и прогресса своего народа, они задавали тон всему населению и способствовали формированию сильных мусульманских общин в городах.

В начале XX века число городских татар увеличивалось, в основном, за счет притока трудового населения из сел и деревень. Например, в уездном городе Тетюши (Казанская губерния) в 1870-е годы было зарегистрировано 150 мусульман, а в 1915 году в нем проживало уже около 2 тысяч татар. И такой рост татарских общин наблюдался практически в каждом городе.

Татары-рабочие трудились на заводах и фабриках, в нефтяных промыслах Кавказа, на шахтах. Преимущественно бывшие крестьяне работали извозчиками, прислужгой, бурлаками, пополняли ряды старьевщиков и чернорабочих. По некоторым подсчетам, числен-

---

¹ Салихов Р.Р. Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX в. – Казань: изд-во «Фэн» АН РТ, 2004. – С.41.

² НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.949. Л.22.

ность татарского пролетариата в начале XX века составляла более 150 тысяч человек¹. Неслучайно, Х.Х.Хасанов сделал вывод о том, что в начале XX века сформировалась татарская буржуазная нация, т.е. со своим пролетариатом, имущим классом и т.д.²

Пожалуй, одним из ярких признаков буржуазной нации является создание городской культуры, которую можно рассматривать как некий социальный заказ. С конца XIX века татарское общество жило противоречивыми идеологическими спорами о кадимистах и джадидах. Последние привнесли заметные новшества в жизнь российских мусульман: медресе со звуковым методом обучения, с большим количеством светских предметов, благотворительные общества, широкую книгоиздательскую деятельность, в том числе выпуск газет и журналов на татарском языке. На этой просветительской волне сформировалось новое поколение молодых людей больше ориентированных на светскую культуру. Благодаря их усилиям бурно расцвела татарская художественная литература начала XX века: появилась реалистичная проза, новые формы в поэзии, национальная драматургия.

Одним из грандиозных явлений этого периода стали татарские театральные труппы. Все эти культурные новшества возникли лишь после 1905 года, но к началу Первой мировой войны успели завоевать свое место в повседневной жизни татар, став частью культуры досуга и свободного времяпрепровождения, а для небольшой прослойки людей и профессиональной деятельностью.

Эволюция татарского народа от замкнутого этнического сообщества к активной буржуазной нации особенно беспокоила царских чиновников в 1910-е годы. «Среди татар, уже давно развито в значительной мере производство различных промыслов и торговли, среди них найдется немало людей, достигших значительного материального благополучия; у них есть своя интеллигенция, своя печать и своя литература, — отмечал чиновник МВД Е.В.Менкин на заседании Особого совещания по мусульманским делам 29 апреля 1914 года. — И в то время, как среди мусульманских племен, не приобщившихся еще к благам современной культуры и европейского просвещения,

---

¹ Тагиров И.Р., Валеев Р.К. Общественно-политическая жизнь в первой четверти XX века // Материалы по истории татарского народа. — Казань, 1995. — С.389.

² Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. — С.287.

по-прежнему наблюдается исконная их преданность государству, трогательное обожание особы Государя императора и полное повиновение распоряжениям, исходящим от органов правительственной власти, среди мусульман, стоящих выше своих единоверцев, в смысле культурности и общего развития, явственно проявляется уже известный политический радикализм и стремление создать из разноплеменного мусульманского населения, на почве единства религии, одно неразрывное сплоченное целое – нацию (миллет)»¹. Однако исторически сложилось все ровно наоборот: миллет сформировался не на базе конфессионального единства, а на этнической основе.

В это время как никогда просвещенной частью татарского общества стала остро ощущаться собственная национальная идентичность, на это указывает своеобразный бум исторической литературы. Большинство татарских историков создавали свои труды еще до начала войны: Ш.Марджани, Х.-Г.Габяши, Х.Атласи и др. Симптоматично, что если в первых исторических трудах доминировал общемусульманский подход или же наблюдалось стремление охватить всю историю тюрков, то позднее более осмысленным становится дефиниция – история татар.

С 1883 года среди татар и всех российских мусульман большую просветительскую работу вел крымский татарин Исмаил Гаспринский, он же являлся идеологом пантюркизма, автором выражения «единство в языке, мыслях и делах». Но к началу XX века, возвращенные им, семена просвещения дали не только пантюркистские плоды: каждым народом все четче осознавалась собственная особость, определяемая языком, культурой и историей.

Великий романтик и неутомимый общественный деятель Исмаил Гаспринский скончался в сентябре 1914 года. С уходом Исмаила завершилась целая эпоха в татарской культуре. О болезни Исмаила Гаспринского знали многие и искренне переживали за его здоровье. К примеру, переехавший в конце 1913 года в Кульджу, Габдулла Буби писал о том, как по телеграфу узнавал о состоянии здоровья бахчисарайского издателя, но ответа никакого не было, и он очень переживал несколько дней. Гаспринский умер 12 сентября 1914 года.

---

¹ Особое совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы / Сост. И.К.Загидуллин. – Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. – С.39.

«Наконец и до нас дошли окрашенные чернилами черные номера этих газет. Стала понятна горькая действительность. Умер наш великий учитель, уважаемый Исмаил бек (...). Я объяснил своим ученикам, вначале в мужской школе, затем в женской, кем был Исмаил бек, что он сделал для нашей нации и для каждого из нас. Меня очень впечатлили слезы, брызнувшие из глаз безвинных детей. Я не выдержал и заплакал вместе с ними», – писал о своем горе Буби¹. Смерть Исмаила Гаспринского глубоко тронула всех представителей татарской культуры, да и вообще просвещенную часть мусульманского сообщества России. Его газета «Тарджеман», издававшаяся с 1883 года, действительно, перевернула сознание многих людей, и стала основным каналом распространения светской культуры среди широких слоев татарского населения.

Например, даже в том, что накануне войны за пределами Российской империи обучалось несколько десятков татарских студентов, была немалая заслуга Гаспринского. На протяжении нескольких десятилетий на страницах своей газеты он доказывал необходимость просвещения и подчеркивал престиж образования, в том числе и заграничного. В начале XX века татарские студенты получали образование в Париже, Женеве, Льеже, Лейпциге, Фрайбурге, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Вальпараисо, Токио, а также обучались в различных университетах и колледжах Турции, Египта и Сирии².

В августе 1914 года в газете «Вақыт» неоднократно появлялись заметки о льежских студентах. 24 августа газета сообщила о том, что в Бельгии взяты в плен российские студенты высших учебных заведений и направлены в германский город Аахен. Их насчитывалось 300 человек. Среди них были и сыновья издателей газеты – Мидхат Шакирович Рамеев и Гариф Закирович Рамеев. Мидхат учился в Бельгии с 1912 года, летом 1914 года поступил в тот же технический институт и его двоюродный брат Гариф. 27 августа в «Вақыте» появилась небольшая заметка о том, что Мидхат и Гариф Рамеевы с большими трудностями добрались до Стамбула. С ними были также Бадретдин Сайфульмулюков из Оренбурга и постоянный автор газе-

---

¹ Бертуган Бубыйлар һәм Иж-Бубый мәдрәсәсе. Тарихи-документаль жьентык. – Казан, 1999. – С.84–85.

² Амирханов Р.У. Система конфессионального образования у татар // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. – Казань, 2002. – С.153.

ты Галимджан Идриси¹. Не все студенты сумели вернуться домой, кто-то так и остался за границей. В числе вынужденных эмигрантов оказались сын и невестка известного троицкого богослова Зайнуллы Расулева. Накануне вступления Османской империи на войну, невзирая на начавшийся военный конфликт России с Германией, они отправились в хадж. Таких паломников в том году было немного. «В этом году число татарских хаджиев, ездивших в Мекку через Медину, не превышало 15–16 человек», – сообщала газета «Вакыт» 26 октября 1914 года. Абдулкадыр Расулев отправлялся в хадж с женой, с сыном и родственницей². В годы войны семья жила в Стамбуле. Там же в 1916 году у них родился еще один сын – будущий татарский писатель Атилла Расих. В Россию они вернулись после октябрьской революции, только в 1918 году.

Отправляясь в дальние путешествия, эти люди не могли никак предположить, что вскоре станут свидетелями мировой войны. Хотя, предчувствие кровавых сражений уже витало в обществе. Европа давно была беспокойной, например, в 1912–1913 годах прошли тяжелые Балканские войны, которые широко освещались на страницах многих татарских газет. Всех российских мусульман особенно волновало положение Османской империи. Специальными корреспондентами в Турции работали писатели-журналисты Фатих Карими («Вакыт») и Галиасгар Камал («Юлдуз»). Некоторые молодые люди и даже девушки отправились в Турцию добровольцами. Они работали санитарями и сестрами милосердия «Красного Полумесяца». Несмотря на искреннее религиозное сочувствие татар османам, по большому счету, для них эта была чужая война. Совсем скоро началась война другая, может быть, не вызвавшая каких-то религиозных чувств, но оторвавшая от семьи и дома, нарушившая устоявшийся уклад жизни.... Война в той или иной степени затронула весь татарский народ.

---

¹ Бертуган Рәмиевләр: Фәнни-биографик жыентык. – Казан, 2002. – Б.62–65, 136.

² НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.106. Л.51.

1.2. «Тяжелее смерти уходить на войну...»: военные мобилизации

«Защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. Мужское население без различия состояний, подлежит воинской повинности», – говорилось в статье 1-й Устава о воинской повинности 1874 года¹. Среди годных к службе 20-летних призывников поступление в армию решалось путем жеребьевки, жребий вынимался один раз за всю жизнь. Согласно вынумому номеру кто-то подлежал к призыву в постоянные войска, кого-то зачисляли в ополчение².

После вступления России в Первую мировую войну, призывались в армию, прежде всего, запасные солдаты. Присутствия по воинской повинности подразделяли мужское население страны, помимо отслуживших в армии солдат и новобранцев, на ратников 1 и 2 разрядов, т.е. на тех, кто по разным причинам, получил отсрочку от призыва. В случае войны, первый разряд предназначался для формирования особых ополченских частей, но мог быть использован и для укомплектования действующей армии. Второй разряд также состоял в ополчении, но должен был применяться в качестве рабочей силы или охраны в тылу. Эта система не для всех была понятной. По сообщению сотрудника Казанского губернского жандармского управления, во время первой июльской мобилизации, татары на Сенной площади Казани между собой обсуждали, прежде всего, губернаторское объявление о мобилизации ратников ополчения и возмущались «почему коротко и ясно не печатано»³.

Начало Первой мировой войны практически совпало с началом всеобщей плановой военной мобилизации во многих губерниях. Например, в Казанском военном округе она началась 18 июля. В дальнейшем в 1914 году внеплановых призывов было еще три: 20 сентября, 20 ноября и 30 декабря⁴.

---

¹ Устав о воинской повинности. – М., 1914. – С.7.

² Там же. С.9–10.

³ НА РГ. Ф.199. Оп.2. Д.1492. Л. 78об.

⁴ Обзор деятельности по Казанской губернии за первый год Великой Отечественной войны 1914–1915 гг. // Адрес-календарь и справочная книга Казанской губернии за 1916 год. – Казань, 1916. – С.V.

Только по Казанской губернии в 1914 году было призвано 12 123 новобранца. Эта была еще относительно незначительная цифра, т.к. в первое время брали молодых людей достигших законного 20-летнего возраста. Делалось это, главным образом, за счет призыва запасных чинов, которых в 1914 году было в 5 раз больше, чем новобранцев¹. Практически из каждой, даже небольшой деревни, уходили десятки и сотни взрослых, в основном, семейных мужчин. Например, только в июле 1914 года из одного Мамадышского уезда Казанской губернии было призвано 6000 запасных солдат². Военнообязанными нижними чинами в годы Первой мировой войны считались мужчины до 43 лет³. Генералы и штаб-офицеры запаса призывались до 55 лет, а обер-офицеры до 50 лет. Впрочем, для добровольцев, годных по состоянию здоровья, не было никаких возрастных ограничений⁴.

«Несчастные солдаты – запасные,/ все до единого сорока лет», – говорится в одном татарском баите. Есть среди них и сочиненные от лица самого запасного солдата, где отмечается о том, как «хуже смерти призываться во второй раз»⁵. В этом возрасте у многих мужчин имелись большие семьи, где наряду с детьми требовали заботы и их пожилые родители. «Карт солдатлар киткэн чакта жиллэр түгел, ил елый» (Когда старый солдат уходит на войну, плачет вся страна), – неслучайно акцентирует внимание на возрасте призывников ряд авторов⁶. «Солдатларның хатыннары кайсы авырый балага,/ Шул сәбәплә баралмады ирен озата калага» (У кого-то из солдат жены на сносях,/ не смогли даже проводить мужа до города), – продолжает тот же сочинитель. «Авыр түгел патшага өч ел хезмәт итүе,/ Жан бирүдән яман икән сугышларга китүе» (...Не трудно три года служить царю,/ тяжелее смерти уходить на войну)⁷.

---

¹ Казаков А.Е. Организация и проведение военной мобилизации в Российской империи в 1914 году (на примере Казанского военного округа) // Вестник СамГУ. – 2007. – №5/7 (59). – С.191–192.

² НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1492. Л.116.

³ Сенявская Е.С. История войн России XX века в человеческом измерении: проблемы военно-исторической антропологии и психологии. – М., 2012. – С.232.

⁴ НА РТ. Ф.420. Оп.1. Д.251. Л.61.

⁵ Татар халык ижаты. Бәетләр. – Казан, 1983. – Б.105.

⁶ Там же. С.85.

⁷ Татар халык ижаты. Бәетләр. – Казан, 1983. – Б.79.

По замечанию генерал-лейтенанта Н.Н.Головина, специфика российского военного законодательства заключалась в том, что в корне нарушался возрастной принцип призыва. Пока не были призваны все запасные чины (зачастую весьма зрелого возраста), самые боевые возрасты (20–29 летние) из 1 и 2 разрядов оставались в тылу. Они пополнили войска лишь в 1916 году. В результате, вместо 21-летнего сына уходил на войну 42-летний отец¹.

В общей сложности в ходе войны в России было мобилизовано 19 млн. человек (10,5% населения). Российская империя поражала воображение многих других стран своей многолюдностью. Для сравнения в Германии было призвано в войска 13,22 млн. человек (т.е. 19,7% всего населения), во Франции 6,8 млн. (17,2%), в Австро-Венгрии 9 млн. (17,3%), в Италии – 5,6 млн. (15,5%)².

Первые месяцы войны

Всего по Российской империи за первые месяцы войны было призвано 3 млн. 115 тысяч запасных солдат, в том числе из Казанского военного округа (куда входили 10 губерний) – более 640 тысяч запасных нижних чинов.

Во время мобилизации ежедневно на пристани и железнодорожный вокзал города Казани прибывали тысячи солдат из Вятской, Уфимской, Пермской губерний, а также из многочисленных уездов самой Казанской губернии, откуда они отправлялись дальше, на запад страны. Например, только 21 сентября 1914 года из одного Елабужского уезда Вятской губернии в Казань привезли 2836 запасных нижних чинов. В тот же день из Мензелинского уезда Уфимской губернии прибыло 1900 призывников, а из Сарапульского уезда Вятской губернии – еще 1000 запасных солдат³. Помимо пароходов и поездов, до промежуточных пунктов назначения мобилизованных отправляли на лошадях и подводах.

Видимо, обида запасных чинов за повторный призыв в армию, да еще и на войну, в этот период выражалась в агрессивном поведении некоторых призывников, иногда имели место даже погромы винных

---

¹ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. – Жуковский; М., 2001. – С.22–23.

² Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн.1. – М.: Наука, 2005. – С.505.

³ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1493. Л.108, 110.

лавок и других мест¹. Например, по данным Семеновой Е.Ю., «в ряде городов Поволжья призывники, в том числе вместе с частью местного населения, приняли участие в погромах винных лавок и продуктовых точек, сопровождавшихся столкновением с работниками правоохранительных структур». Такие беспорядки, например, произошли в июле 1914 г. в Бугульме Самарской губернии. При этом число призывников и прибывших их провожать родственников значительно превышало число жителей города². Пьяные погромы наблюдались и в других губерниях. Собственно именно они и стали одним из поводов к принятию «сухого закона». Однако знакомство с некоторыми документами показывает, что не всегда волнения солдат были обусловлены их нетрезвым состоянием.

23–25 июля 1914 г. мобилизованные крестьяне Чистопольского уезда Казанской губернии подожгли у помещика Лебедева три лесные караулки, больше десятка стогов сена, несколько участков леса. Усмирять тысячную толпу запасных нижних чинов, направлявшихся из Чистополя в Казань, пришлось с помощью военной стражи³. Причем помещик при желании мог бы избежать конфликта, если бы отреагировал на просьбу, призванных на войну, мужчин поделиться хлебом⁴. Они были озлобленными уже в самом Чистополе, где их продержали несколько дней. По некоторым данным в уездном городе собралось около 8000 призывников. Большим скоплением народа решили воспользоваться городские торговцы, и в эти дни резко выросла цена на хлеб. Вместо 4–5 копеек за фунт, он стоил уже 7 копеек. Одним из спекулянтов был назван торговец Е.Мясников, державший в городе до 30 булочных⁵. Категоричный отказ помещика Лебедева, очевидно, стал последней каплей для изможденных дорогой, голодных и эмоционально обессиленных запасных нижних чинов из Чистопольского уезда.

---

¹ Казаков А.Е. К вопросу об организации военной мобилизации в России в 1914 году // Новые российские гуманитарные исследования. – 2008. – №12.

² Семенова Е.Ю. Влияние мобилизации периода Первой мировой войны на настроения городского населения Поволжья // Вестник МГОУ. Серия «Исторические и политические науки». – 2011. – №2. – С.134.

³ Амирханов Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века. – Казань, 2005. – С.80.

⁴ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1493. Л.250.

⁵ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1492. Л.106.

В то же время и у помещика или его представителя на то были свои причины для отказа, через имение Лебедева в этот период каждый день проходили тысячные толпы запасных нижних чинов то из Чистопольского уезда, то из Лаишевского. И каждая партия солдат что-то требовала от помещиков. Причем их запросы могли быть весьма существенными. Так у управляющего соседним имением высокопоставленного чиновника Нератова они потребовали 1000 рублей. Испугавшись, что солдаты запросто могут поджечь имение, управляющий Митягин отдал им 300 рублей. Пока он искал деньги, возбужденные запасные успели выбить стекла в барском доме. Подобные требования солдаты предъявляли в каждом имении и таким образом собирали суммы от 15 до 1000 рублей. Как правило, самих владельцев помещичьих угодий в это время не было на месте, откупались от солдат их управляющие¹. А некоторые, как служащие Лебедева и других скупых помещиков, пытались сохранить имущества хозяев, отказав солдатам в грубой форме.

Весьма любопытен комментарий сопровождающего обоз запасных нижних чинов, принявшего участие в подавлении их бунта, подполковника отдельного корпуса жандармов Субботина. Он оправдывал поведение солдат тем, что отношение к ним со стороны помещиков было, действительно, довольно неуважительным, например, там, где они останавливались на постой, их кормили «какой-то бурдой и варили им суп из одной воды и картошки». «Что же касается запасных нижних чинов, то ни один из них не был пьян и своих неувольствий, что идут на войну не произносили, а просто вовсе были озлоблены и обижены тем обстоятельством, что их, воинов, идущих проливать кровь за Царя и Родину так не радушно встречают свои же русские на Родине, – заключал подполковник Субботин, – Если 9 человек из числа 3000 человек и совершили преступление, ограбив упомянутых управляющих Прокурора Казанской Судебной палаты г.Бальца, то это видимо и по натуре своей они были и раньше скверные люди и воры»².

Впрочем, пострадавший прокурор и помещик Тиле, у которого судебный чиновник снимал дачу, думали иначе. Нижних чинов корпусного продовольственного транспорта 16 армейского корпуса

---

¹ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1493. Л.249об.

² Там же. Л.251об.

Н.Шевелева, М.Макарова, Д.Барсова, Е.Федорова, Л.Петрова, К.Стеблева, Р.Незаметдинова и М.Хуснутдинова в сентябре 1914 года судили в Казанском военно-окружном суде. Их обвиняли в нападении на имение и похищении 140 рублей. В результате все они были исключены из военной службы и приговорены к каторжным работам на разные сроки от 12 до 15 лет¹.

Вообще для большинства крестьян в первые месяцы войны гораздо важнее было не выражение своих патриотических чувств, а вопрос о том, как собрать урожай. Возможно, поэтому не все запасные солдаты отреагировали на объявленную мобилизацию своевременно. Некоторые являлись с опозданием. Конечно, были и те, кто предпочитал скрываться. Летом 1914 года 24 запасных нижних чинов из Куллекиминской волости Царевококшайского уезда Казанской губернии не пришли на призывные пункты: из них половина все же присоединилась к солдатским рядам чуть позднее, а другая половина «отлучилась без заявления», т.е. уехала без предупреждения волостного правления².

Неслучайно, именно в крестьянской среде в это время довольно распространенными были обвинения в «произнесении дерзостных слов» в адрес императора. В Казанской судебной палате рассматривалось немало таких дел «об оскорблении Его Величества»³. Такой ярлык вешался практически всем, кто так или иначе сопротивлялся (например, критиковал) мобилизации или же сбору средств. Практически от каждой крестьянской семьи кого-то забирали, солдата надо было собрать на дорогу (подготовить ему одежду, еду, найти деньги). Помимо этого сельских старост обязали организовать сбор денег с сельчан для мобилизованных запасных чинов, что ложилось дополнительным грузом на тех, кто и так уже на последние деньги отправлял мужа, брата или сына на войну. Причем для старосты не имело значения, у кого есть в семье призывник, у кого нет. Для него самым главным было лишь выполнить указание волостного начальства, без

---

¹ Там же. Л.254.

² ГАРМЭ. Ф.119. Оп.1. Д.463. Л.66–67.

³ Царская армия в период мировой войны и февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны) / Отв. ред. М.Вольфович, Е.Медведева. – Казань: Татиздат, 1932. – С.180.

оглядки на частные обстоятельства. Такие ситуации порождали новые конфликты¹, которых и без этого возникало достаточно.

Доносительство в годы войны являлось, во многом, продолжением межличностных конфликтов, которые имели место и в мирное время. Но в этот период, когда все правоохранительные органы были сконцентрированы на поиске внутренних шпионов, любые бытовые высказывания могли быть использованы против человека и судебный процесс запускался в очень короткие сроки.

Лето 1914 года оказалось тяжелым, как раз на период жатвы пришелся и священный месяц Рамадан. Во время поста правоверные отказывались днем не только от еды, но и от многого другого. Светлыми должны были быть мысли и слова человека. Конечно, призыв на войну именно в этот месяц стал тяжелым испытанием во всех смыслах, и физически, и морально. Вероятно, не случайно, практически в каждом татарском баите обязательно указывается о том, что начало войны совпало со священным месяцем. «Не смогли мы с радостью прожить месяц Рамадан,/ Суждено ли нам увидеть еще два гаита»,² (гаит – праздник, два праздника – Курбан и Рамадан – *прим. авт.*). «Запасные мусульмане горюют, что не могут исполнять уразупост», – сообщалось и в июльских номерах татарских газет³. В некоторых местностях солдатам-призывникам давали возможность исполнять свои религиозные обряды. Например, в Вятской губернии во время летней кампании 1914 года власти освобождали мобилизованных мусульман от занятий по военной подготовке и отпускали их в мечеть для совершения намаза⁴.

После отправки первых партий призывников, уже наступила вторая мобилизация – 20 сентября. Воинскими присутствиями в спешном порядке готовились все новые и новые списки новобранцев и запасных солдат. За этой бумажной волокитой скрывались судьбы реальных людей, ведь именно в призывных пунктах решался вопрос о том, кому предоставлять льготы, кто станет «белобилетником», а

---

¹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.5759. Л.1.

² Татар халык ижаты... С.107.

³ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6188. Л.126об.

⁴ Казаковцев С.В. Мобилизация людских и материальных ресурсов в Вятской губернии в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. – Киров, 2007. – С.32.

кому все-таки предстоит отправиться на войну. «Заботы имамов увеличились. В связи с войной им в несколько раз больше приходится сдавать метрические выписки, разные справки», – писал о повседневности мулл ахун Гиниятулла Гиззатуллин в 1914 году¹.

До конца же 1914 года призывников набирали еще два раза: 20 ноября и 30 декабря. То есть многие семьи жили в постоянном ожидании, что кого-то скоро заберут: мужа, брата, отца. Нервная военная обстановка приводила к тому, что некоторые люди пытались, воспользовавшись обстоятельствами, свести счеты со старыми недругами. Любое высказывание можно было интерпретировать как проявление неуважения к царю, как антипатриотичный настрой, как отказ участвовать в нуждах войны и т.д.

Например, под такой водоворот попал в октябре 1914 года крестьянин д.Большие Янасалы Тетюшского уезда Залялетдин Шарафутдинов. Его также обвинили в произнесении оскорбительных выражений против царя и в призыве односельчан не делать пожертвования в пользу Красного Креста. Написал заявление на Шарафутдинова его односельчанин крестьянин Шайдулла Ягафаров. Все началось с сельского схода в августе 1914 года, где было объявлено о необходимости собрать средства в пользу Красного Креста. Конечно же, не у всех деревенских жителей имелись денежные средства, и такой призыв для семей, где каждая копейка была на счету, стало тяжелым обязательством. Кто-то промолчал, а кто-то выразил и свое мнение на этот счет. Одним из таких людей и оказался Залялетдин Шарафутдинов, отец пятерых малолетних детей, содержащий к тому же престарелых родителей и проводивший уже своего младшего брата на фронт. Вместо сбора средств с малоимущих крестьян, он предложил обратиться сельской общине за помощью к более богатым людям. Однако его небольшая реплика «если у царя денег нет, то не надо было и войны затевать» стало поводом к написанию доноса. В прошении Ш.Ягафарова уже говорилось о том, что прозвучали более резкие «не дадим ни копейки, если денег нет у Царя, зачем воевать, когда денег нет, а кто Его заставил воевать, черт что ли. Неужели он надеется на крестьян, у нас у крестьян и так по горло долгов». В ходе расследования были опрошены местный почетный ахун Мухамет-Зариф Галиакберов, еще восемь крестьян, а также присутствовавшие

---

¹ НА РТ. Ф.969. Оп.1. Д.46. Л.8об.

на сходе полицейский урядник и полицейский стражник. Конечно, при желании они могли и подтвердить слова Ягафарова, тем более что он передал общий смысл слов своего противника лишь в более ярких красках. Но большинство деревенских жителей подтвердили, что таким образом Ягафаров, как человек «кляузный» решил отомстить, просто «давно имел ссору с Залялетдином Шарафутдиновым»¹. Несмотря на сплоченность сельской общины, и ходатайство казанской жандармерии о прекращении дела, губернатор решил иначе, и 11 декабря 1914 года постановил запретить «неблагонадежному» крестьянину проживать в своей деревне и вообще в пределах Казанской губернии, пока она находится «на положение чрезвычайной охраны»². То есть до окончания войны.

З.Шарафутдинов избрал местом жительства г.Симбирск и по документам волостного управы выбыл туда 22 декабря того же года. Планировал он разместиться в чайном заведении Ахметзяна Мухамет Ильязова на Молочной улице³. Однако до Симбирска Залялетдин так и не доехал, по крайней мере, симбирская жандармерия не подтвердила его прибытие. В это время отец его – 80-летний Шарафутдин Хайбуллин подал прошение казанскому губернатору с просьбой вернуть сына обратно в деревню Большие Янасалы. Он писал о том, что у него на руках осталась невестка Сахип-Зямал с пятью малолетними детьми, 70-летняя старуха-жена, а «другой сын Минвалей призван на военную службу и служит в Спасском полку и уже несколько раз участвовал в боях под Варшавой», о невозможности вести самостоятельно свое хозяйство, и прогнозировал неминуемое разорение⁴. Очевидно, не малую роль сыграло то, что один из членов этой семьи был солдатом действующей армии и лишь 23 февраля 1915 года Залялетдину Шарафутдинову разрешили вернуться в родную деревню⁵.

Иногда такое доносительство выходило непреднамеренно, а лишь когда человека трогали за живое, оскорбляли не только царя, но и близких ему людей. Например, семьи, которые проводили на войну сыновей и мужей, очень гордились их военной службой. В ря-

---

¹ НА РГ. Ф.1. Оп.4. Д.5777. Л.24–24об.

² Там же. Л.37.

³ НА РГ. Ф.1. Оп.4. Д.5777. Л.51.

⁴ Там же. Л.42.

⁵ Там же. Л.47.

довом конфликте двух сельчан – жителей Лаишевского уезда – в сентябре 1914 года один из них Шамсутдин Якшибаев с гордостью заявил: «у меня на войне два сына служат царю», в ответ со стороны Валимухамета Ахметсафина последовал мат как в адрес царя, так в адрес сыновей Якшибаева. Оскорбленный отец написал жалобу на него уездному исправнику¹.

При этом на страницах татарских газет в это время постоянно велась агитация в поддержку войны и добровольческого движения. «Доблесть, выказанная 400 тысячами людьми, поднимет безупречность и почесть 20 миллионов мусульман, как перед правительством, так и перед народом. Кто может сомневаться в том, что это будет иметь для нас религиозное и национальное значение. А поэтому доблесть наших героев является полезным и в то же время почетным делом», – писал в пафосном тоне редактор газеты «Юлдуз» Ахметхади Максуди 30 ноября 1914 года². Интересно, что случаи добровольного ухода на фронт были и в конце 1915 года, когда повсеместно стих патриотический пыл. «За неимением средств помогать армии не могу. А потому имею честь изъявить свое желание поступить в военную службу в качестве добровольца», – говорилось в прошении крестьянина Глазовского уезда Вятской губернии Сафиуллы Касимова на имя вятского губернатора, датированное октябрём 1915 года³.

Однако в подавляющем большинстве случаев солдатская служба не пользовалась особым уважением. Тем более неким отклонением от нормы считалась и добровольная служба человека. Например, в марте 1915 года на улице деревни Баскан Нижне-Сунской волости Мамадышского уезда крестьянин Абуталип Якупов оскорбил своего односельчанина, вернувшегося с войны – Гиниатуллу Шарафутдинова. Бывшего солдата он упрекнул в том, что тот пошел на войну добровольцем. «Не захотел ты жить по Божьему, как все мы живем, пошел добровольцем, пришел калекой...», – сказал инвалиду его молодой односельчанин, не преминув воспользоваться также и нецензур-

---

¹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.5773. Л.1.

² НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6188. Л.185.

³ Рафиков А.М. Татары Вятской губернии в годы Первой мировой войны // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, приуроченной 100-летию начала войны (10–11 октября 2014 г.). – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. – С.413.

ной лексикой. Несмотря на то, что потом Якупов отрицал свои слова, его арестовали на 10 дней. Поводом стало не столько оскорбление односельчанина, а реплика, отпущенная в адрес императора¹.

Добровольно ли ушел человек на фронт или отправился вынужденно, следуя своему гражданскому долгу, служба в армии и участие на войне возвышали его над общей массой тылового населения. Война меняла как психологию человека и его мировосприятие, так и отношение к нему со стороны других людей.

Льготы для инородцев

Из-за начавшейся войны некоторые мусульманские приходы остались без своих мулл и мугаллимов. По своим сословным званиям они принадлежали, в основном, к тем же крестьянам и мещанам, поэтому у них не было особых льгот как у духовных лиц. Хотя с 1912 года, благодаря стараниям мусульманских депутатов Государственной думы, магометанское духовенство все же освобождалось от военного призыва. Однако к началу Первой мировой войны законодательное нововведение многими воинскими начальниками попросту игнорировалось, они либо не знали об этих тонкостях, либо придумывали собственные толкования. Например, призывали тех, кто вступил в должность муллы до 1912 года, и оставляли молодых мулл, пришедших к духовной службе после принятия нового закона. «Многие запасные муллы обращались по этому поводу в духовное собрание, но последнее, не смотря на оплаченные ответы телеграмм, отвечает неохотно», – отмечал Габдельбари Батталов в статье «Муллы и воинская повинность», опубликованной в газете «Юлдуз» 27 июля 1914 года².

Но были и исключения, когда благодаря своей настойчивости и правовой подкованности, некоторые муллы все же сумели воспользоваться льготами. Например, Фатих Сайфи, сообщая об июльской мобилизации в Чистополе, писал о том, что запасных мулл освободили от службы³. Эти льготы касались и муэдзинов, но на деле они чаще всего призывались в армию. Так как перед получением должности в приходе, они не всегда сдавали экзамены в Оренбургском

¹ НА РГ. Ф.41. Оп.2. Д.3259. Л.3, 17.

² НА РГ. Ф.1. Оп.4. Д.6188. Л.104.

³ Там же. Л.126.

магометанском духовном собрании, а ограничивались приговором общества.

Например, в апреле 1915 года призвали на действительную службу муэдзина мечети при Алафузовской фабрике в Казани – крестьянина д. Казыевой Тетюшского уезда Казанской губернии Нурулислама Идиатуллина. Выборные от прихожан, «мусульманских служащих Казанской фабрики торгово-промышленного товарищества Алафузовских фабрик и заводов» в мае того же года обратились с прошением к командующему войсками Казанского военного округа с ходатайством о возвращении Идиатуллина с воинской службы. Они попытались обосновать необходимость утверждения в махаллю муэдзина наличием большого количества мусульман на фабрике (почти 900 человек), обслуживавших нужды армии. Однако губернские власти ответили отказом¹.

Не все муллы спешили воспользоваться предоставленной отсрочкой от службы. Например, в январе 1916 года имам мечети в Адмиралтейской слободе г. Казани – 26-летний Исмагил Габитов попросил командировать его в действующую армию в качестве военного муллы. Он был выходцем из крестьян Больше-Янасальской волости Тетюшского уезда Казанской губернии и являлся ратником 2-го разряда 1912 года, и как имам, был освобожден от призыва. С учетом его добровольного желания, магометанского образования и знания русского языка в Казанском полицейском управлении вынесли вердикт, что имам Исмагил Габитов вполне подходит к военной службе². Ушел в армию в качестве военного муллы сотрудник оренбургской газеты «Вақыт», ближайший помощник Фатиха Карими – Абдурахман Фахретдинов³.

Конечно, льготами пытались воспользоваться и лица, не имеющие отношения к духовной службе. Муллы порой ставили на должность муэдзинов своих сыновей призывного возраста. Подобные злоупотребления иногда касались и высших духовных лиц. Например, казый Оренбургского магометанского духовного собрания Гиниятулла Капкаев, заручившись поддержкой нового муфтия Баязитова, в сентябре 1915 года обратился в Департамент духовных дел ино-

---

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 9614.

² НА РТ. Ф.482. Оп.1. Д.20. Л.64–66.

³ ГАОО. Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.203об.

странных исповеданий МВД с просьбой освободить единственного сына Мухаммеда-Гарифа Капкаева от военной службы и назначить военным муллой в уфимском гарнизоне. Однако в ходе проверки выяснилось, что молодому человеку всего 20 лет, что не соответствовало льготному возрастному цензу¹.

Вместе с муллами забирали на войну и мугаллимов – преподавателей медресе. Например, в 1914 году был мобилизован талантливый преподаватель уфимского медресе «Галия» Хабиб Зайни. Он получил образование в Стамбуле в 1908–1912 гг. на биогеографическом факультете местного университета. Помимо биологии и географии в медресе молодой преподаватель вел и факультативы по физкультуре. Для мусульманских конфессиональных училищ это было весьма прогрессивным явлением. Однако уже через два года мугаллима призывают в армию, где его зачислили в военное училище. Хабиба Зайни готовили к должности военного переводчика с турецкого языка, кроме училища, он проходил обучение и на офицерских курсах в Одессе. Но после их ликвидации в 1917 году его отправляют на фронт, начальником заставы 3-го полка 3-й армии. Некоторое время Х.Зайни являлся редактором фронтовой газеты «Голос 3-й армии»².

Мугаллимов в армии, вероятно, было немало. Так как долгое время они не пользовались особыми льготами. Поэтому некоторые татарские школы при мечетях были под угрозой закрытия. Неслучайно, в своей статье, опубликованной в газете «Иль» 21 августа 1914 года, писатель Гаяз Исхаки призывал подключиться к педагогической работе представительниц прекрасного пола. В связи с уходом отцов на войну и ухудшением материального положения некоторых семей, актуальным становился и вопрос о содержании приходских школ, ведь они существовали, главным образом, за счет средств самих учеников. Литератор советовал татарским учительницам обращаться за материальной поддержкой к местным земским и городским управам, чтобы именно они обеспечивали содержание мусуль-

---

¹ Наганова Н. Мусульманское сообщество в условиях мобилизации: участие волго-уральских мусульман в войнах последнего десятилетия существования Российской империи // Волго-Уральский регион в имперском пространстве: XVIII–XX вв. – М.: Вост. лит., 2011. – С.213–214.

² ЦИА РБ. Ф.Р–4767. Оп.1. Д.2. Л.182; Абубакирова М., Шамсутдинов И., Хасанжанова Р. Историю оставить народу своему. – Троицк, 2002. – С.110–111.

манских учебных заведений¹. Наряду с мугаллимами татарских медресе, призывались на войну и учителя русско-татарских земских школ. В 1915 году эту ситуацию изобразил в автобиографическом рассказе «Ирхан учитель» писатель Файзи Валиев, где герой – сельский учитель оторван войной от любимого дела, школы и учеников². Отсрочка преподавателям мусульманских школ была предоставлена лишь 6 октября 1916 года. Однако под эту категорию попадали только те, кому исполнилось 40 лет и вступившие в должность учителя до 4 июля 1916 года. Один из мусульманских депутатов Государственной думы Г.Х.Еникеев (от Уфимской губернии) выступил с инициативой о необходимости изменений в данный закон, но его попытки оказались безрезультатны³. Однако уже в 1917 году, во время действия Временного правительства мугаллимы мектебов получали освобождение от военной службы. В фонде Оренбургского магометанского духовного собрания сохранились справки выданные учителям конфессиональных школ из различных регионов страны⁴.

На войну в это время призывались и представители интеллигенции, и студенты. Например, в 1914 году ушли на войну студенты Московского коммерческого института Мухамметгалим Биюшев, М.-Саит Дибирдиев, Мустафа Шакулов. В этом учебном заведении обучались преимущественно купеческие дети. В том же году ушел на войну окончивший Уфимский учительский институт Гали Еникеев⁵. Среди учащейся молодежи было немало тех, кто ушли на войну по собственному желанию. Несмотря на имеющиеся учебные льготы, они становились добровольцами. Это были молодые люди другого склада ума, для которых первостепенным был не вопрос о личной безопасности, а более широкие помыслы. Например, «для молодых людей характерны динамизм... большая склонность к риску и пренебрежение опасностью», – отмечает специалист по военно-истори-

---

¹ Исхакий Г. Эсэрләр: унбиш томда. – Т.6. – Казан, 2005. – Б.311–312.

² Гайнуллин М. Татарская литература и публицистика в начале XX века. Изд. 2-е, доп. – Казань, 1983. – С.235.

³ Саматова Ч.Х. Имперская власть и татарская школа во второй половине XIX – начале XX века. – Казань, 2013. – С.76.

⁴ ЦИА РБ. Ф.И–295. Оп.6. Д.4245. Л.4–6.

⁵ Рәми И., Даутова Р. Әдәби сүзлек (элекке чор татар әдәбияты һәм мәдәнияте буенча кыскача белешмәлек). – Казан, 2001. – Б.352–353.

ческой антропологии Е.С.Сенявская¹. Поэтому призыв защитить родину, помочь ей в трудную минуту любыми силами и средствами, подействовал, в первую очередь, на татарских юношей и даже девушек. Именно молодые люди в первые месяцы войны записывались добровольцами.

Газета «Казанский телеграф» 29 июля 1914 г. сообщила о том, что три ученика старшего выпускного класса, в возрасте 19–20 лет, Казанской татарской учительской школы, изъявили желание поступить добровольцами в войска². Это были Лутфулла Аделов, Мирсаид Камалетдинов, Ярулла Мухамедгалеев, они поступили на службу в сентябре 1914 года³. Добровольно ушла сестрой милосердия студентка Строгановского училища Хадича Акчурина. На фронте она пропала без вести.

*«Самые несчастные из людей называются солдатами...»:
продолжение мобилизации*

Солдаты и до войны считались людьми обреченными, которые возможно уже не вернутся обратно домой, их провожали как в последний путь. «Татарин весьма боится военной службы и в своих песнях сравнивает её почти со смертью. Такая боязнь военицины является, вероятно, пережитком тех времен, когда взятые в солдаты всю жизнь должны были оставаться на службе, и еще недавно /в прошлом столетии/ служба продолжалась 25 лет, так что люди, отправлявшиеся на службу молодыми, возвращались уже стариками», – отмечал Гали Рахим⁴. По замечанию казанского врача Алексея Сухарева (некоторое время работал лекарем в Казанской татарской учительской школе – *прим. авт.*), татары стараются избежать воинской повинности из-за религиозных убеждений, невозможности соблюдать пост, войн с единоверцами. Поэтому пользовались «симуляцией и даже членовредительством», одной из распространенных практик было «истощение»⁵. Накануне Первой мировой войны про-

¹ Сенявская Е.С. Указ. соч. С.230.

² Казанский телеграф. – 1914. – 29 июля. – №6348.

³ Казанская татарская учительская школа 1876–1917 гг. Сборник документов и материалов. – Казань, 2005. – С.215.

⁴ ИЯЛИ АН РТ. Ф.58. Оп.3. Д.1. Л.81.

⁵ Сухарев А. Казанские татары (уезд Казанский). – СПб., 1904. – С.75.

блему нерелигиозного поста («сэхәрсеэз руза») поднял в романе «Молодые сердца» писатель Галимджан Ибрагимов. Это произведение было опубликовано в 1912 году. Между тем, начавшаяся война еще более укрепило отношение к призывникам, как к обреченным смертникам. «Кешеләрнең бәхетсезе солдат исемен ала» (Самые несчастные из людей называются солдатами) говорилось в одной из сочиненных в эти годы народных песен¹.

Для рекрутов-татар служба в российской армии была тяжелым испытанием не только из-за военных действий, но и по морально-бытовым соображениям, которые обуславливались их религиозным менталитетом². Их отталкивала, в частности, иноверная еда, непривычная форма одежды, другая языковая среда. В армии очень сильно была развита дискриминация по национально-религиозному признаку.

Однако имеющееся место негативное отношение не отменяло собственно самой службы. Татары, в отличие от некоторых других мусульманских народов империи, имели многовековые традиции служения Отечеству. «Основание для определения отношения мусульман к настоящей войне вытекает из старых традиций, которые заключаются в том, что мусульмане, сражаясь за Россию с ее врагами, всегда проливали кровь одинаково и наравне с коренным населением», – отмечал в своем докладе в заседании Государственной думы 27 января 1915 года депутат Кутлугмухамед Тевкелев³.

В армию продолжали набирать и новобранцев, и запасных нижних чинов, и ратников. Причем с каждым месяцем войны и тыловое население погружалось в ужасы войны. В города постоянно прибывали пароходы и поезда с ранеными и больными солдатами. Если вначале первые санитарные поезда встречали толпы местных жителей, раненым предлагали хлеб и папиросы⁴, то постепенно это становилось частью повседневности. Несмотря на надзор цензуры до родственников доходили солдатские письма с описаниями фронтовой жизни.

---

¹ Татар халык ыжаты. Бәетләр. – Казан, 1983. – Б.77.

² См. подробнее: Габдрафикова Л.Р., Салихов Р.Р. Военная повседневность в татарских байтах // Филология и культура. Philology and Culture. – 2012. – №4. – С.305–308.

³ Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. Сборник документов и материалов / Сост. Л.А.Ямаева. – Уфа, 1998. – С.256.

⁴ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1493. Л.1.

«У счастливых людей из 3–4 сыновей ни один не бывает солдатом, а мы несчастные из 4 братьев трое стали солдатами (...),–писал из Гатчинского полка 11 марта 1915 года некий Закир своим родственникам, далее он давал совет матери и сестре по поводу младшего брата, – Возьмите да отрубите, хотя бы и кричал, два пальца у Галима. Если бы я избавился от рук неверных, я даже одну руку отрезал бы у Галимуллы, чтобы не дать ему испытать нужду»¹.

К 1915 году очень многие семьи уже потеряли сыновей, отцов и мужей. Они либо были убиты, либо от них долгое время не приходило вообще никаких вестей. Война разделила жизнь людей на «до» и «после», пройдя по человеческим судьбам, словно бездушный танк, громящий все на своем пути. Хотя, конечно, в начале военных событий мало кто осознавал весь масштаб начавшейся катастрофы.

В это время были призваны в войска не только новобранцы, запасные нижние чины и офицеры, но и люди особых профессий: врачи, ветеринары и фармацевты. Врачей-мусульман в эти годы практически не было, поэтому единоверцы с медицинским образованием очень высоко ценились в татарском обществе. Например, даже в 1912 году среди 199 врачей, проживающих в Казани, не было ни одного мусульманина². Лишь в 1913 году в Ново-татарской слободе начал практиковать Исмагил-доктор, который впоследствии получил широкую известность в городе. Сын казанского купца М-Ю.Усманова после окончания медресе «Касимия» и реального училища вначале работал ветеринаром, потом получил диплом медицинского факультета Казанского университета. Работал молодой доктор в университетской клинике и вел частную практику по месту жительства. Его супруга Гульганбар Ижбирдеева была сестрой милосердия. Очевидно, его услугами пользовались не только жители Ново-татарской слободы, но и из других районов города. Богатые люди, даже после консультаций профессоров, шли узнать, а что скажет Исмагил-доктор. У татар особое доверие вызывали все-таки представители своей веры, врачи-мусульмане. Но с началом Первой мировой войны и купеческого сына, врача Исмагила Усманова призвали в войска.

---

¹ Царская армия в период мировой войны и февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). – Казань, 1932. – С.188.

² НА РТ. Ф.482. Оп.1. Д.15. Л.4–37.

Всю мировую войну он провел в военных госпиталях, выезжал и в районы боевых действий. Рядом с ним делила тяготы и ужасы войны жена – сестра милосердия Г.Ижбирдаева¹. Земский врач из Казанской губернии Мухамедхан Кулаев (родился в 1873 г. в Оренбургской губернии) в годы Первой мировой войны служил главным врачом полевого госпиталя на Юго-Западном фронте. После войны он вернулся в Казань и работал в туберкулезном диспансере².

В 1915–1916 гг. было объявлено еще 12 мобилизаций, каждый год по шесть раз. Иногда призыв продолжался практически непрерывно по три месяца, так было и осенью 1915 года, и осенью следующего 1916-го. Если в первый год брали запасных нижних чинов, отслуживших когда-то в армии, то последующая мобилизация затронула тех, кто ни разу не был в солдатской форме, как получивших, когда-то отсрочку, так и юношей-новобранцев. Практически каждая мобилизация забирала от 500 тысяч до 1,5 миллиона человек по всей стране.

Призывники, как и в 1914 году, вызывали страх у торговцев, они побаивались их неадекватного поведения. Живы были в памяти погромы винных и продовольственных лавок и складов. Например, во время первой мобилизации в результате столкновения призывников и полицейских по всей стране были убиты и ранены сотни людей³. Голодные и озлобленные новобранцы и в последующие мобилизации вели себя часто вызывающе. Например, утром 13 сентября 1915 года в Казань прибыли несколько пароходов из Нижнего Новгорода с ратниками второго разряда. Одновременно на берег сошли 1100 человек, все они хлынули в ближайшие продуктовые лавки. Однако торговцы не справлялись с наплывом покупателей, что вызвало раздражение и без того взволнованных солдат. Из-за этого ряд лавок были закрыты, кто-то из торговцев не избежал мародерства со стороны призывников, а один из коммерсантов – булочник Игнатъев предпочел сам бесплатно раздать свой товар солдатам. Впрочем, новобранцы взломали и закрытые лавки, разбили окна, забрали товар и выручку⁴.

---

¹ Султанбеков Б. Исмагил-доктор // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1997. – №1/2. – С.253.

² Ничуговская А.И., Костова Т.В. История здравоохранения и медицины в Оренбургской губернии. – Оренбург: Изд-во «Детство», 2010. – С.69.

³ Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн.1. – М., 2005. – С.361.

⁴ История Казани в документах и материалах. XX век. – Казань, 2004. – С.57–58.

За годы войны из Казанского военного округа было отправлено 7950 маршевых рот (около 2,4 млн. солдат и офицеров). Только из одной Казанской губернии было взято в армию 290 тысяч человек¹. Это 10,7% от всего населения губернии, что составляло 21,4% всех мужчин губернии или 44,8% от числа трудоспособного мужского населения.

Примерно такие же показатели наблюдались и в других губерниях. Из соседней Уфимской губернии на фронт были отправлены 10,6% от всего населения, т.е. 20,9% всех мужчин губернии или 44,6% от числа трудоспособных мужчин. В Оренбургской губернии – 11,7%: соответственно 23,1% и 49,6%².

Эти цифры, может быть, не столь иллюстративны и не передают масштаба трагедии в рамках одной семьи, где на войну могли быть призваны и два, и три сына одновременно. Но даже уход (тем более смерть) одного кормильца отражалась на судьбах членов всей семьи. В первую очередь, это коснулось сельских населенных пунктов, откуда была львиная доля призванных солдат. Например, лишь из одной деревни Андреевка Васильского уезда Нижегородской губернии, по данным на 16 октября 1917 года, на фронтах Первой мировой войны находилось 126 татар. Из деревни Ишеево того же уезда на ту же дату был призван 131 человек³.

В условиях, когда ура-патриотизм постепенно сошел на нет, тяжело было и мобилизованным солдатам, и их близким и родным. На фронте уже осенью 1914 года наблюдались массовые сдачи нижних чинов российской армии в плен⁴. «Я один среди кяфиров. В бою под Лодзью с нашей стороны участвовали восемь корпусов, но германцев тоже не меньше наших, – писал неизвестный солдат-татарин своему другу или же родственнику Халиуллину. – Мы потеряли около 4-х корпусов убитыми, кроме того многие из наших охотнее пошли в плен, таких прямо без счета, так как солдаты очень утомились при преследовании неприятеля»⁵.

¹ История татар с древнейших времен. – Т.7. – Казань, 2013. – С.70.

² Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). – М., 1925. – С.17, 21.

³ Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. Нижегородские мусульмане на службе Отечеству (конец XVI – начало XX вв.). – Нижний Новгород, 2005. – С.49–53.

⁴ Сенявская Е.С. Указ. соч. С.76.

⁵ Царская армия в период мировой войны и февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). – Казань, 1932. – С.192.

Как и многие солдаты, большинство людей, подлежащих военному призыву, не хотели воевать.

Пути уклонения от службы: мифы и реальность

Как отмечает Е.П.Терешина, в целом в российском обществе в период Первой мировой войны наблюдались не только открытые выступления в виде погромов, но и такие виды сопротивления «как массовая порча глаз и других органов призывников»¹. Некоторые для того, чтобы уклониться от призыва предпочитали прятаться подальше от родных мест, постоянно меняли место жительства.

В ноябре 1914 года в газете «Город Казань» появилось характерное частное объявление о консультации по поводу воинской повинности. «Советы и справки даются», – утверждал автор рекламы, проживающий в доме Бергмана на Большой Казанской улице и принимавший посетителей в вечернее время. Судя по всему, в этом доме давались советы по поводу льгот и различных схем отклонения от военной службы. Спрос рождал коммерческое предложение даже в этой сфере². Такого рода услугами могли воспользоваться лишь состоятельные граждане, что вызывало бурное негодование со стороны беднейших слоев населения.

Во время очередной мобилизации 1915 года в городе Цивильске Казанской губернии в ночь с 9 на 10 сентября помощник местного уездного исправника заметил у своего дома странное, написанное от руки, объявление. В нем говорилось о том, что на войну призывают только бедных, а дети богатых остаются дома. Всего по городу в эту ночь было обнаружено 12 таких объявлений. Установить авторство так и не удалось, дело закрыли. А в ту мобилизацию из Цивильска и уезда вечером 13 сентября были отправлены 1572 ратника второго разряда³.

На втором этапе войны призывники всех сословий и конфессий уже не желали идти воевать. Например, в 1915 году в Казанском гарнизоне не явились в воинскую часть 22% новобранцев 17-й запасной пехотной бригады. В том же году из 35,8 тысяч человек потенциаль-

---

¹ Терешина Е.П. Периодическая печать и формирование общественного мнения в начале первой мировой войны // Научный Татарстан. – 2005. – №1/2. – С.128.

² Город Казань. – 1914. – 16 ноября. – №384.

³ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1544. Л.3–3об.

ных солдат в бегах находилось 1,3 тысячи человек¹. Так же не всегда спешили обратно на фронт и военнослужащие, отпущенные домой на некоторое время.

На фоне общего горя вызывали особую ненависть те, кто умудрились избежать военного призыва. В татарских баитах, прежде всего, указывается на их социальный статус: «Солдат итеп алдылар, өскә шинель салдылар./ Байбәтчәнең малайлары өйдә торып калдылар» (Накинули шинель, взяли меня в солдаты./ дома остались лишь дети богатых)². Как известно, отсрочку от армии могли в это время получить студенты и представители некоторых профессий. Конечно, многие из них были из состоятельных семейств. Кроме того, нельзя исключать и различные частные договоренности, дававшие возможность отпрыскам влиятельных родителей остаться дома. Например, в начале 1917 года в Чистополе жандармскими органами была раскрыта группа лиц, организующих отсрочку от военной службы для состоятельных призывников. В их числе был доктор уездного по воинской повинности присутствия Михаил Александрович Неклепаев, помогал ему писарь того же присутствия Иван Григорьевич Королев. Одним из посредников между «поставщиками услуг» и «потребителями» был местный обанкротившийся купец Нургалей Мансуров. От призыва освобождали несколькими способами: 1) до медицинского освидетельствования доктор давал призывнику различные препараты для ухудшения его состояния; 2) вместо подлежащего призыву человека освидетельствование проходило подставное лицо, имеющее определенные болезни; 3) в некоторых случаях просто выдавались оформленные документы о признании негодным к военной службе навсегда или же на определенное время. «Услугами этой шайки особенно пользуются богатые татары, часто поступающие из других городов», – сообщали жандармские органы³. Особенно активно эта группа действовала во время мобилизаций 1914–1915 гг. Но в начале 1916 года о деятельности доктора Неклепаева стало известно другим членам уездного воинского присутствия и они уже перестали при-

---

¹ История Казани. – Т.1. – Казань, 1988. – С.326; Амирханов Р.У. Указ. соч. С.83.

² Татар халык ижаты. Бәетләр. – Казан, 1983. – Б.73.

³ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1636. Л.29.

слушиваться к его мнению. А писаря Королева вскоре призвали на военную службу¹.

Вероятно, обида солдат-крестьян на социальное неравенство указывала как раз на подобные эпизоды. «И вот поехали на призыв в город Стерлитамак. Не успели мы показаться, разные чиновники показывают пальцем дверь. Видели Тукаевых, богачей нашей деревни, тоже приехали на призыв, уж они подмазали, где надо, и нашли причины, оставили их совсем негодными, а на самом деле здоровее нас. Верна пословица – дела богача везде как масло. Их бы нужно в первую очередь», – делился своими мыслями солдат Юсупов в письме своему товарищу, написанном 15 марта 1915 года².

Безусловно, байты возникали не на пустом месте, да и в частном письме люди писали о собственном опыте. Но в то же время эти факты, местами стереотипные, нельзя рассматривать как некую тенденцию, поскольку были и другие примеры. На войну уходили и дети очень состоятельных родителей. Например, в 1915 году призвали на службу единственного сына казанского миллионера Габделькарима Юнусова. У представителя известнейшей торговой династии было много дочерей, а вот наследник был только один. Вероятно, не без соображений о его безопасности, он был отправлен в Туркестан. Там старший Юнусов стал партнером в одном из торговых товариществ и своего отпрыска он делегировал в Коканд как представителя. Оттуда в октябре 1915 года и забрали Юнуса Юнусова в армию. «Услышав эту весть, я отправился в Коканд. Из Казани до Самары на пароходе, из Самары – на поезде в Ташкент, – вспоминал в 1920 годы Габделькарим Юнусов, – В Ташкенте остановился в номерах Касима. Сходили на завод еврея Гольдберга, пошли проведать Юнуса в казарму. Юнуса в казарме не оказалось. Я оставил записку, чтобы он пошел в номера. Когда мы, вернувшись, пили чай, пришел Юнус. Встреча была радостная. Отправились в Коканд»³. Потом, по словам родственников, Юнус Юнусов служил рядовым и в Красной Армии.

---

¹ Там же. Л.30, 32, 32об.

² Царская армия в период мировой войны и февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). – Казань, 1932. – С.188.

³ Юнусов Г. Из жизни купцов-меценатов Юнусовых // Казань. – 1997. – №10–11. – С.134.

К 1916 году усталость от войны стала очевидной и на фронте, и в тылу. Тем временем объявляли все новые и новые мобилизации: призывали всех вне зависимости от сословной, или социально-профессиональной принадлежности. В 1916 году в армию принимали уже призывников 1919 года, так по досрочному призыву подлежал к поступлению в армейские ряды сын коннезаводчика, купца Абдрахмана Ишмуратова – Садык¹.

В 1916 году погиб на фронтах Первой мировой войны сын казанского муллы Габдуллы Апанаева – Яхья Апанаев (1895 г.р.), принятый на службу в 1915 году. Он приходился внуком знаменитому богослову Шигабутдину Марджани². Конечно, у отца Яхьи была масса возможностей, и финансовых, и административных, для уклонения сына от призыва, однако их семья предпочла честный путь служения Отечеству. В конце 1916 года по досрочному призыву должен был отправиться на фронт и второй сын Габдуллы и Хаввы Апанаевых – Идрис (1898 г.р.), студент Казанского коммерческого училища³.

Долгое время скрывался от воинских начальников сын казанского муллы – Ибрагим Амирханов, брат известного писателя Фатиха Амирхана. Он постоянно менял местожительство, жил в разных городах, зарабатывая себе на жизнь частными уроками английского языка. Сын муллы подлежал мобилизации еще в 1915 году, однако ему удалось скрываться до 1916 года. В один из тайных приездов домой, Ибрагима Амирханова все же поймали представители воинских присутствий и отправили в военную часть г. Сердобск Саратовской губернии. К слову, не было предпринято никаких особых мер за его уклонение от службы. В конце 1916 года Ибрагим Амирханов дослужился уже до чина младшего унтер-офицера 161-го запасного пехотного полка⁴.

В 1915–1916 гг. ушли на фронт несколько десятков студентов различных столичных институтов из числа татар. Среди них встречалось немало представителей купеческих семей. В основном, родом они были из уездного города Касимова Рязанской губернии: Ибрагим

---

¹ НА РТ. Ф.98. Оп.7. Д.1147. Л.3.

² НА РТ. Ф.98. Оп.3. Д.2832. Л.631.

³ НА РТ. Ф.98. Оп.7. Д.1045. Л.3.

⁴ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.165. Л.2, 5; Әмирхан Р. Шомлы еллар кайтавазы // Казан утлары. – 1996. – №1. – Б.171.

Бурнашев, Габдулла Маматказин, Мустафа Шакулов, Габдулла Янсупов и другие¹. Среди призывников были Еникеевы, Дебирдеевы, Алкины и другие известные фамилии. К этому времени оказались на войне оба сына казанского адвоката, дворянина Саидгарея Алкина: Илиас (1895 г.р.) и Джигангир (1897 г.р.). Они окончили Казанское реальное училище, Илиас поступил в Петроградский политехнический институт. За недолгий студенческий период в столице он успел даже проявить себя как общественный деятель, являлся одним из руководителей кружка «Татар учагы» («Татарский очаг»). Однако в 1915 году студента Алкина призвали в ряды российской армии. Весной 1916 года он был зачислен в Константиновское артиллерийское училище в Петрограде².

К сожалению, не сохранились подробные сведения о сыне еще одного известного деятеля – историка и педагога Гайнетдина Ахмерова – офицере Ильясе Ахмерове. Он был несколько раз ранен, за отличную службу не раз поощрялся начальством. В годы Первой мировой войны его фотоснимок в военной форме дважды был опубликован в национальных изданиях: в журнале «Ан» (1915, №9–10, С.188) и в календаре «Заман календаре» (1916 год, с.39)³. Жизнь Ильяса Ахмерова оборвалась рано.

Несмотря на испытываемую гордость за своих офицеров и солдат, все же были и те, кто хотел всеми силами избежать военной службы. И с каждым годом затянувшейся войны, с осознанием ее бессмысленности, такие настроения лишь усиливались. Например, один из сотрудников того же журнала «Ан» писатель Галимджан Ибрагимов писал 6 марта 1915 года издателю Ахметгараю Хасани о том, как его старший брат лежит в больнице. Шакирджану Ибрагимову сделали операцию на ноге. «Его товарищи ушли на войну, он остался из-за болезни. Есть очень большая надежда, что он все-таки избежит [от призыва]. Что Бог даст? Пока этот вопрос не разрешится, я не могу уехать из Уфы», – заключал Галимджан Ибрагимов⁴. К

---

¹ Рэми И., Даутова Р. Эдэби сүзлек (элекке чор татар эдэбияты һәм мәдәнияте буенча кыскача белешмәлек). – Казан, 2001. – Б.353.

² Татарская энциклопедия. – Т.1. – Казань, 2002. – С.111.

³ Гайнетдин Әхмәрәв. Тарихи-документаль жьентык. 2-нче басма / Төз. Р.Мәрданов, Р.Миңнуллин, Э.Сәлахова. – Казан, 2011. – Б.367.

⁴ Хатлар // Рецензияләрдән тәгъзияләргә. XX йөз башы татар эдэби тәнкыйте / Төз. Гыйлажев Т.Ш. – Казан, 2008. – Б.225.

слову, эти проблемы не были чужды и его адресату Ахметгараю Хасани. Он был белобилетником, но тем не менее переживал, что и его призвуют. Отец двоих детей и успешный издатель вовсе не горел желанием идти воевать. До казанской жандармерии в октябре 1915 года дошли агентурные сведения – разговор между литературными деятелями А.Хасани, Г.Шарафом, К.Тинчуриным, Ф.Камалютдиновым (Ф.Сайфи) и другими людьми, где они между собой обсуждали то, как можно избежать призыва. Гильмутдин Шараф собирался уехать в Хиву, Фатих Сайфи с Каримом Тинчуриным указывал более дальнее направление – Афганистан (через Персию). Ахметгарай Хасани считал, что устроится куда-нибудь на работу, истратив 10 тысяч рублей. Мухамет Идрисов (владелец типографии «Миллят») в этой связи указывал на железную дорогу¹. Дело от жандармерии переключалось в канцелярию губернатора, отсюда было перенаправлено для проверки в Казанское губернское по воинской повинности присутствие (26 октября 1915 года). Все они уже были белобилетниками (т.е. имели отсрочку), но переживали, что их тоже могут призвать. Поэтому губернатор предложил продолжать надзор не только над ними, но и над всеми татарами-белобилетниками².

В годы войны на определенные льготы могли рассчитывать и простые люди, если, например, работали в предприятиях военно-промышленного комплекса. Такое преимущество было у работников торгово-промышленного общества Алафузовских заводов и фабрик. Как предприятие, работающее на нужды военной промышленности, фирма могла ходатайствовать о предоставлении отсрочки от военной службы своим работникам. В фабрично-заводской конторе составлялись списки служащих и рабочих, нуждающихся в льготах³. Например, в прошение от 1914 года в Казанский городской комитет правление завода просило предоставить 5-месячную отсрочку от призыва крестьянину Ахмет-Гарею Мухамедьярову. Выходец из д.Уразлы Кукмарской волости Казанского уезда работал при обмундировальной мастерской на Сенной площади приемщиком и браковщиком шитых казенных вещей. Там же на Сенной площади находился опто-

---

¹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6310. Л.1; История Казани в документах и материалах. XX век. – Казань, 2004. – С.353–354.

² НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6310. Л.2–2об.

³ НА РТ. Ф.94. Оп.1. Д.10957, 10958, 10960.

во-розничный магазин и торговые склады Алафузовых. Он являлся ратником 2-го разряда, и у него имелась отсрочка на 2 месяца по состоянию здоровья. Поскольку данный срок подходил к концу, руководство предприятия просило продлить ему отсрочку «как человеку, хорошо знающему свое дело и являющемуся для производства необходимым»¹.

В декабре 1915 года казанская контора утвердила у фабричного инспектора список из 200 рабочих, нуждающихся в отсрочке от армии. Это были молодые люди, родившиеся в 1897 году и подлежащие призыву в 1918 году. Из двухсот призывников впоследствии было зачеркнуто 16 человек, все они по разным причинам были уволены, поэтому не могли претендовать на льготы². В годы войны военно-промышленные предприятия и иные организации, связанные с нуждами армии, стали прибежищем различных лиц, скрывающихся от воинского призыва. Причем материально обеспеченные люди устраивались на работу в такие предприятия лишь формально, фактически тяжелым фабрично-заводским трудом не занимались.

В 1916 году крестьянин села Сотнурской волости Царевококшайского уезда Казанской губернии Василий Сергеев написал донос на учителя Сотнурского ремесленного отделения Алексея Ефимова Казанкина, который организовал артель по изготовлению шрапнельных ящиков для нужд войны. По словам заявителя, «как сам, так и состоящие в ней лица бездействуют, что организация этого дела служит только всем состоящим в этой артели лицам целью для освобождения от принятия на военную службу ...». В артели работали 19 человек, из них 13 человек были освобождены от службы. Но и производство ящиков было реальным³.

На подобные злоупотребления с фиктивными работниками на военных предприятиях власти начали уделять внимание лишь через несколько лет после начала войны⁴. Например, казанские призывники довольно часто «устраивались» на работу в Пороховой завод. Так сторожем этого казенного завода с 4 декабря 1915 года числился владелец бакалейной лавки на Владимирской улице казанский мещан-

---

¹ НА РТ. Ф.94. Оп.2. Д.259. Л.32.

² НА РТ. Ф.94. Оп.1. Д.10957. Л.1об.–19.

³ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6603. Л.210.

⁴ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6629. Л.4.

нин Исмагил Сайфуллин. Однако вскоре выяснилась занятость «сторожа» в сфере торговли и уже в 1916 году он был мобилизован в действующую армию¹. Конечно же, он был не единственным казанским мещанином 30–40 лет, кто «работал» на Пороховом заводе. По замечанию писателя Зарифа Башири, литераторы Гильмутдин Шараф, Хабибрахман Забири, Якуб Халили, Шигап Ахмеров и другие «прикрепились» к Казанскому пороховому заводу, а на самом деле занимались творческой работой². И таких людей, вероятно, было достаточно. Они вызвали справедливое возмущение у рабочих Порохового завода. Агент Казанской губернской жандармерии «Медведев» сообщал 1 июля 1915 года о том, что заводские рабочие недовольны приемом на работу «молодых людей, владеющих значительным имущественным обеспечением и в силу этого не имеющих необходимости зарабатывать себе на кусок хлеба тяжелым физическим трудом». Они считали их совершенно не пригодными к такой работе. Среди недавно устроившихся на завод агент называл «сына владельца магазинов на Проломной и Пушкинской улицах – Сафу Бахтеева», он проживал в своем доме в Адмиралтейской слободе; Хакимуллу Ишметьева, владельца домов в Пороховой и Старотатарской слободах; владельца пекарни и бакалейной лавки из Пороховой слободы – Ивана Ефремова; торговца Александра Владимиров³.

Предоставляли подобные «услуги» и мелкие предприятия. В такие списки попал Механическо-литейный и Кузнечно-слесарный завод Козлова, крупяной завод Анисимова, обмундировавшая мастерская Шабанова⁴. Последний из них А.Д.Шабанов в годы войны превратился из скромного владельца овчинно-шубной мастерской в солидного предпринимателя, количество рабочих в его мастерских достигало 8 тысяч человек⁵. Весьма впечатляющая цифра. Для сравнения, крупнейшее предприятие города Казани, состоявшее из нескольких фабрик и заводов, имевшее десятки реально действующих мастерских, а также рабочих, работающих на дому, Общество «Алафузо» к тому времени

---

¹ Там же. Л.54.

² Башири З. Замандашларым белән очрашулар. – Казан, 1968. – Б.273.

³ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1517. Л.37–37об.

⁴ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6629. Л.54об.–59.

⁵ Амирханов Р.У. Указ. соч. С.87.

насчитывало 16 тысяч работников¹. Возможно, часть 8 тысяч рабочих предпринимателя А.Д.Шабанова составляли как раз «мертвые души»: фиктивные трудящиеся, а доходы фирмы росли, в том числе, и за счет денежных подношений «белобилетников».

Такого рода махинации были характерны не только для коммерческих предприятий, некоторые записывались в различные городские муниципальные комитеты (продовольственный, по изготовлению деревянных бочек, военно-промышленный, по содержанию ассенизационных обозов). Например, только по одному из списков казанской жандармерии (куда попал и И.Сайфуллин) еще 11 человек² были отправлены на фронт³. Прибегали к подобным услугам высокопоставленные чиновники. Казанский губернатор устроил в Губернское пробирное управление своего знакомого, чтобы молодой человек смог получить отсрочку от призыва⁴.

Кстати, в документах касающихся общества Алафузовских заводов и фабрик таких фактов злоупотребления нами не обнаружено. В конце 1916 году правление фирмы добилось отсрочки фабрично – заводским извозчикам, аргументируя это тем, что они заняты перевозкой «казенных материалов для постройки солдатского обмундирования на фабрику и в мастерские Торгово-промышленного Общества Алафузовских фабрик и заводов признанного всецело работающим на Государственную оборону, а равно и перевозкой в Казанский вещевой Интендантский Склад с фабрики и из мастерских готового обмундирования и снаряжения для войск»⁵. Среди извозчиков было много татар: Гатаулла Хайруллин, Мухутдин Гайнуллин и его сын Гариф Мухутдинов, Валиулла Губайдуллин и другие.

Военная служба стала своеобразным инструментом влияния на предприятия. Например, выступающих на стачках уже 1917 году власти пугали тем, что отправят их родственников на фронт. Казанский губернатор предлагал всем военнообязанным рабочим Алафу-

---

¹ НА РТ. Ф.94. Оп.2. Д.798. Л.10.

² Гурьянов, Гордеев, Шаширов, Федоров, Аметьевский, Лянгузов, Дорофеев, Котляков, Барон, Тузов, Самойлов, Афанасьев, Яковлев.

³ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6629. Л.54об.–59.

⁴ Адо В. Вспоминая о прошлом ... Записки русского интеллигента XX века // Казань. – 2000. – №7. – С.60.

⁵ НА РТ. Ф.94. Оп.1. Д.10991. Л.186.

зовского завода ходить в погонах и с кокардой, что бы «это служило постоянным им напоминанием, что они приравнены к тем, кто призван в войска»¹. Рабочих нервировала эта ситуация, некоторые из них еще в 1915 году жаловались воинским начальникам на шантаж со стороны администрации².

Предприятием, работающим для обороны, считалась и типо-литография товарищества «Умид» в Казани. Эта была бывшая знаменитая типография Харитонова. Здесь помимо книг печатались различные бланки и другая печатная продукция. Владелец Абдулвалей Ахмадуллин постоянно подавал именные списки своих рабочих и служащих для предоставления им отсрочки от военной службы. Кто-то из наборщиков и печатников работал здесь со времени основания фирмы – с 1911 года, а некоторые поступили лишь в годы войны. Бывали случаи, когда получивший отсрочку, работник типографии вскоре увольнялся³.

Несмотря на то, что довольно большое количество предприятий и организаций, были причислены к учреждениям, работающим на нужды армии, структуры, имевшие непосредственное отношение к военному положению, не всегда предоставляли своим сотрудникам льготу от призыва. В 1915 году призвали в ряды ополченцев военного цензора г.Уфы – Садыка Шарифовича Абдусаттарова. Он являлся выпускником Казанской татарской учительской школы и работал в губернском городе земским учителем. Впрочем, военным цензором Абдусаттаров успел прослужить очень недолго – около недели. 12-го октября 1915 года его приняли на действительную военную службу⁴. Таким образом, общество по-разному переживало Великую войну: кто-то подчинялся требованиям государства и шел отдавать свой воинский долг, кто-то искал и иногда находил способы обхождения воинской повинности. В 1917 году прошли еще две мобилизации: 1 февраля и 1 марта. Забирали новобранцев и ратников 2-го разряда. Февральский набор был «малочисленным», по сравнению с осталь-

---

¹ История Казани в документах и материалах: XX век. – Казань, 2004. – С.362–363.

² НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1517. Л.118.

³ НА РТ. Ф.683. Оп.1. Д.11. Л.65.

⁴ НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.205. Л.7, 14.

ными мобилизациями: на фронт ушли 30 тысяч человек. В марте воинские ряды пополнились еще 600 тысячами солдат¹.

Дезертиры

В это время достаточно было и тех, кто самовольно покидал войсковые части. По Казанскому военному округу число таких солдат с 1 января 1915 года по 1 ноября 1916 г. достигло 5,6 тысяч человек². Всего же за годы войны по всей стране насчитывалось 365 137 дезертиров. Сильно увеличилось их количество после Февральской революции³. В декабре 1915 года в Мамадышском уезде Казанской губернии задержали сбежавшего солдата Гарифа Ахматова – крестьянина деревни Старый Ибраш Елабужского уезда Вятской губернии. Он бежал из Восточного фронта, из Двинска, и был задержан, когда до родной деревни оставалось всего 30 верст. История его была не совсем типичной. Это был запасной солдат, призванный в армию еще в 1903 году в Заамурском округе, участник русско-японской войны. За несколько лет до начала Первой мировой войны Ахматов уехал из родной деревни в Екатеринославскую губернию для работы на угольных шахтах. Как штатный рабочий угольной шахты он получил отсрочку от службы и мог бы и дальше оставаться в тылу. Но, вероятно, как человек, прошедший фронтовую жизнь на русско-японской войне, Гариф Ахматов решил получить белый билет по состоянию здоровья. Он по собственному желанию подал прошение об освидетельствовании, процедура эта определяла пригодность или непригодность человека для службы в армии. Вероятно, шахтер рассчитывал на то, что слабое зрение и отсутствие части зубов, обеспечат ему льготу. Однако в военное время освидетельствование, судя по всему, проходило несколько формально. Ведь российская армия нуждалась в постоянном пополнении численного состава, мобилизации объявлялись снова и снова. Поэтому, 18 апреля 1915 года Гариф Ахматов в городе Луганске Екатеринославской губернии был признан комиссией годным к военной службе и назначен в 28 запасной батальон в городе Харькове. Там он пробыл 2–3 месяца и затем был переведен в

---

¹ Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). – М., 1925. – С.17.

² Амирханов Р.У. Указ. соч. С.83.

³ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. – Жуковский; М., 2001. – С.184.

176-й пехотный Приболчинский полк и вместе с ним окунулся в гущу боевой жизни. 18 ноября 1915 года его полк вышел из окопов на несколько дней, перешел в город Двинск на отдых, после чего солдата вновь ожидали позиции. Однако, окончательно устав от войны, Ахматов убежал к себе на родину в Вятскую губернию. Не вызывая никаких подозрений, он сумел проехать пол страны и практически дошел до места назначения, но именно на подступах к родному дому его задержали и посадили «в арестантскую», впредь до отправления в часть¹.

Впрочем, неизвестно как бы отреагировали родные солдата на его появление. Конечно, как правило, родственники радовались и старались помочь дезертирам, скрывали их от посторонних глаз. Иногда это происходило даже по договоренности с местными властями. Некоторые солдаты, отдохнув несколько месяцев, сами добровольно являлись к воинским начальникам. По сути, они даже не были дезертирами в настоящем смысле этого слова, а являлись лишь уставшими солдатами, которым была необходима передышка от войны. Помимо страха, на войне человека постоянно сопровождает «чувство физической и душевной усталости, ибо нигде не напрягаются все силы человеческие, как на войне – в походе и в бою», отмечал в своих мемуарах участник Первой мировой войны, казачий генерал П.Н.Краснов². Так в 1916 году два с половиной месяца прожили дома солдаты, призванные из Селенгушской волости Лаишевского уезда Казанской губернии Мухаметхадый Тузетдинов (д.Конь) и Шайхутдин Гайнетдинов (д.Шали). Затем они добровольно явились к уездному воинскому начальнику. Командир их 234-го пехотного запасного полка просил привлечь к ответственности полицейских властей, которые не отреагировали вовремя на появление дезертиров³.

В конце 1915 года было распространено специальное распоряжение о необходимости строже следить за появлявшимися в волостях дезертирами и срочно доставлять их в полицейские учреждения. Например, после октябрьского циркуляра уже к февралю 1916 года только в Царевококшайском уезде Казанской губернии было обнаружено 17 человек нижних чинов и ратников, самовольно оставив-

¹ НА РГ. Ф.1. Оп.4. Д.6317. Л.1об.–2.

² Цит. по: Сенявская Е.С. Указ. соч. С.85.

³ НА РГ. Ф.1. Оп.4. Д.7245. Л.55.

ших свои полки¹. В Ширданской волости Свияжского уезда Казанской губернии к этому времени было задержано 17 дезертиров. Высокая концентрация такой категории военнослужащих в одной волости объяснялась тем, что здесь проходила линия Московско-Казанской железной дороги². 22 марта 1916 года в 6-м участке Мамдышского уезда задержали Хасана Галиуллина и Галея Шарафутдинова в дер.Тарловой и Садыка Мухамадеева в дер. Новой Вони³. В таких случаях подвергались наказанию (аресту и штрафу) и должностные лица, не задержавшие сразу же дезертиров. Основной категорией штрафуемых были сельские старосты. Хотя некоторым все же удавалось доказать свою неосведомленность. Например, земский начальник 1-го участка Казанского уезда сообщал 10 июня 1916 года казанскому губернатору: «...По вверенному мне участку волостными и сельскими должностными лицами было задержано 40 дезертиров; 2) было два случая привлечения сельских старост за медленность донесения о дезертирах ...»⁴. Но иногда целые деревни вставали на защиту сбежавшего солдата. Например, в 1916 году жители д.Сайраново Азнаевской волости (Уфимская губерния) оказали сопротивление властям при задержании уклонившегося от службы односельчанина⁵.

Но не всегда власти и родственники сбежавших солдат относились к ним лояльно, даже среди родных были те, кто осуждал такой поступок и даже прогоняли сбежавших с войны сыновей прочь из дома. Например, в 1917 году были задержаны сбежавшие рядовые 142-го пехотного запасного полка – крестьяне Спасского уезда Казанской губернии – Хафиз Салахутдинов и Загидулла Садыков. Они сбежали со службы осенью 1916 года, их части располагались тогда в г.Симбирске. Оттуда дезертиры уехали в Астрахань, и нашли там заработок. Но через некоторое время поняли, какое преступление

---

¹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6603. Л.47.

² Там же. Л.51.

³ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6603. Л.91.

⁴ Там же. Л.198.

⁵ Машкова Н.Н. Политические настроения на Южном Урале в годы Первой мировой войны // Теория и практика высшего профессионального образования: содержание, технологии, качество: материалы XXV научно-практической конференции. Оренбург, 3–4 апреля 2003 г. – Оренбург, 2003. – С.40.

они совершили и решили добровольно явиться к воинскому начальнику. Однако перед этим юношам хотелось повидаться с родными. С этой целью они направились в Казанскую губернию: сначала на пароходе, затем пешком. И если бы они по дороге не украли лошадь, то полицейские служащие, может быть, не сразу заметили бы их. В их родной деревне Ямбухтино солдат встретили довольно холодно. «Когда они явились в свою деревню, то родные встретили их недружелюбно и стали бранить за побег с военной службы, причем отец Салахутдинова отправился с заявлением к сельскому старосте, требуя арестовать их, как дезертиров», – сообщал позднее местный исправник. После такого приема Хафиз и Загидулла решили ехать в г.Спасск к воинскому начальнику. Но по дороге заехали в деревню Каргополь, чтобы попить чаю, здесь их и арестовали¹.

Помимо дезертиров, в деревнях немало было и отпускных солдат, которые не особо спешили обратно на фронт. «В настоящее время из частей войск очень много прибывают на родину в кратковременный отпуск нижние чины, а потому предписываю иметь самое строжайшее наблюдение за таковыми нижними чинами, числив их на учет, дабы они своевременно убывали в свою часть из мест жительства, – просил воинский начальник Царевококшайского уезда Казанской губернии председателей волостных правлений в июне 1916 года, – о каждом прибывшем доносить мне, а также доносить мне и о времени отправления в свою часть по окончании отпуска. Просроченных отпуск немедленно доставлять мне»².

Среди отпускных солдат были и те, кому исполнилось 43 года. Из-за возраста они подлежали демобилизации. Однако многие из них, будучи отцами семейств, для того чтобы и дальше получать пайки, не торопились к воинским начальникам для увольнения со службы. Они предпочитали числиться военнослужащими³. Их можно было понять, дороговизна жизни была ужасающей, пособия и пайки для многих семей военнослужащих оставались чуть ли не единственным источником дохода. Одна из циничных народных пословиц того времени гласила, «үлмәсен дә, кайтмасын да, чыгып торсын акчасы» («пусть не умирает, и не возвращается, лишь бы платили за

¹ НА РТ. Ф.41. Оп.2. Д.6625. Л.2–2об.

² ГАРМЭ. Ф.243. Оп.1. Д.3. Л.5.

³ ГАРМЭ. Там же. Л.72.

него деньги»). Это было выражением некоторых солдатских жен, получающих пособия за воевавших мужей¹. Вернувшиеся с войны солдаты-инвалиды добивались назначения себе пособий с большим трудом. Медицинские комиссии, как правило, признавали лишь частичную потерю трудоспособности, либо связывали болезни и увечья не с войной, а списывали на прежнее, довоенное состояние здоровья.

Поэтому совсем неудивительно, почему достигшие предельного возраста солдаты так упорно не хотели увольняться и держались за свои пособия и пайки. Только по Казанской губернии на 1 сентября 1917 года получали пайки 842, 4 тысячи семей. Из них в уездах – 803, 8 тысяч, а в городах – 38,6 тысяч².

* * *

Всего за сорок месяцев Первой мировой войны потери российской армии составили 7 036 087 человек, из них было убито 626 440 человек, умерло от ран – 17 174, отравлены удушливыми газами – 38 599, пропало без вести – 3 638 271 человек. Так же из этого числа 2 588 838 человек получили ранения различной степени тяжести, контуженных насчитывалось 126 765 солдат³. Почти половина человеческих потерь пришлась на первый этап войны 1914–1915 гг., т.е. были убиты и пропали без вести, прежде всего, те самые запасные нижние чины, мужчины зрелых лет, которых дома ждали жены и дети, пожилые родители. При этом более поздние подсчеты показывают немного иные цифры. Так Ю.А.Поляков пришел к выводу о том, что погибло во время войны от 1,5 до 2 млн. человек, а оказались в военном плену свыше 5 млн. человек⁴. Авторы многотомника «Мировые войны XX века» считают, что безвозвратные потери российской армии в войне 1914–1918 гг. составляют 2 254 369 человек⁵. Таким образом, до сих пор отсутствуют точные цифры боевых и косвенных потерь Первой мировой войны.

---

¹ Исәнбәт Н.С. Татары халык мəkәллəре: мəkәллəр жыйелмасы: 3 томда. 2-нче басма. – Т.3. – Казан, 2010. – Б.316.

² Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). – М., 1925. – С.49.

³ Там же. С.30.

⁴ Население России в XX веке: в 3-х т. – Т.1. – М.: РОССПЭН, 2000. – С.76.

⁵ Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн.1. – М.: Наука, 2005. – С.625.

До первой июльской мобилизации 1914 года общее число офицеров и солдат в российской армии насчитывало 1 423 000 человек, за годы войны было мобилизовано еще 15 798 000 человек¹. Из Казанского военного округа в 1914–1917 гг. было отправлено 7950 маршевых рот (около 2,4 млн. солдат и офицеров), в том числе из Казанской губернии – более 290 тыс. человек². Например, только в 1914 году в Казани были сформированы 77-я артиллерийская и парковая бригады, 305-й Лаишевский полк, 106-й Мокшанский полк³.

Сколько было в составе царской армии военнослужащих из татар – точных данных нет. Статистика того времени не учитывала людей по национальности, а фиксировала лишь конфессиональную принадлежность. В принципе, и сами татары идентифицировали себя, в первую очередь, как российских мусульман, для них не играла особой роли национальность человека. Вообще же солдаты-мусульмане в подавляющем большинстве были представлены татарами, но вместе с тем наряду с ними делили тяготы фронтовой жизни и представители других народностей. И даже Татарский полк в составе «Дикой дивизии» с военнослужащими из Кавказа, вопреки утверждению некоторых авторов⁴, на самом деле не состоял из этнических татар. Просто до революции 1917 года татарами часто именовали и азербайджанцев, в Татарском полку служили как раз они.

Что касается общего числа мусульман в российской армии, то по некоторым данным таких военнослужащих к 1917 году насчитывалось 1,5 миллиона человек. При этом накануне войны их было 39 635 человек. Уже с первой мобилизацией это число увеличилось более чем вдвое⁵. В дальнейшем, судя по окончательной цифре, каждая военная мобилизация забирала сотни и сотни тысяч российских мусульман, в том числе и сыновей татарского народа.

---

¹ Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). – М., 1925. – С.4.

² История татар с древнейших времен. – Т.VII. – Казань, 2013. – С.70.

³ Казанский телеграф. – 1914. – 27 ноября. – №6446.

⁴ Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. Нижегородские мусульмане на службе Отечеству (конец XVI – начало XX вв.). – Нижний Новгород, 2005. – С.36.

⁵ Гагауллина Л.Р. Татарская пресса 1914–1915 гг. об отношении российских мусульман к Первой мировой войне // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – Т.150, кн.1. – С.133–134.

ГЛАВА 2. ТАТАРЫ НА ФРОНТАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

2.1. Татарские генералы и офицеры в период Первой мировой войны

Официальным документом, закрепляющим право татар-мусульман к получению офицерских чинов в Российской империи явился именной указ императрицы Екатерины II от 1 ноября 1783 г. «О принятии в военную службу татарских мурз и чиновных людей, и о награждении их чинами не выше премьер-майора»¹.

В исторической литературе мы находим разные сведения о количестве генералов и офицеров из числа мусульман, и татар в частности, в Российской империи перед Первой мировой войной. Так, Д.Ю. Арапов отмечает, что в этот период в российской армии из числа мусульман насчитывалось 9 генералов, 56 штаб-офицеров и 287 обер-офицеров². Один из ведущих военных историков С.В. Волков в своем исследовании приводит статистическую таблицу по религиозному и национальному составу генералов, офицеров и военных чиновников нашей армии в 1912 г. Если выделить в ней соотношение «мусульман» и «татар» в процентном отношении ко всем генералам и офицерам, то мы увидим какое место занимали татарские офицеры среди других мусульманских народов России:

все офицеры: мусульмане 0,8 – татары 0,6;
в том числе:
генералы: мусульмане 1,2 – татары 1,3;
штаб-офицеры: мусульмане 0,7 – татары 0,6;

---

¹ Мусульмане и мусульманское духовенство в военном ведомстве Российской империи. Сборник законодательных актов, нормативно-правовых документов и материалов / Составитель, автор вводной статьи и комментариев Х.М. Абдуллин. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – С.16.

² Арапов Д.Ю. «Можно отметить ряд высоких подвигов воинской доблести проявленных мусульманами» // Военно-исторический журнал. – 2004. – №11. – С.43.

овер-офицеры: мусульмане 0,8 – татары 0,5;
военные чиновники: мусульмане 0,2 – татары 0,2¹.

Таким образом, по всем показателям видно, что татары среди мусульманских народов в военном ведомстве составляли большинство. Часть генералов Российской империи принадлежали к другим конфессиям, но указали свою национальность как татары. Вероятно, речь идет о выходцах из польско-литовских татар, среди которых встречались католики и православные. Также видим, что военными чиновниками из мусульман в основном служили только татары. Однако при оперировании этими данными следует иметь в виду, что среди национальностей хоть и были выделены «кавказские народы», в то же время высока вероятность того, что к татарам были отнесены азербайджанцы, именовавшиеся в тот период «закавказскими татарами», а также кумыки – «кавказские татары».

К этим цифрам следует также прибавить, что по данным на 1 января 1913 г. в военных училищах и кадетских корпусах обучались 0,86 и 1,19 процентов мусульман от общего количества обучающихся².

В то же время как отмечает сам исследователь С.В. Волков, что «сведений о национальном составе офицерского корпуса очень мало, строго говоря, они практически отсутствуют, поскольку официального понятия «национальность» в России в общем-то не существовало, она не играла никакой роли и ни в каких официальных документах не отражалась и не указывалась»³. Во всех официальных документах учитывался религиозный состав генералов и офицеров. Более точную национальную принадлежность офицера-мусульманина следует определять исходя из особенностей его персональных данных.

Если обратиться к вопросу о составе татарского офицерства воевавшего на фронтах Великой войны, то их сословная принадлежность была различной: от представителей потомственного дворянства (генерал-майор Зулькарнайн Дашкин, братья Кугушевы, братья Сыртлановы, генерал-майор Хаджи-Ахмет Ижбулатов и др.) до выходцев из крестьянской среды, прошедших сложный путь от рядово-

---

¹ Волков С.В. Русский офицерский корпус. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – С.396. Таблица 79.

² Россия 1913 г. Статистико-документальный справочник / Сост. А.М. Анфимов, А.П. Корелин. – СПб., 1995. – С.170.

³ Волков С.В. Русский офицерский корпус. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – С.309.

го до офицера (прапорщик Мухамеджан Вишняков, прапорщик Ахмет Алимбеков, корнет Михаил Шигабетдинов и др.). Также различной была география их происхождения: казанские, сибирские, крымские и особенно польско-литовские татары, татар-мишари, оренбургские татары-казаки мусульмане и оренбургские татары-казаки нагайбаки, уральские казаки-татары.

Из той далеко не полной выборки установленных нами генералов и офицеров в 54 человека, распределение по родам войск выглядит следующим образом:

генералы и офицеры генерального и главного штаба – 3,
пехоты – 11,
артиллерии – 17,
регулярной кавалерии – 8,
пограничной стражи – 2,
казачества – 11,
военно-морского флота – 1,
военных инженеров – 1,
и даже военной авиации – 1.

В ходе исследования выявилась и закономерность предпочтения разных родов войск разными этническими группами татар. Так крымские татары часто обучались и служили по регулярной кавалерии, что можно объяснить наличием и популярностью кадрового Крымского конного полка. Польско-литовские татары в своем абсолютном большинстве выбирали стезю артиллериста и часто даже если переходили в другие рода войск, то первоначально заканчивали артиллерийское училище. Ожидаемо офицеры из казанских татар и татар-мишарей служили в пехоте. Татары – коренные жители азиатской части России традиционно несли службу в Оренбургском, Уральском и Сибирском казачьих войсках.

В период Первой мировой войны резко изменился сам характер присвоения офицерского чина. Война диктовала необходимость ускоренного выпуска офицеров в имеющихся военных училищах и появления большого количества школ прапорщиков, куда часто определялись наиболее способные и проявившие себя нижние чины. Например, только в Казани к имеющемуся Казанскому военному училищу в период войны были дополнительно открыты две школы прапорщиков. Значительно возрос процент унтер-офицеров произведенных в первый офицерский чин за боевые заслуги. В представленных ниже списках

генералов и офицеров можно встретить как кадровых военных, так и нижних чинов дослужившихся до офицерского звания.

Награжденные орденами св.Георгия и Георгиевского оружия

Конечно же, подлинными героями этой войны следует считать 19 генералов и офицеров из татар, удостоенных высшей военной награды Российской империи – ордена св. Георгия и Георгиевского оружия. Впервые в отечественной историографии удалось собрать вместе данные по татарским генералам и офицерам, награжденным в данную кампанию этой столь значимой наградой, жалуемой исключительно за героизм и особые военные заслуги. Среди них необходимо выделить и своеобразных «дважды героев», удостоенных и ордена 4-й степени и оружия, это:

- подпоручик Сулейман Кугушев,
- легендарный генерал-майор Якуб Юзефович,
- корнет Усман Янбулатов.

Шесть человек были удостоены Георгиевских наград посмертно, это:

- прапорщик Мухаметжан Вишняков,
- подпоручик Абдрахман Исмагилов,
- подпоручик Сеит-Мустафа Курт-Аметов,
- поручик Степан Лебедзь,
- полковник Равиль Сыртланов,
- прапорщик Искандер Шигаев.

Необходимо также выделить представителей двух славных потомственных дворянских родов, в которых кавалерами стали родные братья, это Искандер и Сулейман Кугушевы и Равиль и Юсуф Сыртлановы.

Ниже приведен список установленных нами георгиевских кавалеров, а также сведения, которые удалось о них найти:

1) подполковник Генерального штаба, штаб-офицер для делопроизводства и поручений Управления генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем **Базаревский Александр Халилевич** – Высочайшим приказом от 08.11.1916 г. награжден Георгиевским оружием. Сын генерал-лейтенанта Х.М. Базаревского. Дворянин. Магометанин. Из польско-литовских татар. Родился 01.07.1884 г. в Лодзи. Окончил Полоцкий кадетский корпус, Павловское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. В Первую

мировую войну вступил в чине подполковника, и.д. помощника делопроизводителя Главного управления Генерального штаба. Полковник с 06.12.1916 г. В 1917 г. и.д. генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. В 1918 г. в распоряжении начальника штаба 9-й армии. В Белом движении на различных штабных должностях в армиях адмирала Колчака. С весны 1920 г. в РККА. Штатный преподаватель 1-х Сибирских кавкурсов, Высшей военной школы Сибири, начальник орготдела штаба войск Сибири, помощник начальника мобилизационно-организационного управления штабсйба, помощник начальника штаба войск Сибири, вр.и.д. начальника штаба войск Сибири. В декабре 1921 г. переехал в Москву. Инспектор военно-учебных заведений ГУ-ВУЗ, штатный преподаватель Военной академии РККА. Преподавал в Академии ВВС. Одним из первых был арестован по делу «Весна» и 18.07.1931 г. осужден к 5 годам ИТЛ. В 1934 г. досрочно освобожден, вернулся на преподавательскую работу, был начальником отделения и доцентом Академии Генерального штаба РККА в звании полковника. Повторно арестован 16.12.1937 г. 02.04.1938 г. Приговорен ВК ВС СССР к высшей мере наказания, тогда же расстрелян и похоронен на «Коммунарке». Реабилитирован 04.04.1957 г.¹

2) подполковник 190-го пехотного Очаковского полка **Бикмеев Султан-Гирей Гадиатуллович**². Высочайшим приказом от 13.01.1916 г. награжден орденом св. Георгия 4 степени.

3) прапорщик Чеченского конного полка **Вишняков Мухамеджан Хосяинович**. Пал смертью храбрых 19.04.1917 г., посмертно произведен в подпоручики и награжден орденом св. Георгия 4-й степени (Приказ армии и флоту от 02.10.1917 г.). Из послужного списка: родился 20 февраля 1895 г. Из крестьян Тамбовской губернии и уезда. Магометанского вероисповедания. При Феодосийской мужской гимназии выдержал испытание по программе вольноопределяющегося 2-го разряда.

¹ РГВИА. Ф.409. Оп.1. п/с 361–121 (1914); Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник / Отв. сост. В.М.Шабанов. – М.: Русский мир, 2004. – 928 с.; Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. – М., 2000; Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. – М.: Русский путь, 2009. – С.159.

² См. о нем: РГВИА. Ф.409. Оп.1. п/с 72–998 (1911); РГВИА. Ф.408. Оп.1. Д.14366. Л.61об. (1914); Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник / Отв. сост. В.М.Шабанов. – М.: Русский мир, 2004. – 928 с.

Прибыл в Чеченский конный полк из 123-го пехотного Козловского полка и зачислен прикомандированным 23.04.1915 г. Приказом по 2-му кавалерийскому корпусу от 17.07.1915 г. за №71 награжден Георгиевским крестом 4 ст. за №273548. Приказом по 33-му армейскому корпусу от 03.03.1916 г. за №48 награжден Георгиевским крестом 3 ст. за №64645. Произведен в чин младшего урядника 04.05.1916 г. Отправлен для обучения в 3-ю Киевскую школу прапорщиков. 01.10.1916 г. произведен в чин прапорщика армейской пехоты¹.

4) полковник, командир 1-го дивизиона 27-й артиллерийской бригады **Ильясевич Александр Матвеевич**². Отличился в период Гумбинненского сражения 20.08.1914 г., когда сумел обеспечить эффективный огонь против атакующего противника. Высочайшим приказом от 18.03.1915 г. награжден Георгиевским оружием. Магометанин. Из польско-литовских татар. Родился 08.02.1858 г. Окончил Нижегородскую гр. Аракчеева военную гимназию и 2-е военное Константиновское училище. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., похода в Китай 1900–1901 гг. и русско-японской войны 1904–1905 гг. В Первую мировую войну вступил в должности командира 1-го дивизиона 27-й артиллерийской бригады. На 01.08.1916 г. состоял в том же чине и должности.

5) подпоручик 8-го Сибирского стрелкового полка **Исмагилов Абдрахман Шарафутдинович**³. Пал смертью храбрых 24.06.1916 г., посмертно награжден Георгиевским оружием (Приказ армии и флоту от 04.03.1917 г.).

6) штабс-капитан 20-й самокатной роты **Кугушев Искандер Хасанович**⁴. Высочайшим приказом от 07.02.1917 г. награжден орденом

---

¹ РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.180661. Л.52–54. Послужной список №173–212; Ф.407. Оп.1. Д.2254. Л.73об.

² См. о нем: РГВИА. Ф.409. Оп.1. п/с 6320 (1911); РГВИА. Ф.408. Оп.1. Д.15176. Л.2об. (1914); Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник / Отв. сост. В.М.Шабанов. – М.: Русский мир, 2004. – 928 с.; Список полковникам по старшинству. Составлен по 01.08.1916. Петроград, 1916.

³ См. о нем: РГВИА. Ф.409. Оп.1. п/с 221–399 (1912); РГВИА. Ф.400. Оп.12. Д.27381. Л.319–326 (1916); Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник / Отв. сост. В.М.Шабанов. – М.: Русский мир, 2004. – 928 с.

⁴ См. о нем: РГВИА. Ф.409. Оп.1. п/с 447 (1910); РГВИА. Ф.408. Оп.1. Д.6271. Л.21об. (1913); Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Геор-

св. Георгия 4-й степени за отличие в 207-м пехотном Новобаязетском полку. Магометанин. Из потомственных дворян Пензенской губернии. Сын полковника Новобаязетского полка Карского гарнизона. Родился 23.05.1886 г. в г. Ардаган Карской области. Окончил Тифлисское реальное училище и Тифлисское пехотное юнкерское училище.

7) подпоручик 196-го пехотного Инсарского полка **Кугушев Сулейман Хасанович**. За героизм, проявленный 08.11.1914 г., когда при штурме редута противника, преодолевая смертельную опасность, во главе своей роты первым ворвался во вражеский редут, высочайшим приказом от 13.01.1915 г. награжден орденом св. Георгия 4-й степени. Высочайшим приказом 24.02.1915 г. награжден Георгиевским оружием. Магометанин. Из потомственных дворян Пензенской губернии. Сын полковника Новобаязетского полка Карского гарнизона. Родился 15.04.1892 г. в г. Ардаган Карской области. Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус и Александровское военное училище. В Первую мировую войну вступил в должности командира 11-й роты и службы связи 196-го пехотного Инсарского полка. 18.12.1914 г. в бою у деревни Ропица-Русская ранен разрывной пулей. С 05.02.1915 г. поручик. 23.04.1915 г. в бою у деревни Роги (Галиция) контужен осколком тяжелого снаряда в область лопатки, но оставался в строю. С 30.08.1916 г. штабс-капитан. С 18.02.1917 г. назначен командующим 7-й ротой 752-го пехотного Корунтского (Дрогобычского) полка. 31.03.1917 г. за отличие, оказанное в бою у деревни Сульта (Румыния) 19.11.1916 г., Приказом Временного Правительства произведен в капитаны. 22.06.1917 г. избран членом Центрального Комитета мусульман 9-й Армии, от партии эсеров избран кандидатом в члены Всероссийского Учредительного Собрания от мусульманского населения из действующей Армии. С 28.08.1917 г. подполковник. 24.10.1917 г. переведен в 196-й пехотный Инсарский полк¹.

гия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник / Отв. сост. В.М.Шабанов. – М.: Русский мир, 2004. – 928 с.

¹ РГВИА. Ф.400. Оп.12. Д.26679. Ч.2. Л.148–154об.; Ч.3. Л.196–197 (1914); РГВИА. Ф.408. Оп.1. Д.14366. Л.258об. (1914); РГВИА. Ф.409. Оп.1. п/с 8–964 (1913).

8) подпоручик 12-го Финляндского стрелкового полка **Курт-Аметов Сеит-Мустафа**¹. Из крымских татар. Пал смертью храбрых 30.07.1916 г. Награжден орденом св. Георгия 4-й степени посмертно (Приказ армии и флоту от 05.05.1917 г.).

9) поручик 40-й артиллерийской бригады (военный летчик 40-го корпусного авиационного отряда) **Лебедзь Степан Александрович**. Пал смертью храбрых 13.09.1916 г. Посмертно произведен в штабс-капитаны и награжден орденом св. Георгия 4-й степени (Приказ армии и флоту от 09.10.1916 г.) «за то, что 13-го сентября 1916 г., летая в районе д. Хорохорина, что севернее Торчина, заметил группу в 10–12 самолетов противника, направлявшихся для бомбардировки г. Луцка, атаковал их, чем внес расстройство в ряды противника и дал время другим нашим аппаратам набрать высоту и отразить неприятельский налет. В этом неравном бою, штабс-капитан Лебедзь запечатлел свой подвиг геройской смертью». Магометанин. Из польско-литовских татар. Уроженец Минской губернии. Родился 15.03.1891 г. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Севастопольскую военную авиационную школу. В Первую мировую войну вступил в чине поручика, заведующего бригадной лабораторией 40-й артиллерийской бригады. 21.07.1915 г. командирован в Севастопольскую военную авиационную школу. С 03.11.1915 г. и.д. адъютанта Бельбекского отделения Севастопольской военной авиационной школы. После окончания школы в 1916 г. в 4-м корпусном авиационном отряде. С 13.09.1916 г. командир Гренадерского корпусного авиационного отряда².

---

¹ См. о нем: РГВИА. Ф.409. Оп.1. п/с 192–441 (1915); Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник / Отв. сост. В.М.Шабанов. – М.: Русский мир, 2004. – 928 с.

² См. о нем: РГВИА. Ф.400. Оп.12. Д.27630. Л.25–32; РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с. 9–791 (1916 г.); РГВИА. Ф.493. Оп.3. Д.129. Л.91; РГВИА. Ф.2008. Оп.1. Д.1571; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник / Отв. сост. В.М.Шабанов. – М.: Русский мир, 2004. – 928 с.; Авиаторы – кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: Биографический справочник / Сост. М.С.Нешкин, В.М.Шабанов. – М.: РОССПЭН, 2006. – 360 с., илл.

10) полковник 5-го стрелкового артиллерийского дивизиона **Мильковский Александр Степанович**¹. Высочайшим приказом от 13.01.1915 г. награжден орденом св. Георгия 4-й степени «за то, что в бою 4-го августа [1914 г.] у д. Шиласкен и Бабкен, находясь в составе отряда с двумя батальонами и имея против себя батарею неприятеля и пехоту в превосходных силах, под сильным огнем артиллерии и пехоты выдвинулся вперед и, нанеся решительное поражение неприятелю своим огнем, дал возможность ротам окончательно утвердиться на атакуемом пункте». Магометанин. Из польско-литовских татар. Родился 13.01.1873 г. Окончил Петрозаводскую гимназию, военно-училищный курс Московского пехотного юнкерского училища и Офицерскую артиллерийскую школу. В Первую мировую войну вступил в чине полковника, командира 2-й батареи 5-го стрелкового артиллерийского дивизиона. В 1915–1916 гг. командир 10-го отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона.

11) ротмистр 19-го драгунского Архангелогородского полка **Смольский Осман Бекирович**. Магометанин. Из польско-литовских татар. Высочайшим приказом от 13.01.1916 г. награжден Георгиевским оружием. Магометанин. Из польско-литовских татар. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище. Позже полковник 19-го драгунского Архангелогородского полка. В Белом движении в Вооруженных силах Юга России. На декабрь 1918 г. командир эскадрона в дивизионе Крымского конного полка².

12) полковник, командующий 166-м пехотным Ровненским полком **Сыртланов Равиль Шах-Айдарович**. Пал смертью храбрых 13.09.1916 г. Посмертно произведен в генерал-майоры (29.07.1916 г.) и награжден орденом св. Георгия 4-й степени (Высочайший приказ от 27.01.1916 г.) «за то, что в бою 20.06.1916 г. близ Скробово, во время кровопролитного штурма сильно укрепленной позиции, под-

---

¹ См. о нем: РГВИА. Ф.409. Оп.1. п/с 1709 (1913); Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник / Отв. сост. В.М.Шабанов. – М.: Русский мир, 2004. – 928 с.

² РГВИА. Ф.409. Оп.1. п/с 10721 (1906); РГВИА. Ф.400. Оп.9. Д.34954. Л.10об. (1914); Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник / Отв. сост. В.М.Шабанов. – М.: Русский мир, 2004. – 928 с.; Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии: Опыт мартиролога. – М.: Русский путь, 2004. – С.488.

няв в атаку свой полк, первым оказался на бруствере неприятельского укрепления и здесь был убит». Из потомственных дворян Уфимской губернии. Магометанин. Сын известного общественно-политического деятеля Ш.Ш.Сыртланова. Родился 29.10.1877 г. Окончил 2-й Оренбургский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. В Первую мировую войну вступил в должности преподавателя Алексеевского военного училища (с 1912 г.). С 02.10.1915 г. по 20.01.1916 г. – и.д. начальника штаба 22-й пехотной дивизии. С 20.01.1916 г. командир 166-го пехотного Ровненского полка¹.

13) капитан 1-го Ивангородского отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона **Сыртланов Юсуф Шах-Айдарович**. Высочайшим приказом от 13.10.1916 г. награжден Георгиевским оружием. Из потомственных дворян Уфимской губернии. Магометанин. Сын известного общественно-политического деятеля Ш.Ш.Сыртланова. Окончил Михайловское артиллерийское училище. В годы Гражданской войны офицер 14-й артиллерийской бригады. Полковник, заведующий хозяйством 6-го отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона батареи «Е». В эмиграции в Турции, член Общества офицеров-артиллеристов².

14) капитан Генерального штаба, старший адъютант штаба Гвардейской стрелковой бригады **Туган-Мирза-Барановский Давид Иванович**. Высочайшим приказом от 03.01.1915 г. награжден Георгиевским оружием. Магометанин. Из польско-литовских татар. Сын генерал-лейтенанта И.Д.Туган-Мирзы-Барановского. Родился 23.04.1881 г. Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию генштаба. В Первую мировую войну вступил в должности старшего адъютанта штаба Гвардейской стрелковой бригады. С 15.06.1915 г.

---

¹ РГВИА. Ф.400. Оп.12. Д.27362 Л.74–78 (1916); РГВИА. Ф.409. Оп.1. п/с 154–188 (1916); Новиков. В.А. Сборник материалов по истории уфимского дворянства. – Уфа: Печатня Блохина, 1879. – С.49; Татарская энциклопедия. – Т.5: Р-Т. – Казань, 2010. – С.489; Исхаков С.М. Тюрки-мусульмане в российской армии (1914–1917) // Тюркологический сборник. 2002: Россия и тюркский мир / Ред. кол. С.Г.Кляшторный (пред.) и др. – М.: Вост. лит., 2003. – С.254.

² РГВИА. Ф.409. Оп.1. п/с 2333. (1913); Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник / Отв. сост. В.М.Шабанов. – М.: Русский мир, 2004. – 928 с.; Татарская энциклопедия. – Т.5: Р-Т. – Казань, 2010. – С.489; Волков С.В. Офицеры российской артиллерии: опыт мартиролога. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. – С.650.

подполковник. До 10.09.1916 г. штаб-офицер для поручений при штабе Гвардейского корпуса, далее и.д. начальника штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии. С 06.12.1916 г. полковник, начальник штаба гвардейской стрелковой дивизии. С 11.06.1917 г. и.д. начальника штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Участник Белого движения в составе Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. С марта 1919 г. командир дивизиона Крымского конного полка. С октября 1919 г. начальник Днестровского отряда войск Новороссийской области. С мая 1920 г. в Русской Армии – командир 2-го Туземного конного полка, с июля 1920 г. начальник штаба инспектора конницы до эвакуации Крыма. Эвакуировался на о. Лемнос. В 1921 г. начальник штаба Кубанского корпуса. Генерал-майор. В эмиграции после 1934 г. во Франции, к 1938 г. в Варшаве, председатель объединения лейб-гвардии Конной артиллерии. Умер в Варшаве 29.08.1941 г. Похоронен на мусульманском кладбище¹.

15) подпоручик 125-й артиллерийской бригады **Утешев Хамидулла Ахмедисанович**. Высочайшим приказом от 12.01.1917 г. награжден Георгиевским оружием. Родился в 1892 г. Окончил Михайловское артиллерийское училище. В Белом движении поручик 4-й запасной артиллерийской бригады в Вооруженных силах Юга России. На 10.01.1920 г. в общежитии №1 в Буюк-Дере (Стамбул). Эмигрировал в США (г. Нью-Йорк), член Общества офицеров-артиллеристов. Умер после 1957 г.²

16) прапорщик 610-го Мензелинского полка **Шигаев Искандер Дигантиевич**³. Пал смертью храбрых 20.06.1917 г. Приказом по 7-й

---

¹ РГВИА. Ф.409. Оп.1. п/с 377–828 (1917); Волков С.В. Офицеры российской гвардии: опыт мартиролога. – М.: Русский путь, 2002. – С.486; Волков С.В. Офицеры российской артиллерии: опыт мартиролога. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. – С.673; Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. – М.: Русский путь, 2009. – С.361.

² Волков С.В. Офицеры российской артиллерии: опыт мартиролога. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. – С.684; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник / Отв. сост. В.М.Шабанов. – М.: Русский мир, 2004. – 928 с.

³ См. о нем: РГВИА. Ф.409. Оп.4. Д.8182 (1917); Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник / Отв. сост. В.М.Шабанов. – М.: Русский мир, 2004. – 928 с.

армии от 31.10.1917 г. за №1765 награжден орденом св. Георгия 4-й степени посмертно.

17) генерал-майор, начальник штаба Кавказской туземной конной дивизии, начальник штаба 2-го кавалерийского корпуса **Юзефович Яков (Якуб) Давыдович**. Высочайшим приказом от 07.02.1916 г. награжден Георгиевским оружием. Высочайшим приказом от 01.03.1916 г. награжден орденом св. Георгия 4-й степени за то, что «состоя начальником штаба Кавказской туземной конной дивизии в период боев с 11 по 26 января 1915 года в районе Лютовиска, Боберка, Ломни неоднократно подвергал свою жизнь явной опасности, проводил разведки и неустанно вел наблюдение в бою, на основании которых составил план действий дивизии, вполне соответствовавший намерениям начальника дивизии, причем во время производства разведки 18 января был ранен ружейной пулей, но остался в строю, продолжая выполнять свои обязанности. Во время самих боев принимал в них деятельное участие, постоянно лично давая указания частным начальникам и, зачастую, не имея возможности своевременно получать указания от начальника дивизии, по собственному почину принимал такие меры, которые способствовали поражению австрийцев». Магометанин. Из польско-литовских татар. Родился 12.03.1872 г. Окончил Полоцкий кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. В Первую мировую войну вступил в чине полковника и должности и.д. генерала для делопроизводства и поручений управления дежурного ген. при Верх. Главнокомандующем. С 23.08.1914 г. начальник штаба Туземной («Дикой») конной дивизии. С 10.09.1915 генерал-майор. До 15.04.1917 г. начальник штаба 2-го кавалерийского корпуса, позже генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем, 1-й генерал-квартирмейстер при Верховном Главнокомандующем. В июне-сентябре 1917 гг. – командующий 12-й кавалерийской дивизией. С 07.09.1917 г. генерал-лейтенант, тогда же назначен командиром 26-го армейского корпуса. В сентябре-ноябре 1917 г. командовал 12-й армией. С 14.11.1917 г. назначен командующим Северного фронта. В Гражданскую войну вступил в Добровольческую армию. С 01.01.1919 г. назначен начальником штаба Кавказской Добровольческой армии. В мае 1919 г. назначен начальником штаба Кавказской армии. В июне-ноябре 1919 г. командовал 5-м кавалерийским корпусом. С 29.11.1919 г. состоял в резерве чинов

при Военном управлении Вооруженных сил Юга России. В апреле 1920 г. руководил работами по укреплению Перекопа и строительством железной дороги Джанкой-Юшунь. В мае-сентябре 1920 г. – генерал-инспектор кавалерии Русской армии генерала Врангеля. С сентября 1920 г. за границей: жил в Висбадене (Германия), затем в Польше и Эстонии. Умер в г. Тарту 05.07.1929 г.¹

18) прапорщик 63-го пехотного Углицкого полка **Ягъяев Эмир-Усейн**². Из крымских татар. Приказом по 11-й армии №689 от 11.10.1917 г. награжден Георгиевским оружием. Поступил в 63-й пехотный Углицкий полк в 1917 г. На 18.06.1917 г. – командир сводно-го взвода гренадер.

19) корнет, позже поручик 11-го драгунского Рижского полка **Янбулатов Усман Хасанович**³. Постановлением Петроградской Георгиевской Думы от 21.10.1917 г. награжден орденом св. Георгия 4-й степени. Приказом по 7-й армии №1888 от 21.11.1917 г. награжден Георгиевским оружием.

Обладатели других орденов

Среди татарских генералов и офицеров были и видные военачальники, проявившие себя в Первой мировой войне, удостоенные орденов с мечами и бантом, т.е. наград, жалуемых только за военные заслуги. Сведения о тех из них, кто в Первую мировую войну или после нее занимал значимые должности по военному ведомству цар-

¹ РГВИА. Ф.400. Оп.12. Д.26989. Л.25–39 (1915); РГВИА. Ф.409. Оп.1. п/с 144–165 (1917); Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. – М.: Русский путь, 2009. – С.386; Гришин Я. Командарм Якуб Юзефович // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1999. – №3/4. – С.120–123; Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003. – С.720.

² См. о нем: РГВИА. Ф.2129. Оп.2. Д.52. Л.608–612 (1917); Волков С.В. Офицеры российской артиллерии: опыт мартиролога. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. – С.684; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник / Отв. сост. В.М.Шабанов. – М.: Русский мир, 2004. – 928 с.

³ См. о нем: РГВИА. Ф.409. Оп.4. Д.8465. (1917); РГВИА. Ф.2067. Оп.2. Д.924. Л.10–13 (1915); РГИА. Ф.496. Оп.3. Д.1126; Д.1161 (1917); Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник / Отв. сост. В.М.Шабанов. – М.: Русский мир, 2004. – 928 с.

ской России, Белого движения, независимых государств, образовавшихся после распада Российской империи или Советского государства, приведены ниже:

1) **Альметьев Василий Михайлович** (1879 – после 1919) – войсковой старшина Оренбургского казачьего войска. Из казаков-татар (нагайбаков) Оренбургского казачьего войска. Православный. Окончил Верхнеуральское городское 2-х классное училище, Троицкую гимназию, Оренбургское казачье юнкерское училище и Офицерскую стрелковую школу. В Первую мировую войну вступил в чине подъесаула 16-го Оренбургского казачьего полка. 18.04.1915 г. эвакуирован в войско по болезни. С 18.11.1915 г. в отдельном Оренбургском казачьем дивизионе. Есаул с 11.02.1916 г. 09.02.1918 г. уволен в войско по демобилизации дивизиона. С 1918 г. в Белом движении в 4-м партизанском отряде. С 17.07.1918 г. помощник командира 5-го Оренбургского казачьего полка по хозяйственной части. С 22.10.1918 г. помощник командира 21-го Оренбургского казачьего полка по хозяйственной части, войсковой старшина. Временно командовал 21-м Оренбургским казачьим полком (14.02-07.03, 02.04.1919 г.). 02.04.1919 г. находясь в цепях полка, ранен пулей в грудь навывлет. В ходе Первой мировой войны награжден орденами св. Анны 2-й степени с мечами и св. Станислава 2-й степени с мечами¹.

2) **Альметьев Николай Михайлович** (1872 – около 1938) – полковник Оренбургского казачьего войска. Из казаков-татар (нагайбаков) Оренбургского казачьего войска. Православный. Окончил Верхнеуральское городское 2-хклассное училище и Оренбургское казачье юнкерское училище. В Первую мировую войну вступил в чине есаула, исполняющего делами начальника штаба Оренбургского казачьего войска. В данной должности до 08.01.1917 г. С 06.05.1916 г. войсковой старшина. В 1917–1918 гг. командир 1-го Оренбургского казачьего запасного полка. В Белом движении на 25.10.1918 г. дежурный генерал штаба Юго-Западной армии, далее и.д. дежурного генерала штаба Юго-Западной армии, и.д. дежурного генерала штаба Отдельной Оренбургской армии (23.10.1918 г.). С 19.03.1919 г. полковник, откомандирован в распоряжение походного атамана всех ка-

---

¹ Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. – М.: Русский путь; Библиотекафонд «Русское Зарубежье», 2007. – С.88–89.

зачьих войск на формирование его штаба (31.05.1919 г.), уполномоченный командующего Южной армии по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Оренбургском военном округе на театре военных действий (27.06.1919 г.), командир 35-го Оренбургского казачьего полка. В эмиграции с 1920 г. в Китае. Арестован НКВД Узбекской ССР 06.06.1938 г.¹

3) **Базаревский Осип Давидович** (1868 – после 1917) – полковник. Магометанин. Из польско-литовских татар. Окончил Виленское реальное училище, Николаевское инженерное училище и Николаевскую инженерную академию. В Первую мировую войну вступил в чине полковника, штаб-офицером для поручений управления инспектора инженерной части Варшавского военного округа. На 14.01.1915 г. начальник Тульского отдела по квартирному довольствию войск. С 06.02.1915 г. и.д. помощника начальника инженера снабжений армий Северо-Западного фронта. В 1916–1917 гг. в том же чине и должности в штабе Западного фронта. С 31.01.1917 г. и.д. начальника инженерных снабжений армий Румынского фронта. В ходе Первой мировой войны награжден орденом св. Владимира 3-й степени (Высочайший приказ от 14.01.1915 г.)².

4) **Беляк Тамерлан Сулейманович** (1857 – после 1915) – полковник, кавалер Георгиевского оружия (1905). Магометанин. Из польско-литовских татар. Окончил 1-ю Санкт-Петербургскую гимназию, Михайловское артиллерийское училище и Офицерскую артиллерийскую школу. В Первую мировую войну вступил в чине полковника, командира 2-го дивизиона 18-й артиллерийской бригады. На 03.03.1915 г. состоял в резерве чинов при штабе Киевского военного округа. На 01.08.1916 г. в списках не значится. В ходе Первой мировой войны награжден орденом св. Владимира 3-й степени с мечами (Высочайший приказ от 03.03.1915 г.)³.

5) **князь Биарсланов Осман-бей Асанович** (? – 1918) – подполковник. Из крымских татар. В Первую мировую войну командир 6-го

---

¹ Там же. С.89–90.

² См. о нем: Список полковникам по старшинству. Составлен по 01.03.1914. – СПб., 1914; Список полковникам по старшинству. Составлен по 01.08.1916. – Петроград, 1916.

³ См. о нем: Список полковникам по старшинству. Составлен по 01.03.1914. – СПб., 1914; Беляк Тамерлан Сулейманович. [Электрон. ресурс] Режим доступа: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=7487>

эскадрона Крымского конного полка. В Белом движении в декабре 1917 г. командир 2-го Крымско-татарского полка. В январе 1918 г. погиб в боях с большевиками в Крыму¹.

6) **Бицютко Константин (Хасен) Яковлевич** (1866–1916) – генерал-лейтенант, кавалер Георгиевского оружия (1906 г.). Магометанин. Из польско-литовских татар. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, 3-е военное Александровское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. В Первую мировую войну вступил в чине генерал-майора, начальника штаба 1-го Туркестанского армейского корпуса. В 1914–1915 гг. – инспектор артиллерии 28-го армейского корпуса. С 19.11.1915 г. по 13.05.1916 г. командующий 3-й Кавказской стрелковой дивизией. 13.05.1916 г. смертельно ранен на передовых позициях дивизии. Высочайшим приказом от 20.06.1916 г. посмертно произведен в чин генерал-лейтенанта. В ходе Первой мировой войны награжден мечами к ордену св. Владимира 3-й степени (Высочайший приказ 19.02.1915 г.), орденом св. Станислава 1-й степени с мечами (Высочайший приказ 01.05.1915 г.), посмертно орденом св. Анны 1-й степени с мечами (Высочайший приказ 12.06.1915)².

7) **Бицютко Сулейман Яковлевич** (1871 – после 1918) – полковник. Магометанин. Из польско-литовских татар. Окончил кадетский корпус, 1-е военное Павловское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. В Первую мировую войну вступил в чине подполковника, командира 2-й батареи 45-й артиллерийской бригады. Высочайшим приказом от 01.05.1915 г. удостоен чина полковника за отличия в делах, с утверждением в должности командира того дивизиона. В 1916 г. в том же чине и должности. В ходе Первой мировой войны награжден мечами и бантом к ордену св. Владимира 4-й степени (Высочайший приказ 02.04.1915 г.) и мечами и бантом к ордену св. Анны 3-й степени (05.06.1916 г.)³.

---

¹ Волков С.В. *Офицеры армейской кавалерии: Опыт мартиролога.* – М.: Русский путь, 2004. – С.80.

² Ганин А.В. *Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы.* – М.: Русский путь, 2009. – С.795; *Татарская энциклопедия.* – Т.1: А-В. – Казань, 2002. – С.405.

³ Ганин А.В. *Корпус офицеров Генерального штаба...* – С.169; *Список подполковникам по старшинству. Составлен по 15.05.1913.* – СПб., 1913; *Список полковникам по старшинству. Составлен по 01.08.1916.* – Петроград, 1916.

8) **Давлетшин Абдель-Азис Абдулович** (1861–1920) – генерал-майор, ученый и общественный деятель. Из дворян Оренбургской губернии. Магометанин. Окончил 1-е военное Павловское училище и Курсы восточных языков Главного штаба. В Первую мировую войну вступил в чине генерал-майора, делопроизводителя Азиатской части Главного штаба. В 1916 г. в той же должности и звании. В апреле 1917 г. включен Временным правительством в состав Туркестанского комитета в Ташкенте. В конце лета возглавил Азиатскую часть Главного штаба. В 1920 г. инициатор учреждения Восточного отделения Академии Главного штаба РККА. Бессменный председатель Комитета по постройке Соборной мечети в г. С.-Петербурге (1906–1917). В ходе Первой мировой войны награжден орденами св. Владимира 3-й степени (Высочайший приказ 22.03.1915 г.) и св. Станислава 1-й степени (Высочайший приказ 30.07.1915 г.)¹.

9) **Дашкин Зулькарнайн Шагингиреевич** (1861 – после 1919) – генерал-майор. Из дворян станицы Ключевской, сын войскового старшины Оренбургского казачьего войска. Магометанин. Окончил Оренбургское казачье юнкерское училище и Офицерскую стрелковую школу. В Первую мировую войну вступил в чине войскового старшины, командира 14-го Оренбургского казачьего полка. В должности командира данного полка прошел с боями всю войну от г. Суходол до гг. Ченстохов (Польша) и Вилькомир (Литва). Полковник с 19.12.1916 г. Контужен с ушибом голени правой ноги, остался в строю. С января 1918 г. командующий мусульманской части в составе Оренбургского казачьего войска. В августе-сентябре 1918 г. гласный Оренбургской городской думы. 11.08.1918 г. уволен в отставку с награждением чином генерал-майора, мундиром и пенсией. Входил в состав Башкирского правительства и Киргизского правительства «Алаш-Орды». В 1919 г. ушел с отступающими войсками атамана А.И.Дутова, семья осталась в г. Орске. Дальнейшая судьба не известна. В ходе Первой мировой войны награжден орденом св. Анны 2-й степени с мечами (31.10.1914 г.), св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (31.10.1914 г.), мечами и бантом к ордену св. Ста-

---

¹ См. о нем: Список генералам по старшинству. Составлен по 15.04.1914. – Петроград, 1914; Список генералам по старшинству. Составлен по 10.07.1916. – Петроград, 1916; Арапов Д. «Желательно, чтобы ознакомление с мусульманством велось без крайностей, более спокойно и разносторонне» (Генерал Абд-ал-Азис Давлетшин и его труды по мусульманскому вопросу) // Источник. – 2003. – №3.

нислава 2-й степени (14.03.1915 г.), мечами и бантом к ордену св. Анны 3-й степени (15.05.1915 г.), мечами и бантом к ордену св. Станислава 3-й степени (26.06.1915 г.)¹.

10) **Домбровский Степан Осипович** (1868 – после 1916) – полковник. Магометанин. Из польско-литовских татар. Окончил классическую гимназию и военно-училищные курсы Московского пехотного юнкерского училища. В Первую мировую войну вступил в чине подполковника, командира 2-й батареи 2-го стрелкового артиллерийского дивизиона. Высочайшим приказом от 25.10.1914 г. удостоен чина полковника за отличия в делах. На 06.03.1915 г. командир 2-го стрелкового артиллерийского дивизиона. С 05.05.1916 г. командир 1-го дивизиона 2-й стрелковой артиллерийской бригады. На 01.08.1916 г. в том же чине и должности. В ходе Первой мировой войны награжден орденом св. Владимира 3-й степени с мечами (Высочайший приказ от 14.01.1915 г.) и мечами и бантом к ордену св. Анны 3-й степени (Высочайший приказ от 06.03.1915 г.)².

11) **Ижбулатов (Ишбулатов) Хаджи-Ахмет Исхакович** (1851–1921) – генерал-майор. Из дворян Уфимской губернии. Сын походного старшины 3-го мещеряцкого кантона Башкиро-мещеряцкого войска. Магометанин. Окончил Оренбургский кадетский корпус. К началу Первой мировой войны в отставке в чине генерал-майора. С началом войны мобилизован, командовал запасным пехотным батальоном. С 27.06.1916 г. командующий 152-м запасным пехотным полком. С января по май 1918 г. начальник 1-й мусульманской стрелковой бригады, далее командовал 2-й Башкирской дивизией, отдельным Башкирским корпусом³.

---

¹ Семенов В.Г. Татары в Оренбургском казачьем войске // Евразийское ожерелье: Альманах. – Оренбург, 2001. – Вып.1. – С.166–190; Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. – М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2007. – С.188; Татарская энциклопедия. – Т.2: Г-Й. – Казань, 2005. – С.233.

² См. о нем: Список подполковникам по старшинству. Составлен по 15.05.1913. – СПб., 1913; Список полковникам по старшинству. Составлен по 01.08.1916. – Петроград, 1916.

³ Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. – М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2007. – С.242; Татарская энциклопедия. – Т.2: Г-Й. – Казань, 2005. – С.534.

12) **Ислямов Исхак Ибрагимович** (1865–1929) – генерал-майор флота, мореплаватель, географ-гидролог. Магометанин. Родился в семье унтер-офицера 1-го флотского экипажа. Окончил Кронштадтское реальное училище, Техническое училище морского ведомства и Николаевскую морскую академию. В Первую мировую войну вступил в чине капитана I ранга 20-го Балтийского флотского экипажа. В феврале 1915 г. – в командировке в составе комиссии по расширению и углублению входов на Свеаборгский рейд. Осенью 1915 г. занял должность коменданта Черноморского пункта высадки войск, а затем начальника Черноморской базы высадки войск. В октябре-декабре 1915 г. находился в плавании на борту транспорта «Григор» по Черному морю, а с 02.12.1915 г. по 15.02.1916 г. – на транспорте «Владислав». В 1916 г. назначен начальником Июкоганской базы, избран членом Гельсингфорского мусульманского исполкома армии, флота и рабочих. 11.09.1917 г. произведен в генерал-майоры с увольнением от службы по болезни, с мундиром и пенсией. В Белом движении на Черноморском флоте белых. В эмиграции в Турции. Преподавал в турецком морском училище. Занимался научно-просветительской деятельностью, являясь автором словаря татарских корней в русском языке. Писал труды по мореплаванию. Умер 04.06.1929 г. в Стамбуле¹.

13) **Кочуров Абдрахман Менанович** (1885 – после 1919) – есаул. Родился в семье обер-офицера пос. Варненского Оренбургского казачьего войска. Магометанин. Окончил Оренбургский кадетский корпус, Павловское военное училище, Курс пулеметной стрельбы при Офицерской стрелковой школе, Курс саперного дела при 4-м железнодорожном батальоне. В Первую мировую войну вступил в чине подъесаула 2-го Оренбургского казачьего полка. В 1914–1917 гг. командир 2-й сотни того же полка. С 29.09.1917 г. есаул. В Белом движении в 1918 г. командир Полтавского полка 2-й Оренбургской казачьей дивизии. В конце 1918 г. командир 10-го Оренбургского казачьего полка. В той же должности на январь 1919 г. В ходе Первой мировой войны награжден орденами св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (1915 г.), св. Анны 3-й степени с мечами

---

¹ Ахметшин Ш., Гришин Я., Насеров Ш. Генерал-майор И.И.Ислямов // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2003. – №3/4. – С.94–97; Татарская энциклопедия. – Т.1: А-В. – Казань, 2002. – С.610–611.

и бантом (1915 г.), св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (1915 г.), св. Станислава 2-й степени с мечами (1916 г.), св. Анны 2-й степени с мечами (1916 г.)¹.

14) **Кочуров 2-й Султан Абдул Вагапович** (1866–1917) – войсковой старшина. Из казаков-татар пос. Варнинского. Магометанин. Окончил Оренбургскую военную прогимназию и Оренбургское казачье юнкерское училище. К началу Первой мировой войны в отставке в чине войскового старшины. В Первую мировую войну командир 33-й особой Оренбургской казачьей сотни. Эвакуирован с фронта по болезни. В ходе Первой мировой войны награжден орденом св. Анны 2-й степени с мечами (Высочайший приказ 21.12.1916 г.)².

15) **Кочуров 1-й Шагимурат Абдул Вагапович** (1868 – после 1920) – войсковой старшина. Из казаков-татар пос. Варнинского. Магометанин. Окончил Оренбургскую военную прогимназию и Оренбургское казачье юнкерское училище. К началу Первой мировой войны в отставке в чине войскового старшины. В январе 1916 г. призван на действительную службу из отставки по собственному желанию. В Первую мировую войну командир 22-й особой Оренбургской казачьей сотни (12.09.1916–1917). В Белом движении. 08.10.1918 г. назначен руководителем обучения казаков 2-го военного отдела, мобилизованных, но не призванных в части. С февраля 1919 г. член Войскового правительства Оренбургского казачьего войска. В мае 1919 г. подал в отставку, но отставка не принята. По всей видимости, попал в плен к красным под Красноярском (1920)³.

16) **Мурзич Бекир Яковлевич** (1852 – после 1917 г.) – генерал-майор. Магометанин. Из польско-литовских татар. Окончил 1-е военное Павловское училище. К началу Первой мировой войны в отставке в чине полковника. С началом войны мобилизован. В 1915–1917 гг. состоял в резерве чинов при штабе Киевского военного ок-

---

¹ Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. – М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2007. – С.297.

² Там же. С.297–298.

³ Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. – М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2007. – С.298.

руга. На 10.07.1916 г. в том же чине и должности. С 07.08.1917 г. генерал-майор¹.

17) **Нагайбаков Измаил Ахметович** (1896–1959) – генерал-лейтенант. Родился 20.09.1896 г. в г. Шадринск ныне Курганской области. Окончил Ташкентский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское военное училище и Военную академию им. М.В.Фрунзе. Участник Первой мировой войны с 1915 г. В 1915–1916 гг. прапорщик батареи запасной конноартиллерийской дивизии. В 1916–1917 гг. подпоручик, поручик 26-й конноартиллерийской батареи. В Красной армии. В 1918–1919 гг. заместитель начальника штаба интернационального отряда в составе 9-й армии: участвовал в боях против Добровольческой армии в Терской области. С 1920 г. в подавлении басмачества в Средней Азии. В январе-апреле 1920 г. офицер батареи в мусаватской армии (Баку), в 1920–1921 гг. – командир взвода, помощник командира батареи Высшей военной школы усовершенствования командного состава в Ташкенте. В 1922–1923 гг. преподавал в 23-й Ташкентской пехотной школе им. В.И.Ленина. В 1923–1926 гг. в азербайджанской дивизии: от командира дивизиона до начальника штаба артиллерийского полка. В 1931–1935 гг. в Томской артиллерийской школе: начальник учебного отдела, начальник штаба. В 1935–1937 гг. командир 218-го стрелкового полка. 14.11.1938 г. арестован по обвинению в принадлежности к антисоветской троцкистской организации. В 1940 г. освобожден. В феврале-сентябре 1940 г. преподавал в Военной академии им. М.В.Фрунзе. В 1940–1942 гг. в Казанском пехотном (позже танковом) училище: помощник начальника по учебно-строевой части, с 1941 г. заместитель начальника училища. На фронтах Великой Отечественной войны с мая 1942 г.: заместитель командира 148-й танковой бригады, начальник штаба 17-го танкового корпуса. С 27.06.1945 г. генерал-лейтенант. В 1945–1946 гг. начальник штаба танкового корпуса-дивизии 4-й гвардейской Кантемировской дивизии. В 1946–1950 гг. начальник штаба 1-й механизированной армии Группы советских войск в Германии. В 1950–1954 гг. начальник

---

¹ Волков С.В. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Том II (Л-Я). – М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. – С.90.

Высшей офицерской школы самоходной артиллерии ВС СССР им. Ф.И.Толбухина. С 1954 г. в отставке по болезни¹.

18) **Романович Александр Ромуальдович** (1871–1934) – генерал-майор, политический и общественный деятель. Магометанин. Из польско-литовских татар. Уроженец имения Олекшишки Лидского уезда. Окончил Полоцкий кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. В Первую мировую войну вступил в чине полковника лейб-гвардии Драгунского полка. С 28.05.1915 г. командир 12-го Калишского конного полка пограничной стражи. В чине генерал-майора с 15.10.1917 г. командующий Финляндской пограничной сводной дивизией. В 1918 г. министр юстиции Крымского краевого правительства. С 04.01.1920 г. в польской армии, организатор и командир татарского уланского полка. С 22.04.1920 г. командир 7-й конной бригады. С 01.04.1921 г. в отставке в чине генерала бригады. Член Виленской мусульманской гмины, один из инициаторов создания Культурно-просветительского союза татар Речи Посполитой. В 1931 г. председатель Кружка воспитанников русских кадетских корпусов в Вильно. В ходе Первой мировой войны награжден орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (Высочайший приказ 26.10.1914 г.) и мечами к ордену св. Анны 2-й степени (Высочайший приказ 18.02.1915г.)².

19) **Сейфулин Абу-бек Искандерович** (?–1960) – полковник. Сын полковника И.Т.-М.Сейфулина. Окончил Константиновское артиллерийское училище. В Первую мировую войну вступил в чине подпоручика Лейб-гвардии Стрелковой артиллерийской бригады. В Белом движении в чине штабс-капитана в Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В январе-марте 1920 г. в Вооруженных силах Юга России – командир горного орудия при роте Лейб-гвардии Егерского полка. Полковник. Участник Бредовского похода. К маю 1920 г. эвакуирован из Польши. На 20.07.1920 г. в Югославии. Возвратился в Крым (?) В эмиграции в Турции, на

¹ Абдуллин Х.М. Военные учреждения и заведения Казанского кремля в XVIII – первой половине XX вв. – Казань: Отечество, 2013. – С.108–109; Татарская энциклопедия. – Т.4: М-П. – Казань, 2008. – С.337.

² Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003. – С.863; Волков С.В. Офицеры российской гвардии: опыт мартиролога. – М.: Русский путь, 2002. – С.416; Татарская энциклопедия. – Т.5: Р-Т. – Казань, 2010. – С.136.

1921 г. член Морского клуба в Стамбуле, затем Германии. К 1940 г. член Общества офицеров-артиллеристов. Умер в 1960 г. у оз. Ван¹.

20) **Сейфулин Искандер Таш-Мухамедович** (1861 – после 1916) – полковник. Магометанин. Окончил Сибирскую военную гимназию, 2-е военное Константиновское училище и Офицерскую стрелковую школу. В Первую мировую войну вступил в чине полковника 17-го Туркестанского стрелкового полка. С 28.02.1915 г. командир 132-го пехотного запасного полка. На 01.08.1916 г. в том же чине и должности. В ходе Первой мировой войны награжден орденами св. Владимира 4-й степени (Высочайший приказ 01.05.1915 г.) и св. Владимира 3-й степени (13.12.1915 г.)².

21) **Сейфулин Ислам-бек Искандерович** (? – после 1969) – полковник. Сын полковника И.Т.-М. Сейфулина. Окончил Константиновское артиллерийское училище. В Первую мировую войну вступил в чине подпоручика Лейб-гвардии Стрелковой артиллерийской бригады, позже Лейб-гвардии Тяжелого артиллерийского дивизиона. Штабс-капитан, позже полковник. На декабрь 1924 г. в эмиграции, на ноябрь 1950 г. заместитель председателя объединения Лейб-гвардии Тяжелого артиллерийского дивизиона. Умер после 1969 г. в Париже³.

22) **Соболевский Михаил (Хан-Кирант-Мирза) Яковлевич** (1883–1930) – генерал-майор, кавалер ордена св. Георгия 4-й степени (1905 г.). Окончил Полоцкий кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. В Первую мировую войну вступил офицером 6-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. Полковник. В Белом движении с осени 1918 г. – сформировал и возглавил добровольческий отряд в Полтавской губернии. С мая 1919 г. командир 3-го батальона Ливенского отряда. С 06.08.1919 г. командир 3-го (19-го) Полтавского стрелкового полка 5-й (Ливенской) дивизии. Летом-осенью 1919 г. начальник штаба той же дивизии. С января 1920 г.

---

¹ Волков С.В. Офицеры российской гвардии: опыт мартиролога. – М.: Русский путь, 2002. – С.435; Волков С.В. Офицеры российской артиллерии: опыт мартиролога. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. – С.600.

² См. о нем: Список полковникам по старшинству. Составлен по 01.03.1914. – СПб., 1914; Список полковникам по старшинству. Составлен по 01.08.1916. – Петроград, 1916.

³ Волков С.В. Офицеры российской гвардии: опыт мартиролога. – М.: Русский путь, 2002. – С.435; Волков С.В. Офицеры российской артиллерии: опыт мартиролога. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. – С.600.

генерал-майор. Весной 1920 г. в 3-й Русской армии Польши. В эмиграции в Данциге, председатель объединения Ливенского отряда. Умер в 1930 г. в Данциге¹.

23) **Соболевский Степан (Мустафа) Яковлевич (Якубович)** (1879 – до 1922) – генерал-майор. Магометанин. Из польско-литовских татар. Окончил Полоцкий кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Офицерскую воздухоплавательную школу и Николаевскую академию Генерального штаба. В Первую мировую войну вступил в чине капитана, старшим адъютантом штаба 21-го армейского корпуса. С 06.12.1914 г. подполковник, с назначением старшим адъютантом отдела генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии. С 15.08.1916 г. полковник. В период 03.10.1916 – 03.01.1917 г. и.д. начальника штаба 112-й пехотной дивизии. С 22.08.1917 г. командир 24-го пехотного Симбирского полка. В Белом движении один из помощников начальника военных сообщений в Крымско-Азовской армии зимой 1919 г., позже и.д. начальника штаба 9-й Донской конной дивизии, в составе 4-го Донского корпуса участвовавшей в Мамонтовском рейде. В октябре 1919 г. помощник начальника военных сообщений Кавказской армии. В Русской армии с сентября-октября 1920 г. начальник штаба 2-й Донской конной дивизии. С 21.09.1920 г. генерал-майор. В эмиграции. Умер не позже 1922. В ходе Первой мировой войны награжден орденами св. Станислава 2-й степени с мечами (декабрь 1914 г.), св. Анны 2-й степени с мечами (Высочайший приказ 16.02.1915 г.) и св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (Высочайший приказ 24.03.1915г.)².

24) **Сулькевич Матвей (Сулейман) Александрович** (1865–1920) – генерал-лейтенант, военный и государственный деятель, кавалер Георгиевского оружия (1907). Магометанин. Из польско-литовских татар. Потомственный дворянин Виленской губернии. Родился в семье подполковника гусарского полка. Окончил Михайловский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. В Первую мировую войну вступил в чине

---

¹ Волков С.В. Офицеры российской артиллерии: опыт мартиролога. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. – С.622–623.

² Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. – М.: Русский путь, 2009. – С.342; Волков С.В. Офицеры российской артиллерии: опыт мартиролога. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. – С.623.

генерал-майора, начальника штаба 11-го армейского корпуса. С 26.02.1915 г. командующий 33-й пехотной дивизией. За боевые отличия произведен в генерал-лейтенанты (приказ 08.01.1916). С 27.02.1917 г. возглавил 37-й армейский корпус. В октябре 1917 г. был выдвинут на пост командира 1-го мусульманского корпуса, который планировало начать формировать Временное правительство. После Октябрьских событий уехал в Крым. 25.06.1918 г. сформировал Крымское краевое правительство, где занял пост премьер-министра, министра внутренних дел и военного министра. 15.11.1918 г. передал власть новому правительству Крыма. В 1919–1920 гг. начальник Генерального штаба армии Азербайджана. В мае 1920 после занятия Азербайджана частями РККА арестован и расстрелян. В ходе Первой мировой войны награжден орденами св. Станислава 1-й степени с мечами (Высочайший приказ 10.01.1915 г.), св. Анны 1-й степени с мечами (Высочайший приказ 09.04.1915 г.), св. Владимира 2-й степени с мечами (Высочайший приказ 09.02.1916 г.) и мечами к ордену св. Владимира 3-й степени (Высочайший приказ 14.02.1916г.)¹.

25) **Тальковский Искандер Искандерович (Александр Александрович)** (1894–1942) – генерал-майор. Магометанин. Из польско-литовских татар. Родился в поселке Новобжеск Меховского уезда Келецкой губернии в семье штаб-ротмистра. Окончил Александровскую гимназию в Риге, Павловское военное училище, Высшие военно-академические курсы высшего командного состава РККА и Курсы усовершенствования высшего состава при Военной академии им. М.В.Фрунзе. В Первую мировую войну вступил в чине подпоручика, командира полуроты запасного батальона Павловского лейб-гвардейского полка. В 1915–1917 гг. занимал должности командира полуроты, начальника команды конных разведчиков, начальника учебной команды и командира батальона Павловского лейб-гвардейского полка, непрерывно участвуя в боях на Северо-Западном, Западном и Юго-Западном фронтах. После Февральской революции был избран заместителем председателя полкового солдатского комитета, избирался делегатом армейского и фронтового съездов солдат-

---

¹ Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003. – С.576–577; Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. – М.: Русский путь, 2009. – С.351; Татарская энциклопедия. – Т.5: Р-Т. – Казань, 2010. – С.475–476.

мусульман Юго-Западного фронта. После октябрьских событий 1917 г. перешел на сторону советской власти и по вызову Мусульманского военного совета при Петербургском Совете рабочих и солдатских депутатов командирован в распоряжение командующего Петроградским военным округом для формирования национальных частей РККА. 03.12.1917 г. приступает к формированию Петроградского мусульманского солдатского полка из солдат и рабочих-татар Петроградских заводов. Командуя полком с декабря 1917 г. по июнь 1918 г., входил в состав Петроградского укрепрайона, нес охрану столицы в период разгона Учредительного собрания и отхода финских красногвардейцев из Финляндии. С июля по декабрь 1918 г. командовал 2-м стрелковым полком 1-й Петроградской рабочей стрелковой дивизии в Петроградском укрепрайоне. В начале 1919 г. начальник строевой части Вторых Мусульманских командных курсов. С мая 1919 г. по март 1920 г. начальник штаба Отдельной Приволжской татарской стрелковой бригады, участвовал в боях Южной группы Восточного фронта и 1-й Революционной армии Туркестанского фронта под Оренбургом и т.д. Позже был переброшен с бригадой на басмаческий фронт в Ферганский боевой район Туркестанского фронта. С марта 1920 г. командовал 4-й и 6-й Туркестанскими отдельными стрелковыми бригадами красных командиров в Фергане и Семиречье. Руководил операциями по ликвидации басмачества в Фергане, участвовал в подавлении Нарымского восстания в Семиречье в 1921 г. Командуя бригадой, работал председателем Военного Совета Андижано-Ошского и Ферганского боевого района Ферганской армейской группы войск с подчинением ему всех частей РККА, войск ВЧК и милиции в данном районе. Член ВКП(б) с мая 1921 г. С 01.10.1923 г. начальник Объединенной Татаро-башкирской военной школы и пробыл на этой должности 8 лет. 10.12.1929 г. признан соответствующим занимаемой должности начальника школы и должности командира стрелковой дивизии. 01.04.1930 г. приказом РВС СССР назначается военным комиссаром школы. В 1931–1937 гг. в звании генерал-майора командовал 3-й Крымской стрелковой дивизией им. ЦИК Крымской АССР. В 1940–1941 гг. преподаватель, начальник курса в Военной академии им. М.В.Фрунзе. Необоснованно репрессирован в 1938 и 1941 гг. Реабилитирован в 1958 г.¹

¹ Гришин Я.Я., Шарафутдинов Д.Д. Личное дело и жизнь комдива И.Тальковского // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1998. – №3/4. – С.162–168; Абдул-

26) **Тальковский Искандер Османович** (1858–1921) – генерал-майор. Родился в Виленской губернии в дворянской семье. Магомед-танин. Из Польско-литовских татар. Окончил реальное училище Цербовского и Виленское пехотное юнкерское училище. В Первую мировую войну вступил в чине генерал-майора, командира 4-й пограничной Рижской бригады. В январе 1915 г. назначается начальником гарнизона г. Виндавы и Виндавского отряда, а позже начальником Виндавского района охраны Балтийского побережья, где участвует в боевых действиях против германского флота. С 1916 г. зачисляется в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа с командированием в распоряжение командующего 5-й армией. В 1918–1919 гг. командовал бригадой, заведовал Первыми Казанскими мусульманскими пехотными командными курсами. С 1920 г. в Баку, где и скончался в 1921 г. В ходе Первой мировой войны награжден орденом св. Станислава 1-й степени¹.

Младший офицерский состав

В наибольшем числе татары в Первой мировой войне были представлены среди младшего офицерского состава, но к сожалению, информации о них очень мало и этот вопрос ждет своего кропотливого исследователя. Ниже приведен список и сведения об обер-офицерах участниках Первой мировой войны из числа татар:

1) **Алимбеков Ахмет Валиуллович** (1896–1957) – кандидат политических наук (1942). Родился в деревне Дракино Карсунского уезда Симбирской губернии. Окончил Казанскую школу прапорщиков и Казанский государственный университет. Участник Первой мировой войны с 1914 г. С 1916 г. прапорщик. Службу проходил в 140-м и 158-м запасных пехотных полках. Участник 1-го Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока. Один из организаторов Первой отдельной Приволжской татарской стрелковой бригады, в 1919 г.: командир роты 1-х Казанских

лин Х.М. Военные учреждения и заведения Казанского кремля в XVIII – первой половине XX вв. – Казань: Отечество, 2013. – С.127–129; Татарская энциклопедия. – Т.5: Р-Т. – Казань, 2010. – С.515.

¹ Гришин Я.Я., Шарифудинов Д.Д. Безупречный генерал Искандер Тальковский // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1997. – №1/2. – С.147–153; Абдуллин Х.М. Военные учреждения и заведения Казанского кремля в XVIII – первой половине XX вв. – Казань: Отечество, 2013. – С.129–130.

мусульманских командных курсов, командир 3-го, 2-го стрелковых полков названной бригады. В 1920–1922 гг. командир 2-й отдельной Приволжской татарской стрелковой бригады, заместитель заведующего Ташкентскими мусульманскими пехотными командирскими курсами им. В.И.Ленина на Туркестанском фронте, комендант военного назарата, военный назир (нарком) Бухарской народной советской республики, помощник начальника милиции Ташкентской АССР. С 1930 г. на научной и педагогической работе в Ташкенте. Скончался в 1957 г. в Ташкенте¹.

2) **князь Балатуков Владимир Али-Беевич (?–1979)** – ротмистр. Из крымских татар. Окончил Николаевское кавалерийское училище. В Первой мировой войне в чине штабс-ротмистра Крымского конного полка, далее летчик-наблюдатель 4-го артиллерийского авиационного отряда. В Белом движении с декабря 1917 г. – командир эскадрона 1-го Крымско-татарского полка, участник боев с большевиками в Крыму. Ротмистр. В эмиграции после 1934 г. во Франции. Умер в 1979 г. во Франции².

3) **Кочуров Зингазир Шейхиль Исламович (1890–1922/1923)** – сотник. Сын генерал-лейтенанта Оренбургского казачьего войска Ш.-И. А.В. Кочурова. Магометанин. Окончил Оренбургское кадетское училище. В Первую мировую войну вступил в чине хорунжего 14-го Оренбургского казачьего полка в 1914 г. В этой же должности в 1917 г. Ранен. Вернулся в полк. С 1918 г. сотник, находился в распоряжении атамана 2-го военного отдела. С 28.09.1918 г. в 5-м Оренбургском казачьем полку, позже в управлении артиллерийской бригады. Умер от голода в Китае в 1922–1923 гг. В ходе Первой мировой войны награжден орденами св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», св. Станислава 2-й степени с мечами³.

---

¹ Маркеев Б.Г. Память легендарных лет. (Из материалов к истории училища). Вып.1. – Казань, 1979. – С.87; Абдуллин Х.М. Военные учреждения и заведения Казанского кремля в XVIII – первой половине XX вв. – Казань: Отечество, 2013. – С.66; Татарская энциклопедия. – Т.1: А-В. – Казань, 2002. – С.109.

² Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии: Опыт мартиролога. – М.: Русский путь, 2004. – С.60.

³ Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. – М.: Русский путь; Библиотекафонд «Русское Зарубежье», 2007. – С.297.

4) **Муфтий-Заде Селим Мирза** (1885–1945) – ротмистр. Из крымских татар. К началу Первой мировой войны в отставке в чине прапорщика В Первую мировую войну штабс-ротмистр Крымского конного полка. В Белом движении с января 1918 г. – участник боев под Симферополем. С декабря 1918 г. в Добровольческой армии – в дивизионе Крымского конного полка. В 1919 г. ушел из полка по болезни. В начале 1920 г. в Симферополе. Ротмистр. В эмиграции во Франции. Умер в 1945 г.¹

5) **Ресуль Осман Мемет** – корнет. Из крымских татар. В 1917 г. произведен в офицеры за боевое отличие. Прапорщик Крымского конного полка. В Белом движении с декабря 1917 г. – в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. В Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России. С июля 1919 г. в дивизионе Крымского конного полка в Севастополе. С 20.10.1919 г. корнет. Тяжело ранен и эвакуирован.

6) **Хайбуллин Насыйбулла Галеевич** (1885 – ?) – младший офицер. Из татар-казаков станицы Варненской Оренбургского казачьего войска. Магометанин. Грамотный. Окончил школу подхорунжих при штабе 1-й Туркестанской казачьей дивизии. В Первую мировую войну вступил в чине подхорунжего 9-го Оренбургского казачьего полка в 1914 г. В Белом движении с 15.04.1917 г. Участник боев с большевиками под Казанью. С 18.08.1918 г. младший офицер 2-го Оренбургского казачьего полка. В ходе Первой мировой войны награжден Георгиевским крестом 4-й степени (24.06.1916 г.)².

7) **Хасанов Газизулла Зарифович** – хорунжий. Из татар-казаков станицы Ильинской Оренбургского казачьего войска. В Первую мировую войну вступил в чине урядника 14-го Оренбургского казачьего полка. С 02.01.1915 г. прапорщик. Хорунжий с 19.07.1915 г. В том же чине и полку на 1917 г. В 1918 г. в Белом движении в 33-м Оренбургском казачьем полку. В ходе Первой мировой войны награжден орденами св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»³.

---

¹ Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии: Опыт мартиролога. – М.: Русский путь, 2004. – С.365.

² Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. – М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2007. – С.583.

³ Там же. С.588.

8) **Шегабетдинов Михаил Назарович** (1894–1922) – корнет. Из крестьян с. Собачий Остров Курмышского уезда Симбирской губ. Татарин. До Первой мировой войны проживал в Омске, занимался торговлей. Окончил 5 классов гимназии. В Первую мировую войну вступил в чине рядового 20-го Сибирского запасного стрелкового полка. Уволен по болезни после 1916 г. В Белом движении в марте-октябре 1919 г. – рядовой управления Воздушного флота. В октябре 1919 г. – январе 1920 г. в военно-административном управлении Оренбургской армии – младший унтер-офицер, журналист общего отдела. Участник Голодного похода (11–12.1919 г.). С января 1920 г. в отряде атамана Дутова. В 1920 г. в конном полку Сызранской бригады. С 27.03.1920 г. в эмиграции в Западном Китае. Выехал в Ургу. Арестован китайцами. В феврале-мае 1921 г. в 1-м Татарском полку дивизии Р.Ф.Унгерна фон Штернберга. Унтер-офицер. Командирован в Ургу, в распоряжение военного министра. Направлен в Алтайскую область с письмом к казахским начальникам. С июля 1921 г. офицер в отдельном Оренбургском корпусе генерала А.С.Бакича. Переводчик с казахского языка. Личный ординарец генерала А.С.Бакича. Корнет. 30.12.1921 г. добровольно сдался в плен монголам под Уланкомом. Передан советским властям. Содержался в Иркутске. В мае 1922 г. в Новониколаевске судим и приговорен к расстрелу. Холост¹.

9) **Ягудин Гумир Гумирович** (1892 – ?) – младший офицер Оренбургского казачьего войска. Из татар-казаков станицы Варненской Оренбургского казачьего войска. Магометанин. Грамотный. Первую мировую войну прошел в 5-м Оренбургском казачьем полку. Ранен под Лодзью (15.08.1914 г.). С октября 1917 г. подхорунжий. В Белом движении с 08.07.1918 г. в Полтавском полку, позднее в 10-м Оренбургском казачьем полку. В 1918 г. представлен к производству в прапорщики за боевое отличие. С 25.07.1918 г. младший офицер 10-го Оренбургского казачьего полка. Воевал и отличился на Орском фронте. В ходе Первой мировой войны награжден Георгиевским

---

¹ Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. – М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2007. – С.614.

крестом 4-й степени № 45920 (1915 г.), 3-й степени № 71149, 2-й степени №54595; Георгиевской медалью¹.

* * *

Представленную выборку генералов и офицеров ни в коей мере нельзя считать полной. Нами достаточно хорошо проработан лишь пласт генералов и частично офицеров из числа польско-литовских татар, в какой-то мере офицеры крымские татары Крымского конного полка и некоторых других соединений, в достаточно полной мере на сегодняшний день выявлены генералы и офицеры Оренбургского казачьего войска. Однако младшие офицеры десятков пехотных, стрелковых и кавалерийских частей изучены слабо. На сегодняшний день известно об участии 6-ти татарских офицеров Уральского казачьего войска в Первой мировой войне².

Однако нет сведений о генералах и офицерах в Сибирском и Астраханском казачьих войсках. Не говоря уже о других менее массовых родах войск. К тому же сам ход исторических событий с 4-хлетней кровопролитной Первой мировой войной, переросшей в братоубийственную 4-хлетнюю Гражданскую войну значительно затрудняет важную задачу по поиску и восстановлению славных имен татарских офицеров.

2.2. Нижние чины: унтер-офицеры и рядовые из татар

В начале XX в. военное ведомство продолжало разделять татар по этно-сословному признаку (татары, мещеряки, тептяри), однако учитывало их вместе, присоединяя к ним и башкир. Накануне Первой мировой войны из указанных категорий нижними чинами проходили военную службу 38679 человек, что составляло 3,1% от общего числа нижних чинов³. В отличие от XVIII–XIX вв., из них на службу в военно-морском флоте были отобраны лишь 14 татар, остальные проходили службу в сухопутных войсках.

---

¹ Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. – М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2007. – С.640.

² Там же; См.: Картагузов С.В. Офицерский состав частей уральского казачьего войска 1914–1918. – М.: Рейтар, 2012. – 496 с.

³ Военно-статистический ежегодник за 1912 год. – СПб., 1914. – С.374–375.

Однако после начала войны численность татар в войсках резко увеличилась. Как отмечается в литературе, всего в ходе войны было мобилизовано от 1 до 1,5 миллионов тюркских солдат, что составляло 10% общей ее численности¹. Большую часть из них составляли татары. Увеличилось и количество офицеров из татар.

Отношение к начавшейся войне у татар было неоднозначным. С одной стороны национальная пресса пестрела верноподданническими статьями, духовенство, дворянство и купечество также вторило патриотическому порыву. С другой стороны, основная масса татарского населения – крестьяне восприняли войну как нечто неизбежное, фатальное и лишь по мере возможности старались избежать участия в ней. Наиболее ценным историческим источником, отражающим истинное положение татар на фронте, следует считать письма военнослужащих². Известный тюрколог Н.И.Ашмарин, служивший казанским военным цензором во время войны, отмечал в своем отчете, что «письма солдат-мусульман обыкновенно пишутся по одному и тому же шаблону и заключают в себе крайне мало информации о том, что происходит на войне. Тон писем – минорный... Война, по-видимому, представляется мусульманину каким-то непредвиденным бедствием, которое предназначено судьбой для одних и минует других; он мало вникает в трагическую связь событий и недоволен тем, [что] что-то нарушило мирное течение его обывательской жизни»³.

Вопросами, волновавшими татарских солдат на фронте, были как обычные проблемы: холод, голод и потери, так и специфические: национальный гнет и исполнение религиозных обрядов. Нижним чинам из татар запрещали разговаривать на родном языке, реже выдвигали

---

¹ Исхаков С.М. Тюрки-мусульмане в российской армии (1914–1917) // Тюркологический сборник. 2002: Россия и тюркский мир / Ред. кол. С.Г.Кляшторный (пред.) и др. – М.: Вост. лит., 2003. – С.245.

² См.: Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (Материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). – Казань, 1932; Вахрушева Н.А. Солдатские письма и цензорские отчеты как исторический источник (1915–1917 гг.) // Октябрь в Поволжье и Приуралье (источники и вопросы историографии). – Казань, 1972. – С.77; «Солдаты смотрят на войну как на огромное несчастье» (солдатские письма с фронтов Первой мировой войны) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1998. – №3/4. – С.177–184.

³ Исхаков С.М. Тюрки-мусульмане в российской армии (1914–1917) // Тюркологический сборник. 2002: Россия и тюркский мир / Ред. кол. С.Г.Кляшторный (пред.) и др. – М.: Вост. лит., 2003. – С.260.

гали на командные должности, оскорбления и побои на национальной почве со стороны сослуживцев и в большей степени офицеров также не были редкостью.

Наиболее остро татары реагировали на несоблюдение их религиозных прав. В сложной обстановке начала войны вопрос духовного попечения представителей религиозных меньшинств в действующей армии остался неурегулированным, что естественно вызывало недовольство солдат-мусульман. В одном из донесений Казанский губернатор сообщал, что в переписке солдат-татар замечается недовольство войной и, в частности, невозможностью исполнения религиозных обрядов.

Несмотря на все противоречия, татары в целом, как и во всех прежних войнах Российской империи, оставались верными присяге и с честью исполняли свой воинский долг вне зависимости от звания, места службы и рода войск.

*Награжденные Знаком отличия военного ордена –
Георгиевским крестом и Георгиевской медалью*

Главной военной наградой для нижних чинов Российской империи являлся Знак отличия военного ордена – Георгиевский крест. Он имел четыре степени и выдавался исключительно за воинские подвиги. В 1913 г. взамен медали «За храбрость» была учреждена Георгиевская медаль с надписью «За храбрость». В отличие от Георгиевского креста, медаль могла выдаваться и гражданским лицам, которые совершили подвиги в бою против неприятеля, например, санитарам или фельдшерам. Найденные нами далеко не полные сведения о награжденных этими наградами в Великую войну татарах и башкирах вынесены в приложение под №3. У нас есть точные сведения о полном георгиевском кавалере Абдулбакиеве Тахаутдине Сабердиновиче, жителе д. Ново-Зафарская Орского уезда Оренбургской губернии, который в составе своего 189-го пехотного Измаильского полка дослужился до чина подпрапорщика¹.

Обращает на себя внимание разнообразие воинских частей, в которых служили награжденные татары. Рядовой Лейб-гвардии Семе-

---

¹ Георгиевский архив. – Часть 2. Списки полных георгиевских кавалеров (пехотные и стрелковые части) за период 1-й мировой войны. – Екатеринбург, 2004. – С.4.

новского полка Шафиков Нурислан Кафиевич «за отличие в бою 23.06.1917 у дер. Годов, когда будучи неоднократно высылаем в разведку, с явной опасностью для жизни, под сильным и действительным огнем противника, добыл и доставил важные сведения о местах накопления противника, чем дал возможность своевременно принять меры противодействия» награжден Георгиевским крестом 4 степени¹. Егерь Лейб-гвардии Егерского полка Ахмадшин Махтарла Ахмадшевич «за личный подвиг, оказанный в боях с неприятелем в период Владимиро-Волынской операции в сентябре 1916 года, а именно за бой 3 сентября 1916 года» награжден георгиевским крестом 4 степени². Драгун 2-го Лейб-драгунского Псковского полка Шайахметов Галимзян 20 октября 1915 г. награжден Георгиевским крестом 4 степени³.

Младший унтер-офицер 2-го Сибирский стрелкового Генерал-Адъютанта Графа Муравьева-Амурского полка Шагиахметов Мухамет Мухаметович «за мужество и храбрость, проявленные в боях с 1 по 5 Июля 1915 года» от имени ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Его Императорским Высочеством Великим Князем Георгием Михайловичем награжден Георгиевским крестом 3 степени. И через год «За мужество и храбрость, проявленные в боях с 5 по 15 марта с. [1916] г.» от имени ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Его Императорским Высочеством Великим Князем Георгием Михайловичем награжден Георгиевским крестом 2 степени⁴. Кочегар, унтер-офицер 1 ст. крейсера «Громобой» Ибрагимов Мартуз Ибрагимович «за выдающееся мужество и хладнокровие во время боя с неприятелем» награжден Георгиевской медалью 3 степени, а «за то, что во время атаки неприятельской подводной лодки заметил и быстро исправил серьезное повреждение котла, чем дал возможность

---

¹ Георгиевские кавалеры Лейб-гвардии Семеновского полка за период Великой войны 1914–1918 /нижние чины/. Авт.-сост. С.Б.Патрикеев. – М., 2002. По списку.

² Георгиевские кавалеры Лейб-гвардии Егерского полка за период Великой войны 1914–1918 /нижние чины/. Авт.-сост. М.П.Васильев. – М., 2002. По списку.

³ Приказ по конному отряду генерала князя Трубецкого 20.10.1915 г. №32; РГВИА. Ф. 3554. Оп.1. Д.30. Наградной алфавит солдат-граждан 2-й лейб-драгунского Псковского полка – В компании против Австро-Германии.

⁴ Приказ войскам 1-го Сибирского Армейского корпуса 22.05.1916 г. №195.

крейсеру иметь самый полный ход и благополучно уклониться от нее» награжден Георгиевским крестом 4 степени¹.

Санитар-стрелок Стрелкового полка Офицерской Стрелковой Школы Мещеров Хусаим Ханикович «за подвиги мужества, храбрости и самоотвержения, проявленные ими в бою с неприятелем 8 Июля 1915 года» награжден Георгиевской медалью 4 степени². Старший комендор³ линкора «Слава» Минваев Муфтахутдин Муфтахудинович «за мужество, храбрость и самоотвержение, проявленные при обстреле неприятельских позиций» награжден Георгиевской медалью 3 степени⁴.

Кроме того важное значение имело из чьих рук получена награда, что также находило отражение в приказах о награждении и послужных списках. Например, рядовой, 14-го пехотного Олонецкого Е. В. Короля Сербского ПЕТРА I полка Абузаров Ножлеугалим «Высочайше пожалован в воздаяние боевых заслуг, через Генерал-Адъютанта Князя Белосельского-Белозерского, за отличия в боях» Георгиевским крестом 4 степени⁵. Ефрейтор 138-го пехотного Болховского полка Мухамеджанов Сабир Яхинович «за мужество и храбрость, оказанные в бою с неприятелем 14 мая 1915 года» награжден Генерал-Адъютантом Брусиловым Георгиевской медалью 2 степени⁶.

Житель Казанской губернии Лаишевского уезда Кибакозовской волости, а в войну егерь Лейб-гвардии Егерского полка Закиров Мухамед-хан Андреевич награжден Его Императорским Высочеством Великим Князем Георгием Михайловичем от имени Государя Императора 17 ноября 1916 года за бой 15 июня 1916 года Георгиевским крестом 4 степени⁷.

---

¹ Приказ Командующего Флотом Балтийского моря 30.12.1915 г. №1430; Приказ Командующего Флотом Балтийского моря 06.09.1916 г. №619.

² Приказ Командующего Флотом Балтийского моря 30.05.1916 г. №389.

³ Комендор – матрос-артиллерист в российском военно-морском флоте.

⁴ Приказ Командующего Флотом Балтийского моря 30.08.1916 г. №583.

⁵ Приказ войскам 1-й Армии 08.04.1915 г. №709.

⁶ Приказ по 8-й Армии от 04.05.1916 за № 1470; Рязанская Книга Памяти Великой войны 1914–1918 годов. Том I. Автор проекта и составитель: Александр Игоревич Григоров. – М.: Типография РосАрхива, 2010. – С.747.

⁷ Георгиевские кавалеры Лейб-гвардии Егерского полка за период Великой войны 1914–1918 /нижние чины/. Авт.-сост. М.П.Васильев. – М., 2002. По списку.

По этому поводу в своих военных мемуарах генерал А.И. Спиридович, бывший начальник охраны царской семьи, оставил интересное воспоминание:

«11-го декабря [1914 г.] Государь смотрел третью очередь молодых солдат, посетил переведенный из Варшавы Суворовский кадетский корпус, а после завтрака вся семья посетила госпиталь Биржевого и Купеческого общества. То был огромный шестиэтажный дом... В одной из палат лежал солдат 137 пехотного Нежинского полка татарин Шерахудинов, тяжело раненый в грудь и руку. Государь подал ему медаль. Тот громко поблагодарил Государя и сказал: «Ваше Императорское Величество, разрешите Вашу руку поцеловать». «Это не полагается», – ответил, смеясь, Государь, но протянул руку, и тот набожно приложил ее к губам. Подошли Великие Княжны, Шерахудинов попросту говорил с ними, а когда подошла Царица и подала ему образок, он взял.

– А ты знаешь, кто с тобой говорит? – спросила его, нагнувшись Царица.

– Не могу знать, а вы кто будете?

– Я ее мать, – сказала Царица, указывая на одну из дочерей.

– Так Вы будете Государыня Императрица. Здравия желаем, Ваше Императорское Величество. Так что, позвольте ручку поцеловать. Государыня протянула руку, Шерахудинов поцеловал осторожно и спросил:

– Я не больно поцеловал Вашу ручку, Ваше Величество? – Царица сказала:

– Нет, – и отошла, ласково улыбаясь и кивая ему головой. Раненого обступили. Кто-то сказал:

– Ты надень образок-то на шею.

– Никак нет, – ответил он. – Я татарин. Мне Магомет запрещает носить образа. Я всю жизнь буду его беречь, но надевать, по нашей вере, не могу. Когда, обойдя палату, Государь проходил мимо Шерахудинова к выходу, он сказал ему: «Прощай, желаю тебе скорее поправиться».

Шерахудинов наивно ответил:

– Счастливо оставаться, Ваше Императорское Величество. Очень рад, что мог увидеть Вас с Государыней и дочками. Княжны кивали ему, смеясь. Симпатичного, смешного татарина не раз вспоминали потом»¹.

---

¹ Спиридович А.И. Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 гг. Книга I. – Нью-Йорк: Всеславянское Издательство, 1960. – С.79.

Солдаты-татары в разных воинских частях

Возвращаясь к вопросу о местах службы татарских солдат, отметим, что комплектование полков в императорской армии происходило преимущественно по принципу не более 25% инородцев в составе полка. Исключением являлся лишь Крымский конный Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны полк, традиционно формировавшийся из числа крымских татар. После начала Первой мировой войны данный полк в составе 6 эскадронов выступил на фронт и 10 сентября 1914 г. вошел в состав Сводной кавалерийской дивизии, позже – в состав 4-й отдельной кавалерийской бригады. В январе 1915 г. полк был отправлен на Юго-Западный фронт, где 4 июля 1916 г. в составе 33-го армейского корпуса участвовал в летнем наступлении. В августе 1917 г. полк был отозван с фронта в Херсон, а один из эскадронов полка в Бахчисарай для поддержания в них порядка. За время войны 5 офицеров полка были награждены орденом св. Георгия IV степени и 7 человек Георгиевским оружием. Сам полк был представлен к награждению Георгиевским штандартом и Георгиевскими трубами¹. В целом в Первую мировую войну крымские татары, так же как и все остальные мусульманские народы империи, проявили себя как верноподданные патриоты. После октябрьских событий 1917 г. полк прибыл в Симферополь, где находились его казармы мирного времени. Когда на полуострове было создано крымско-татарское правительство, военнослужащие полка поддерживали порядок в Крыму, а с января 1918 г. участвовали в боях с большевиками. После падения Симферополя, потеряв 13 офицеров, полк был возрожден в Белой армии на юге России.

Также в период Первой мировой войны был сформирован Татарский конный полк, который вместе с 2-м Дагестанским, Кабардинским, Чеченским, Ингушским и Черкесским конными полками, а также с кадровыми 1-м Дагестанским конным полком и Осетинским дивизионом образовал 1-ю и 2-ю бригады Туземной дивизии, которую еще называли Инородческой или «Дикой». Свое название полк получил благодаря комплектованию добровольцами (всадниками) из числа преимущественно «закавказских татар», которыми в Российской империи называли современных азербайджанцев. Несмотря на

---

¹ Волков С.В. «Восточные части» российской армии // Восточная коллекция. – 2001. – №3. – С.120.

то, что полк комплектовался добровольцами определенной национальности, и все это происходило на далеком Кавказе, с первых месяцев войны в его состав были включены поволжские татары, правда, исключительно во вспомогательные части. Например, приказом №4 по Татарскому конному полку от 1 сентября 1914 г. в нестроевую команду были включены переведенные из Елисаветпольского конского запаса ефрейтор Абдул Хакимов и рядовой Зейнитулла Фейзов¹. Данные имена и фамилии резко контрастируют на фоне традиционных азербайджанских оглы и заде. К тому же, вступающие в полк кавказцы имели чины иррегулярных войск, как-то всадник, урядник, сотник и т.д. Указанные выше нижние чины ходили в званиях регулярных частей, т.е. призывались в армию и принадлежали к татаро-башкирам. В течение скорого времени, а именно 22 сентября рядовой З.Фейзов был назначен казенной прислугой², а А.Хакимов приказом от 11 октября кузнецом в 3-ю сотню полка³. 4 октября в списки полка был зачислен переведенный из 1-го отделения конского запаса Гарафутдин Мустафин⁴, 22 декабря в обозную команду был зачислен Харис Абдулатов⁵ и многие другие.

Конечно данные нижние чины, скорее всего не совершали никаких подвигов как их соплеменники, о которых шла речь выше. Однако без их кропотливой и часто не заметной работы не состоялись бы те блистательные победы Туземной дивизии. Именно поэтому мы привели здесь их имена, так как среди нестроевых чинов, этой огромной обслуживающей армию структуры процент татар был значительный. Что же касается «Дикой» дивизии, то воюя на Юго-Западном фронте, она отличилась как храбрая и мужественная, заслужив много лестных оценок и наград. Более того, до февральских событий 1917 г. в ней не было ни одного случая дезертирства⁶.

Однако самый большой процент татар традиционно нес службу в пехотных полках. К сожалению, во многих полках этого периода не

---

¹ РГВИА. Ф.3642. Оп.1. Д.6. Л.4.

² Там же. Л.31.

³ РГВИА. Ф.3642. Оп.1. Д.6. Л.56.

⁴ Там же. Л.49.

⁵ РГВИА. Ф.3642. Оп.1. Д.6. Л.137.

⁶ Подпратов Н.В. Национальные меньшинства в борьбе за «честь, достоинство, целостность России...» // Военно-исторический журнал. – 1997. – №1. – С.58.

сохранились послужные списки нижних чинов, не так много полков имеющих даже полные списки нижних чинов. Однако списки потерь пехотных полков представлены в достаточном количестве.

Нижние чины из татар в 138-м Болховском пехотном полку

Проанализируем данные материалы, относящиеся к 138-му Болховскому пехотному полку, одного из сотен пехотных полков задействованных в Великой войне. Под потерями подразумевались не только убитые и раненые, но и попавшие в плен и пропавшие без вести. Из большого количества списков потерь нами составлен сводный список потерь полка из числа лиц татарской и башкирской национальностей, охватывающий 1914–1917 гг. Список вынесен в приложение под №2. Конечно, данные списки не 100% полные, есть пропуски по отдельным месяцам или по характеру потерь. Однако плюсом данного исторического источника является общая непрерывность информации на протяжении всей войны. Первые данные о потерях относятся к ноябрю 1914 г., а последние датированы июлем 1917 г. Информация в данном источнике построена по хронологическому принципу – год и месяц потерь. Далее указана рота, в которой служил нижний чин, воинское звание, фамилия, имя, реже отчество, вероисповедание, семейное положение, далее губерния, уезд, волость, реже населенный пункт, откуда был призван нижний чин; характер потерь, реже дата и место выбытия военнослужащего. К сожалению, из этой информации не удастся вычленить татар-кряшен, хотя они, конечно, присутствовали среди военнослужащих, так как пункт религиозной принадлежности и схожесть имен делает их идентичными великороссам, а населенный пункт призыва указан редко. Среди 496 человек, фигурирующих в данном списке и отнесенных нами к татарам и башкирам, не магометанами указаны только трое, это уроженец Алексеевской волости рядовой 4 роты Сабирзян Хусаинов (православный), который был ранен 15 ноября 1914 г.; уроженец села Азнаева Стерлитамакского уезда Уфимской губернии рядовой 7 роты Бахтыгорей Каримов (православный), который пропал без вести в июле 1915 г. и уроженец Саринской волости Екатеринбургского уезда Пермской губернии рядовой 11 роты Галимов Гариф Кискович (армяно-григорианец), который был ранен 11 декабря 1914 г. Но и они, как видим, были отнесены к христианам, однако носили мусульманские имена и фамилии.

По характеру воинских званий абсолютное большинство списочного состава потерь 138-го Болховского пехотного полка из числа татар и башкир составляют солдаты (рядовые, добровольцы, новобранцы, ратники и ополченцы), всего 471 человек из 496. В звании ефрейтора указан 21 человек. Трое являлись младшими унтер-офицерами, это уроженец села Малые Кирмени Мамадышского уезда Казанской губернии Нериматулла (Нигматулла – ?) Хайруллин, числившийся в 1 роте и пропавший без вести в феврале 1915 г.; уроженец Никольской волости Акмолинского уезда и области Мингас Багаутдинов, числившийся в 7 роте и пропавший без вести в июле 1915 г. и уроженец Новосельской волости Темниковского уезда Тамбовской губернии Шакир Хайбулинович Симинеев, числившийся в 1 роте и пропавший без вести 4 сентября 1916 г. Звание старшего унтер-офицера носил лишь один человек из списка потерь, это уроженец Сарт-Калмыкской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии Хамидулла Баязитов, числившийся в 11 роте, раненый 5 ноября 1914 г. В царской России выдвижение на низшие командные должности чаще всего происходило или исходя из образовательного уровня военнослужащего, или после совершения геройского поступка и присуждения награды, что в условиях военного времени более вероятно. Наличие в полку унтер-офицеров и ефрейторов из числа татар и башкир было очень важным для мусульманской общины полка, так как свидетельствовало о возможности карьерного роста для рядовых вне зависимости от вероисповедания и национальности. Данный вопрос был еще более актуален ввиду отсутствия в данном полку офицеров-татар и мусульман. Таким образом, именно унтер-офицеры и ефрейторы из татар и башкир должны были выступать выразителями религиозных и национальных потребностей перед руководящим составом полка.

Характеризуя оставшихся 471 солдата, отметим, что большинство из них значилось в звании рядового это 420 человек. Однако встречались и другие категории, перечисленные нами выше, это, например, доброволец, т.е. человек, поступивший на военную службу по собственному желанию, а не по призыву. Из числа татар таковым в списках потерь 138-го Болховского полка значится только один военнослужащий – это уроженец села Большие Кукмары Юменской волости Екатеринбургской губернии, доброволец 1 роты Шариф Зайтетинов (Зайнетдинов – ?), пропавший 25 февраля 1915 г. Далее следует выде-

лить новобранцев, т.е. лиц только что призванных на военную службу. В списках потерь как пропавшие без вести в июне 1915 г. числятся 3 новобранца, которые несли службу в 6 роте полка. Все они были земляками, из Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. Это уроженец деревни Оптекской Азнайской волости Ахматша Гизатулин, села Кузянское Петровской волости Абдул Барии Валидов и уроженец деревни Алатань Кармишевской волости. Особенностью новобранцев было то, что они продолжали свое обучение прямо на линии фронта. Возможно, именно о таких ребятах оставил впечатления в своих воспоминаниях офицер Сводного полка Кавказской гренадерской дивизии Константин Сергеевич Попов: «Помню, как ко мне в роту влили вдруг 100 человек татар-уфимцев. Беда была с ними первые дни, редко кто из них говорил по-русски, но сразу можно было видеть, что это прекрасный боевой материал. Народ был храбрый, честный, привязчивый и исполнительный. В солнечные дни их сажали по всему окопу и обучали словесности. Это была сплошная комедия: Государь Император и ротный командир в их понимании никак не укладывались, все у них путалось, и временами я хохотал до слез»¹.

Также были среди болховцев и ратники – нижние чины, числившиеся в мирное время в ополчении. Скорее всего, речь идет о ратниках 1 разряда ополчения, то есть в свое время отслуживших срочную службу и зачисленных в ополчение, так как выделялись еще и ополченцы. Всего в списках потерь этого полка фигурируют 16 ратников из татар и башкир.

Выделялись отдельно и ополченцы – состоявшие в ополчении и, вероятно, в отличие от ратников ополчения, проходивших военную службу, освобожденные в свое время от службы, но зачисленные в ополчение. Среди потерь болховцев отмечен 31 ополченец.

Наконец, еще одна особенность, на которую обращаешь внимание, работая со списком потерь, это широкая география татарского населения, призванного, в частности, в этот полк. Татары, служившие в этом полку, призывались из населенных пунктов от Харьковской и Екатеринославской (ныне Днепропетровск, Украина) губерний на западе до Томской и Тобольской губерний на востоке, от Пермской губернии на севере и Акмолинской и Семиреченской областей и Крыма

---

¹ Попов К.С. Воспоминания Кавказского гренadera. 1914–1920 гг. – Белград, 1925. – С.78–79.

на юге. В целом среди мест призыва татар в списках потерь 138-го Болховского полка выделяются следующие губернии: Уфимская – 167 человек, Казанская – 39, Самарская – 38, Оренбургская – 29, Пермская – 18, Саратовская – 16, Тамбовская – 9, Симбирская – 7, Нижегородская – 6 человек, Тобольская – 6, Вятская – 3, Акмолинская область – 3, Пензенская – 2, Таврическая – 2, Томская – 2, Уральская область – 2, Екатеринославская – 1, Харьковская – 1, Херсонская – 1, Семире-ченская область – 1 человек. У остальных губернии и области призыва не указаны. Однако и данная выборка дает нам основание говорить, что в этом полку, кстати квартировавшемся не в самой «татарской» Рязанской губернии несли службу выходцы практически со всех тер-риторий компактного проживания татарского народа, в том числе ка-занские, крымские и сибирские татары, как указали выше татары-кряшены, татары-мишари, а также татары ранее относившиеся к со-словиям вотчинных башкир, тептярей и мещераков на территориях наиболее активно представленных Уфимской и Оренбургской губер-ний. Есть все основания полагать, что и в остальных пехотных полках, участвовавших в Первой мировой войне была схожая картина пред-ставительства татарского народа.

Еще одна особенность списка потерь полка, в том, что точные сведения о попавших в плен появляются у командования только с се-редины 1916 г. Конечно, среди пропавших без вести ранее были не только убитые и раненые, но и попавшие в плен и все же в списке за июнь 1916 г. точно указывается, что 7 рядовых-мусульман, среди про-чих военнослужащих 15 роты, 10 июня 1916 г. попали в плен под де-ревнями Дранче Польская и Дранче Русская (в районе современной Хмельницей области Украины). В этой связи хотелось бы привести отрывок из книги известного русского писателя, казачьего атамана, генерала Петра Николаевича Краснова: «Император Вильгельм собрал всех пленных мусульман в отдельный мусульманский лагерь и, заис-кивая перед ними, построил им прекрасную каменную мечеть. Я не помню, кто именно был приглашен в этот лагерь, кому хотели проде-монстрировать нелюбовь мусульман к русскому «игу» и их довольст-во германским пленом. Но дело кончилось для германцев плачевно. По окончании осмотра образцово содержанного лагеря и мечети, на плацу было собрано несколько тысяч русских солдат мусульман.

– А теперь вы споете нам свою молитву, – сказала осматривающее лицо. Вышли вперед муллы, пошептались с солдатами. Встрепенулись

солдатские массы, подравнялись и тысячеголосый хор, под немецким небом, у стен только что отстроенной мечети дружно грянул:

– «Боже, Царя храни...»

Показывавший лагерь в отчаянии замахал на них руками. Солдаты по-своему поняли его знак. Толпа опустилась на колени и трижды пропела русский гимн! Иной молитвы за Родину не было в сердцах этих чудных русских солдат»¹.

138-й Болховский пехотный полк с 1878 г. был расквартирован в г. Рязань. Во время Первой мировой войны со 2 августа по 22 сентября 1914 г. входил в состав 5-й армии Юго-Западного фронта; с 10 октября по 15 ноября 1914 г. входил в состав 4-й армии Юго-Западного фронта; с 13 декабря 1914 г. по 17 февраля 1915 года входил в состав 9-й армии Юго-Западного фронта; с 28 февраля 1915 г. по 3 апреля 1916 г. входил в состав 8-й армии Юго-Западного фронта; с 1 мая 1916 г. по 19 августа 1917 г. входил в состав 11-й армии Юго-Западного фронта; 10 ноября 1917 г. вновь переведен в состав 5-й армии Северного фронта. Отличился в декабре 1914 г. в сражении под Новым Корчином². После октябрьских событий 1917 г., когда часть полков входивших в 35-ю дивизию «самораспустилась», болховцы не приняли революционных изменений и в составе более 500 человек вернулись в Рязань.

За период Первой мировой войны в составе 138-го Болховского пехотного полка известно о четырех нижних чинах из татар и башкир удостоенных Георгиевских наград. Кроме упоминавшегося выше ефрейтора С.Я.Мухамеджанова, это ефрейтор Сулейманов Телеха Санфил Абрамович, награжденный Георгиевской медалью 3 степени «за мужество и храбрость, оказанные в бою с неприятелем 14 мая 1915 года»³; рядовой Файзулин Хамидулла Файзуличев, награжденный Георгиевским крестом 4 степени за «отличие в бою 23 мая у деревни Старжава, находясь в секрете и будучи окружен противником,

---

¹ Краснов П.Н. За Веру, Царя и Отечество. Тихие подвижники. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской Армии. – М.: «Листвица», «Артос-Медиа», 2005. – С.91.

² Рязанская Книга Памяти Великой войны 1914–1918 годов. Том I. Автор проекта и составитель: Александр Игоревич Григоров. – М.: Типография РосАрхива, 2010. – С.517.

³ Приказ по 8-й Армии от 04.05.1916 за № 1470; Рязанская Книга Памяти Великой войны... – М.: Типография РосАрхива, 2010. – С.746.

с явной опасностью для жизни пробился и присоединился к своей роте»¹ и ефрейтор Шагиахматов Даут Наумирович, награжденный Георгиевской медалью 3 степени, за то, что «6-го мая 1915 г., находясь в сторожевом охранении, под сильным перекрестным артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем, поддерживал связь между отдельными караулами и заставами, подавая пример мужества и самоотвержения нижним чин. роты»². Все награды вручены лично генерал-адъютантом А.А.Брусиловым.

После Февральской революции 1917 г., значительное количество вопросов, волновавших военнотатар в первые годы войны, находят свое разрешение. Повсеместно на фронте начинают создаваться мусульманские военные организации. Примечательно, что первой такой организацией стал Казанский мусульманский военный комитет, созданный 8 марта 1917 г. В целом, к декабрю 1917 г. были созданы 4 фронтовых, 13 армейских, 12 окружных, 98 гарнизонных, более 150 дивизионных, а всего около 300 мусульманских комитетов. Не осталось ни одной армии и ни одного округа, где не действовали бы мусульманские комитеты. Разбросанные по всей стране татарские и башкирские солдаты смогли сплотиться, создав многочисленные спаянные между собой организации, стремившиеся к формированию национальных частей³. В течение неполного года были достигнуты значительные результаты в деле создания и отдельных воинских частей из мусульман. К концу 1917 г. существовали следующие воинские части, которые комплектовались преимущественно татарами и башкирами: два Крымских конных полка, Мусульманский стрелковый корпус на румынском фронте, 1-й стрелковый мусульманский полк в Оренбурге, 2-й мусульманский запасной полк (144-й) в Уфе. Кроме того, были несколько отдельных эскадронов и многочисленные роты и батальоны. Заканчивалось переформирование 95-го пе-

---

¹ Приказ по войскам 8-й армии от 04.05.1916 за № 1469; Рязанская Книга Памяти Великой войны 1914–1918 годов. Том I. Автор проекта и составитель: Александр Игоревич Григоров. – М.: Типография РосАрхива, 2010. – С.733.

² Приказ по 8-й Армии от 04.05.1916 за № 1470; Рязанская Книга Памяти Великой войны 1914–1918 годов. Том I. Автор проекта и составитель: Александр Игоревич Григоров. – М.: Типография РосАрхива, 2010. – С.749.

³ Исхаков С.М. Тюрки-мусульмане в российской армии (1914–1917) // Тюркологический сборник. 2002: Россия и тюркский мир / Ред. кол. С.Г.Кляшторный (пред.) и др. – М.: Вост. лит., 2003. – С.275.

хотного запасного полка в Казани, 32-го пехотного запасного полка в Симферополе и двух дивизий на фронте¹.

Опыт национального строительства в армии позже был подхвачен большевиками, умело воспользовавшимися многовековым стремлением татарского народа к сохранению своей национальной идентичности даже в суровых условиях царской армии. Казанские татары были единственным народом «мусульманской веры», с петровских времен подвергавшихся тяжелой рекрутской повинности. Со второй половины XIX века всеобщая воинская повинность была распространена и на остальные этно-сословные группы татар. Служба нижними чинами в регулярной армии царской России ни одной из категорий населения страны не воспринималась позитивно. Однако наиболее остро этот вопрос стоял перед представителями национальных и религиозных меньшинств, условия службы которых, кроме бытовых и служебных трудностей, были осложнены проявлениями национального и религиозного гнета. В то же время общие тяготы армейской службы сближали представителей разных национальностей. К тому же связанные религиозной присягой татары в своем большинстве честно и терпеливо несли службу, мужественно выполняли все боевые задачи, возложенные на них армейским начальством. В конечном итоге ни один из других «мусульманских» народов России в армии не воспринимался на ментальном уровне славянским большинством также близко как татары.

События Первой мировой войны, мобилизовавшие на фронт сотни тысяч татар, явились для нашего народа такой же трагедией как и для остальных народов России, унеся бесчисленное количество жизней на фронте и принесшее нескончаемое горе в тылу. Бессмысленная мировая война, начатая в угоду имперских амбиций вовлеченных в нее стран, для нашей страны в конечном итоге завершилась падением начавшей ее монархии и Гражданской войной, что еще более увеличило бедствие простого народа, на плечи которого легли основные тяготы войны.

---

¹ Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). – М., 2004. – С.436–437.

2.3. Татарское мусульманское военное духовенство

Начиная с указа от 19 января 1722 г. о первом наборе рекрут с татар¹, долгие десятилетия, вплоть до введения всеобщей воинской повинности в 1874 г., татары из Центральных областей и Средней Волги были единственным народом мусульманской веры, которые в качестве нижних чинов рекрутировались в регулярные войска. Поэтому вполне логично, что именно из числа татар в своем большинстве и состоял столь специфичный институт мусульманского военного духовенства в Российской империи². Возникновение данного института относится к концу XVIII в. Военные муллы, появившись впервые в иррегулярных инородческих и казачьих полках, в первой половине XIX в. законодательно закрепляются в военных портах и при гарнизонах крупных городов. В 1877 г. нижним чинам призванным в регулярную армию из числа татар и башкир официально разрешается проводить выборы мусульманских священнослужителей из своей среды для отправления религиозных треб военнослужащим. В 1896 г. штатное содержание мусульманского военного духовенства было почти повсеместно отменено.

Военные имамы в русской армии накануне Первой мировой войны

В начале XX в. представители мусульманского военного духовенства состояли только в составе двух регулярных полков: Дагестанском конном и Крымском Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны³. В последнем из них, комплектуемом из

---

¹ ПСЗРИ. – Собр. I. – Т. VI. – №3884. – СПб., 1830. – С.483.

² Под термином мусульманское военное духовенство следует понимать всю совокупность духовных лиц, профессионально занимавшихся отпращиванием религиозного культа, мусульманским судопроизводством и руководством общиной верующих в структурах военного ведомства Российской империи в конце XVIII – начале XX века. В зависимости от форм материального вознаграждения за оказываемые религиозные услуги военных священнослужителей принято подразделять на штатных, то есть пользовавшихся всей полнотой дарованных законодательством прав и обязанностей, и внештатных или общественных, то есть приглашавшихся только в случае необходимости и, следовательно, имевших ограниченные права и обязанности в рамках военного ведомства.

³ Мусульмане и мусульманское духовенство в военном ведомстве Российской империи. Сборник законодательных актов, нормативно-правовых документов и материалов / Составитель, автор вводной статьи и комментариев Х.М. Абдуллин. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – С.62.

крымских татар, эфендием (имамом) состоял Шааб-Челеби Сеид-Смаил. В ходе Первой мировой войны он был удостоен орденов св. Станислава 3-й степени и св. Анны 2-й степени¹.

Законодательным актом 1908 г. штатные должности военных имамов и муэдзинов были восстановлены при штабах некоторых военных округов Российской империи: по два священнослужителя в Виленском, Варшавском, Киевском и Приамурском военных округов. В Московском военном округе нес службу один военный имам². Законодательным актом 1908 г. были определены и основные обязанности, которые накладывались на этих военных имамов: 1) совершение религиозного обряда «Джиназа» при погребении воинских чинов магометан; 2) приведение к присяге; 3) совершение общественных богослужений и произнесение проповедей – периодически, преимущественно во время сборов войск.

В период Первой мировой войны штатным военным муллою Виленского военного округа состоял Ахмет-Зияутдин Сафаров, удостоенный за свою деятельность звания личного почетного гражданина³.

В 1910–1914 гг. штатным военным муллою Варшавского военного округа был Мирсаид Хафизов, 21 июля 1914 г. он был переведен на должность муллы армий Западного фронта. В этом статусе только в течение 1915 г. «за труды во время военных действий» был награжден шейной золотой медалью на Александровской ленте (так в тексте – *прим. авт.*), званием потомственного почетного гражданина и шейной золотой медалью на Андреевской ленте. 13 мая 1917 г. ему был вручен орден св. Станислава 3-й степени с мечами «за неоднократное самоотверженное совершение духовных треб для нижних чинов магометан в передовых окопах под действительным ружейным и артиллерийским огнем противника»⁴. С 1914 г. штатным военным муллою Варшавского военного округа становится Синатулла Хабибуллин, который еще с 1890 г. состоял при имаме С. Сюняеве почетным помощником, а с 1910 г. – при имаме М. Хафизове. После выво-

---

¹ Капков К.Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX–XX веков. Справочные материалы. – М.: «Летопись», 2008. – С.532.

² ПСЗРИ. – Собр. III. – Т. XXVIII. – Отд. II. – №30503. – СПб., 1911. – С.117 (по шт.).

³ Капков К.Г. Указ. соч. С.532.

⁴ Там же. С.531.

да российских войск из Варшавы в августе 1915 г. он остался в городе и исполнял религиозные требы мусульманам в варшавских госпиталях. М.Хафизов продолжал нести службу вплоть до 1921 г., уже и в качестве мусульманского капеллана молодой польской армии¹.

22 октября 1909 г. штатным военным муллой Приамурского военного округа был утвержден крестьянин деревни Пицца Сергачского уезда Нижегородской губернии Джафар-Садык Богаутдинов, который исполнял эту должность и в течение Первой мировой войны². Дж-С. Богаутдинов, состоявший при штабе Владивостокской крепости, 6 декабря 1915 г. был награжден нагрудной золотой медалью на Андреевской ленте³. Вторым мусульманским военным священнослужителем Приамурского военного округа являлся Габдулганий Мурзенков (Рамазанов). В течение 1915, 1916 и 1917 гг. ахун Г.Мурзенков за свою деятельность ежегодно награждался медалями⁴.

В 1909 г. открывается вакансия штатного муллы Московского военного округа и ее занимает «Тверской магометанский мулла» Хусаин Сеид-Бурхан⁵. Он родился 28 апреля 1877 г. в деревне Пицца Сергачского уезда Нижегородской губернии. Первоначально обучался в русском классе при медресе Новотатарской слободы г. Казани. Позже перешел в медресе 10-й Соборной мечети того же города, где и обучался до призыва на воинскую службу в январе 1899 г. Служил в 8-м пехотном Эстляндском полку. В 1902 г. демобилизовался и переехал с семьей в г. Тверь. В 1905 г. был утвержден в духовной должности муллы г. Твери, с 1909 г. – муллой Московского военного округа. Эти две должности он совмещал вплоть до октябрьских событий 1917 г. В 1914 г. Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС) присвоило ему звание ахуна. Х.Сеид-Бурхан состоял и мусульманским законоучителем в военно-учебных заведениях: Тверском кавалерийском училище, 1-м Московском императрицы Екатерины II кадетском корпусе, 2-й роте Полоцкого кадетского

---

¹ Гришин Я.Я. Польско-литовские татары: взгляд через века. Исторические очерки. – Казань, 2000. – С.88–89.

² ЦИА РБ. Ф.И–295. Оп.5. Д.9464. Л.5, 8.

³ Капков К.Г. Указ. соч. С.531.

⁴ Там же.

⁵ Асадуллин Ф.А. Москва мусульманская: история и современность. Очерки. – М.: УММА, 2004. – С.93.

корпуса и Суворовском кадетском корпусе в Москве. Имел государственные награды: светло-бронзовую медаль в память 300-летия царствования Дома Романовых, медаль в память Отечественной войны 1812 года и золотую медаль с надписью «За усердие» на Анненской ленте¹, а также 14 мая 1916 г – орден св. Станислава 3-й степени, 6 декабря 1916 г. – орден св. Анны 3-й степени².

В других военных округах состояли внештатные имамы, положение которых менялось по ходу Первой мировой войны.

Штатная должность муллы Петроградского военного округа появилась 20 мая 1915 г. благодаря приказу по военному ведомству, но с оговоркой «на все время войны»³. После смерти Гатауллы Баязитова в 1911 г. внештатную должность ахуна Петербургского военного округа, а также имама 2 прихода занимает его сын – Мухаммад-Сафа Баязитов. Он родился в семье ахуна войск гвардии в Петербурге Г.Баязитова в 1887 г. Начальное образование получил у своего отца. Затем окончил медресе «Мухаммадия» в Казани и полный курс Петербургской гимназии Гуревича. Учился на факультете восточных языков столичного университета. С 1911 г. имам 2-й махалли С-Петербурга и одновременно редактор-издатель первой татарской газеты «Нур». В 1912 г. ему присвоено звание ахуна. В 1914 г. организовал в столице Всероссийский союз мусульман «Сыратуль-мустикам» – консервативную и даже, по мнению современников, черносотенную организацию. С 23 декабря 1914 г. стал переводчиком при политическом отделении МВД. 26 мая 1915 г. назначен ахуном Петроградского военного округа. Его назначение в июле 1915 г. муфтием ОМДС вызвало противодействие прогрессивной части мусульманской уммы страны. После февральских событий 1917 г., под давлением мусульманской общественности, был смещен с поста муфтия и помещен под домашний арест. С 1918 г. имам Петроградской соборной мечети. В конце 30-х гг. XX в. репрессирован, реабилитирован посмертно⁴.

---

¹ Батыргарей Ф. Татары в Тверском крае. – Тверь, 2004. – С.49–52.

² Капков К.Г. Указ. соч. С.531.

³ Алфавитный указатель приказов по военному ведомству и Циркуляров Главного Штаба за 1915 г. Вып.2. – №240. – Петроград, 1915. – С.350.

⁴ Гарипов Н.К. Политика Российского государства в этноконфессиональной сфере в конце XVIII – начале XX вв.: опыт духовного управления мусульман: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2003. – С.137; Татарская энциклопедия в 5

После назначения М. Баязитова в июле 1915 г. муфтием ОМДС, занимаемые им должности переходят к Фаттахутдину Давлекамову. Он был последним военным ахуном столицы. Известно, что в 1917 г. Ф. Давлекамов еще находился на службе, замещая должности ахуна Петроградского военного округа и имам-хатыба 2-го магометанского прихода (ул. Мойка д.22 кв.28). По свидетельству Д.А.Аминова, 2-й приход одновременно являлся военным мусульманским приходом для частей императорской гвардии¹. С именем Петроградского военного ахуна Ф. Давлекамова связано и первое объединительное моление мусульман – шиитов и суннитов, которое состоялось осенью 1917 г. в Петрограде².

Начиная с 1896 г. внештатным военным муллой гарнизона г. Казани являлся Фасих (Фасахутдин) Мухутдинов³. 1 января 1915 г. он был награжден шейной золотой медалью «За усердие» на Андреевской ленте⁴. Далее в Казанском военном округе деятельность института мусульманского военного духовенства связана с именем Гатауллы Багаутдинова. Исследователь С.М.Исхаков отмечает, что 13–16 сентября 1917 г. солдаты-мусульмане Казанского гарнизона были освобождены от занятий, и на 14 сентября на площади у башни Сююмбике для солдат было намечено торжественное моление в честь праздника Курбан-Байрам, руководить которым должен был воен-

---

томах. – Т.1: А-В. – Казань, 2002. – С.332; Ислам на европейском востоке: энциклопедический словарь. – Казань: Магариф, 2004. – С.38.

¹ Аминов Д.А. Татары в Ст. Петербурге. Исторический очерк. – СПб.: «СПТ№6», 1994. – С.29.

² Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). 2-е изд., испр. и доп. – М.: изд-во «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2004. – С.356.

³ Ф.М.Мухутдинов родился 24 июня 1853 г. в деревне Апаковой Спасского уезда Казанской губернии в семье указного муллы, в 1874 г. отбыл воинскую повинность и был зачислен в ратники ополчения. Сдав духовный экзамен в ОМДС, получил свидетельство на право занятия должностей имам-хатыба и мударриса, а также окончил Оренбургскую татарскую учительскую школу (по другим данным, Уфимскую). В 1881 г. после смерти отца жителями родной деревни он избирается вторым муллой и утверждается в должности Казанским губернским правлением. Получив исковую должность имама, Ф.М.Мухутдинов переезжает в Казань, хотя и числился имамом села Апаково. Мухутдинов постоянно проживал в Казани на Тихвинской улице в своем доме. (НА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.1900. Л.2–2об., 5–6, 17.)

⁴ Капков К.Г. Указ. соч. С.532.

ный ахун Багаутдинов¹. 30 декабря 1917 г. приказом по Казанскому военному округу Гатаулла Багаутдинов был утвержден военным муллой и ахуну Казанского гарнизона². В этот же день Всероссийский мусульманский военный совет (Вошуро) принимает приказ, утвердивший штат военных ахунов, мулл и муэдзинов Казанского военного округа. На уровне округа предусматривалось иметь одного ахуна и его заместителя, в каждом гарнизоне округа муллу и муэдзина и на уровне полка также одного муллу и муэдзина. Окружному ахуну, его заместителю, гарнизонным и полковым муллам устанавливался месячный оклад жалования в размере 300 рублей. Гарнизонные и полковые муэдзины должны были получать соответственно по 210 рублей. Все духовные лица должны были утверждаться Духовным ведомством в Уфе, а приказ по этому поводу объявлялся по округу. Квартиры духовным лицам должно было предоставлять военное ведомство. Окружному ахуну предоставлялось право иметь собственную канцелярию, на содержание которой должно было ежемесячно выделяться 35 рублей. Кроме того окружной ахун и его заместитель должны были пользоваться всеми положенными выплатами при совершении объездов. В то же время подчеркивалось, что полковые муллы назначались только в мусульманских частях. Прописывались даже места выдачи жалования: ахун и его заместитель в штабе округа, гарнизонные муллы в управлениях воинских начальников, а полковые муллы в полках³.

Далее находим, что в декабре 1917 г. Г.Багаутдинов был назначен военным ахуну 95-го мусульманского пехотного запасного полка, расквартированного в Казани⁴. Исследователь И.Г.Гизатуллин указывает, что открытый 8 января 1918 г. 2-й Всероссийский мусульманский военный съезд начался с прочтения аятов из Корана и приветственной речи военного ахуна Казанского военного округа Г.Багаутдинова⁵. В воспоминаниях о Г.Багаутдинове, оставленных

¹ Исхаков С.М. Указ. соч. С.336.

² НА РТ. – Приказы по Казанскому военному округу. – 1917 г. – №240. – без вых. дан.

³ НА РТ. – Приказы по Казанскому военному округу. – 1917г. – №245. – без вых. дан.

⁴ Татарская энциклопедия в 5 томах. – Т.2: Г-Й. – Казань, 2005. – С.243.

⁵ Гизатуллин И.Г. Мусульманские военные организации (1917–1921 годы). – Казань: ФЭн, 2002. – С.110.

муфтием Г.Баруди, отмечается, что, будучи военным муллой, Г.Багаутдинов добился смещения имперского герба с башни Сююмбике в Казанском кремле. После известных событий весной 1918 г. Г.Багаутдинов бежал из Казани и ценой невероятных усилий добрался до Стамбула, где примкнул к правительству К.Ататюрка и был направлен для работы в Одесское консульство. Определенное время ахун провел в Азербайджане и тем же турецким правительством был направлен для работы в Россию. В 1920 г. он посетил Казань, где и состоялась его встреча с муфтием Г.Баруди¹.

В Кавказском военном округе «за отлично-усердную службу» мулла штаба Кавказской армии Науман Терегулов был награжден императором орденом св. Станислава 3-й степени², а 11 октября 1916 г. – орденом св. Анны 3-й степени³. О нем также известно, что 26 мая 1917 г. к исполнительному комитету Всероссийского мусульманского съезда обратились делегаты от солдат-мусульман 2-го Туркестанского корпуса с ходатайством о смене военного имама Кавказской армии Н.Терегулова⁴.

Перед началом Первой мировой войны мусульманское военное духовенство на внештатной основе состояло и при гарнизонах крупных губернских городов и военных портах. Однако со временем менялся и их юридический статус, особенно после Февральской революции.

В г. Уфе штатное содержание мусульманского военного духовенства было прекращено в 1896 г. Данное положение меняется в 1917 г. Приказом по Казанскому военному округу от 1 августа 1917 г. ефрейтор 144-го пехотного запасного полка Сагидзян Мухамедзянов[ич] Абдулсалихов был утвержден в должности муллы Уфимского гарнизона⁵. Неслучайно, что именно из числа чинов 144-го полка был выбран гарнизонный мулла. Это воинское формирование было национализировано (мусульманизировано) и расквартиро-

---

¹ Баруди Г. Хатирэ дәфтәре. Казан-Мәскәү сәфәре – 20нче ел нәдвәсе (1920нче ел 12нче июннән сентябрь ахырына кадәр) // Казан. – 1997. – №12. – Б.134–135.

² Климович Л. Ислам в царской России. Очерки. – М.: Государственное антирелигиозное издательство, 1936. – С.343.

³ Капков К.Г. Указ. соч. С.532.

⁴ Исхаков С.М. Указ. соч. С.188.

⁵ НА РТ. – Приказы по Казанскому военному округу. – 1917 г. – №1485. – без вых. дан.

вывалось в Уфе. На гарнизонного муллу С.М.Абдулсалихова возлагался широкий круг задач, о чем свидетельствуют приказы по полкам, расквартированным в Уфе: исполнение праздничных молитв, напутственных молебнов, еженедельные беседы с солдатами-мусульманами¹, погребение умерших в лазарете и др.²

В конце октября 1917 г. 1-й мусульманский военный съезд Казанского военного округа закрывал военный имам Астраханского гарнизона Габделкарим Мостакаев³. В самой Астрахани в составе 156-го пехотного запасного полка в конце октября была сформирована мусульманская рота, которая с января 1918 г. была развернута в мусульманский национальный батальон в составе 3-х рот численностью 800 человек. Рекомендации желающим поступить добровольцами в эти военные формирования давал лично ахун Астрахани⁴.

В 1882–1915 гг. военным имамом Черноморского флота состоял Мухаммед Закир Замалетдинов, уроженец села Новые Челны Спасского уезда Казанской губернии. После его смерти обязанности военного муллы были возложены на его сына, потомственного почетного гражданина Исмаила Замалетдинова, который был допущен к исполнению «духовных треб для нижних чинов Черноморского флота магометанского вероисповедания»⁵. Этот мулла, судя по документам, продолжал свою деятельность и в ходе Гражданской войны⁶.

Мусульманское военное духовенство в тылу и на фронте

В 1914 г. в связи с начавшейся Первой мировой войной в действующую армию было мобилизовано большое количество татар-мусульман с Поволжья, Урала и Сибири. Однако в начале войны, в нервной обстановке, вопрос духовного попечения представителей религиозных меньшинств в действующей регулярной армии на фронте остался неурегулированным. Это естественно вызывало недовольство солдат-мусульман. В одном из своих донесений в Петроград, Казанский губернатор сообщал, что в переписке солдат-татар

¹ ЦИА РБ. Ф.И–295. Оп.11. Д.992. Без указ. л.

² ЦИА РБ. Ф.И–295. Оп.11. Д.993. Без указ. л.

³ Гиззатуллин И.Г. Указ. соч. С.92.

⁴ Там же. С.106–107.

⁵ ЦИА РБ. Ф.И–295. Оп.3. Д.14428. Л.44.

⁶ Кандидов Б. Церковь и гражданская война на Юге. – М., 1931. – С.252.

замечается недовольство войной, а в частности, невозможностью исполнения религиозных обрядов. Например, один военнослужащий писал: «...у русских на войне присутствуют священники, которые приобщают своих солдат, а у нас, мусульман, этого нет. К нам мулл не назначают, несмотря на то, что у нас больше половины солдат мусульман, которые умирают без муллы и их хоронят вместе с русскими в одной могиле, по-нашему следовало бы обратить на это внимание правительства»¹.

Подобное положение дел не могло оставаться вне поля зрения мусульманской общественности страны. С 6 по 10 декабря 1914 г. в Петрограде, по инициативе мусульманской фракции 4-й Государственной Думы, проходил Всероссийский съезд представителей мусульманских обществ. Руководили съездом видные деятели мусульманской общественности И.Ахтямов, М.Асадуллаев, А.Муфти-заде и другие. Целью съезда явилась выработка мер по оказанию помощи раненым воинам². На третий день съезда, который активно освещался мусульманской прессой, был рассмотрен вопрос о посылке мулл в действующую армию. В ходе обсуждения эта тема вызвала продолжительные прения. В результате принимается следующее заключение комиссии: ходатайствовать о посылке по одному мулле не в каждый полк, как предполагалось в докладе депутата Государственной Думы Ш.Ш.Сыртланова, а в каждую дивизию. Мотивировалось это тем, что не в каждом полку имелось достаточное число солдат-мусульман. К тому же действительное количество мулл в таком количестве набрать было невозможно³.

Назначение муллы на уровне дивизии соответствовало положению о полевом управлении войск в военное время, вышедшему в 1914 г. По нему священнослужители в общем порядке службы подчинялись на правах командира полка коменданту штаб-квартиры армии (таким же образом коменданту корпуса, дивизии)⁴. У нас есть все основания полагать, что ходатайство упомянутого выше Всероссийского

---

¹ Цит. по: Аршаруни А.М., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. – Лондон, 1990. – С.98.

² Татарская энциклопедия в 5 томах. – Т.1: А-В. – Казань, 2002. – С.642.

³ Каспий. – №281. – 1914. – С.4.

⁴ Положение о полевом управлении войск в военное время. – Петроград, 1914. – С.59.

съезда были приняты военным ведомством. Об этом говорят и письма военнослужащих. Например, в этот период солдат-татарин 105-го Артиллерийского полка писал в Казань: «Для мусульман назначили в каждую армию по одному мулле. Назначенный в нашу армию, 3-ю, мулла с разрешения командира всех солдат-мусульман собирает в ближайшее село, читает молитвы, увещевает нас...»¹.

О назначении имамов к дивизиям, корпусам и армиям на фронте активно писала и мусульманская пресса в 1915–1916 гг. Вот только некоторые сообщения по этому поводу: «Находящийся в юго-западной армии, на театре военных действий призванный из запаса и временно исполнявший обязанности духовного имама Шарафетдин Эфенди Кеманайдинов приказом главнокомандующего армией назначен военным имамом армии. Новый имам происходит из крестьян Лаишевского уезда Казанской губернии и считается одним из образованных духовных лиц»²; «Назначенный военным имамом в действующую армию уфимец Мир Сеид Эфенди Субханкулов-Хашимов прибыл на этих днях в Казань, откуда он направится в армию. Как известно, Мир Сеид Эфенди во время русско-японской войны был на действительной службе, и, как мулла, был назначен тогда же имамом. Теперь во время мобилизации был призван и однажды, получив рану, вернулся на родину на излечение. По словам «Юлдуза», Мир Сеид Эфенди считается одним из прогрессивных имамов»³; «Вторым имамом во вторую армию назначен корпусный имам состоявший в первом сибирском армейском корпусе Абдурахман Селимгереев»⁴; «Военный имам 75-й пехотной дивизии Рахматулла эфенди Хамзин выражает через редакцию газеты «Созь» благодарность от имени воинов-мусульман за присланные подарки»⁵; «Имам Мухаммед Неджим Бекир эфенди назначен военным имамом в (...) кавалерийскую дивизию» и тут же «По словам «Турмыш», на днях вернулся с театра военных действий в Уфу военный имам N дивизии А.С.Ягубов. По словам имама, дух войск великолепный. Последние события еще более воодушевили воинов. В настоящее время (7 июля 1916 г. – *прим. авт.*)

---

¹ Цит. по: Климович Л. Указ. соч. С.323.

² Каспий. – №213. – 1915. – С.4.

³ Каспий. – №252. – 1915. – С.4.

⁴ Каспий. – №100. – 1916. – С.4.

⁵ Каспий. – №116. – 1916. – С.4.

очень много имамов назначены в войска для совершения необходимых религиозных обрядов»¹; «От имени воинов-мусульман имам NN пехотной дивизии в газете «Созь» обращается к мусульманам с просьбой посылать солдатам татарские газеты, книги, а также журналы»² и многие другие. Свидетельствуют об этом и военно-законодательные акты. Так, среди награжденных медалями «за усердие» на Юго-западном фронте 11 мая 1915 г. первым в списке стоял Юнис Алимов, «состоящий при канцелярии главного начальника снабжений армий Юго-Западного фронта магометанский мулла»³.

Исследователь С.М.Исхаков описывает приказ главковерха от 5 июля 1916 г., на основании которого командир 159-й пехотной дивизии 24 мая 1917 г. назначил на должность дивизионного муллы санитаря 636-го пехотного полка М.Ибрагимова⁴. Таким образом, можно говорить, что процедура назначения мусульманских духовных лиц в воинские формирования заметно упростилась. Это было обусловлено, в первую очередь, самим ходом боевых действий и заинтересованностью военного командования в сохранении порядка и верноподданности среди многочисленных военнотружущих-мусульман. Об этом свидетельствует и пресса того времени, например, одна из газет писала: «Военное командование русской армии в 1916 г. значительно увеличивает число военных мулл. В задачу их оно ставит принятие всех мер к искоренению революционных идей среди нижних чинов армии»⁵.

Если в 1915 г. около 30 военных мулл было определено к должностям указами министров внутренних дел и военного ведомства, то с 15 июля 1916 г. в соответствии с указом Николая II в войсках были введены штатные должности дивизионных мулл⁶.

Приведем здесь сведения о награждении некоторых военных имамов в указанный период: военный ахун при штабе 12-й армии Мир Сагид Кучумов «совершил богослужение и молебствование за

---

¹ Каспий. – №134. – 1916. – С.3.

² Каспий. – №135. – 1916. – С.3.

³ Приказы армиям юго-западного фронта. – 1915 г. – №599. – без вых. данных.

⁴ Исхаков С.М. Указ. соч. С.231.

⁵ Климович Л. Указ. соч. С.343.

⁶ Загидуллин И.К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. – С.45.

здравие Государя-Императора и о даровании победы над врагом под артиллерийским обстрелом», награжден орденом св. Станислава 3-й степени с мечами; военный мулла при штабе той же 12-й армии У.Хасанов-Шайхитдинов 20 апреля 1917 г. также удостоен орденом св. Станислава 3-й степени с мечами; военный мулла при штабе 3-й армии Билял Шафиков 6 декабря 1916 г. награжден нагрудной серебряной медалью на Станиславской ленте; второй военный мулла при штабе 3-й армии Шарафетдин Каламитдинов 15 декабря 1916 г. награжден той же наградой¹.

Один эпизод из деятельности мусульманского военного духовенства из татар на фронте описывает в своем дневнике известный русский генерал, географ и востоковед Андрей Евгеньевич Снесарев: «Яремезе (Австрия) 24 – IX. 1916 г. Сегодня был праздник у мусульман; молились они в поле, обратившись взором на Мекку (скромный мулла поставил их на юг, от немца на запад, как это ему предписывают в Казани), положив под ноги шинели и обернув козырьки назад... Молились жарко, как молятся люди, соскучившиеся по молитве. Затем они выстроились возле чайной, я их поздравил с праздником, поблагодарил за службу, и мы прокричали «ура» Государю. После этого они пили чай с белым хлебом под оркестр. Мулла и один офицер-татарин с нами обедали; мулла приходил благодарить меня за внимание...»².

*Военные муллы и «национализация» воинских подразделений
в последний год войны*

Февральские события 1917 г. подстегнули открытое обсуждение и попытки разрешения национально-религиозных проблем мусульманской уммы. 16 марта 1917 г. начал свою работу Казанский мусульманский военный комитет, где были приведены результаты опросов среди военнослужащих-мусульман. Абсолютное большинство поднятых солдатами тем составляли вопросы религиозно-национального характера: назначение в каждый полк по одному мулле, отведение в казармах специальных мест для чтения пятикратного ежедневного намаза, объявление пятницы днем отдыха для мусульман, организация отдельного питания с использованием мяса му-

¹ Капков К.Г. Указ. соч. С.531–532.

² Снесарев А.Е. Литература и война // Наш современник. – 2004. – №8. – С.217.

сультманского забоя, соблюдение исламских обрядов при похоронах мусульман на фронте и т.д. При этом комитет пришел к заключению о невыполнимости этих требований без организации национальных военных формирований¹. Примерно в это же время среди солдат-мусульман начинает распространяться брошюра под названием «Зачем нужны татарские полки?», поднимавшая те же вопросы². В целом проблема организации регулярных национальных военных формирований, а следовательно, и решение религиозных потребностей мусульман, в течение 1917 г. становится одной из главных задач мусульманского движения в России. Эта тема находит отражение и в работах русских исследователей того периода, например, А. Тамарин в одной из своих работ вышедших в 1917 г. пишет: «Единственное чего требуют мусульмане – формирование мусульманских полков со своими офицерами и духовниками. Это немногое – их законное право. Во всем остальном они – русские солдаты, на которых всегда может опереться российская республика»³.

С 1 по 11 мая 1917 г. в Москве проходил 1-й Всероссийский мусульманский съезд, в работе которого участвовало около 900 делегатов. На нем был создан Всероссийский мусульманский Совет (ВМС). Съезд также обсуждал важные, назревшие вопросы мусульманской уммы России, в том числе военный и религиозный. По военному вопросу было поддержано обращение Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов о заключении мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. Кроме того делегаты съезда одобрили предложения об отказе от воинской повинности в целом, но пока она существует комплектование полков и других военных формирований должно было проходить по национальному признаку. Также на рассмотрение правительства делегаты съезда вынесли следующие вопросы касающиеся военной сферы: о введении во всех новообразуемых национальных полках должностей выборных полковых мулл с правами полковых священников православного исповедания, об учреждении отдельных столовых (кухонь) с мясом мусульманского забоя и исключаяющих употребление свинины для

---

¹ Гиззатуллин И.Г. Указ. соч. С.50.

² Миңнуллин Ж. «Татар полклары ни өчен кирәк?» // Мирас. – 1994. – №4. – С. 114–117.

³ Тамарин А. Мусульмане на Руси. – М., 1917. – С. 31.

военнослужащих исповедующих ислам, создание условий для выполнения обрядов своей религии мусульманами-военнослужащими¹.

18 июня 1917 г. на 1-м армейском мусульманском съезде 9-й армии (Румынский фронт) была принята резолюция о статусе духовных лиц мусульман, где отмечалось, что «военные муллы должны быть интеллигентными, как в смысле умственного развития, так и нравственного» и должны получать не только жалование наравне с соответствующими духовными лицами православного вероисповедания, но и пользоваться всеми привилегиями последних².

Военный министр А.Керенский 1 июля 1917 г. приказом определил, что при штабах дивизий необходимо учредить должности выборных мулл, содержащихся за счет казны³. Так, в 1917 г. состоящий в составе 3-й Финляндской стрелковой дивизии мулла обратился в дивизионный комитет с заявлением об откомандировании стрелка С.Габайдуллина в качестве своего помощника⁴. Выборные муллы, содержащиеся за счет казны, продолжали свою деятельность даже в начале 1918 г. Как видно из рапорта командира 5-го Сибирского армейского корпуса А.И.Тодорского от 3 января 1918 г., в подведомственных ему 50-й пехотной и 6-й Сибирской стрелковой дивизиях служило 365 мусульман. Командир также сообщал, что «при 50-й дивизии функционирует мусульманский совет. При дивизиях имеются муллы, которые наблюдают за жизнью мусульман и оберегают их интересы»⁵.

С 17 по 26 июля 1917 г. в Казани проходил 1-й Всероссийский мусульманский военный съезд, главным достижением которого явилось создание Всероссийского мусульманского военного совета (Харби Шура, Вошуро), ставшего высшим политическим органом воинов-мусульман⁶. Вошуро взяло на себя и руководство военным духовенством. В приказе Вошуро №2 определялась структура орга-

---

¹ См.: Татарская энциклопедия в 5 томах. – Т.1: А-В. – Казань, 2002. – С.642–643; Сагидуллин М. Татарские трудящиеся на путях Великого Октября. – Казань, 1927. – С.7–10; Фаизов С.Ф. Ислам в Поволжье. VIII–XX века. Очерк истории. – М.: Изд-во «Спутник+», 1999. – С.41–45.

² Исхаков С.М. Указ. соч. С.231.

³ Исхаков С.М. Указ. соч. С.131–132.

⁴ Там же. С.340.

⁵ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 года – март 1918 года. Сборник документов / Под ред. Л.С.Гапоненко. – М., 1973. – С.342–343.

⁶ Татарская энциклопедия в 5 томах. – Т.1: А-В. – Казань, 2002. – С.643, 645.

низации, в которой в составе агитационно-организационного отдела (рук. М.Терегулов) создавался подотдел духовных дел во главе с Ахметом Миннекаевым¹.

За активное участие в подавлении мятежа генерала Л.Г.Корнилова Временное правительство в сентябре 1917 г. разрешило Вошуро создавать в армии мусульманские военные формирования². Именно для них и в целом для мусульманских военных организаций Вошуро в сентябре 1917 г. подготовило ряд приказов разработанных агитационно-организационным отделом. Согласно приказу №9 местные мусульманские военные организации должны были обратить особое внимание на религиозные потребности солдат-мусульман, в частности, заботиться о том, чтобы в полках, при наличии в них солдат-мусульман, имелись муллы. Муллы в свою очередь обязывались выполнять свои функции добросовестно, добиваясь через командование, чтобы солдаты-мусульмане отдыхали в дни религиозных праздников, а свинина в еде заменялась им бараниной или говядиной. По приказу Вошуро №10, подготовленному подотделом по духовным делам, предписывалось армейским и окружным имамам усилить контроль над деятельностью мулл дивизий, гарнизонов и полков. При этом людей, не соответствующих этой высокой и ответственной должности, должны были заменять достойными. Также духовенству предписывалось регулярно посещать больных и раненых в госпиталях и лазаретах, стремясь улучшить их бытовые условия и скрасить тяжелое время их жизни. Военным муллам напоминалось и о необходимости тесного контакта с армейскими и окружными мусульманскими военными комитетами, особенно при решении кадровых вопросов³.

На основании приказа начальника Генштаба от 11 октября 1917 г. началась национализация (мусульманизация) трех запасных полков: 32-го (Симферополь), 95-го (Казань) и 144-го (Уфа), которые предназначались для 77-й (Юго-Западный фронт), 75-й (Западный фронт) и 13-й (Румынский фронт) пехотных дивизий⁴. Таким образом, многолетние чаяния мусульман иметь свои регулярные полки с духовенством в составе, начинали воплощаться в жизнь. Мусульма-

¹ Гиззатуллин И.Г. Указ. соч. С.70.

² Татарская энциклопедия в 5 томах. – Т.1: А-В. – Казань, 2002. – С.645.

³ Гиззатуллин И.Г. Указ. соч. С.78–79.

⁴ Исхаков С.М. Указ. соч. С.337.

низации подлежали не только полки, но и более мелкие единицы, такие как роты, батальоны отдельных формирований. Например, в Астрахани в составе 156-го пехотного запасного полка мусульманская рота была сформирована в конце октября 1917 г. Она комплектовалась солдатами-мусульманами, выделенными из других рот полка и добровольцами, прослужившими в армии. Военнослужащие направлялись туда исключительно Астраханским мусульманским военным комитетом. Добровольцам давал рекомендацию ахун города¹.

7 декабря 1917 г. главковерх Н.В.Крыленко распорядился сократить в штабах армий штат на одного муллу². В противовес этому приказу Вошуро проводит свой приказ по Казанскому военному округу от 30 декабря 1917 г., утвердивший штат военных ахунов, мулл и муэдзинов указанного округа. Так, на уровне округа предусматривалось иметь одного ахуна и его заместителя, в каждом гарнизоне округа муллу и муэдзина и на уровне полка также одного муллу и муэдзина. Здесь же прописывались их права, обязанности и оклады жалования в месяц³.

Исследователь С.М.Исхаков отмечает, что к концу 1917 г. по сведениям Вошуро существовали следующие мусульманские части: Туземный корпус, два Крымских конных полка, 1-й Мусульманский стрелковый корпус на Румынском фронте, 1-й стрелковый мусульманский полк в Оренбурге, 2-й мусульманский запасной полк (144-й) в Уфе, Текинские полки; кроме того, несколько отдельных эскадронов и многочисленные роты и батальоны. Заканчивалось переформирование 32-го пехотного запасного полка в Симферополе, 95-го пехотного запасного полка в Казани и двух дивизий на фронте. Начата была мусульманизация полка в Москве и Елисаветполе⁴. По имеющимся у нас данным к началу января 1918 г., кроме перечисленных формирований, мусульман направляли для службы в 6-й Белебеевский мусульманский стрелковый полк (Белебей) и 1-й Уральский мусульманский революционный батальон (Челябинск)⁵. Во всех пе-

¹ Гиззатуллин И.Г. Указ. соч. С.106–107.

² Исхаков С.М. Указ. соч. С.433.

³ НА РТ. – Приказы по Казанскому военному округу. – 1917 г. – №245. – без вых. дан.

⁴ Исхаков С.М. Указ. соч. С.436–437.

⁵ НА РТ. – Приказы по Казанскому военному округу. – 1918 г. – №121. – без вых. дан.

речисленных воинских частях несли службу представители мусульманского военного духовенства.

Следует отметить, что военные имамы в указанный период активно участвовали и в общественно-политической жизни страны. Например, кандидатами в Учредительное собрание были выдвинуты: от Казанской губернии – ахун Гатаулла Багаутдинов, от действующей армии и военных округов – армейский мулла Закир Губейдуллин и военный имам 5-й армии, член военного исполкома мусульман 5-й армии – Кильдебяков Ахмед-Гадий¹.

16 января 1918 г. приказом Народного комиссариата по военным делам РСФСР «О расформировании всех управлений духовного ведомства», военные священнослужители всех конфессий были уволены, за исключением тех случаев, когда Войсковые комитеты, в случае желания войсковых частей, управлений, учреждений и заведений оставляли их на содержании. 26 марта 1918 г. Наркомнац принял постановление о ликвидации Вошуро и всех его структурных подразделений, в число которых входили и мусульманизированные части. Созданный взамен Вошуро Комиссариат по делам мусульман внутренней России при Наркомнаце, под руководством Мулланура Вахитова, приступил к формированию социалистических мусульманских воинских частей. Их целью было «создание мусульманской Рабоче-Крестьянской Красной Армии, революционные отделы коей должны оберегать честь и достоинство великих завоеваний российского пролетариата и нести знамя социальной революции в страны мусульманского Востока»². В молодом советском государстве представители духовенства оказались в положении классовых врагов. В таких условиях деятельность мусульманского военного духовенства оказалась более не востребовавшей.

Таким образом, в период Первой мировой войны, благодаря стараниям воинских чинов, высшего мусульманского духовенства и мусульманской общественности России, деятельность института военных мулл в России достигла самых больших высот в истории Российской империи. Никогда ранее представители мусульманского военного духовенства из татар не получали столь пристального внимания к себе со стороны военных и гражданских властей, никогда до этого их деятель-

---

¹ Исхаков С.М. Указ. соч. С.519–526.

² Цит. по: Гиззатуллин И.Г. Указ. соч. С.130.

ность не носила столь масштабный характер. Демократизация Российской армии позволила решить самые насущные и волнующие мусульманскую умму страны вопросы в течение одного года, в то время как до начала Великой войны религиозные потребности татарских солдат десятилетиями оставались не решенными в столь массивном и консервативном учреждении как Военное ведомство. В свою очередь представители мусульманского военного духовенства своим каждодневным трудом смягчали тяжелые армейские будни татарских и башкирских солдат на фронтах, в госпиталях и гарнизонах, во всех концах огромной Российской империи в столь не простое для нее время.

2.4. «Письма мусульман проникнуты свойственной их религии верой в судьбу...»: война глазами солдат

За любой войной, за успехами и поражениями военачальников обычно стоит трагедия маленького человека. В последнее время акцентируется внимание на изучении истории именно таких людей. Война в «человеческом измерении» – это не только победы, но и страх, боль, и в своем естественном желании самосохранения человек не всегда поступает как герой.

Исследователь зависим от источников. Изучение повседневного мира простых людей, их отношения к войне и эмоционального состояния – одна из сложнейших задач именно из-за скудности документальных свидетельств об этом. При реконструкции войны «из окопов», глазами самих солдат, одним из основных источников служат фронтовые письма. Часть этих документов сохранилась в архивных фондах, ряд материалов опубликован¹. Во время Первой мировой войны работала военная цензура, поэтому вторичным докумен-

---

¹ Царская армия в период мировой войны и февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны) / Отв. ред. М.Вольфович, Е.Медведева. – Казань: Татиздат, 1932. – 239 с.; «Солдаты смотрят на войну как на огромное несчастье» (Солдатские письма с фронтов Первой мировой войны) / Публ. Н.Шарангиной // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1998. – №3/4. – С.181–182; «Мне нужна только свобода и свобода...». Письма И. Казакова с фронта, адресованные Н.Казаковой / Публ. Л.Хузеевой // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2002. – №1/2. [Электронный ресурс] www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2002_1_2/04/04_4/

том являются сохранившиеся обзоры солдатских писем. Практически в каждой губернии работали и цензоры, владеющие татарским языком. Например, они имелись в Казанской, Уфимской, Оренбургской, Симбирской, Астраханской губерниях. Их аналитические работы отправлялись в штаб Казанского военного округа¹. В некоторых случаях, из-за невозможности читать письма солдат-татар военными цензорами, военнотатарским запрещали писать на родном языке. Так, в 1914 году такой указ появился относительно крымских татар. При этом согласно указу крымского губернатора запретили писать на родном языке не только солдатам-татарам, но и евреям и латышам².

«Прекрасно зная о цензуре, солдаты, конечно, в письмах не откровенничали», – отмечал историк М.Н.Покровский³. Письма с фронта часто приходили с цензорскими поправками. В первую очередь они зачеркивали те фрагменты, где речь шла о местонахождении солдата, и исправляли эту информацию на «действующую армию». Также убрали нелицеприятные выражения в адрес вышестоящей власти, высказывания, способствующие межнациональной, межконфессиональной розни. Например, многими авторами отмечалось, что татарские солдаты нередко писали, что они находятся «в руках гяуров», т.е. неверных и воюют не за свои идеалы⁴.

Солдаты-мусульмане по-разному пытались обойти цензоров и в своих письмах излагали некоторые мысли и особыми знаками, и цифрами. Писали арабскими буквами не справа налево, как обычно, а наоборот, слева направо. Такие письма родственники должны были читать через зеркало. Были и те, кто вместо арабских букв писал татарский текст латинскими буквами. Иногда цензоры не могли дешифровать записи и ограничивались тем, что сомнительные места зачеркивались. В общем, люди самыми разными способами старались максимально оградить свою частную жизнь и все же донести собственные мысли до близких. «Неужели письма не доходят, ведь я и писал то самую пустяковину. А ведь как хочется с кем-нибудь по-

---

¹ НА РТ. Ф.1154.

² НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6188. Л.163.

³ Покровский М.Н. Империалистская война. 1915–1930. Изд. 3-е. – М., 2009. – С.213.

⁴ Аршаруни А., Габуллулин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. – Казань, 2002. – С.97–98.

делиться переживаемым, здесь не с кем», – писал солдат М.Якупов своим родным в Челябинск 15 января 1915 года¹.

Помимо писем, еще одним видом источников являются байты, сочиненные в годы войны. Байты – эпические, лиро-эпические и лирические стихотворные произведения составляют важную часть татарского фольклорного наследия. Кроме социальных и семейно-бытовых тем, в них также фигурируют исторические события. Формирование байта как отдельного жанра фольклористы относят к XV–XVI столетиям. Это «Байты о городе Булгар», «Баит Казани»². Создавались они как устно, так и письменно. Чаще всего повествование велось от первого лица. В них отражены эмоции человека, его переживания и страхи, бытовые трудности и другие чувства. В байтах преобладало трагическое восприятие мира.

Наибольшее количество сохранившихся военно-исторических байтов относится к Первой мировой войне. Объясняется это и масштабностью данной войны, что мало кто (особенно люди из простых семей) остался в стороне от трагических событий 1914–1918 гг. И тем, что многие солдаты в свои письма к родным включали и такого рода поэтические произведения. К примеру, педагог Вали Хангильдин вспоминал, как в 1916 году в Уфе поэт Шайхзада Бабич переписал у солдаток песни³. Он в это время собирал образцы татарского народного творчества. Вероятно, это были байты, присланные их мужьями в письмах. «Они пишутся на столах лазаретов собственными незаметными для других поэтами и рассылаются в письмах по селам и деревням» – писал Гали Рахим в статье «Среди раненых мусульман», опубликованной 1 декабря 1914 года в московской газете «Иль»⁴.

Байты стали настолько популярным жанром народного творчества, что в татарских издательствах выпускались небольшие книжки с песнями (байтами) о войне. За 1914–1916 года вышло в разных издательствах пять таких брошюр, в Уфе и Казани⁵. Три из них переиз-

---

¹ Царская армия в период мировой войны ..... – С.188.

² Татар халык ижаты. Бәетләр. – Казан, 1983. – Б.6.

³ Хангильдин В. Бабич белән үткән бер жәйнең истәлеге // Совет әдәбияте. – 1959. – №5. – Б.101.

⁴ Иностранческое обозрение. Кн.11-я. – Июнь, 1915. – Казань, 1915. – С.857.

⁵ Европа сугышы бәете. – Уфа: Электро-типография «Восточная печать» («Шарк»), 1915. – 16 б.; Абдулмәнев Г.М. Сугыш жырылары. 2-нче басма. – Уфа:

давались и во второй раз. Авторами являлись солдаты, произведения для публикации извлекались из их писем. Так самое первое издание «Книга песен о событиях войны» («Сугыш хэллэре намында жырлар китабы») появилось в продаже уже в октябре 1914 года, оно было опубликовано в казанской типографии «Миллят» тиражом в 3 тысячи экземпляров. Тираж второго издания (декабрь 1914 года) уже насчитывал 6 тысяч экземпляров, вероятно, спрос на книгу был высоким. В том же декабре 1914 года в другой казанской типографии «Умид» вышла книга «Байты современной войны» («Хэзерге сугыш бәете») 5-ти тысячным тиражом¹.

Военные цензоры отмечали, что байты, как правило, составлены в «слезливом тоне», описывают «лишения и ужасы войны», а авторы не надеются «вернуться с войны живыми». Из-за этого они считали, что подобные издания могут негативным образом повлиять на «настроения массы татарского населения». Однако «с точки зрения уголовных законов, относящихся к делам о печати, в содержании их не представляется чего-либо преступного», поэтому цензоры никак не могли запретить издание татарских байтов².

Кроме народных форм творчества, солдаты пробовали свои силы в прозе и поэзии. Так рядовыми на фронтах Первой мировой войны служили татарские писатели Нажип Думави (1883–1933), Фарит Ибрагимов (1893–1943), Файзи Валиев (1892–1941), Мухамед Гали (1893–1952). Это далеко не полный список талантливых молодых людей, призванных в действующую армию. Наиболее известным стихотворением Нажипа Думави военного времени стало стихотворение «Сугыш тэссорате» («Впечатления войны»), опубликованное в журнале «Аң» («Сознание») в 1916 году. Сын муллы, уроженец Чистопольского уезда Казанской губернии – Нажип Тахтамышев (Думави) не участвовал в боевых действиях, он служил на Западном фронте в качестве писаря, но ужасы войны оставили неизгладимый след в его сердце и единственным выходом в этой невыносимой обстановке для него, очевидно, стал «уход» в творчество. Писал стихи и Фарит Ибрагимов. Его произведения «На позиции», «Удивление», «Мучения», «Звуки гармонии»

«Шарк матабагасы», 1915. – 32 б.; Европа сугышы хэллэре. 2-нче басма. – Казань: Типо-литография «Бр.Каримовы», 1916. – 15 б.

¹ НА РТ. Ф.420. Оп.1. Д.252. Л. 231об., 280.

² НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.2. Л.193об.

были опубликованы в татарских газетах и журналах тех лет. Получив ранения, к 1917 году Ф.Ибрагимов вернулся уже на родину – в Лаишевский уезд Казанской губернии¹.

Если Фарит Ибрагимов работал учителем уже после революции, то писатель Файзи Валиев был вынужден оставить педагогическую деятельность из-за военной мобилизации. Этот момент он отразил в автобиографическом рассказе «Ирхан учитель» (1915). Тяжелой солдатской доле посвящены его фронтовые рассказы «Намаз» («Молитва»), «Жырлылар» («Поют»)².

В феврале 1916 года мобилизовали рядовым и сына сельского муллы Мухамеда Гали. Он участвовал в боях в Австрии и Румынии, испытал все тяготы окопной жизни. Впечатления военного периода жизни писателя нашли отражение в его рассказе «Разведчиклар» («Разведчики»)³.

Солдатские будни в ментальном разрезе

И письма солдат-татар, и народные баиты, и авторские художественные произведения повествуют об известных явлениях: о тяжелых солдатских буднях, о плохом питании и недосыпе, о холоде и грязи. Конечно, эти бытовые условия были характерны для всей российской армии. «Өчәр көнләп позициягә ашарга килми иде,/ Ачлык үтә йөрәгемә, һич беркем белми иде» (На позициях не бывало еды по три дня, никто не знал о том, как я страдаю от голода), – жалобы на отсутствие еды встречаются в каждом баите⁴. Или о том, как бедный солдат вынужден есть одни сухари. «Когда есть сухари, не бывает воды, что бы их смочить», – жалуется автор уже другого баита⁵. «Биек тауның башында окоп казып яттык без,/ Ике сажин жир астында унике ай яттык без» (На высокой горе рыли мы окопы,/ на двух сажнях земли лежали мы все двенадцать месяцев)⁶. Об этом же писали солдаты и в письмах родным. Например, «пока было тепло, мирились, набивая

¹ Ибраһимова Ф. Фажигале язмыш // Казан утлары. – 1996. – №2. – С.188–1896.

² Гайнуллин М. Татарская литература и публицистика в начале XX века. Изд. 2-е, доп. – Казань, 1983. – С.235.

³ Там же. С.239.

⁴ Татар халык ижаты. Бәетләр. – Казан, 1983. – Б.78.

⁵ Там же. С.106.

⁶ Там же. С.80.

брюхо, где зеленою, где картошкой, сеянной здесь в изобилии. Теперь ничего этого нет», – отмечал русский солдат из Галиции родным в Самару¹. «Житье у нас здесь очень плохое: дают 2 фунта хлеба, да и тех не берет нож. Едим вонючую рыбу, да гнилую капусту», – это уже писал с фронта солдат-татарин казанцу Губайдулле Сайфуллину в 1916 году². «Гнилой капустой», вероятно, он называл квашенную капусту, которую использовали для приготовления солдатских щей³.

Таким образом, жалобы родным солдат всех возрастов, религий и наций были очень схожи. На протяжении всей войны в солдатских письмах постоянно присутствовали жалобы на недостатки в пище, на нехватку табака, теплых вещей и обуви. Однако военная повседневность в восприятии солдата-татарина в некоторых моментах оказывалась немного другой. Это восприятие диктовалось как раз его этноконфессиональными особенностями. Например, помимо нехватки еды, для татар-мусульман было непривычным и сам состав армейской кухни. После преимущественно мясомолочной и мучной еды, они с трудом привыкали к овощам, и особенно к капусте. «Солдат булгач, нихэл итим, кабеста ашый башладык» (Что делать, раз стал солдатом, теперь каждый день едим капусту...), – так комментировали они свой новый быт⁴. Татары, как известно, в дореволюционный период не рассматривали овощи как серьезную еду, они служили для них лишь дополнением к основной пище⁵. Поэтому есть капусту – все равно, что оставаться голодным. Кроме того, для солдат-мусульман имело значение и то, какое мясо им подавали. Например, по замечанию военного цензора по г.Казани Н.Ф.Катанова в некоторых татарских письмах среди жалоб на недостаток пищи были и те, где говорилось, что приходится есть свинину⁶. Неслучайно и во время съезда солдат-мусульман в Москве зимой 1917 года одним из по-

---

¹ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.949. Л.88.

² «Солдаты смотрят на войну как на огромное несчастье» (Солдатские письма с фронтов Первой мировой войны) / Публ. Н.Шарангиной // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1998. – №3/4. – С.181.

³ Армеев В. Щи да каша – пища наша. Этюды о военно-полевой кухне // Родина. – 2007. – №3. – С.103.

⁴ Татар халык ижаты. Бәетләр. – Казан, 1983. – Б.86.

⁵ Губайдуллин К., Губайдуллина М. Пища казанских татар // Вестник научного общества татароведения. – 1927. – №6. – С.26.

⁶ НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.35. Л.9об.

ставленных вопросов был «свинины не кушать»¹. Хотя по утверждению некоторых историков, в российской армии в начале XX века солдат кормили только говядиной².

Впрочем, и на войне были разные периоды. И настроения, и оценки военно-полевой кухни в солдатских письмах встречались самые разнообразные, в зависимости от обстоятельств. «Кормят нас очень хорошо, два раза дают горячей пищи, один раз каша, 3 фунта мяса, 3 фунта хлеба. Нас так и в Казани не кормили. Так нас начали кормить после нашей победы на австрийской границе. Чай, сахар – тоже вдоволь дают», – писал родственникам в д.Большая Нурма Казанского уезда в 1916 году Мухамедвалей Абдрахманов из Запасного Сибирского полка³.

В целом, снабжение армии продовольствием в годы Первой мировой войны не отличалось стабильностью. «Мясные» дни сменялись полуголодным существованием на одних сухарях и воде, особенно если солдат был на позиции. «Качество пищи порой оставляло желать лучшего, кухня не всегда поспевала за армией, вынуждая солдат подстраиваться под реалии фронтовой жизни, заботиться о своём питании самостоятельно, за свой собственный или семейный счёт, за счёт мародёрства или простого собирательства всего того, что росло вокруг в тех местах, где проходил военнослужащий (грибы, ягоды и т.д.)», – пишет исследователь солдатской повседневности Восточного фронта Я.В.Валяев⁴.

Для деревенских жителей непривычным был даже переход к новой форме одежды. «Сугышка дип алдылар, билгә каеш салдылар...» (Взяли на войну, дали мне ремень)⁵, – в этом простом замечании на самом деле обозначено глубокое противоречие в душе человека с традиционными воззрениями. Вопросы внешнего вида были особым предметом спора в татарском мусульманском обществе на рубеже

---

¹ ЦГАИПД РТ. Ф.36. Оп.2. Д.10. Л.14.

² Армеев В. Указ. соч. С.101.

³ «Солдаты смотрят на войну как на огромное несчастье» (Солдатские письма с фронтов Первой мировой войны) / Публ. Н.Шарангиной // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1998. – №3/4. – С.181–182.

⁴ Валяев Я.В. Фронтовой быт военнослужащих Российской армии в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Белгород, 2012. – С.20.

⁵ Татар халык ижаты... С.84.

XIX–XX веков, взгляды человека напрямую связывали с его одеждой. Считалось, что тот, кто предпочитает европейский гардероб является отступником, пренебрегающим мусульманской верой. Ремень обычно использовали для брюк европейского кроя. Последние были популярны среди городской татарской молодежи, и реже встречались в деревнях, где предпочитали традиционные штаны. Поэтому переживания солдата-крестьянина по поводу своего нового облика не случайны.

Помимо собственного пропитания и обогрева, солдаты еще должны были заботиться о своих лошадях. Общеизвестно особое отношение татар к этим животным. Вероятно, это было продиктовано их давними кочевыми традициями. В большинстве баитов военно-служащие жалеют несчастных животных, которые также мерзнут и голодают, глохнут от постоянной стрельбы. «Мөлдәрәп ага яшьләр күзеннән,/ Кызганам аларны бигрәк үземнән./ Без ашаганда алар кешниләр,/ Ашарга сорап шинель тешлиләр» (Текут слезы ручьем из их глаз,/ жалею их больше себя./ Когда мы едим, они подают голос,/ Просят еды и жуют шинель), – вот лишь некоторые фрагменты¹. «У меня лошадь была молодая, теперь ей 12-й месяц. С начала вступления в войну все одна эта лошадь, рыжая, с белым пятном на лбу, очень крупная лошадь, теперь у нее испортилась нога; сильно скакать не может. Взводный говорит: «Нигматжан! Эту твою лошадь надо сменить! Но мне ее жалко, так как она вступала в очень много битв, со мной она – хорошая лошадь», – подробно описывал свою лошадь в письме от 25 июня 1915 июня один из татарских солдат, выходец из Атнинской волости Казанского уезда².

Война и религия

Один из частых сюжетов в баитах – это религиозный вопрос. Когда человек напрямую сталкивается с опасностью, и каждый день видит смерть, неизбежно задумывается о Боге, о потустороннем мире. Солдат-мусульман волновало то, как поступят с их телами после смерти. И хотя историки советского времени писали о том, что «дело вовсе не в том, как пытались изображать это сидящие в тылу мусульманские политики, что татарский солдат был особенно верующим и непременно хотел умирать с муллой, а в этом факте он видел привилегирован-

---

¹ Там же. С.94.

² НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.35. Л.79.

ное положение для русского солдата, и свое национальное бесправие ...»¹, на самом деле повышенная суеверность солдат, отсюда и их религиозность давно признается как военными психологами, так и специалистами по военно-исторической антропологии².

Конечно же, и солдаты-мусульмане не были исключением. «В письмах авторы-татары просили прислать «молитвы на разные случаи жизни», ссылаясь на то, что подобных молитв у русских много, – отмечал в своем отчете военный цензор Н.Ф.Катанов 5 августа 1915 года. В одном из писем приводилась «русская молитва против войны»:

На приеме за дверями
Стоит ящик с жеребьями
Жеребья – бумажки белы,
Доставать – трясется тело.
Ты, приемщик – толстый, гладкий,
Не оставь жену-солдатку³.

Вероятно, в ответ, на такие просьбы родственники отправляли в действующую армию молитвы из Корана, которые содержали самую известную религиозную формулу на арабском языке: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник Божий. Нет мощи и силы нигде, как только у Бога Вышнего, Великого». Они содержались в нескольких письмах, отправленных из Казани осенью 1915 года. Для того чтобы уберечь себя от пуль, их советовали класть в пазуху сбоку⁴. Некоторые призывники-мусульмане, уже собираясь в дорогу, брали с собой амулеты, подготовленные родными⁵. «Если Бог нас избавит от настоящего положения и мы вернемся благополучно домой, то всю жизнь молился бы Богу», – писал в 1917 году солдат 527-го Беньбенского полка А.Хамидуллин в письме к родственникам в станицу Гирьяльскую Оренбургской губернии⁶.

---

¹ Аршаруни А.Габидуллин Х. Указ. соч. С.98.

² Сенявская Е.С. История войн России XX века в человеческом измерении. Проблемы военно-исторической антропологии и психологии. – М., 2012. – С.180.

³ НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.35. Л.86.

⁴ Там же. Л.97об.

⁵ Давлетбаев Б.С. Большая Ока. История села. – Уфа, 1992. – С.114.

⁶ НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.334. Л.76.

Религиозный страх нашел свое отражение в народных байтах, и, конечно же, в этих песнях вряд ли солдаты преследовали цель как то подчеркнуть «свое национальное бесправие», они лишь выражали собственные эмоции. И когда санитары были заняты «собираением денег из карманов мертвых солдат...», живых пугала перспектива быть похороненными в общей могиле, без мусульманских похоронных ритуалов и молитв. «Что значит наша нация без всяких прав: у русских на войне присутствуют священники, которые приобщают своих солдат, а у нас, мусульман, этого нет. К нам мулл не назначают, несмотря на то, что у нас больше половины солдат мусульмане, которые умирают без муллы и их хоронят вместе с русскими в одной могиле...», – такие письма из фронта отмечала и военная цензура Казанской губернии¹. Другой солдат-татарин в письме от 30 сентября 1915 года писал родным в Казань о том, что он «видел братскую могилу и, рассмотрев могилы товарищей-мусульман, вскипел гневом...» из-за поставленных на ней христианских крестов².

Вопрос о военных муллах был очень актуальным, и обсуждался еще в довоенное время. Вновь вернулись к нему уже с началом войны, на Всероссийском мусульманском съезде 1914 года было принято решение ходатайствовать о посылке по одному мулле в каждую дивизию. Но сразу обеспечить все полки военными муллами не удалось, и в 1915 году они служили либо при штабах, либо в национальных полках. О нехватке мулл много писалось в национальной прессе. Вероятно, под влиянием этих публикаций некоторые муллы, не видя не предоставленные льготы, уходили на фронт добровольцами. Так, в январе 1916 года имам мечети в Адмиралтейской слободе г.Казани – 26-летний Исагил Габитов попросил командировать его в действующую армию в качестве военного муллы³.

Надо отметить, что татары служили в смешанных войсках, национальные формирования состояли, в основном, из кавказских мусульман. Например, родного брата татарского писателя Шарифа Камала – Гимади Байгильдеева с началом Первой мировой войны назначили военным ахунот Северо-Кавказского военного округа и отправили в г.Армавир, где размещались мусульманские части царской

---

¹ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.949. Л.85.

² НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.35. Л.99об.

³ НА РТ. Ф.482. Оп.1. Д.20. Л.64–66.

армии. «Отцу был выделен особняк в небольшом саду (ул.Войсковая, 17) и личная охрана в лице офицера-лезгина», – вспоминала позднее его дочь София Гизатуллина-Байгильдеева. Гимади хазрат был учеником петербургского ахуна Атауллы Баязитова¹. Штатные должности дивизионных мулл все же были введены лишь указом Николая II от 15 июля 1916 года².

Генерал А.Е.Снесарев 24 сентября 1916 года записал в дневнике свои впечатления о праздничном мусульманском богослужении на фронте, организованном дивизионным муллой: «Молились жарко, как молятся люди, соскучившиеся по молитве. Затем они выстроились возле чайной, я их поздравил с праздником, поблагодарил за службу и мы прокричали «ура» Государю. После этого они пили чай с белым хлебом под оркестр». Отмечал также генерал и о том, как мулла после в окончании праздника приходил благодарить его за оказанное внимание к военнослужащим-мусульманам³. В 1917 году один из татарских солдат в письме родным в Казань с благодарностью писал о пятничных молитвах и чаепитиях после них под руководством военного муллы. «Так что по пятницам у нас здесь настоящий мусульманский праздник. Государь заботится о нас и предоставляет свободное совершение нашей молитвы, несмотря на то, что мы в бою»⁴.

Муллы нужны были не только для правильного выполнения похоронных обрядов, но и для поддержания боевого духа солдат (давали наставления перед боем), дисциплины и социального контроля. Например, после боя некоторые санитары и солдаты занимались тем, что шарили по карманам погибших: брали деньги и другие ценные вещи. Иногда это граничило с откровенным меркантилизмом и цинизмом, когда дело касалось не мертвых, а еще живых солдат. Так одна из сестер милосердия писала о санитарях: «я обратила внимание на то, что солдаты от санитаров держатся совсем в стороне и спросила об этом солдат. Солдаты на это ответили, что они их презируют,

---

¹ Субаев Н. Два брата – две судьбы // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1998. – №3/4. – С.295.

² История татар с древнейших времен. В семи томах. – Т.7. – Казань, 2013. – С.197.

³ Мусульмане и мусульманское духовенство в военном ведомстве Российской империи. Сборник законодательных актов, номативно-правовых документов и материалов / Сост. Х.М.Абдуллин. – Казань, 2009. – С.125.

⁴ НА РТ. Ф.1155. Оп.1. Д.7. Л.42об.

что санитары – это хищники, грабители, что докалывают раненых и обирают их. Переносят раненых с позиций только за деньги...»¹. «Красть – очень даже нехорошо – и грех, и расплата. Да только на войне по-иному: все чужое да легкое – какой тут грех. А уж расплаты-то хуже смерти не будет, а мы сюда на смерть и пригнаны. Вот и не плошай», – писала от лица солдата Софья Федорченко в своем скандальном сборнике «Народ на войне»². По мнению современной исследовательницы О.Н.Поршневой, на поведение солдат большое влияние оказывали моральные установки (или, вернее, их отсутствие) вышестоящего начальства. Воровство и казнокрадство, широко распространенное в их среде, служили своеобразным рычагом для солдат, и они тоже позволяли себе различные вольности, не всегда сочетавшиеся с общечеловеческими ценностями, официальными законами и правилами поведения³.

В таких условиях очень важна была роль священнослужителей, которые в своих проповедях говорили не только о гражданском долге, но и указывали на основные человеческие ценности. В письме от 25 июня 1916 года, адресованном в деревню Большая Бараза Атнинской волости Казанского уезда на имя Нигмаджана Баймратова один солдат писал как раз о наставлениях муллы: «Во время сражения у одного умершего офицера я взял очень много денег. Наш мулла сказал: У умершего человека брать не годится, молодец! Брось это!» У него было 2000 – и я бросил, не взял ни копейки». Нормы поведения корректировались и солдатскими суевериями. «Мы с сыном Шипшуговского муллы вместе взяли – было, – продолжает тот же солдат, – Он взял у покойника фонарь, теперь его и самого не стало, а [я] не брал у умершего человека, так как если возьмешь, его пуля и тебе достанется»⁴.

¹ НА РГ. Ф.1154. Оп.1. Д.2. Л.187.

² Федорченко С. Народ на войне. – СПб., 2012. – С.81. [*Книга была издана в 1917 году под названием «Народ на войне: фронтовые записки». Автор – сестра милосердия Софья Федорченко долгое время называла свою книгу документальной, записанной со слов раненых и больных солдат. Книга стала очень популярной и ее документальный характер не вызывал ни у кого сомнений, пока сама С.Федорченко в 1928 году не призналась, что на фронте никакие записки ею не велись, и написала книгу она уже после войны.*]

³ Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. – М., 2004. – С.184.

⁴ НА РГ. Ф.1154. оп.1. Д.35. Л.80.

При этом по замечанию военных цензоров, солдаты-татары были более фаталистично настроены, верили в предназначение свыше. «Письма мусульман проникнуты свойственной их религии верой в судьбу: жизнь и смерть, здоровье и болезнь, удачи и неудачи, раны или полная сохранность тела – все зависит от Бога, и человеку тут изменить ничего нельзя», – отмечалось в цензорском отчете Казанского военного округа от 16 июня 1915 года¹.

«Татаризм» или языковой барьер

Ментальный фатализм солдата-татарина не отменял его повседневных интересов, разнообразных потребностей, которые ограничивались не только едой, табаком, сном, теплой одеждой (регулярные жалобы в солдатских письмах), но и имели свои этноконфессиональные особенности. Кроме отмеченной выше просьбы о назначении военных мулл, солдаты также жаловались и на отсутствие в полку собеседников-татар, на отсутствие татарских книг и газет, на запрет говорить на родном языке (их тут же сравнивали с турками). В иноязычном мире они чувствовали себя одинокими, иногда даже изгоями.

Татары, которые недостаточно владели русским языком, не могли продвигаться по службе. Хотя подобные амбиции, конечно же, имели место. «Да еще вот татаризм мой. Хотел в школу прапорщиков – не взяли», – писал в Арск из действующей армии один из солдат. Он же жаловался на то, что в начальстве нет никого из мусульман². Впрочем, при достаточной общеобразовательной подготовке и солдаты-татары могли претендовать на повышение в военном звании. Например, выходец из д.Дракино Карсунского уезда Симбирской губернии Ахмет Алимбеков, призванный в 1914 году в армию, служил сначала в 140-м запасном пехотном полку, в 1916 году окончил Казанскую школу прапорщиков и был зачислен в 158-й запасной пехотный полк. В советские годы он стал военным деятелем, известен А.Алимбеков и как ученый³.

---

¹ НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.2. Л.302об.

² Царская армия в период мировой войны и февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). – Казань, 1932. – С.189.

³ Татарская энциклопедия. – Т.1. – Казань, 2002. – С.109.

Награжденный за смелость и отвагу Георгиевским крестом подпоручик 74-й дивизии Юго-Западного фронта – Хусаин Мавлютов вначале проходил обучение в Чугуевском военном училище. Он родился и вырос в бедной семье в г.Чистополе, но после медресе сумел окончить местную русскую школу. Народного учителя Х.Мавлютова призвали на фронт в 1915 году, и, как видно из его командирской биографии, не малую роль в перипетиях судьбы сыграла и довоенная учеба¹. Таким образом, светская образованность и, в первую очередь, знание русского языка, служила одним из факторов для повышения социального статуса татарина-солдата среди однополчан. Например, в школе прапорщиков учился и рядовой Султан Габяшев. Сын казья Хасан-Гаты Габяши до призыва в армию окончил Уфимское реальное училище, затем поступил в Казанский университет. Призванный в 1916 году сын другого религиозного деятеля – Ибрагим Амирханов (родной брат Фатиха Амирхана) дослужился до чина младшего унтер-офицера 161-го запасного пехотного полка². Однако не все татары-солдаты могли похвастаться достаточным уровнем образования и кругозора.

Например, к осени 1917 года из 15,8 млн. мобилизованных солдат русской армии свыше 12,8 млн. человек были призваны из деревень³. Так и основанная масса татарских призывников выросла в сельской местности, в замкнутых мусульманских общинах, поэтому им было гораздо труднее адаптироваться к новым, да еще и экстремальным условиям жизни.

Любопытно, что у этих солдат из крестьянско-мещанской массы населения, которых некоторые однополчане за «татаризм» называли «турками», на самом деле было мало общего и с единоверцами, настоящими турками. В то время, когда жандармерия и военная цензура выискивала пантюркистские настроения среди мирного населения и в военных частях, многие татары попросту не могли понять турецкую речь, т.е. не могли установить самый элементарный контакт с единоверцами. Один татарин, нижний чин из Кавказской армии, из Тифлиса пишет, что он пробовал говорить с турецкими солдатами,

---

¹ Гришин Я., Мэнди С. «Волевой командир с твердым характером» (Х.Б.Мавлютов) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2011. – №3/4. – С.173–176.

² ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.165. Л.5.

³ Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. – М., 2004. – С.88.

попавшими к русским в плен, но объясниться с ними мог только мимикой, так как не понимал из их речи ни слова», – сообщал казанский цензор Н.Ф.Катанов в отчете от 18 июня 1915 года¹. И это не удивительно, османизмами и арабизмами пестрела речь татарского духовенства и интеллигенции – представителей, преимущественно, городской культуры. Неслучайно, историк Г.Губайдуллин в начале XX века писал об особом «татарском городском языке», состоящем из турецких, арабских и персидских слов². Язык татарского крестьянства был немного другим, менее засоренным иностранными словами. Собственно и желание солдата-татарина из Кавказской армии пообщаться с турецким военнопленным, возможно, было продиктовано обыкновенной потребностью в общении на родном языке.

В целом, в царской армии отношение к любым «инородцам» было негативным, по большому счету их по умолчанию приравнивали к людям «второго» сорта. Например, командующий Казанским военным округом генерал Сандецкий давал указания о необходимости применения исключительно жестких методов относительно «инородцев». Такой подход он объяснял, в том числе, низким образовательным уровнем национальных меньшинств, не умеющих даже различать офицеров по погонам, и путающихся в обращениях³.

Георгиевский крест для солдата-татарина

Характеризуя письма татарских солдат, осенью 1915 года цензоры отмечали о том, что в них сообщается о плачевном состоянии пленных турок и курдов и о поражении их войск, «причем никаких к ним симпатий, как к единоверцам, не выражается»⁴. Хотя подобные индифферентные сообщения об османской армии в письмах могли быть продиктованы соображениями собственной безопасности. Ведь солдаты прекрасно знали о чтении их писем военными цензорами. Отсутствие протурецких взглядов некоторые солдаты подтверждали

---

¹ НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.35. Л.71об.

² Губайдуллин Г. Гаспринский и язык // Исмаил Гаспринский. Историко-документальный сборник. – Казань, 2006. – С.264.

³ Казанцев А.А. Динамика массовых настроений в российской провинции в период Первой мировой войны: на примере Пензенской, Самарской и Симбирской губерний: дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 2005. – С.173–174.

⁴ НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.35. Л.92об.

и героическими поступками в боях. Например, рядовой Гильматдин Гильманов из Кавказского фронта за ожесточенную борьбу с солдатами османской армии в 1917 году получил Георгиевские крест 3-й и 4-й степеней. После этого он был произведен командиром полка в унтер-офицеры, а также стал героем публикации в столичном журнале «Нива» (см. Приложение 6)¹. Стал полным георгиевским кавалером солдат Гариф Фаисханов, выходец из села Большая Ока Красноуфимского уезда Пермской губернии. Из этого села только в начале войны было мобилизовано 250 человек².

По словам Е.С.Сенявской, «заслужить солдатский Георгиевский крест можно было, только совершив боевой подвиг: захватив неприятельское знамя, пленив вражеского офицера или генерала, первым ворвавшись во время штурма в крепость противника или на борт его корабля, а также за спасение в бою знамени или жизни своего командира». Именно Георгиевским крестом гордились больше, чем любыми другими наградами³. Например, морской унтер-офицер Муртаза Ибрагимов 6 сентября 1916 года во время атаки неприятельской подводной лодки сумел быстро исправить серьезное повреждение котла и тем самым спас весь экипаж корабля. За это ему присудили Георгиевский крест 4-й степени. К слову, это уже была его третья боевая награда. Ибрагимов вырос в крестьянской семье в селе Новое Надырово Бугульминского уезда Самарской губернии и начал военную службу еще в 1904 году на флоте, участвовал в русско-японской войне, на его долю выпали сражения и Первой мировой войны. «Всегда спокойный, немного робкий, наш товарищ Муртаза в 1916 году во время одного боя своей находчивостью спас весь экипаж от неминуемой гибели», – вспоминал о нем его сослуживец В.М.Петровский уже в советские годы⁴.

Еще одной из формулировок при награждении Георгиевским крестом было и «поднятие боевого духа товарищей», например, когда солдат первым бросался в атаку. К сожалению, такого рода подвиги отмечались Георгиевским крестом уже посмертно. Например,

---

¹ Полковник Г.П. Герой-татарин // Нива. – 1917. – №8. – С.128.

² Давлетбаев Б.С. Большая Ока. История села. – Уфа, 1992 – С.114.

³ Сенявская Е.С. История войн России XX века в человеческом измерении. Проблемы военно-исторической антропологии и психологии. – М., 2012. – С.173.

⁴ Новое Надырово: Древняя столица края. – Казань, 2010. – С.54.

30 декабря 1916 года крестьянка Азелевской волости Свияжского уезда Казанской губернии Бибирахрисрур Шакирова получила от земского начальника Георгиевский крест 4-й степени за погибшего мужа, рядового Мухаметсабира Шакирова. Ее муж был убит в бою 10 сентября 1915 года, Георгиевский крест ему присудили за то, что он «при атаке неприятельских укреплений, примером отличной храбрости ободрил своих товарищей и увлекал их в бой»¹. В 1916 году получили Георгиевские кресты 4-й степени и родственники погибшего стрелка 9-го Сибирского стрелкового полка Багаутдина Замалютдинова, ефрейтора 27-го пехотного Витебского полка Абдурахима Кадырова. Все они проживали в Казанской губернии². После смерти мужа, удостоившегося Георгиевским крестом, его вдове полагалось денежное пособие. Правда, выдавалось оно лишь за один год. Сами кавалеры Георгиевского креста должны были получать денежную выплату за награду каждый год³.

Награжденные Георгиевским крестом солдаты иногда считались пропавшими без вести, так как о них не было ничего известно, кроме последнего совершенного подвига. Семь месяцев не было никаких вестей от солдата из Кибяк-Козинской волости Лаишевского уезда – младшего унтер-офицера 301-го пехотного Бобруйского полка Гатауллы Хабибуллина, пока родственникам не сообщили о том, что он награжден Георгиевским крестом 4-й степени. Однако больше о нем ничего не было известно ни родственникам, ни военным начальникам⁴. Некоторые солдаты (по всей вероятности, инвалиды) получали Георгиевские кресты уже дома.

Для оставшихся на фронте солдат-татар Георгиевский крест являлся не просто наградой, он служил своего рода оберегом от издевательств однополчан на национальной почве, повышал их статус в коллективе. После получения награды, вероятно, отношение к солдату-мусульманину уже было не как к инородцу и иноверцу, а как к бесстрашному воину, своей кровью и жизнью вставшего на защиту тех же идеалов, что и военнослужащие христианского вероисповедания. Ря-

¹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6602. Л.118, 44.

² Там же. Л.3, 15.

³ Сведения обязательные рядовому. – Уфа: Печатня т-го дома Н.К.Блохин и К., 1916. – С.32.

⁴ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6602. Л.139.

довые, получившие Георгиевский крест 4-й степени производились в ефрейторы, а пожалованные крестом 3-й степени получали без экзаменов звание унтер-офицера¹. «Вчера я получил георгиевский крест. Ходили мы давно уж в разведку и сняли австрийский дозор. Обещали, обещали и вот дали. Ротный сказал, это тебе Шакир, хоть ты и татарин и песни петь не умеешь, знай, что за русским царем служба не пропадет. Теперь тебя бить меньше станут, – писал 15 декабря 1915 года в город Мамадыш рядовой Шакир Фаткуллин, – Вот я и думаю. Георгиевский крест все-таки защита, а то все подзатыльники и ругань. Шакир сходи за водой, Шакир топи печку, Шакир сторожи. Все меня заставляют, а потому что я мусульманин. Теперь не будут»². Видимо, из-за «защитных» свойств Георгиевский крест абсолютно адекватно воспринимался в качестве награды солдатами-мусульманами, хотя военное начальство от них первое время ожидало возмущений, ведь магометан награждали христианским символом³.

До 1913 года солдаты нехристианского вероисповедания получали награды, на которых вместо христианских святых был изображен двуглавый орел – государственный герб. Но в 1913 году было принято решение о едином Георгиевском кресте для солдат всех конфессий⁴. Из-за этого нововедения среди солдат и беспокоились высшие воинские чины.

Но в военных условиях, похоже, солдаты мало обращали внимания на религиозную или иную символику. Особенно когда дело касалось не похоронных обрядов, а простых жизненных ситуаций. Например, на фронте были распространены издательские шаблоны солдатских писем, где содержались стандартные предложения о состоянии здоровья, приветствия и т.п. Помимо текста в них помещались и различные рисунки, в том числе и иконы⁵. Некоторые солдаты-мусульмане отправляли письма своим родным и на таких бланках.

---

¹ Сведения обязательные рядовому... – С.32.

² Царская армия в период мировой войны и февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). – Казань, 1932. – С.196.

³ НА РГ. Ф.1154. Оп.1. Д.35. Л.69об.

⁴ Исаков С.М. Тюрки-мусульмане в российской армии (1914–1917) // Тюркологический сборник. 2002: Россия и тюркский мир. – М.: Вост. лит., 2003. – С.170.

⁵ Амерханова Э. Издательские шаблоны писем солдат Первой мировой войны // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2014. – №1/2. – С.134.

Война в ощущениях и образах

Первая мировая война кардинально отличалась от прежних военных кампаний. Здесь применялась новейшая техника. Пулеметные очереди на земле сменялись воздушными атаками с неба. К слову, были летчики и из татар. С 1916 года и до октября 1917 года служил в воздухоплавательном отряде в Петрограде и воевал на Западном фронте в качестве летчика Абдулла Арифуллович Резепов. В партийном архиве, к сожалению, сохранились лишь скудные данные о его довоенной жизни. В его анкете указано, что он окончил 4 класса гимназии в Москве, но его родные проживали в с.Гурьевка Симбирской губернии (где находились Акчуринские суконные фабрики), а в качестве профессии значится «шофер». Вероятно, именно из такой подготовки Абдулла Резепова и отобрали в воздухоплавательный отряд. Его жизнь рано оборвалась в годы Гражданской войны¹.

Во время Первой мировой войны впервые было применено химическое оружие. Все это обескураживало не только тех, кто оказался на фронте первый раз, но и тех солдат, которые уже побывали на русско-японской войне. Воины неохотно делились в своих письмах, адресованных родным, ходом боевых действий. Обращает на себя внимание, что войну они воспринимали, прежде всего, через слух. В письмах и байтах говорится чаще всего не об увиденных ужасах, о ранениях товарищей и внешнем виде военной техники, а чаще всего описывается грохот, шум, т.е. звуковой фон войны. «От грома пушек мы уже ушами не слышим и остались совсем без ума», – писал в декабре 1914 года некий солдат Богаутдинов². О том, что сердце разрывается вместе с грохотом пушек, говорилось и в байтах. «Это не бой, а ад. Никто ничего не слышит, шум, крики, ржание коней – сольется все вместе, и получается что-то невообразимое. Ночью на небе – красное зарево, и казалось мне, что начинается светопреставление. Самый сильный бой продолжался беспрерывно 2,5 суток», – описывал свои впечатления после боя в письме брату Гатаулле Даутову рядовой 480-го пехотного Данилевского полка Гарей, выходец из Антинской волости Казанского уезда в

¹ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2337. Л.14, 19.

² Царская армия в период мировой войны и февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). – Казань, 1932. – С.187.

1916 году¹. О боях и вообще о военной обстановке солдаты делились чаще всего в письмах, адресованных братьям или другим родственникам мужского пола. Вероятно, родителей, жен и сестер, оберегали от такого рода откровений. «В мирное время тужил все время, беспокоился. Если бы я тебе написал, что я видел и пережил, то ты удивился бы, пришел бы в ужас, – писал в г. Илецк Оренбургской губернии Галиулле Муратову 28 мая 1915 г. неизвестный солдат-татарин, – Знаешь, здесь как во время молотьбы падают барабаном снопы – так и здесь только знают, из тыла в бой гоняют, вот как, дружок, здесь. Если от нас за 80 и 100 верст идет бой, то нам слышно все как гудок, а ночью видно как молния»². На грохот артиллерийских орудий («туп тавышы») жаловался астраханскому мулле, издателю газеты «Идель» А.Умерову бывший работник его редакции Малик-Аждар Абдурахманов в письме от 23 октября 1916 года из города Луцка³. Показательно, что лирический герой стихотворения Нажипа Думави «Впечатления войны» мечтает о тишине. Произведение впервые было опубликовано в журнале «Аң» в конце 1916 года. Если свой визуальный опыт – потерю рук и ног – поэт обозначает схематично, то звуки винтовок, пулеметов и бомб переданы через образ не умолкающего ворона, а боль потери выражена, в первую очередь, через плач ребенка⁴.

Первенство слуха в восприятии людей Нового времени отмечал в своих исторических эссе французский историк Робер Мандру⁵. По всей вероятности, у солдат Первой мировой войны, по крайней мере татар, преобладало именно это чувство и ужасы войны запомнились им, в первую очередь, грохотом пулеметов, летающих аэропланов и взрывающихся бомб. Очевидно, звуковой контраст особенно остро ощущался выходцами из сел и деревень, привыкших к тишине и природным звукам: шелесту листьев, журчанию воды, пению птиц.

---

¹ «Солдаты смотрят на войну как на огромное несчастье» (Солдатские письма с фронтов Первой мировой войны) / Публ. Н.Шарангиной // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1998. – №3/4. – С.180.

² Царская армия в период мировой войны... – С.189.

³ Габдрахман Гомэри: Фэнни-биографик жыентык. – Казан, 2002. – Б.231.

⁴ Думави Н. Тормыш сәхифәләре: шигъри әсәрләр һәм проза. – Казан, 1985. – Б.145–146.

⁵ Мандру Р. Франция раннего Нового времени, 1500–1640: Эссе по исторической психологии. – М., 2010. – С.85.

Растерянность, страх первых месяцев боевых действий вскоре сменились другими эмоциями: человек постепенно привыкал к обстановке, притуплялось и чувство страха. Об этих переменах сообщали сами солдаты в письмах, подмечали это и другие сторонние наблюдатели. Студент, будущий ученый Гали Рахим, побывавший в конце 1914 года среди раненых мусульман в московских госпиталях, указывал на то, насколько обыденной стала для них война, о пулях или шрапнелях солдаты рассуждали так будто речь шла о жатве или посеве. «Удивительное дело эти пули: кружатся возле тебя целыми роями, подобно мухам и комарам в летнюю пору; не хотят вредить – так не вредят. Да и не боишься особенно: защитишь лицо лопатой и знай бежать», – говорили они. В таком же духе раненые спорили о пулеметах и винтовках»¹.

Болезни и ранения

Солдаты Первой мировой войны хоть и пытались воевать методами прошлых столетий: убивать противников в ближнем бою со штыками и криками «ура», но все же новейшая техника диктовала другие приемы ведения боя. И долгие сидения в окопах, на позициях, стало, пожалуй, основной характерной чертой этой Великой войны. Выжидание врага в окопах были сопряжено с разными трудностями: и голодом, и холодом. Антисанитарные условия существования способствовали распространению заразных заболеваний. В одном из поздних рассказов М.Гали, датируемых уже 1930-ми годами, приводится эпизод о полевой бане в зимнее время, после мытья в которой некоторые солдаты слегли уже с простудными заболеваниями. В целом, солдаты очень часто жаловались на грязь, на отсутствие бани, на появлявшиеся вши. «Главное – пока я гарантирован от паразитов, чего, ты знаешь, я ужасно боюсь», – сообщал последние новости из госпиталя Исхак Казаков в письме к супруге осенью 1916 года².

Педикулез (вшивость) стал одним из основных напастей солдат Первой мировой войны. Долгое пребывание в одних и тех же окопах и землянках, не соблюдение санитарно-гигиенических норм, приводило к

---

¹ Иностранное обозрение. Кн.11-я. – Июнь, 1915. – Казань, 1915. – С.857–862.

² «Мне нужна только свобода и свобода...». Письма И.Казакова с фронта, адресованные Н.Казаковой / публ. Л.Хузеевой // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2002. – №1/2. [Электронный ресурс] www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2002_1_2/04/04_4/

тому, что паразиты обживали позиции вместе с военнослужащими. Из-за них возникали вспышки сыпного тифа и других инфекций. Помимо физиологических неудобств, вши негативно действовали на психику солдат¹. «Как попали сюда, с тех пор бани не видели. Рубах и штанов не имеем, совсем обовшивели. Вши выползают даже наружу. Через два месяца мы никуда годиться не будем, денег ничего не осталось. Дела наши весьма плохи мы как арестанты, лучше бы умереть, скорее на позиции», – жаловался в письме казанцу Губайдулле Сайфуллину неизвестный солдат из 140-го пехотного запасного батальона².

Интересно, что издавна привычка татар-мусульман брить голову была профилактической мерой против появления вшей. По описаниям миссионера С.Рыбакова мусульмане Уфимской губернии обвиняли крещеных татар в том, что они, подражая русским, не бреют голову и от того стали косматыми и вшивыми³.

Основными заразными заболеваниями в годы Первой мировой войны стали тиф (брюшной, сыпной, возвратный), холера, дизентерия, оспа. Больше всего солдаты болели разными видами тифа. Возбудители сыпного и возвратного тифа являлись как раз насекомые (вши), а брюшной тиф передавался, в основном, через продукты питания. Смертность чаще всего наступала от сыпного тифа. Высокая смертность наблюдалась и среди больных холерой (33,1%). Заболевших оспой было сравнительно немного и люди, как правило, выздоравливали. Помимо инфекций, достаточно высоким был процент тех, кто страдал цингой: 93,2 человека на 1000 солдат. Смертность составляла 0,2%⁴. Хотя и жаловались солдаты-татары в письмах и баитах на преобладание в рационе капусты, но, видимо, ее было все равно недостаточно. Картофель тогда тоже не получил широкого распространения. Поэтому небогатая на витамин С фронтовая пища, стесненные условия жизни, скопление большой массы людей в одном месте и способствовали появлению цинги у солдат.

---

¹ Сенявская Е.С. Указ. соч. С.95.

² Царская армия в период мировой войны и февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). – Казань, 1932. – С.193.

³ Рыбаков С. Ислам и просвещение инородцев в Уфимской губернии. – СПб., 1900. – С.9.

⁴ Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). – М., 1925. – С.99.

Болезни и ранения с одной стороны доставляли массу физиологических неудобств, но с другой давали возможность солдату пожить мирной жизнью, в спокойных условиях госпиталей и лазаретов.

Именно оттуда они чаще всего писали пространные письма родным и близким, записывали свои байты, проводили время за беседами. В отличие от войсковых частей в госпиталях было больше вероятности встретить своего единоверца. Например, «мы мусульмане живем дружно, как одна семья – у кого что есть, кушаем вместе, другие завидуют нам», – писал Балимзан Сибалхалгулов родственникам в Уфу из действующей армии¹. Но не все солдаты-татары могли похвастаться такими товарищами, бывало так, что вокруг не было ни одного человека понимавшего татарскую речь. Этот недостаток общения в какой-то мере компенсировался во время лечения. «Везде раненные мусульмане очень любят, когда к ним приходят навещать их другие мусульмане. Так как для них видеть нового человека – уже большое событие, они с большой радостью рассказывают о своих впечатлениях и пережитых случаях. Как только узнают, что пришел к ним посторонний человек, так тотчас же мусульмане один за другим окружают его, здороваются с ним за руку, благодарят за то, что «он их не забыл и пришел», – таким запомнил раненых мусульман московского госпиталя студент Гали Рахим. – Среди них можно видеть мусульман со всех сторон: какими-то знакомыми, где-то виденными кажутся широколицые башкирцы Уфимской губернии, сухопарые мужики Казанской губернии с рыжими бородами и глубокоглазые татарские парни. Остается только надеть на головы залоснившийся «каляпуш», на плечи – такие же камзолы да обуться еще в белые чулки и лапти»².

Ежедневно в разные российские города на поездах и пароходах прибывали сотни раненых и больных военнослужащих. Причем если в первые месяцы войны их встречали в тылу с некоторым воодушевлением, то позднее прибытие раненых солдат стало обыденным явлением и им уже не устраивались торжественные встречи. Казанская жандармерия зафиксировала лишь один подобный случай – 8 сентября 1914 года. Вечером того дня в губернский город привезли

---

¹ Царская армия в период мировой войны и февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). – Казань, 1932. – С.189.

² Инородческое обозрение. Кн.11-я. – Июнь, 1915. – Казань, 1915. – С.859.

320 человек раненых, при этом встречающая публика давала солдатам деньги, папиросы, угощала яблоками и французскими булками. Больше такого ажиотажа вокруг санитарных поездов и пароходов с ранеными не наблюдалось¹.

Госпиталь был своеобразным мостом между войной и той прежней жизнью. После медицинского освидетельствования некоторые получали либо отсрочку на некоторое время, либо вовсе отправлялись домой навсегда. К сожалению, уровень медицинской помощи был довольно низким, и многим солдатам приходилось ампутировать ноги или руки. «Деревянная нога» вернувшегося с фронта солдата стала наиболее частым символом ужасов войны в татарской художественной литературе. Например, у Нажиба Думави есть рассказ «Агач аяк» («Деревянная нога»). Но даже такое возвращение в качестве инвалида было радостным событием для человека, который после окопов оказывался дома, среди родных и близких.

Отсутствие смысла и мечты о мире

Если необходимость прежних войн, например, Отечественной войны 1812 года в глазах простого солдата была понятной и неоспоримой, то Первая мировая война была лишена подобной смысловой нагрузки. Например, в секретной записке председателя Казанского временного комитета по делам печати казанскому губернатору от 3 августа 1916 года сообщалось о том, что: «...каждый татарин при встрече с лицом, которого он считает осведомленным, прежде всего, спрашивает о том, скоро ли кончится война, нет ли слухов о мире, при этом высказывает свое пожелание поскорее бы кончилась эта война, потому что для народа жить очень беспокойно и тяжело»².

Пожелания о скорейшем мире присутствовали в письмах татарских солдат с самых первых месяцев войны. Причем если из еженедельных 600–900 писем, прочитанных военным цензором, в начале войны эти пожелания имелись в 1–2% писем, то уже к 1915 году в разные месяцы такие мысли выражали до 8% солдат. В дальнейшем, особенно в 1917 году, преобладали уже пацифистские настроения. «Мы каждый день ждем мира и даже видим его во сне, его ждет, мне кажется, не только мы, но и весь мир. Война всем надоела», – писал

---

¹ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1493. Л.1.

² НА РТ. Ф.420. Оп.1. Д.297. Л.12

солдат А.Хамидуллин в Оренбургскую губернию¹. Другой его земляк в письме, адресованном Абудяру Авганбаеву в Преображенский завод той же губернии, отмечал, что 20 мая 1917 года войскам был дан приказ о наступлении, а солдаты отказывались следовать приказу. Цензором эти строки были заштрихованы².

Настроения населения о мало понятных причинах войны нашли отражение и в байтах. «Бу сугыштан файда юктыр күзгә күренгән бер дә,/ Шуның өчен мин язамын мәгълүм булсын дип сезгә» (От этой войны нет никакой видимой пользы,/ поэтому пишу об этом вам, что б знали и вы), – чаще всего преобладали оценки такого рода³. «По газетам не верьте, а то у Вас и так представление о войне неправильное. Газеты же одно вранье», – сообщал в письме, адресованном в Казань пулеметчик Байрамгалей⁴. Очевидно, это письмо было написано уже на завершающем этапе войны. Вообще, роль фронтовых писем и рассказов солдат, вернувшихся домой, на настроение тылового населения была огромной. Между тем, и письма родных и близких с описаниями дороговизны жизни и наступивших трудностей повседневного быта, тоже негативно действовали на боевой дух. Например, «Пиши то, что имеете, краски не сгущай, мне и так тяжело», – предупреждал свою супругу Исхак Казаков в письме от 18 сентября 1916 года⁵.

Солдатские письма часто были пронизаны определенной безысходностью и чувством обреченности. И этот фатализм, ожидание неминуемой смерти, присутствовал даже в письмах с тыла, из запасных частей. «Когда-то XX век считали счастливым веком в истории человечества, оказывается мы ошиблись. – Писал сын муллы, рядовой 109-го запасного пехотного батальона Сулейман Аюханов из Челябинска своему бывшему преподавателю – белебеевскому мулле

---

¹ НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.334. Л.76.

² Там же. Л.148об.

³ Татар халык ижаты. Бәетләр. – Казан, 1983. – Б.77.

⁴ Царская армия в период мировой войны и февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). – Казань, 1932. – С.193.

⁵ «Мне нужна только свобода и свобода...». Письма И.Казакова с фронта, адресованные Н.Казаковой / публ. Л.Хузеевой // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2002. – №1/2. [Электронный ресурс] www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2002_1_2/04/04_4/

Я.Курамшину в 1915 году, – Никогда неслучавшиеся ужасы в истории человечества творятся в жизни несчастных нас, в нашем веке. Выходит, что этот век – один из самых несчастнейших веков существования человечества. Слишком грустно, что сам творец отрезает наши крылья, готовых вспорхнуть и скоро улететь»¹. В это время Аюханов готовился к отправке в действующую армию.

Оценка противника

Новые виды оружия и техники были диковинками для подавляющей массы солдат из сельских захолуствий. Свои впечатления, несмотря на цензурные ограничения, они доводили до родных и близких. Например, сельского старосту Сагита Халикова из д. Бурсук Илги Кляушской волости Мамадышского уезда в начале 1915 года обвинили в восхвалении немецкого оружия. В гостях у своего односельчанина он в разговоре на тему войны обратил внимание на немецкое оружие и на их тактику ведения боя. Вероятно, С.Халиков в своих высказываниях ориентировался на опыт сына-солдата, мобилизованного в 1914 году². У солдат «сформировался своеобразный комплекс неполноценности перед лицом немецкой военно-технической мощи», – отмечает О.С.Поршнева, исследовавшая менталитет нижних чинов российской армии 1914–1917 гг. «Почувствовав на себе смертоносное воздействие немецкой военной техники, русские солдаты (при нехватке в 1914–1915 гг. в армии самого необходимого вооружения: тяжелой артиллерии, боеприпасов, винтовок и патронов) испытали настоящий психологический шок», – пишет она³.

Вражеская армия во многом превосходила российские войска, и это было очевидно даже невооруженным глазом. Например, в одном из татарских писем от 10 октября 1914 года цензором Н.Ф.Катановым была зачеркнута следующая информация: «Мы стоим в Варшаве. Войскам счета нет. Бои все идут. Германцы дерутся крепко, особенно пушками на автомобилях и пулеметами. Автомобили стреляют и убегают, но в них никак не попасть: такого «хикмят» (т.е. совер-

---

¹ ГАОО. Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.176.

² НА РТ. Ф.1. Оп.5. Д.6231. Л.1.

³ Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. – М., 2004. – С.187.

шенства) у нас нет. В России у нас умеют только гулять»¹. Причем профессор Казанского университета перевел слово «хикмят» как совершенство, но более точный смысл этого слова можно передать как скорее «загадка» или даже «трудноразрешимая загадка», «чудо». Западный мир, действительно, поражал воображение российских солдат. На войне татары воочию столкнулись с тем, что в предыдущие годы так часто обсуждалось на страницах национальной прессы – европейской культурой и прогрессом. Одним из главных способов борьбы с отсталостью народа тогда называлось светское образование. Ни один номер татарской газеты или журнала не обходился без статей о необходимости просвещения.

* * *

Таким образом, фронтовая жизнь солдат-татар была сопряжена с теми же бытовыми трудностями, что и военнослужащих других этносов и конфессий: их волновало качество или нехватка еды, теплых вещей, они уставали физически и морально, умирали от ран и болезней, терпели унижения со стороны вышестоящего начальства.

Пребывание в смешанных войсках и малочисленность солдат-татар в некоторых частях создавало для них ряд проблем. Недостаточное знание русского языка, другая вера ограничивали коммуникативные возможности инородцев. Дело усложнялось и из-за малограмотности некоторых русских солдат. Например, «зачастую солдаты-крестьяне не знали, какого вероисповедания противник, а узнав, что немцы – христиане приходили в полное недоумение, – пишет О.С.Поршнева, – так как это расходилось с их представлениями о «враге-басурмане», «нехристе»². Конечно, подобные ментальные установки могли экстраполироваться и на татар-мусульман.

Удручало татарских солдат и отсутствие военных мулл, которые могли бы похоронить погибших военнослужащих-единоверцев по мусульманским канонам и дать необходимые духовные наставления живым. Но эти проблемы были характерны в большей степени для первых военных лет и связаны с неподготовленностью государства к

---

¹ НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.35. Л.6.

² Поршнева О.С. Социальное поведение российского крестьянства в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Социальная история. Ежегодник, 2000. – М.: РОССПЭН, 2000. – С.62.

войне такого масштаба, мобилизовавшей в армейские ряды миллионы солдат разных конфессий.

В связи с этим так называемый «татаризм» с одной стороны можно обозначить как дискриминацию по национальному признаку, обостренную к тому же с вступлением родственных тюрок Османской империи в противоположном военном лагере. Однако продвижение по военной службе ряда образованных татар, владевших русским языком, дает основание утверждать, что такого рода притеснения носили в большей степени социальный характер.

В целом, унижения нижних чинов офицерами были характерны для всех армий. Например, германский военный психиатр Э.Зиммель исследовал развитие неврозов у немецких солдат на фоне их недовольства своим командованием. По замечанию Е.С.Сенявской, «свой вклад в дестабилизацию армии вносило и рукоприкладство офицеров с примесью садистской жестокости». У солдат из-за этого сложился устойчивый образ «злого начальника»¹. К слову, в татарских письмах к жалобам на жестокость начальства присовокуплялось и то, что в их среде практически нет офицеров-мусульман. На самом деле в российской армии на тот момент было незначительное количество офицеров-мусульман (в том числе генералы), но в основном принадлежали к польским татарам². Очевидно, именно конфессиональными различиями солдаты пытались объяснить существующую социальную дискриминацию.

Безусловно, изначальные данные (религия, нация, сословие, место проживания до призыва) имели значение при вхождении в коллектив, но позднее, благодаря личным качествам, солдат занимал определенное место среди сослуживцев и повышал свой статус в ходе прохождения службы, в том числе и официально, получая новые воинские звания. Одним из существенных факторов для повышения социального престижа солдата-мусульманина являлся Георгиевский крест – официальное подтверждение боевой доблести военнослужащего. Среди татар было немало тех, кто заслужил эту награду за свои подвиги на полях сражений. Во время боевых действий проявлялись истинные качества человека и, конечно, после окопных сидений и

---

¹ Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн.1. – М.: Наука, 2005. – С.535.

² Гришин Я. Польско-литовские татары (наследники Золотой Орды). – Казань, 1995. – С.86.

ближних боев между солдатами устанавливались совершенно иные взаимоотношения. На основе анализа писем и других документов нельзя сказать, что среди солдат Первой мировой войны царила межнациональная дружба, как например, в годы Великой Отечественной войны. Если в полку было несколько татар или мусульман, они объединялись, прежде всего, в собственные малые группы и в какой-то степени отгораживались от остального солдатского мира. Но по ряду признаков можно проследить, что и между нижними чинами разных вероисповеданий была взаимопомощь. Например, цензоры в 1915 году отмечали и такие странные письма: на татарском языке, но написанные кириллицей. Встречались и татарские письма, написанные полностью на русском языке, с припиской, что в полку некому писать на татарском языке¹.

Такого рода сближение было естественным, ведь и русские солдаты, и инородцы, в том числе татары, воевали за общую цель, испытывали одинаковые тяготы фронтовой жизни. Несмотря на то, что татар порой упрекали в туркофильстве, в менее ярком проявлении своих патриотических чувств, они оставались российскими мусульманами, преданными своему Отечеству, готовые кровью и жизнью защищать интересы собственной страны. Скучное выражение чувств любви и преданности Родине в частных письмах родным и близким, полных повседневных тревог и забот, объяснялся, прежде всего, свойственной менталитету татар эмоциональной сдержанностью. А патриотизм татарских солдат проявлялся, в первую очередь, в том героизме, который они демонстрировали на полях сражений.

2.5. Другая война: судьбы татарских военнопленных

Помимо прямых, невозвратных потерь, любая война сопровождается военным пленом. Первую мировую войну от всех предыдущих военных кампаний отличали невероятные масштабы пленения. После войны некоторые из бывших пленных добились заметных успехов в литературе, политике и других областях, получили известность мирового уровня. Например, тяготы военной неволи испытали на себе президент Франции – Шарль де Голь, президенты Турции – Джемаль

---

¹ НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.35. Л.88.

Гюрсель, Джевдет Сунай, федеральный канцлер Австрии – Курт Шушнинг, президент Югославии – Иосип Тито, писатели Ярослав Гашек, Хаймито фон Додерер, военный деятель Михаил Тухачевский и многие другие¹. Перечисление лишь этих имен говорит о том, насколько безжалостной была рулетка плена, выхватывающая из боевых рядов солдат и офицеров, не взирая на заслуги, чины, таланты.

За все годы военных действий в плену оказалось 8 миллионов военнослужащих и более 200 тысяч гражданских лиц. Таким образом, в положении пленника был каждый девятый мобилизованный. Не избежали этой участи и служащие российской армии: из ее рядов попали в неволю всего 2 млн. 417 тыс. солдат и офицеров². Есть и другие цифры. Например, по мнению демографа Ю.А.Полякова в плену оказалось свыше 5 млн. человек³. Участник Первой мировой войны, военный специалист Н.Н.Головин, базируясь на данных 1919 г., приводит иные цифры – 3 911 100 человек. Из них 2 385 441 человек находилось в Германии, 1 503 412 – в Австро-Венгрии, 19 795 – Турции, 2 452 – в Болгарии⁴. При этом к тому времени не все военнопленные вернулись на родину (процесс репатриации растянулся до 1920 г.), поэтому цифры в дальнейшем могли измениться. Например, в распределении числа военнопленных по странам. Плен стал одним из главных тактических решений этой войны, армия выводилась из строя не столько за счет полного уничтожения противника, а из-за устранения солдат с поля боя. Благодаря этому тысячи людей остались живы⁵.

Вероятно, именно инстинкт самосохранения толкал людей на добровольную сдачу в плен. На Северо-Западном фронте такие случаи отмечались уже в конце 1914 года⁶. С каждым годом войны подобные факты лишь учащались. «В бою под Лодзью с нашей сторо-

---

¹ Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). – М., 2014. – С.6–7.

² Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн.1. – М.: Наука, 2005. – С.629.

³ Население России в XX веке: в 3-х т. – Т.1. – М.: РОССПЭН, 2000. – С.76.

⁴ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. – Жуковский; М., 2001. – С.130.

⁵ Оськин М.В. Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. – М., 2011. – С.4.

⁶ Солнцева С.А. Военный плен в годы Первой мировой войны (новые факты) // Вопросы истории. – 2000. – №4/5. – С.100.

ны участвовали восемь корпусов, но германцев тоже не меньше наших. Мы потеряли около 4-х корпусов убитыми, кроме того многие из наших охотнее пошли в плен, таких прямо без счета, так как солдаты очень утомились при преследовании неприятеля», – писал один из татарских солдат некому Халиуллину¹. По замечанию исследователя М.В.Оськина, многие солдаты сдавались в плен вынужденно, следуя приказу вышестоящего начальства. Например, так случилось с 20 тысячной дивизией командира 13-го армейского корпуса генерала Н.А.Клюева. Другой военный начальник Северо-Западного фронта – генерал А.В.Самсонов, осознав собственное поражение в бою, предпочел застрелиться, а оставшимся в живых солдатам ничего не оставалось, как сдаться противнику². Поэтому нельзя утверждать, что добровольный характер сдачи в плен был массовым явлением. Хотя власти всячески старались предупредить такие случаи. Эти меры носили в основном пропагандистский характер. Например, издавались специальные приказы, где описывалось зверское обращение германцев или австро-венгров с русскими военнопленными³. Эти документы часто создавались на основе реальных рассказов бывших военнопленных. В апреле 1916 года уездные исправники Казанской губернии занимались сбором такой информации, где отмечались плохие условия содержания, побои, тяжелая работа. Кроме того, высшим военным начальством не исключалась и возможность отправки вернувшихся домой бывших военнопленных-инвалидов обратно на фронт, чтобы они на местах рассказывали солдатам об увиденном и пережитом. Однако желающих сразу не нашлось. Многие полицейские органы уездов и городов отрапортовали о том, что среди инвалидов нет желающих отправиться в действующую армию⁴. Лишь позднее удалось договориться с некоторыми бывшими солдатами. Первым из них оказался отставной рядовой 7-го Ревельского пехотного полка Самат Ягудин из деревни Байряшево Больше-Шемякинской волости Тетюшского уезда, побывавший в германском пле-

---

¹ Царская армия в период мировой войны и февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). – Казань, 1932. – С.192.

² Оськин М.В. Указ. соч. С.10.

³ Зверев С.Э. Военная риторика Нового времени. – СПб.: Алетейя, 2012. – С.335.

⁴ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6650. Л.9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 23.

ну¹. Кроме него, нашлись добровольцы из Лаишевского (3 человека), Ядринского (2), Цивильского уездов (2)².

На мотивацию солдат действующей армии власти старались влиять и через близких и родных. Одна из пропагандистских брошюр военных лет называлась «Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью» (1916). С 1915 года, согласно положению Совета министров, прекратилась выдача пайков семьям некоторых военнопленных (тех, кого считали сдавшимися в плен добровольно) и дезертиров³. Например, 20 марта 1915 года в газете «Казанский телеграф» был опубликован список рядовых-татар 162 пехотного ахалцыхского полка с пометкой «сдались в плен, не использовав всех средств к сопротивлению оружием против неприятеля». По сообщению редакции, семьи данных 4 воинов лишены пайков⁴.

1916 годом датируется еще несколько приказов по этому поводу. Согласно одному из них (№29) за побег к неприятелю или такую попытку следовала смертная казнь. Данная мера была отменена после Февральской революции. Тем не менее, к концу войны среди перебежчиков было немало и Георгиевских кавалеров⁵. Вероятно, эхом данных мер стали народные суды над семьями военнопленных. Например, весной 1916 года дер.Волгузиной Старо-Барышевской волости Тетюшского уезда Казанской губернии постановлением сельского схода семья нижнего чина Гарифуллы Хайбуллина, оказавшегося в плену, была лишена земельного надела. Однако в Казанском губернском присутствии решили, что сельчане немного перегнули палку и отменили это постановление⁶. На наш взгляд, таким своеобразным способом крестьяне пытались решить в первую очередь проблему малоземелья, а собственно сам вопрос о военном плене играл в их воззрениях второстепенную роль.

Очевидно, такая пропаганда доходила даже до самих военнопленных и оказывала определенное влияние на их настроения и поведение. Например, в Вайнсбергском лагере в Германии с осени 1915

---

¹ Там же. Л.17.

² Там же. Л.20, 24об, 27.

³ Солнцева С.А. Указ. соч. С.99–100.

⁴ Казанский телеграф. – 1915. – 20 марта. – №6535.

⁵ Солнцева С.А. Указ. соч. С.99–100.

⁶ НА РТ. Ф.99. Оп.1. Д.2037. Л.2.

года начали распространяться слухи о том, что после окончания войны российские власти будут преследовать тех, кто оказался в «особых» лагерях¹. Из-за этого в течение 1915 года из данного лагеря было выслано 150 военнопленных, подозреваемых в антигерманских и прорусских настроениях².

При этом еще до 1914 года великие державы пришли к определенным договоренностям относительно содержания военнопленных (Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг.). Благодаря этим документам международного права военнопленные из Великобритании, Франции, Бельгии, содержащиеся в Германии, в меньшей степени испытали на себе тяготы плена. По линии Красного Креста им доставлялись продукты питания и другие посылки, письма от родственников. Они практически не привлекались к трудовым повинностям. Отношение к российским военнопленным было немного другим, их отправляли на сельскохозяйственные работы, трудились они на заводах и шахтах. Военнопленные из России работали также на химических производствах, калийных рудниках, участвовали в строительстве железных дорог, в том числе в прифронтовых областях³.

Трудно указать точное число военнопленных из татар, поскольку в то время татарами назывались представители всех тюркских и некоторых кавказских народностей. Например, только в Германии, по неполным данным немецкой статистики, кроме русских, содержалось более 150 тысяч украинцев, 50 тысяч «татар» (мусульман), около 30 тысяч поляков, около 30 тысяч евреев, 16 тысяч русских немцев, 12 тысяч прибалтов (литовцев, латышей и эстонцев) и 3 тысячи грузин⁴. Среди «татар», помимо этнических татар, были еще азербайджанцы, туркмены, башкиры и другие народы.

---

¹ Гатауллина Л.Р. Религиозно-политическая пропаганда среди российских военнопленных-мусульман в Германии (1914–1922): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2011. – С.76.

² Нагорная О.С. Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии: 1914–1922 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. – Челябинск, 2011. – С.173.

³ Ленцен И. Использование труда русских военнопленных в Германии // Вопросы истории. – 1998. – №4. – С.135.

⁴ Нагорная О.С. Указ. соч. С.141.

Пропагандистские лагеря в Германии

На сегодняшний день достаточно глубоко, на основе немецких источников, изучен вопрос о мусульманских военнопленных пропагандистских лагерей в Германии. Но первым эту тему поднял М.Магдеев, он проанализировал материалы газеты «Татар иле», сохранившиеся в личных архивах, беседовал еще в 1960-е год с некоторыми очевидцами событий. Его статья о Вюнсдорфском лагере была опубликована лишь в 1990 году¹.

В отечественной историографии продолжили начатую М.Магдеевым работу уже на базе немецких источников И.А.Гилязов² и Л.Р.Гатауллина³. «Особое положение» мусульманских военнопленных, которых кайзеровская Германия собиралась использовать на Кавказском фронте в составе османской армии под предлогом священной борьбы – джихада против неверных увлекает и других исследователей⁴. Любопытна идеологическая платформа, условия создания лагерей, содержание военнопленных, уважение к их религиозным потребностям, времяпрепровождение в неволе и т.д.

«Жизнь мусульман в Вюнсдорфе вообще не очень походила на известные нам представления о тяготах плена. Здесь кроме мечети была довольно богатая библиотека, имелся оркестр народных инструментов, выходили газеты...», – отмечает И.А.Гилязов⁵. Пропагандистские лагеря стали организовывать с конца 1914 года. По данным немецкого Военного министерства к тому времени в Германии находилось 5 204 мусульманских военнопленных, из них являлись бывшими военнослужащими российской армии – 5 офицеров и 2220 рядовых, к началу 1915 года число последних выросло до 3008 человек, число офицеров оставалось таким же. В Германию продолжали прибывать новые военнопленные, и уже 22 февраля 1915 года здесь содержалось 7443 мусульманина из России. В этот период в Цоссен-

¹ Мәһдиев М. Герман жире яшел үлән // Идел. – 1990. – №7. – Б.30–34.

² Гилязов И.А. На другой стороне (коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны). – Казань, 1998. – С.38–43.

³ Гатауллина Л.Р. Указ. соч.

⁴ Гарифуллин Д. «Татар иле» алман жирендә // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1996. – №1/2. – С.221–225; Мустафин Р., Фаттахов Р. Черная трава Германии: забытая страничка истории // Татарстан. – 2006. – №7. – С.44–47.

⁵ Гилязов И.А. Указ. соч. С.39.

ском лагере (в 40 км. от Берлина) для мусульман была отделена особая зона, организовано место для омовения (резервуар для воды, место для проточной воды); пересмотрена система продовольственного снабжения¹. Согласно воспоминаниям бывшего военнопленного из этого лагеря – Лутфи Гафурова «кормили их неплохо». Не допускалась свинина, мясо готовили исключительно «халяльное»². Судя по жалобам солдат-татар в письмах родным, это особенность быта имела для них существенное значение. Да и в целом «особые» условия содержания привлекали многих военнопленных общих лагерей, вне зависимости от их религиозной принадлежности. Например, когда в одном из германских лагерей объявили об отборе татар в Цоссен (Вайнсбергский лагерь) «несколько сотен военнопленных объявили себя мусульманами, чтобы развлечь себя переездом, в то время как действительные основания для отправки имели только 25 человек»³.

Изначально были организованы два лагеря: в Цоссене (где собирали российских военнопленных) и рядом в Вюнсдорфе (для мусульманских военнопленных из британских и французских колоний). Такое разделение было вызвано особенностями проводимой пропаганды, в том числе из-за различия языков. Здесь издавались газеты на немецком, русском, татарском, грузинском, арабском языках, а также на хинди и на языках кавказских народностей. На татарском языке выходили газеты «Эль-джихад», «Татар иле» (с 1919 года), «Яңа тормыш». Идеологическое обслуживание лагеря российских мусульман обеспечивали и «прибывшие из Турции преимущественно татарские муллы». По словам советских историков 1930-х гг., выехавшие из России «еще в годы реакции»⁴, то есть в 1911–1913 гг. Среди них был известный своими оригинальными идеями и удивительной мобильностью Габдурашид Ибрагимов (1857–1944). Известный религиозный и общественный деятель с 1910 года проживал в Турции, где активно публиковался в местной прессе. Во время итало-турецкой войны в Триполи на линии фронта ему удалось подружиться-

---

¹ Гатауллина Л.Р. Указ. соч. С.71–72.

² Мустафин Р., Фаттахов Р. Черная трава Германии: забытая страничка истории // Татарстан. – 2006. – №7. – С.45.

³ Нагорная О.С. Указ. соч. С.171.

⁴ Арашаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. – Казань, 2002. – С.100–101.

ся с Энвером пашой¹. Очевидно, благодаря этому знакомству знаменитый путешественник, фанатично преданный идее исламского единства, в годы Первой мировой войны и стал сотрудником Внешнеполитического ведомства кайзеровской Германии. Сподвижником Г.Ибрагимова стал еще один выходец из Российской империи – Галимджан (Алимджан) Идриси. Он был значительно моложе – родился в 1887 году в Троицке. Учился в Стамбуле, преподавал в оренбургском медресе «Хусаиния», публиковался в местном журнале «Шура». Накануне войны собирался продолжить свое образование в Швейцарии, в Льежском университете². К слову, здесь же обучались сыновья известных оренбургских золотопромышленников Рамеевых. Возможно, мугаллим Г.Идриси направился туда как раз в одной компании с отпрысками миллионеров Рамеевых. В августе 1914 года, по сообщению газеты «Вақыт», он вместе с Мидхатом и Гарифом Рамеевыми перебрался из оккупированного Льежа в Стамбул³. После этого их пути разошлись. Галимджан Идриси работал в редакции журнала «Тюрк йорды», руководимой Юсуфом Акчурой. С конца 1915 года он проживал в Германии, в лагере для мусульманских военнопленных. Здесь вместе с Г.Ибрагимовым он работал над выпуском газеты «Эль-джихад» на татарском языке, с 1916 года стал выполнять обязанности имама Вюнсдорфской мечети. Первым имамом лагерного мусульманского храма был Г.Ибрагимов.

Деревянная мечеть с 25-метровым минаретом на территории лагеря военнопленных из английских и французских колоний была построена за счет средств военного ведомства в начале 1915 года. Рассчитана она была на 400 мест⁴. Её строительство стало одним из главных пропагандистских мероприятий. Сюда же ходили на праздничные богослужения российские военнопленные из соседнего Вайнсбергского лагеря. К середине 1917 года, когда теплолюбивых индийцев и африканцев перевели в страну с более мягким климатом – в рабочие команды на территории Румынии, в опустевший Вюнс-

---

¹ Тюркоглу И. Себерияле мәшһүр сяхәтче Габдерәшит Ибраһим // Габдерәшит Ибраһим: фәнни-биографик жьентык. – Казан, 2011. – Б.390.

² Рәми И., Даутов Р. Әдәби сүзлек (элекке чор татар әдәбияты һәм мәданияте бунча кыскача белешмәлек). – Казан, 2001. – Б.104.

³ Бертуган Рәмиевләр: Фәнни-биографик жьентык. – Казан, 2002. – Б.136.

⁴ Гатауллина Л.Р. Указ. соч. С.90.

дорфский лагерь стали переселять российских мусульман¹. «Идриси в роли имама уделял огромное внимание соблюдению всех религиозных обрядов и празднеств, которые финансировались Военным министерством, удовлетворению материальных и культурных потребностей соотечественников, оказавшихся в плену»².

Кроме Г.Ибрагимова, Г.Идриси в идеологической работе лагеря принимал участие Бадретдин Сайфимулюков. Он тоже был выходцем из России. До войны учился в Стамбуле в школе «Султанья», затем поступил на медицинский факультет Льежского университета. Однако из-за начавшейся войны завершить обучение ему не удалось. В Вюнсдорфском лагере в 1919 году он работал в качестве редактора газеты «Татар иле»³. В составе османской делегации в 1915 году посещал пропагандистский лагерь в Германии еще один эмигрант из России – Халим Сабит Шибай (1883–1946). Он вырос в Симбирской губернии и в юности уехал в Стамбул. Работал школьным учителем, затем преподавал в местном университете, отличался и публикационной активностью. С 1914 по 1918 год издавал журнал «Ислам Меджмуасы»⁴. Во время пребывания в Германии Х.Сабит Шибай публиковался в газете «Эль-джихад», где он писал о джихаде, о перспективах переселения в Турцию и др. темах. Он упрекнул редакцию в медлительности, т.к. многие материалы переводились с немецкого языка, что занимало определенное время, а статьи теряли свою актуальность.

Побывал Халим Сабит Шибай и в Австро-Венгрии, где также интересовался положением мусульманских военнопленных. По результатам поездки он подготовил отчет для Энвера паши. Согласно его данным, к середине 1915 года в Германии в плену находились более 10 тысяч, а в Австрии – около девяти тысяч тюрок⁵.

Свободное времяпрепровождение российских мусульман в Вайнсбергском (с 1917 года – Вюнсдорфском) лагере во многом повторяло черты довоенной татарской буржуазной культуры: периодическая пе-

---

¹ Там же. С.94.

² Гилязов И. Судьба Алимджана Идриси // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1999. – №3/4. – С.160.

³ Рэми И., Даутов Р. Курс. хезм. Б.364.

⁴ Биринджи А. Халим Сабит Шибай // Научный Татарстан. – 2012. – №4. – С.51.

⁵ Сибгатуллина А. «Тюрксист в чалме»: Халим Сабит Шибай // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2009. – №3/4. – С.101.

чать на татарском языке, публичная библиотека, татарский театр и оркестр народных инструментов. Конечно, местные издания на татарском языке преследовали, в первую очередь, пропагандистские цели, они должны были поддерживать антироссийский дух в лагере и возвращать прогерманские настроения. Но формы преподнесения этой агитации и ряд других моментов культуры отдыха были подсказаны самими военнопленными. Как вспоминал один из них Сабир Уразманов, выходец из Бугульминского уезда Самарской губернии, наиболее просвещенные невольники – учителя и приказчики доказывали необходимость организации школы, библиотеки и театра. Именно ими летом 1915 года была организована собственная драматическая труппа, а руководством лагеря предложен специальный барак на 500 мест под постановки. Символично и название труппы «Аң» (Сознание). Как известно, так назывался один из популярных татарских журналов в Казани. Среди активных участников труппы был сам автор воспоминаний, а также из Казани – Рахманкулов, Халид Губайдуллин, Хабиб Махбубрахман, Габдеррахман Баширов, из Лаишева – Ибрагим Халими, из Мамадыша – Гайнетдин Гиниятуллин, из Тамбова – Габдулла Урманов, из Самары – Усманов. Поначалу вход на спектакли был свободным, постепенно он стал платным. Смотреть постановки экзотического театра приезжали даже немецкие семьи из Берлина¹. Один из спектаклей театра назывался «Путешествие в Казнь» (по пьесе И.Казакова). Для концертов военнопленные сделали татарские гармони. К слову, представления шли не только на татарском языке, из уважения к своим зрителям артисты прибегали и к пантомиме². Вырученные средства шли на пополнение фонда библиотеки, на поддержание беднейших военнопленных, на сооружение памятника татарским военнопленным на местном кладбище и т.д. Функционировал самодеятельный театр до лета 1919 года. По данным Л.Р.Гатауллиной в лагере действовали две театральные труппы. Первая именовалась «Ярдәм», вторая, возникшая чуть позднее, была известна как труппа «Аң». Организатором последнего театрального коллектива она называет Каюма Рахманкулова – сына татарского просветителя Султана Рахманкулова (Рахманколы)³.

¹ Татар театры (1906–1926). 2 нче басма. – Казан, 2003. – Б.180–181.

² Мәһдиев М. Күрс. хезм. Б.31.

³ Гатауллина Л.Р. Указ. соч. С.97.

Конечно, жизнь военнопленных в пропагандистских лагерях не состояла только из чтения агитационных материалов и просмотра театральных постановок, пропагандистских фильмов, лекций и пр. Их будни проходили в ежедневных обязанностях по поддержанию жизнеобеспечения лагеря: работа на кухне, в столовой, в саду, в пожарной команде, в различных мастерских (столярной, обувной, пошивочной и др.), также военнопленные обслуживали дороги и каналы, картофеле-чистку. Кроме того, в Вайнсбергском лагере имелись стекольщики, жестянщики, электротехник, трубочисты, крысоловы. Несмотря на «особый» характер содержания лагеря, часть военнопленных активно привлекалась к сельскохозяйственным работам. В основном, в их числе были те, кто не поддавался пропаганде, не изъявлял прямого желания участвовать в джихаде, не обучался в лагерной школе. Причем, число российских мусульман, занятых на сезонных работах у немецких фермеров, постоянно увеличивалось. В марте 1916 года из Вайнсбергского лагеря ежедневно работали вне лагеря более 3000 человек. Это составляло половину всех военнопленных. В мае того же года в рабочих командах состояли уже 7500 человек, часть из них была отправлена на лесозаготовки. Ряд пленных трудился в составе похоронных команд на христианском кладбище Арнсфельде в Берлине. Здесь ежедневно проходило 15–20 похорон. Военнопленные, состоявшие в рабочих командах, ничем не отличались от таких же пленных из других лагерей. Их «привилегированный» статус соблюдался лишь на территории пропагандистских лагерей. Для немецких работодателей все они были одинаковыми, они неохотно шли на какие-то уступки, например, связанные с соблюдением религиозных привычек. С марта 1917 года и до конца войны число мусульманских военнопленных, работающих за пределами лагеря, составляла не менее 10 тысяч человек. Если поначалу они отдыхали по пятницам и воскресеньям, то позднее это правило перестали соблюдать. В результате последовавших жалоб, по пятницам отпускали лишь на полуденный намаз¹. Были заняты на тяжелых производствах и военнопленные из других «особых» лагерей. Находившийся в Эгерском лагере (Австро-Венгрия) Сафиулла Насыбуллин в 1917 году отмечал, что приходится работать в угольных шахтах².

---

¹ Там же. С.77–80, 86.

² НА РТ. Ф.1155. Оп.1. Д.7. Л.41.

Что касается прямых целей пропагандистского лагеря в Германии, то в Стамбул в качестве «джихадистов» весной 1916 года удалось отправить 1100 добровольцев. Число желающих вступить в добровольный батальон постоянно снижалось. Немецкое военное начальство считало, что провал операции по вербовке военнопленных в османскую армию связан с неорганизованностью последних. Отправленные в Турцию пленные жаловались «на недостаточную заботу со стороны своих новых соотечественников и выражали желание служить только под началом немецких офицеров»¹. Они составили часть Азиатского батальона и были в мае 1916 года отправлены в Месопотамию, воевать против британской армии². Это стало единственным татарским военным формированием в составе Тройственного союза. «Собралось тысяча человек, нам всем выдали военную форму. Все одинаковые. В таком виде нас привезли в Берлин. На вокзале нас встретили с музыкой. Водили по Берлину, хорошо угощали, потом привели обратно на вокзал. Столько уважения. На вокзале яблоку негде упасть. Везде все заполнено мужчинами и женщинами с цветами, платками, подарками на руках. Все они дали нам платки, полные гостинцами. Из Берлина нас проводили с музыкой», – вспоминал начало пути наемников один из военнопленных Сулейман Нагаев³. В Стамбуле им выдали карманные деньги и отпустили на 10 дней, после отдыха отправили в Саудовскую Аравию. Один из участников данного батальона Х.Уразикиев, ставший народным артистом ТАССР, вспоминал о перипетиях своей судьбы уже в 1960-е годы. При этом указанные в немецких источниках «жалобы на турецких офицеров» он называл восстанием против командования, речь шла даже о покушении на жизнь командира. Вернулся Х.Уразикиев вместе с товарищами на родину через Севастополь, тут же они были мобилизованы в армию белогвардейцев, впоследствии сумели перейти в сторону красных⁴. Сулейман Нагаев через полгода службы был взят в плен уже английскими войсками на территории Ирака, оттуда его вместе с другими военнопленными направили в Индию. Там он про-

---

¹ Нагорная О.С. Указ. соч. С.166.

² Тюркоглу И. Указ. соч. Б.393.

³ Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914–1918. Сборник документов и материалов. – Уфа: Китап, 2014. – С.388.

⁴ Мәндиев М. Күрс. хезм. Б.34.

вел два с половиной года. Возвращался на родину он, как и Х.Уразиков, через Стамбул и Севастополь. По возрасту С.Нагаев уже не подходил для военной службы, поэтому около года он прожил в Крыму, не вступив ни в армию белых, ни красных. В своих воспоминаниях он пишет о том, как служил надзирателем в госпитале в Джанкое, как купил дом в Симферополе, как занимался мелкой торговлей в Мелитополе и Александровке. В итоге его нехитрое имущество было отобрано наступающими войсками красных в ноябре 1920 года. Домой в Уфу он вернулся лишь в марте 1921 года¹.

После провала идеи с формированием батальонов, в дальнейшем турецкими властями вынашивались уже иные планы по поводу использования мусульманских военнопленных. Например, 23 мая 1917 г. генеральный консул в Будапеште, турецкий писатель и дипломат Ахмед Хикмет (Мюфтуоглу) (1870–1927) в докладной записке чрезвычайному и полномочному послу Турции в Вене Хюсейну Хильми-паше предложил «использовать российских военнопленных-мусульман в интересах Турции путем внедрения в органы власти Российской империи для ускорения заключения мира между Россией и Османской империей». Однако эти планы были отвергнуты с формулировкой: «Ранее правительством были направлены в Россию обладающие необходимыми качествами агенты. Преданная нам служба российских военнопленных из мусульман, как и отмечено Вами, представляется лишенной вероятности»².

Некоторых военнопленных пропагандистского лагеря обнадеживало предложение османского правительства поселиться в Турции, с обещаниями выделить подъемные деньги. Сразу после объявления об этом 600 человек подали заявление на отправку, весной 1916 год число таких желающих насчитывало 9 тысяч военнопленных. Однако в июле 1916 года удалось отправить только первую партию из 50 человек заявившихся на поселение в Турции³.

---

¹ Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914–1918. Сборник документов и материалов. – Уфа: Китап, 2014. – С.389–390.

² Мустакимов И.А. «Преданная нам служба российских военнопленных из мусульман... представляется лишенной вероятности». Документы Османского архива о возможности использования военнопленных в интересах Порты. Май 1917 г. // Отечественные архивы. – 2010. – № 2. – С.109–110.

³ Нагорная О.С. Указ. соч. С.166.

Лагеря в Австро-Венгрии и Турции

Кроме Германии пропагандистские лагеря также имелись на территории Австро-Венгрии: рядом с городками Эгер (Егер) и Эстергем. Однако надо отметить, что они были лишь частью айсберга под названием военный плен. Кроме «особых» военнопленных имелись еще тысячи других, оставшихся в обычных лагерях той же Германии, Австро-Венгрии, Болгарии, Турции. Например, в марте 1916 года если в Вайнсбергском лагере было собрано 11 850 российских мусульман, то в лагерях всей Германии содержалось всего 23 000 татар¹. Самое большое количество российских военнопленных содержалось в Австро-Венгрии – 56,14%, достаточно внушительным было число пленных и в соседней Германии – 42,14%. В Турции их насчитывалось 0,59% и 0,32% в Болгарии².

Весьма красноречив в этой связи эпизод из знаменитого произведения Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка», где герою романа дали задание записать фамилии военнопленных. «Швейк много повидал на своем веку, но все же эти татарские, грузинские и мордовские имена не лезли ему в голову. «Мне никто не поверит, – подумал Швейк, – что на свете могут быть такие фамилии, как у этих татар: Муглагалей Абдрахманов – Беймурат Аллагали – Джерже Чердедже – Давлатбай Нурдагалеев и так далее. (...) Он опять пошел по рядам пленных, которые один за другим выкрикивали свои имена и фамилии: Джирджалей Ганеалей – Бабамулей Мирзагали и так далее.

– Как это ты язык не прикусишь, – добродушно улыбаясь, говорил каждому из них Швейк. – Куда лучше наши имена и фамилии: Богуслав Штепанек, Ярослав Матоушек или Ружена Свободова»³.

Большинство военнопленных направлялись на самые трудные участки различных производств, в том числе строительство железных дорог. Выполняли они и разного рода работы по обеспечению городского хозяйства, были заняты у фермеров. Как и гражданское население всех воюющих стран, военнопленные терпели тяготы про-

---

¹ Гатауллина Л.Р. Указ. соч. С.77.

² Абдрашитов Э.Е. Источники личного происхождения по истории российских военнопленных Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2003. – С.4.

³ Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка. – М., 1956. – С.457.

довольственного кризиса. Нормы их питания и без этого были весьма скромными. Например, побывавший в германском плену Сафа Галимов (из деревни Тюбяк Ельшевской волости Мамадышского уезда) в 1916 году рассказывал о том, что кормили их скверно, «хлеба давали не более фунта в день, по утрам выдавали кружку какого то горького кофе без сахара, на обед варили суп из воды со смесью муки или отрубей», на ужин варили то же самое, что и на обед. Он был ранен в левую ногу разрывной пулей и подобран немецкими солдатами в январе 1915 года. В плену Галимову ампутировали ногу и, по всей видимости, из-за физической недостаточности, отправили домой¹.

Продовольственная ситуация ухудшалась с каждым годом войны и тем хуже становилось снабжение военнопленных. Например, в Австро-Венгрии занятым физическим трудом в 1917 году выдавали в день 140 г кукурузной муки, остальным – около 80 г, солдатам – 1 кг хлеба на троих, военнопленные получали такое же количество на четверых, из-за этого многие из них были сильно истощены. Среди них наблюдалась высокая смертность. Не лучшим было положение российских военнопленных и в Германии. В 1917 г. они получали 200 г хлеба на человека в сутки. При этом сам хлеб лишь на 15% состоял из муки, все остальное – сосновые опилки. На обед выдавалась брюква «с недоброй рыбной икрой или лягушками, на ужин – суп из переваренных костей в муку». Утром давали, уже упомянутый выше, горький кофе. Из-за отсутствия сахара, некоторые военнопленные почему-то пили его с солью².

«Жизнь здесь не особенно хороша, есть нет ничего и голодаем давно, есть очень хочется, но и купить нечего», – писал в 1917 году из австро-венгерского лагеря Эгер (Егер) военнопленный Сафиулла Насыбуллин родным в д. Старый Саба Мамадышского уезда Казанской губернии³.

Нехватка продовольствия ощущалась даже в пропагандистских лагерях. Конечно, по сравнению с российскими военнопленными общих лагерей, которые в это время получали 200 г хлеба, жители Вюнсдорфского лагеря ощущали тяготы в меньшей степени. В 1917 г. дневной рацион хлеба «особых» военнопленных снизили с 300 г до

¹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6650. Л.28–28об.

² Солнцева С.А. Указ. соч. С.100.

³ НА РТ. Ф.1155. Оп.1. Д.7. Л.41.

230 г. Однако это было временным явлением, в целом, в Германии продовольственное снабжение «особых» лагерей было достаточно стабильным¹.

Российские военнопленные не охранялись международным законодательством, поэтому общественные организации не могли принять активного участия в облегчении их положения. Различная помощь оказывалась им лишь время от времени. Казанская газета «Юлдуз» неоднократно писала о необходимости организации помощи для российских военнопленных. При этом редакция довольно взвешенно оценивала самих узников, отмечая разные обстоятельства попадания солдат в плен. Например, «среди них могут быть как отчаянные воины, прорвавшиеся вглубь вражеского лагеря, так и слабые духом люди», – отмечалось в статье «Положение наших военнопленных» от 29 февраля 1916 года².

Некоторым военнопленным удавалось установить связь с родственниками. Письма военнопленным, находящимся на территории Германии и Австро-Венгрии, отправлялись в первую очередь в Центральное справочное бюро о военнопленных при главном управлении российского общества Красного Креста в Петрограде. После установления местонахождения узника родные писали ему уже напрямую, указывая в конверте название города, лагеря и т.д.³ «Дядя Якуп вот уже третий или уже 3 года в плену в Германии, и от него давно уже нет вестей», – написала в своем дневнике бугульминская гимназистка Фатима Кашафутдинова в начале 1918 года⁴.

Как и другая корреспонденция, письма из военного плена и сообщения их респондентов тщательно проверялись цензурой. Например, троцкий военный цензор (Оренбургская губерния) отмечал в 1917 году, за две недели было получено 232 входящих письма от русских военнопленных и отправлено на их имя 1217 исходящих писем⁵. В январе 1917 года военный цензор г.Симбирска обратил вни-

¹ Гатауллина Л.Р. Указ. соч. С.81.

² У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани в годы Первой мировой войны. 1914–1917). Сборник документов и материалов. – Казань, 2003. – С.143.

³ Казанский телеграф. – 1915. – 8 февраля. – №6501.

⁴ Кашафутдинова Ф. Записки гимназистки // Тарнапольский Р.И. Наш Двадцатый век. – Казань, 2013. – С.26.

⁵ НА РТ. Ф.1155. Оп.1. Д.7. Л.3.

мание на письмо из Буинского уезда, адресованное военнопленному Авзалетдину Замалетдинову в Германию, в лагерь Шнейдемюлле. Отец бывшего солдата из деревни Средне-Балтай сообщал сыну о том, что отправили очередную посылку с продовольствием: «вложили сахару и фунта чаю». Переписка велась достаточно давно, родителями военнопленного было получено уже 8 писем, он сам просил их присылать каждые три недели посылку. Крестьянина затрудняло лишь написание адреса на немецком языке. В деревне невозможно было найти человека, способного написать адрес. Для этого он ехал в город просить пленных немцев об услуге или же уездных аптекарей. Еще одним человеком, владеющим немецким письмом, в округе считался кукавский барин, но он не всегда бывал дома. Любопытно, что в ящике посылки с продовольствием родственники военнопленного, по его просьбе, спрятали карту Европы¹. Возможно, географический ориентир нужен был Замалетдинову для осуществления побега. Как и многие другие лагеря, Шнейдемюлле был известен жестоким обращением с военнопленными. В ряде случаев нарушения внутренних правил завершались расстрелом. Пленные здесь нередко голодали, терпели тяжелые условия быта и труда². В Национальном музее Республики Татарстан сохранился еще один документ, связанный с этим невольником. Эта специальная открытка «ответ для военнопленных», где на немецком и русском языках было напечатано название лагеря, приписка «мой точный адрес для писем и посылок». От руки указывался персональный номер пленного и его имя. Такую открытку получили от Авзалетдина Замалетдинова его родственники, на этот раз он сидел в лагере Ингольштадт в Баварии. Мы можем предположить, что Замалетдинова перевели туда после неудачной попытки побега из лагеря Шнейдемюлле.

Попытка облегчить участь военнопленных предпринимали различные организации: Всероссийское общество помощи русским пленным, Отдел о военнопленных Всероссийского союза городов, комиссия и Союз инвалидов из плена и др., а также общественность союзных стран. Они собирали частные пожертвования, устраивали лекции и прочие культурные мероприятия в пользу военнопленных,

---

¹ НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.335. Л.43.

² Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. – М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1942. – С.33–38.

на вырученные средства закупались продукты¹. Получались такие посылки и в пропагандистских лагерях, в том числе со стороны Великобритании и Франции. Поначалу любые подношения считались противоречащими целям пропаганды. Поэтому принятие подобных даров было вынужденным шагом, из-за нехватки продовольствия. Как правило, посылки представляли собой мясные и овощные консервы, сухари, сахар, чай, мыло, табак².

Пожалуй, отдельно следует отметить тяготы плена связанные с издевательствами, побоями и плохим обращением. Особенно тяжелыми были условия содержания военнопленных в Турции, которые «подвергались деспотическому и жестокому произволу со стороны военной администрации». В самой Турции в годы Первой мировой войны крестьянское население буквально голодало, в деревнях свирепствовал сыпной тиф, большинство мужчин были призваны в армию. Уже в 1916 году новобранцы османской армии составляли мужчины старше 50 лет. Голодные крестьяне отказывались выполнять некоторые работы, направленные на нужды армии. Например, в Анатолии они прекратили работу в эрглийских угольных копях, на строительстве железной дороги Анкара – Сивас³. На все эти участки производства направлялись военнопленные, питание которых и без того уступало рациону гражданского населения.

По данным османского военного начальника, маршала Февзи Чакмака, в турецком плену содержалось около 700 российских офицеров и около 10 тысяч солдат и матросов. Военнослужащие, захваченные в плен на Кавказском фронте, сначала находились в Эрзеруме. Офицеры и солдаты, взятые в плен, на других участках войны, в том числе на море, доставлялись в Стамбул и оттуда уже распределялись по разным лагерям, которые были разбросаны по всей стране. Основными центрами содержания российских военнопленных стали Афьонкарахисар, Сивас, Бурса, Измит, Тузла, Эскишехир, хотя они содержались и в других местностях. Как и в Германии, и Австро-Венгрии, труд военнопленных в Османской империи широко использовался в сельском хозяйстве, строительстве и промышленности.

---

¹ Солнцева С.А. Указ. соч. С.103–104.

² Гатауллина Л.Р. Указ. соч. С.82.

³ Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн.1. – М.: Наука, 2005. – С.630–631, 455, 460.

Они участвовали в сооружении судоверфей в Измите, строили железную дорогу Анкара-Сивас, Багдадскую железную дорогу и т.д. Лагерь размещались вдоль железных дорог. В Бурсе находился специальный лагерь, где содержались российские мусульмане¹. Какой-то специальной пропагандисткой политики в отношении них не проводилось, да и особое отношение со стороны единоверцев носило скорее эпизодический характер. Например, по воспоминаниям бывшего военнопленного из села Каюки Спасского уезда Казанской губернии Гарифуллы Гайфуллина, когда началось наступление русской армии, он, находясь вместе с другими пленными в бараке, услышал разговор двоих конвоиров о приказании командования расстрелять часть пленных. После этого Гайфуллин начал громко читать суры из Корана. Конвоиры заметили это. Гарифулла Гайфуллин, судя по рассказам его родственников, вернулся после войны на родину².

Возвращаясь к обращению с военнопленными во время Первой мировой войны, следует отметить, что хотя они не носили того варварского характера как в годы Второй мировой войны, но человеческой жестокости тоже хватало. Например, по словам одного лейтенанта австрийского пехотного полка, «издевательство над русскими пленными в немецкой и австро-венгерской армиях было возведено в систему»³. Их подвешивали верх ногами, заставляли просто так носить тяжести вокруг барачков, раздеваться на морозе, использовали как тягловую силу. Любое нарушение строго наказывалось. Были случаи, когда за выход из строя (чтобы поднять с земли брюкву) военнопленному отрубили пальцы. Примеры жестокого обращения в немецком военном плену активно обнародовались уже в годы Великой отечественной войны в целях пропаганды, во избежание добровольного пленения советских воинов. В 1942 году Управлением государственными архивами НКВД СССР был выпущен сборник «До-

---

¹ Васильев А.Д. Русские военнопленные в Турции в годы Первой мировой войны // Институт востоковедения РАН [Электронный ресурс] <http://ivran.ru>. Дата обращения – 18.07.2014.

² Казаков А.Г. Село Каюки Казанской губернии в годы Первой мировой войны // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны /под общ. ред. Л.Р.Габдрафиковой. – Казань: Институт истории АН РТ, 2014. – С.450.

³ Сенявская Е.С. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. – 1997. – №3. – С.141.

кументы о немецких зверствах в 1914–1918 гг.»¹ Несмотря на пропагандистский характер издания и на политическую ситуацию, приведенные в нем примеры во многом перекликаются с другими источниками, и менее политизированной исторической литературой.

Например, один из бывших военнопленных – Шайхетдин Шарафутдинов, выходец из д.Абдуллино Красноуфимского уезда Пермской губернии, рассказывал односельчанам о немецких пытках и опытах над ними. В лагере его вешали, по мере наступления смерти снимали с петли и наблюдали, как он вновь оживает, затем вновь вешали, вновь обследовали².

В Австро-Венгрии, кроме «наказания розгами, оковывания рук и ног от нескольких часов до нескольких дней, подвешивания на вывернутых назад руках, использовались и заколачивание в гроб на два-три часа». Поплатились своими жизнями те военнопленные, которые отказывались рыть окопы. В 1916 г. за это австрийцы распяли десятки российских военнопленных на деревьях, около 150 человек было убито³.

Неудивительно, что очень многие пытались бежать из военного плена. Попытки некоторых были успешны. В своем дневнике бывший военнопленный Султангарей Хабибуллин отмечал о том, как его товарищ по Штюмберскому лагерю – Минлегали Валиахметов бежал оттуда 9 мая 1918 года, предварительно сделав подкоп под барак. Вместе с ним бежали еще 16 человек. Имелись и случаи одиночных побегов. Из этого лагеря в разное время бежали Салимулла Уметбаев, Ситдик Аухадиев. Сам автор дневника также бежал из лагеря 4 октября 1918 года⁴. За побег из лагеря строго наказывали, вплоть до смертной казни. Местному гражданскому населению запрещалось оказывать любое содействие бежавшим военнопленным.

Упомянутый выше Шайхетдин Шарафутдинов был пойман немецким крестьянином и выдан военному начальству. Его с товарищем вновь доставили в лагерь. Дальнейшая жизнь военнопленного

---

¹ Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. – М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1942. – 80 с.

² Давлетбаев Б.С. Большая Ока. История села. – Уфа, 1992. – С.114.

³ Солнцева С.А. Указ. соч. С.100–101.

⁴ Ислаев Ф., Нәккаш Н. Солтангәрәй Хәбибуллин – беречне бөтендөнъя сугышы әсире // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2001. – №1/2. – Б.153–157.

Шарафутдинова складывалась в относительно благоприятных условиях, по сравнению с лагерными издевательствами, т.к. его взяли на сельскохозяйственные работы. У немецкого фермера Шайхетдин научился пекарскому делу. Его трудолюбие и добросовестность приглянулись помещику, после окончания войны он уговаривал бывшего работника остаться в Германии, «обещая женить и наделить средствами на жизнь»¹. Мы не исключаем и того, что это лишь красивая легенда, придуманная самим бывшим военнопленным, ведь он в итоге вернулся на родину.

Открытие культур

В целом, несмотря на соответствующую пропаганду, целью которой было воспитание презрения по отношению к военнопленным, поддержание образа врага, личное общение между бывшими военными противниками характеризовалось не только примерами человеческой жестокости, но и других, гуманных чувств. Одним из последствий войны стало более тесное общение представителей различных культур, конфессий, этносов. Это происходило в самом лагере, и за его пределами, в ходе различных работ: в фермах и других предприятиях. Знакомство с другой культурой, овладение новыми знаниями и навыками стало естественным продолжением данных контактов.

В лагерях, даже пропагандистских, содержались бывшие солдаты различных армий. Например, в Вайнсбергском лагере наряду с российскими мусульманами и грузинами, проживали также арабы и индийцы из французских и британских колоний. Все мусульмане на праздничные торжества посещали единственную мечеть в округе – Вюнсдорфскую. «Солнечный день и пестрота разных национальных костюмов, в которые были одеты военнопленные, сливались в невиданную гармонию цветов. Посетители говорили, что вряд ли они в жизни еще раз смогут увидеть представителей стольких разных народов и племен, собравшихся вместе, – сообщила газета «Эль-Джихад» в репортаже об открытии Вюнсдорфской мечети, состоявшейся 13 июля 1915 года. – Тут были и марокканцы, и туниисцы, и индусы, и татары»².

Учебный отряд из 50 пленных Вайнсбергского лагеря с весны 1917 года стал посещать соседний хутор Герлаксоф. Под руково-

---

¹ Давлетбаев Б.С. Указ. соч. С.114.

² Цит. по: Гатауллина Л.Р. Указ. соч. С.93.

дством местного фермера и военного начальства, они знакомились с основами немецкого аграрного производства: скотоводства и птицеводства, овощеводства. Летом здесь же началось обучение немецкому языку. 10 человек 2 раза в неделю посещали уроки. В другом имении Вурхов учебный отряд из 80 человек был занят изучением деревообработки. Особое внимание уделялось немецкой рациональности. Данная просветительская работа имела и определенные пропагандистские задачи: таким образом укреплялись прогерманские настроения военнопленных. Они на практике знакомились с немецким способом ведения хозяйства и должны были стать поклонниками Германии, а у себя на родине татарские «колонисты» могли способствовать продвижению немецких товаров¹.

До этого некоторые военнопленные посещали занятия в лагерной школе. Программу обучения состояла из таких предметов, как история, политическая география, военная стратегия. Широко применялось наглядное обучение: иллюстративные доклады и киноленты знакомили учащихся с достижениями немецкой культуры. Организовывались даже экскурсионные поездки в Берлин².

Военнопленные всех лагерей проходили своеобразную языковую подготовку. Особенно интенсивно погружались в языковую среду те, кто трудился за пределами лагеря. Работодатели и охранники старались для облегчения понимания употреблять простейшие слова и выражения. В результате, некоторые из пленников пытались выстраивать целые предложения из немецких слов. Любопытно, что после репатриации при опросах часто бывшие военнопленные заявляли о знании немецкого языка. Например, после анкетирования в 1920 г., прибывшей в Уфу, небольшой группы татар-военнопленных, половина из них утверждала, что говорит на немецком языке. При этом никто не имел навыков чтения и письма. Правда, большинством «знатоков» при этом слова очень сильно коверкались, и употреблялись в неопределенной форме³.

Хотя тот факт, что после войны некоторые из татар остались учиться в немецких учебных заведениях, и даже в 1918 году было организовано целое Общество поддержки студентов-мусульман в

---

¹ Там же. С.88.

² Нагорная О.С. Указ. соч. С.167.

³ Там же. С.255.

Берлине, говорит о том, что языковая подготовка у части военнопленных, судя по всему, была на соответствующем уровне. Например, по сообщению газеты «Татар иле» в 1919 году в Вюнсдорфском лагере число татар читающих как по-русски, так и по-немецки «растет с каждым днем»¹.

Именно поэтому они стремились получить германское образование. К слову, практика обучения студентов-мусульман из России сохранилась и в 1920-е годы, по этому поводу имелись специальные договоренности между правительствами Советского Союза и Германии. Руководителем Общества поддержки студентов-мусульман являлся Галимджан Идриси².

Приобретение военнопленными новых профессиональных навыков было связано не только с пропагандистскими задачами, но и с нехваткой нужных рабочих специальностей. Для восполнения этих пробелов в Германии для попавших в плен российских солдат организовывались краткосрочные курсы. Например, их обучали на машиниста парового плуга. В баварских лагерях Лехфельд, Траунштейн, Диллинген готовили электроинженеров и газовщиков³.

Однако не только военнопленные знакомились достижениями немецкого хозяйствования, осваивали новые специальности, они и сами делились своими знаниями и культурным наследием. Выше уже было отмечено о том, с каким успехом у берлинских обывателей пользовался татарский театр в Цоссене. Более того, Вюнсдорфская мечеть стала первым мусульманским храмом на территории Германии. Поэтому азаны с его минарета и праздничные молитвы многотысячной толпы военнопленных рядом с мечетью для местных жителей стали не виданным ранее явлением. С не меньшим интересом в 1920-м году они наблюдали за праздником Сабантуй, организованным в Вюнсдорфском лагере татарскими военнопленными. Туда были приглашены татары и представители других народов из 32 лагерей⁴. Российские тюрки со скромным нравом и природной терпеливостью, представляли собой принципиально иной образ мусульман,

---

¹ Мәһдиев М. Курс. хезм. Б.31.

² Гилязов И.А. Общество поддержки студентов-мусульман в Берлине (1918–1925) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1996. – №3/4. – С.194.

³ Нагорная О.С. Указ. соч. С.301.

⁴ Мәһдиев М. Курс. хезм. Б.32.

отличных от османов, ассоциировавшихся у европейских обывателей лишь с султанскими завоеваниями и жестокими расправами на Балканах.

Для немецких и австрийских ориенталистов появление тюркских военнопленных на их земле открыло новые возможности для научного поиска. В лагерях побывали антропологи, этнографы, фольклористы, музыковеды. Например, немецкая исследовательница М.Каляйс приводит сведения о собрании фонограмм народных песен, записанных среди военнопленных Германии под руководством профессора Высшей музыкальной школы Берлина Г.Шюнемана. Он записал 61 татарскую, 16 мордовских, 12 удмуртских, 11 чувашских, 11 марийских и 4 башкирские песни. Научные исследования, сделанные на основании своих наблюдений, опубликовали Э.Убах, Э.Раков, Э.Айгштедт, В.Деген и другие¹. Сборник «Татарские тексты» составленный профессором Г.Вайлем был выпущен в Германии в 1930 году².

Одну из таких песен «Ах, син заман», записанную у татарского военнопленного, переработал для Государственного ансамбля фольклорной музыки РТ (под руководством А.Файзрахманова) М.Кашипов. Вначале композиции звучит граммофонная запись голоса военнопленного.

В мусульманском пропагандистском лагере, недалеко от чешского города Эгер в 1916–1917 гг. проводил граммофонную запись народных песен в исполнении военнопленных австрийский исследователь Роберт Лах. В этом лагере находились татары, башкиры, туркмены, кумыки, ногайцы, казахи и представители других народов Российской империи. Определенные итоги своей работы он опубликовал в 1920–1930-х гг. В 1952 г. совместно с другим исследователем Гербертом Янским он издал сборник с нотами и текстами песен. В нем содержались 180 татарских песен, исполненных тремя – военнопленными: Нигматулла, 26 лет, бывший батрак, уроженец Уфимской губернии; Абдулганим, 25 лет, бывший батрак, из Симбирской губернии; Латиф Хайбуллин – 41 год, из Западной Сибири, бывший

---

¹ Гилязов И. «Германия воспринимает вас не как военнопленных, а как своих гостей»: о книге Маргот Каляйс «Мусульмане в Бранденбурге – военнопленные в первой мировой войне» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2002. – №1/2. – С.253.

² Мәндиев М. Күрс. хезм. Б.34.

торговец, до войны жил в Семипалатинске¹. Впоследствии эти байты были включены и в многотомное издание «Татарское народное творчество» («Татар халык ижаты»), в том, посвященный байтам². Но, пожалуй, самой популярной в народе песней этой поры стала «Герман кое» («Германская мелодия»).

Байты и песни пленных возвращались к татарскому народу не только через научные изыскания и записи немецких и австрийских ученых, они сохранились в письмах, дневниках невольников, передавались из уст в уста после возвращения на Родину. Они хранятся в семейных архивах, некоторые до сих пор остаются неизвестными широкой общественности. В 2011 году сотрудники Института языка, литературы и искусств им. Г.Ибрагимова АН РТ в ходе фольклорной экспедиции выявили записи бывшего военнопленного Ахмади Замалетдинова. Побывавший в австрийском плену солдат после возвращения на родину вновь переписал свои записи (байты и мунаджаты), что вероятно помогло сохранить этот документ³.

Возвращение на Родину

Как уже было отмечено ранее, многие бежали из плена задолго до окончания войны и принятия условий репатриации. И в армии и в обществе такие беглецы пользовались большим уважением. В революционной чехарде они быстро подключались к мирной жизни, становились делегатами съездов, председателями полковых комитетов. В прессе их называли героями. 14 мая 1917 года в Петрограде состоялась даже манифестация бежавших из плена, инвалидов плена и родных военнопленных. В ходе митинга были высказаны упреки в адрес правительства за то, что они не прилагали усилий для облегчения участи российских пленных⁴. Всего за 1914–1917 гг. в Россию из плена вернулись 715 тысяч инвалидов, 60 тысяч бежали из плена, а умерли в неволе 190 тысяч человек⁵. Могилы этих несчастных воен-

---

¹ Соегов М. Военнопленные и спетые ими песни в лагерях Австро-Венгрии в 1916–1917 гг. // Научный Татарстан. – 2013. – №2. – С.66–67.

² Татар халык ижаты. Бәетләр. – Казан, 1983.

³ Гайнетдинов А. Австриядә эсирлектә ижат ителгән эсәрләр // Про татар [Электронный ресурс] <http://protatar.ru>. Дата обращения 19.08.2014.

⁴ Солнцева С.А. Указ. соч. С.103–104.

⁵ Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн.1. – М.: Наука, 2005. – С.630.

нопленных разбросаны по территории всех стран-участниц Первой мировой войны.

Список военнопленных татар, скончавшихся в Вайнсбергском / Вюнсдорфском лагере в Германии, и похороненных на кладбище в Церендорфе публиковался в 2006–2007 гг. в журнале «Татарстан». Всего в этом списке приводится 301 фамилия. Первые смерти среди военнопленных в этом списке датируются апрелем 1915 года (Ахметлатиф Ахметзянов, Хабибулла Файзуллин)¹. Люди умирали в лагере и после окончания войны, так и не дождавшись репатриации – разрешения на возвращение. 19 декабря 1920 года здесь скончался Халиулла Сейфуллин². Конечно, эти 301 человек составляют далеко не полный список потерь татарского народа в военном плену.

За 1918–1921 гг. возвратились в Россию 1 млн. 142 тысячи военнопленных³. В составе 311 432 российских военнопленных, вернувшихся на родину в 1918–1919 гг., по данным Центрального статистического управления было 9 628 татар⁴. Однако эту цифру нельзя воспринимать буквально. Как мы уже отмечали ранее, «татары» в это время включали в себя и многие другие тюркские народности. Последними репатриантами стали российские мусульмане. Военнопленные пропагандистских лагерей получили возможность вернуться на родину лишь в 1921 г. Официально Вюнсдорфский лагерь закрылся только 1 мая 1922 г.⁵

Среди бывших военнопленных встречались и те, кто не спешил обратно на родину. Некоторые за это время освоились с новой реальностью, обзавелись личными связями, кто-то успел создать семью. Но в каждой стране были предусмотрены свои правила для бывших военнопленных. В Германии свободно могли получить гражданство российские немцы, а в Турции легче было обустроиться

---

¹ Список военнопленных татар, скончавшихся в годы первой мировой войны в немецком лагере для военнопленных Вюнсдорф и похороненных на кладбище Церендорф // Татарстан. – 2006. – №9. – С.67–68.

² Список военнопленных татар, скончавшихся в годы первой мировой войны в немецком лагере для военнопленных Вюнсдорф и похороненных на кладбище Церендорф // Татарстан. – 2007. – №2. – С.56–57.

³ Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн.1. – М.: Наука, 2005. – С.630.

⁴ Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). – М.: Центральное статистическое управление, 1925. – С.38.

⁵ Гатауллина Л.Р. Указ. соч. С.96.

российским мусульманам. Сложная политическая обстановка и экономическая ситуация способствовали тому, что часть бывших солдат российской армии осталась за пределами своей родины. Например, только в Европе таких людей насчитывалось 95 тысяч¹. Даже после официального закрытия Вюнсдорфского лагеря в его бараках продолжали жить почти 90 человек, часть из них работали на ближайших промышленных предприятиях, были и студенты Берлинского университета. До 1925 года здесь проходили мусульманские праздники, в 1923 году побывал в Вюнсдорфе известный писатель и общественно-политический деятель Гаяз Исхаки. Однако германское правительство не собиралось предоставлять гражданство бывшим военнопленным. Все заявления с такой просьбой получали отказ, более лояльно относились официальные власти лишь к российским немцам². Ухудшение материального положения жильцов бывшего лагеря, невозможность оплачивать аренду вынудило многих к 1925 году уехать на родину. Вероятно, обнадеживали их и новости из Советской России, где к тому времени прекратилась Гражданская война и начался НЭП. Кроме того, мы можем предположить, что часть этих людей из Германии уехала в Турцию, там имелась большая татарская община и гораздо легче было получить разрешение на жительство, и даже гражданство. Еще одним известным пристанищем татарских эмигрантов стала Финляндия, ставшая после окончания войны независимым государством.

Как война в целом, так и военный плен оказывали серьезное воздействие на физическое состояние человека, на его душевное равновесие. Многие из войны вернулись инвалидами, со слабым здоровьем, что конечно же влияло на продолжительность жизни. Например, упомянутый выше Ахмади Замалетдинов умер в 38-летнем возрасте в 1925 году. Вернулся он из австрийского плена в 1918 году. Не способствовала нормальной адаптации и мирной жизни бывших военнопленных и обстановка в стране. Даже в 1930-е годы некоторых из них подозревали в сотрудничестве с фашистами. Именно военный плен в Вюнсдорфском лагере стал причиной расстрела в 1938 г. учителя из д.Конь Ибрагима Халимова. В народе после этого случая распространилась легенда о том, что у него имелась фотография

---

¹ Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн.1. – М.: Наука, 2005. – С.630.

² Гатауллина Л.Р. Указ. соч. С.96, 191–192.

1915 г., где он был запечатлен с ефрейтором Гитлером и, якобы, он хвастался в 1933 г. знакомством с ним¹. Но, конечно, маловероятно, что австрийский солдат Адольф Гитлер мог оказаться среди охранников германского лагеря.

Таким образом, военный плен стал еще одной трагической страницей истории Первой мировой войны. Если обратиться к истории мусульманских военнопленных, то лишь в таких жестоких условиях подавляющее большинство из них сумело оправдать себя перед родиной. Никакие панисламистские идеи не могли перебороть чувство преданности к своей родной земле, к какому бы императору она не принадлежала. Крестьянско-мещанской массе татарских военнопленных оказались совершенно чужды идеи джихада, да и вообще войны, поэтому потребовавшая внушительных финансовых затрат пропагандистская работа потерпела полный крах.

Безусловно, никакие идеологические и политические эксперименты, примеры культурного взаимодействия, результаты научных изысканий не могут оправдать первопричину этого явления – войну и его последствия: искалеченные судьбы живых людей, их родных и близких, сотни и тысячи прерванных в неволе, вдали от родных мест, человеческих жизней.

---

¹ Шәфигуллин Р. Хәлими һәм ефрейтор Гитлер // Мәйдан Чаллы. – 2009. – №9. – Б.156–159.

ГЛАВА 3. ТЫЛОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

3.1. Общественная жизнь в годы Первой мировой войны

Любая экстремальная ситуация служит консолидации нации и общества. Первая мировая война сначала сыграла аналогичную роль. Например, по различным данным, летом 1914 года значительно сократилось число стачечников на заводах и фабриках¹. Конечно, в частной жизни человек мог по-разному реагировать и высказываться о разыгравшейся войне, но всем было ясно, что Отечество в опасности. И даже запасные солдаты, призванные самыми первыми в действующую армию, бушевали не столько против мобилизации, а скорее выражали свое недовольство по поводу не слишком уважительного с ними обращения, грубости начальства, нехватки продовольствия, «сухого закона» и прочим причинам. Пока народные массы были заняты вопросами мобилизации, одновременно растерянные и скованные страхом за себя и близких, элиты общества старались выразить властям свою лояльность, от лица всего народа. Это было привычное разделение ролей между «народом» и «обществом», сложившееся столетиями, последнее из которых всегда представляло собой несколько сотен людей с активной жизненной позицией. Среди них были религиозные деятели, предприниматели, чиновничество и интеллигенция.

Официальная реакция на войну

С объявлением войны в церквях и мечетях проходили молебны за победу России, организовывались манифестации, на страницах русской и татарской прессы то и дело публиковались верноподданные телеграммы, патриотические адреса. Довольно некорректным представляется мнение некоторых исследователей о том, что казанскими мусульманами «весть о войне была воспринята весьма

---

¹ Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн.1. 2-е изд. – М., 2005. – С.361.

холодно и сдержанно»¹. На самом деле еще 21 июля 1914 года от лица казанских мусульман была отправлена телеграмма в Царское село. Подписали ее ахун Абдулгафаров, указные муллы Тарзиманов, Салихов, Галеев, купцы Утямышев, Гайнуллин, Азимов, Сайдашев, Абдурашитов, член городской управы Апанаев². А перед этим в тот же день на Юнусовской площади проходило торжественное молебствие, куда собралось около 12–15 тысяч человек. Толпы мусульман заполнили и саму площадь и прилегающие к ней улицы и переулки. Именно богослужения стали одним из основных показателей единства общества и его лояльности к официальной власти. Например, 21 июля были закрыты все мусульманские лавки и другие торговые учреждения Казани. Юнусовскую площадь украсили государственными флагами. После богослужения народная толпа направилась в сторону Кремля, здесь она соединилась с русскими манифестантами, и дошла до губернаторского дворца. От лица мусульман перед губернатором выступил член городской управы – Ш.З.Апанаев³. Судя по всему, он и являлся основным инициатором этого мероприятия. До Казанского кремля дошли не все 12 тысяч мусульман, собравшихся на Юнусовской площади, а чуть более 500 человек⁴. В научной литературе именно эти 500 человек рассматривались в качестве примера патриотизма среди татар⁵. Вероятно, из-за количества манифестантов традиционным стало писать о «сдержанности» казанских мусульман в выражении своих патриотических чувств. Но на самом деле, как мы видим, основные мероприятия с многотысячным участием, прошли в татарской части Казани.

В первой половине августа мусульманами отмечалось окончание священного поста – праздник Рамадан, поэтому в этот период молебны совершались и о здравии царской семьи, и русской армии. Например, мусульмане Астрахани отправили верноподданническую

---

¹ Абдрашитов Э.А. Восприятие плена татарами Казанской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Северо-Кавказского университета. – 2014. – №1 (40). – С.96.

² НА РГ. Ф.1. Оп. 4. Д. 5735. Л.43.

³ Казанский телеграф. – 1914. – 23 июля. – №6343.

⁴ Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. – Казань, 2002. – С.96.

⁵ Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. – Казань, 2001. – С.275.

телеграмму после такого религиозного праздника, где присутствовало около 6 тысяч человек. На этом мероприятии, организованном Попечительством о бедных мусульманах г.Астрахани, принял участие и астраханский вице-губернатор Н.Н.Максимов¹.

Помимо служащих муниципальных и государственных органов власти в общественной жизни заметную роль играли религиозные служители. Одним из их обязанностей стало разъяснение народным массам необходимости войны, поддержание верноподданнических чувств, как гражданского населения, так и призывников, сбор пожертвований в пользу армии. Циркулярным предложением от 16 августа 1914 года оренбургский муфтий рекомендовал муллам всех подведомственных ему мусульманских приходов организовать сбор пожертвований в пользу больных и раненых воинов. В результате, стараниями приходских мулл к концу 1914 года было собрано 18 847 руб. 93 коп.² Эта работа продолжалась и в дальнейшем. Так уже к 16 февраля 1915 года было собрано только деньгами еще 12 224 руб. 79 коп. Помимо этого люди оказывали помощь вещами и хлебом³. В одном из домов Оренбургского магометанского духовного собрания в Уфе на Воскресенской улице было выделено помещение для устройства лазарета №9 на 20 кроватей⁴.

Неслучайно, именно в годы войны некоторые муллы перестали вызывать подозрение у органов жандармерии. Они на деле демонстрировали свою гражданскую позицию и умеренность взглядов. Например, муллу г.Мамадыша Казанской губернии Мухамета Беркутова местные органы власти стали оценивать в положительных тонах лишь в связи с военными обстоятельствами, до этого он считался «политически неблагонадежным». После объявления мобилизации мамадышский мулла вел патриотическую агитацию среди своих единоверцев, участвовал в сборе пожертвований в пользу раненых воинов, на подарки в действующую армию. В годы войны ему разрешили стать вероучителем Мамадышской русско-татарской школы⁵. Такое же сме-

¹ Астраханский листок. – 1914. – 12(25) августа. – №175.

² Уфимский вестник. – 1915. – 4 января. – №3.

³ Уфимский вестник. – 1915. – 24 февраля. – №43.

⁴ Забытая война. Сто лет (Путеводитель) / Авт.-составитель В.Макарова. – Уфа: Национальный музей РБ, 2014. – С.5.

⁵ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6998. Л.15об.

шение акцентов произошло и в отношении казанского муллы Галимджана Баруди (Галеев). Знаменитый богослов и руководитель популярного новометодного медресе «Мухаммадия», побывавший накануне войны в административной ссылке за свою политическую неблагонадежность, в 1914–1917 гг. стал одним из главных организаторов общественных мероприятий среди мусульман Казани, направленных в пользу армии, семей военнослужащих, беженцев и т.д. Именно Г.Баруди после февральской революции 1917 года избрали оренбургским муфтием, это был первый случай народного избрания главы ОМДС.

Во всех городах и селениях проводились молебны о даровании победы русскому оружию. Они организовывались не только с началом войны, но и в последующем. Например, только в одной Самаре в течение августа 1914 года такие молебствия в мечетях прошли несколько раз¹. Во время манифестаций с портретами царя, гимн «Боже, царя храни» татары пели на родном языке. Например, так было в г.Симбирске². Интересно, что общественность некоторых населенных пунктов выразила свои верноподданнические чувства с заметным опозданием. Телеграмма от лица мензелинских мусульман была направлена в столицу лишь в январе 1915 года. Это объяснялось особенностями жизнедеятельности данного города. Мензелинск оживал и в экономическом, и общественном смысле лишь во время Рождественской ярмарки в начале года. В 1915 году собравшиеся на ярмарку купцы (М.Сеитбатов, Г.Хальфин и др.) инициировали данное молебствие в соборной мечети города и патриотический адрес³. Сразу после совершения намаза в мечети мусульмане обычно делали пожертвования в пользу армии⁴.

В дальнейшем богослужения в мечетях с прославлением русского оружия и Царя устраивались в дни мусульманских праздников (Мавлид, окончание Рамадана, Курбан-байрама и т.д.) или после военных побед. Например, 10 марта 1915 года в Азимовской мечети

---

¹ Волжское слово. – 1914. – 5 августа. – №2045; Волжское слово. – 1914. – 13 августа. – №2051.

² Казанцев А.А. Динамика массовых настроений в российской провинции в период Первой мировой войны: на примере Пензенской, Самарской и Симбирской губерний: дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 2005. – С.47.

³ Уфимский вестник. – 1915. – 13 января. – №9.

⁴ Город Казань. – 1914. – 11 декабря. – №403.

(Казань) ахун Хисамутдин Абдулгафаров провел торжественное молебствие в честь взятия крепости Перемышль. Аналогичные богослужения прошли в этот день и в других казанских мечетях¹.

Мусульманская махалля (приход) являлась одной из основных самоорганизаций татарского общества. Поэтому именно в ее рамках выражалась первичная реакция на войну: сплоченность прихода, наставления имама помогали обуздать наступившую растерянность, страх, гнев или другие эмоциональные проявления, и обратить их в молитву. Муллы продолжали играть в татарском мусульманском обществе значительную роль. Примечательно, что благодаря поправкам в военном законодательстве большинство из них не призывалось на фронт. Однако из-за нехватки военных мулл в армии некоторые молодые священнослужители по своей инициативе уходили на войну, что тоже характеризовало их как людей с высокими нравственными ориентирами.

Мусульманские депутаты, по не зависящим от них причинам (из-за проблем с транспортом), пропустили экстренное заседание Государственной думы 26 июля 1914 года, поэтому их официальная позиция была озвучена 27 января 1915 года, когда народные избранники собрались вновь после долгого перерыва. «...Как в прежние войны, так и теперь, мусульмане неуклонно и честно исполняют свой долг перед Отечеством, защищая и честь, и достоинство его от всяких посягательств извне. Поэтому как в прежние войны, так и теперь, мусульмане беспрекословно представляют Российскому государству своих отцов, сынов, братьев и свое достояние для борьбы с его внешним врагом, – говорилось в выступлении депутата К.Б.Тевкелева. – ... Основание для определения отношения мусульман к настоящей войне вытекает из старых традиций, которые заключаются в том, что мусульмане, сражаясь за Россию с ее врагами, всегда проливали кровь одинаково и наравне с коренным русским населением»². В первую очередь его речь касалась тех российских мусульман, которые еще с середины XVI века служили российскому государству – татар и башкир. Конечно, марксистская историографическая традиция пыталась умалить роль патриотических настроений среди му-

---

¹ Казанский телеграф. – 1915. – 13 марта. – №6529.

² Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. Сборник документов и материалов / Сост. Л.А.Ямаева. – Уфа, 1998. – С.256.

сульман, отрицала всякую приверженность татар к идее российской государственности. Подвергалась критике и речь К.Б.Тевкелева¹. Продолжают эту традицию и некоторые современные исследователи. Слепое следование доносам, отложившимся в фондах жандармерии, приводит их к некорректным выводам о характере массовых настроений среди мусульман в годы войны. На основе жандармских отчетов им приписываются и уклонение от воинской повинности, и нежелание участвовать в пожертвованиях и т.п. «грехи». Хотя более широкий взгляд на проблему, привлечение разноплановых источников дает совершенно иную историческую картину.

Перекликается с официальной точкой зрения татарских и русских газет фрагмент из информационной справки, составленной в начале 1915 года в пропагандистских целях в Министерстве иностранных дел Российской империи. В условиях, когда российских мусульман призывали воевать под флагом османского султана, официальные власти пытались убедить «исламскую заграницу» в полной лояльности своих подданных к Дому Романовых. «Отовсюду получают сведения, характеризующие патриотический подъем мусульман. (...) ... во всех более или менее населенных пунктах были совершены в мечетях богослужения о даровании победы русскому оружию. Подобные же богослужения совершались и по случаю побед наших войск. Мусульмане участвовали в многочисленных патриотических манифестациях. Живое участие принимали мусульмане в пожертвованиях на Красный Крест, на организацию лазаретов, на нужды войны, – говорилось в этом документе. – Наиболее ярким, однако, доказательством того подъема, который охватил наряду со всем населением империи и мусульман является доблестное принятие ими участия в военных действиях»². Как видим, пропагандистская справка в целом отражала реалии того времени: имели место и молебны, и манифестации, и благотворительность (о которой речь пойдет ниже), да и российских мусульман в рядах царской армии было достаточно.

---

¹ Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. – Казань, 2002. – С.90.

² Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.). Сборник материалов / Сост. Д.Ю.Арапов. – М.: Наталис, 2006. – С.438.

Благотворительная деятельность

Показателем отношения общества к войне являлась благотворительная деятельность. К началу 1915 года татарская общественность, в лице мусульманских благотворительных обществ и временных комитетов, развернула активную деятельность по сбору помощи солдатам и семьям призванных на войну, раненым и другим нуждающимся. Первые благотворительные организации, учрежденные татарами, возникли еще во второй половине XIX века и за более чем полувековой период существования набрались достаточного опыта в деле призрения. Поэтому многие из них отреагировали на возникшую ситуацию довольно быстро. 24 июля 1914 года на заседании Мусульманского благотворительного общества г.Оренбурга было принято решение о пожертвовании 1 000 рублей в пользу раненых на войне и сборе новых средств¹. Первая реакция последовала не только от профильных организаций, занятых главным образом социальным призрением, но и от других объединений. 21 июля 1914 года по предложению старшины Восточного клуба (Казань) учителя и писателя Гафура Кулахметова общее собрание членов постановило пожертвовать на нужды военного времени 100 рублей².

Многие общественные организации сумели легализоваться только с началом войны. Огромные масштабы бедствия требовали организованной социальной помощи. И здесь нельзя было обойтись без поддержки государства общественными объединениями. Вероятно, поэтому в военные годы значительно быстрее утверждались уставы мусульманских благотворительных организаций. Например, 28 октября 1914 году был утвержден устав мусульманской богадельни Общества пособия бедным мусульманам г.Казани. При этом фактически богадельня работала с 1900 года, с этого же времени устав находился на рассмотрении у чиновников. Таким образом, около четырнадцати лет богадельня просуществовала без официального регламентирующего документа³. В 1913 году с инициативой об откры-

¹ Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губернии). – Уфа, 2002. – С.208.

² Город Казань. – 1914. – 22 июля. – №289.

³ Салихов Р.Р. Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX в. – Казань, 2004. – С.245.

тии «Симбирского мусульманского общества» выступили потомственный почетный гражданин И.Акчурина, купец Н.Хамидуллин и крестьянин М.Бахтеев. Но сославшись на ряд неточностей в уставе, его не утвердили¹. Удалось зарегистрировать «Мусульманское общества в г.Симбирске» в мае 1915 года. Целью общества определили помощь бедным, в том числе просвещение детей бедных мусульман². Очевидно, что в годы войны благотворительные общества открывались не только из-за уменьшения бюрократической волокиты, по давним инициативам, но и из-за военных обстоятельств. Увеличение числа нуждающихся: раненых и больных, сирот и нищих как нельзя актуализировали вопросы социального призрения.

В конце 1914 года открылось Стерлитамакское мусульманское благотворительное общество под председательством члена уездной земской управы А.Тукаева³. Общества открывались не только в городах, но и в селах. В январе 1915 года жители села Верхние Киги Златоустовского уезда Уфимской губернии радовались утверждению, «после долгих хлопот», устава местного мусульманского общества вспомоществования. Конечно, одним из главных направлений деятельности должен был стать сбор средств на нужды войны. Вместе с тем, члены общества планировали и открытие ремесленного училища в селе⁴.

По данным О.С.Мясниковой, в июле 1914 года в Министерстве внутренних дел возник вопрос о характере деятельности татарских общественных организаций. В результате, министр Н.А.Маклаков остановился на том, что следует утверждать уставы лишь мусульманских благотворительных обществ, а рассмотрение уставов культурно-просветительских объединений или обществ «смешанного типа» было «временно приостановлено»⁵. Впрочем, уже весной 1915 года стало функционировать «Петроградское общество распространения знаний среди русских мусульман». Его устав был утвержден Министерством торговли и промышленности. Членами общества

---

¹ ГАУО. Ф.76. Оп.1. Д.79. Л.8–8об.

² ГАУО. Ф.76. Оп.1. Д.90. Л.7, 6.

³ Уфимский вестник. – 1915. – 8 января. – №5.

⁴ Уфимский вестник. – 1915. – 17 января. – №13.

⁵ Мясникова О.С. Мусульманское население г.Петрограда в 1914 – нач. 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2004. – С.79–80.

могли быть лица обоего пола, живущие во всех губерниях России. В общество мог вступить любой желающий, вне зависимости от национальной, конфессиональной или сословной принадлежности¹. С 1916 года действовало Оренбургское мусульманское музыкально-драматическое общество, учрежденное местными купцами Х.М. и А.А.Хусаиновыми, редактором газеты «Вақыт» Ф.Карими, редактором газеты «Казак» А.Байтурсуновым и другими лицами².

Кроме благотворительных и просветительских обществ, учреждались различные временные комитеты узкой направленности. В Казани в августе-сентябре 1914 года появились мусульманские комитеты по сбору средств на лекарства раненым воинам и организации мусульманского лазарета. Активными участниками этих комитетов были редактор газеты «Юлдуз» А.Максуди и имам 5-й соборной мечети Г.Баруди, купец С.Аитов и другие известные люди города³.

23 сентября 1914 года в Петрограде было зарегистрировано «Общество помощи раненым воинам и их семьям, организованного русскими мусульманами»⁴. К началу 1915 года отделения этого общества возникли и в других городах. Например, в апреле 1915 года местный мусульманский отдел Петроградского мусульманского комитета помощи раненым воинам и их семьям учредили в Казани. Активистами комитета были С.Аитов, Г.Шараф, С.Губайдуллин, Ф.Агеев, Г.Апанаев, А.Максуди и другие⁵. Действовало отделение в Чистополе. Достаточно много отделений Общества функционировало в Уфимской губернии – 9. Всего согласно первому отчету комитета, опубликованного в начале 1915 года, в разных населенных пунктах империи было открыто 34 отделения⁶.

В пользу раненых воинов отчислялась коммерческая прибыль некоторых татарских предприятий. Например, в сентябре 1914 года

---

¹ Уфимский вестник. – 1915. – 7 марта. – №53.

² Татарское общество Оренбургской губернии (в дореволюционной печати и архивных документах) / Сост. Ф.Бектемиров. – Оренбург, 2014. – С.57.

³ У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие Казани в годы Первой мировой войны. 1914–1917). Сборник документов и материалов. Кн.2. – Казань, 2003. – С.21, 25, 33, 36.

⁴ Мясникова О.С. Указ. соч. С.84.

⁵ Казанский телеграф. – 1915. – 9 апреля. – №6548.

⁶ Камско-Волжская речь. – 1915. – 21 мая. – №111.

полный сбор с пятничного сеанса кинематографа «Свет» (располагался в Татарской слободе г.Казани), в размере 103 руб. 68 коп. поступил в распоряжение местного отделения Красного креста¹. Очевидно, что это был не единственный благотворительный сеанс в «Свете». Владел данным кинематографом мещанин Ш.Ишмухаметов. Вообще, культурно-развлекательные мероприятия (концерты, спектакли и т.п.), организованные с целью благотворительного сбора, стали характерным явлением военного времени. Спектакли начали ставить даже в сельской местности. В январе 1915 года впервые организовала театральное представление на татарском языке молодежь с.Мелеуз Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. Инициатором благотворительного театрального показа выступила местная учительница Р.В.Урманцева. Молодежь как морально, так и материально поддержал авторитетный купец Х.Г.Усманов. Зал был полный, а «приезжей публике из других деревень за неимением билетов пришлось отказать»². Подробнее о таких культурных начинаниях будет сказано в параграфе о татарской культуре в 1914–1917 гг.

Общественную активность проявляли татарские предприниматели разных городов империи. Например, на средства челябинского купца Шакира Ахметова были подготовлены предметы первой необходимости для 336-го Челябинского пехотного полка: он приобрел для солдат 505 фунтов табака, 4 ящика спичек, 20 фунтов мыла, 320 листов курительной бумаги и другие нужные вещи³. К сожалению, такого рода частные инициативы преподносились недоброжелателями в совершенно ином свете. На Шакира Ахметова в апреле 1916 года поступил донос в Оренбургское жандармское управление, где говорилось о том, что он производит среди мусульман сбор денег в пользу Турции. Однако после проверки данного сообщения оказалось, что челябинский предприниматель занимался сбором пожертвований исключительно в пользу российских воинов⁴.

---

¹ Город Казань. – 1914. – 7 сентября. – №327.

² Уфимский вестник. – 1915. – 10 января. – №7; Уфимский вестник. – 1915. – 23 января. – №18.

³ Рязанский И.В. Тыловая российская повседневность в условиях Первой мировой войны: Южный Урал в июле 1914 – феврале 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2006. – С.179.

⁴ ГАОО. Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.333.

Некоторые горожане состояли в различных городских комитетах по сбору помощи раненым воинам и их семьям. Например, в городах Вятской губернии не было многочисленных татарских общин и соответствующих мусульманских общественных объединений. Но татары подключались к работе других благотворительных организаций. Так малмыжский мещанин Г.Хамидуллин являлся членом «уездного отдела комитета Общества помощи семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения Вятской губернии, призванных в мобилизацию 1914 года»¹.

Наряду с мужчинами заняты были благотворительной работой и женщины – представительницы интеллигенции, дворянских и купеческих семей. Летом 1914 года в Москве возник «Комитет мусульманских женщин для помощи русским воинам». Функционировало в этом городе и Женское мусульманское общество. Активистки этих объединений участвовали в сборе пожертвований. «Мусульманские женщины продавали флаги в своих оригинальных богатых национальных костюмах. В числе продавщиц были: женщина врач Софья ханум Сыртланова, Альша ханум Асанович, Гюльсум Тагиева, Агеева, Ерзина и другие», сообщали газеты в конце августа 1914 года². Такой же комитет, под руководством представительниц купеческого рода Яушевых, работал в г.Троицке Оренбургской губернии. В Казани взяла на себя организацию благотворительной работы владелицы частных женских школ Фатиха Аитова, Лябиба Хусаинова, Гайша Барудия, а также Зайнаб Хасания и другие известные татарские женщины.

Одним из благотворительных акций первого периода войны был день Красного Креста (27 сентября 1914 года): средства собранные с продажи этого изображения шли в пользу раненых. Однако не все мусульмане готовы были купить предметы с христианской символикой. Поэтому альтернативой красному кресту была выбрана красная звезда. Обоснованию этого выбора была посвящена статья Ахметхадиди Максуди в газете «Юлдуз». В частности он писал о том, что «татары никогда не поклонялись звезде» но всегда признавали ее практическую пользу, и использовали как путеводитель, собственно само слово звезда по-татарски, по мнению журналиста, можно было ин-

---

¹ Рафиков А.М. Татарское купечество Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX века. – Киров, 2013. – С.154.

² Город Казань. – 1914. – 29 августа. – №320.

терпретировать как словосочетание «прямая дорога» (юлдуз – юл төз)¹. «Пусть не останется ни одного дома, куда бы не вошла «красная звезда» и не будет ни одного татарина, у которого на груди не было бы “красной звезды”», – писала газета². Вероятно, редактор умышленно не упомянул в своей статье связь красной звезды с османской символикой, но для большей части татарского общества эта связь и так была очевидна.

«Дни звезды» проводились и в других городах. На 26 июня 1915 года такой день прошел в Уфе. Средства от продажи значков направлялись в Петроградский Временный мусульманский комитет по оказанию помощи воинам и их семьям. Организатором «Дня звезды» являлось уфимское отделение комитета. Активистами комитета были известные предприниматели города (С.Шамгулов, Г.Усманов, С.Назирова и другие). «Перед мусульманскими домами на улицах развешивались большие плакаты с надписью “мусульмане воинам”», – сообщали газеты. Продавала значки на улицах города местная мусульманская молодежь³. В ряде городов возникли трудности с проведением дня Красной звезды. В прессе заявлялось о том, что сорвано было такое мероприятие в Ташкенте. Комитет не ограничился лишь продажей флажков со звездой, но и хотел установить ее в качестве отличительного знака для своих отделов и отрядов. Однако ходатайство по этому поводу было отклонено Министерством внутренних дел, с формулировкой о том, что «такого рода звезда является одним из составных элементов турецкого герба, почему Министерство находило пользование таким изображением недопустимым, независимо от того или иного его значения как религиозного символа»⁴. Вероятно, на этом прекратило свое существование и одна из благотворительных акций первых лет войны – продажа флажков с красной звездой. По крайней мере, начиная с 1916 года нет упоминаний о подобных днях.

Между тем, религиозные атрибуты играли важную роль в благотворительной деятельности. Перед принятием решения об открытии

---

¹ У милосердия древние корни.... – С.44–45.

² НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6188. Л.134.

³ Уфимский вестник. – 1915. – 9 июня. – №125; Камско-Волжская речь. – 1915. – 4 июля. – №147.

⁴ Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.). Сборник материалов / Сост. Д.Ю.Арапов. – М.: Наталис, 2006. – С.458.

мусульманского госпиталя в Казани часть общественности задавалась вопросом об отношении шариата к таким учреждениям, мол, не запрещено ли. Однако богословы заверили сомневающихся в том, что не только можно, но и нужно открывать богоугодные заведения. Госпиталь планировали устроить на 50 кроватей. На его годовое содержание со всем необходимым оборудованием требовалось 18 334 руб. 45 коп. Для аренды помещения нужны были дополнительные расходы¹. Размещение госпиталя планировалось в доме купца Галикеева на улице Московской. Но поскольку помещение было уже сдано до 1 января 1915 года, до этого времени собирались платить аренду съёмщикам в размере 100 рублей в месяц, в дальнейшем, по согласованию с владельцем дома, помещение должно было предоставляться бесплатно². Для устройства мусульманского лазарета привлекли специалистов-медиков из мусульман. Так закупали медикаменты женщины-врачи С.Агиева, М.Девлет-Кильдеева. В хозяйственном комитете состояли врач А.Терегулов, адвокат С.Алкин, общественный деятель С.Максуди и другие образованные лица. Сбором пожертвований на нужды госпиталя занимались в основном купцы и муллы: С.Галикеев, А.Ишмуратов, С.Аитов, И.Утямышев, Г.Галеев, С.Мусин, Г.Мукминов, С.Хасанов, М.Каримов, Б.Апанаев, А.В.Юнусов, А.Иштиряков, Г.Сайфуллин, Г.Шараф, Г.Максудов, С.Иманкулов. При этом сразу же после объявления о необходимости организации мусульманского госпиталя по подписке было собрано 7 963 рубля.

Мусульманский лазарет в Казани торжественно открылся 2 ноября 1914 года, в церемонии открытия присутствовали губернатор, городской голова, военные начальники. С торжественной речью на татарском языке выступил инициатор и один из организаторов мулла Г.Баруди, на русском языке – С.Алкин, С.Максуди. Почетные гости оценили удобство и просторность помещения³. К слову, число кроватей в итоге было доведено до 60. Заведующим больницей стал Абубакир Терегулов, а вторым врачом Суфия Агиева (Кулахметова). Фельдшеры в госпитале были преимущественно русскими, сестрами милосердия служили татарки. Жена Г.Баруди заведовала пошивом

¹ Казанский телеграф. – 1914. – 16 сентября. – №6387.

² Казанский телеграф. – 1914. – 3 октября. – №6401.

³ У милосердия древние корни... – С. 61–62.

белья для госпиталя. Вероятно, основную работу выполняли ее ученицы. Помогали им и ученицы школы Ф.Аитовой¹.

Татарские купцы между собой договорились о том, что по очереди в каждую пятницу будут носить подарки раненым нижним чинам мусульманского госпиталя. Самым первым раздавал подарки предприниматель Измаил Утямышев².

Содержание госпиталя требовало больших финансовых затрат: помимо покупки инвентаря, лекарства и пищи для раненых, надо было платить жалованье служащим, оплачивать отопление помещения. Все расходы оплачивались исключительно из пожертвований. Например, на 1 января 1915 года мусульманами было собрано 10 014 рублей на нужды госпиталя. Из этих денег 1905 руб. ушло на ремонт помещения, 1094 руб. – на приобретение инвентаря, 1906 руб. – на питание, 974 руб. – на жалованье работникам в течение двух месяцев³.

В Казань ежедневно прибывали поезда и пароходы с ранеными. В некоторые дни в губернский город привозили более 400 человек⁴. Часть отправлялась в другие города, часть оставалась в Казани. Согласно постановлению Общегородского союза помощи больным и раненым воинам и семьям запасных в начале войны во всей Казанской губернии власти должны были организовать госпитали на 9000 коек, причем только в Казани – медицинские учреждения на 4 500 коек⁵. Госпитали работали в разных районах Казани, в том числе в Кремле (Лазарет военного ведомства). Открывали свои госпитали коммерческие предприятия (например, Торгово-промышленное общество Алафузовых, завод Крестовниковых), общественные объединения. Раненых принимали представители лишь трех ведомств (Красного Креста, земства и городского самоуправления), к этой работе не допускались санитары-добровольцы⁶. Только официально допущенные ведомства распределяли бывших бойцов по медицинским учреждениям, т.е. лазареты не могли принимать больных прямо на вокзале или пристани.

---

¹ Казанский телеграф. – 1914. – 2 ноября. – №6427.

² Казанский телеграф. – 1914. – 14 ноября. – №6436.

³ Казанский телеграф. – 1915. – 14 января. – №6481.

⁴ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1493. Л.19.

⁵ Казанский телеграф. – 1914. – 20 сентября. – №6391.

⁶ НА РТ. Ф.1. Оп.5. Д.1358. Л.186об.

Конечно, в одном лишь Мусульманском госпитале Казани не могли разместиться все солдаты-мусульмане. Они были разбросаны по всем городским лазаретам. Раненые нуждались не только в медицинском уходе, но и в моральной поддержке. Например, неслучайно в письмах родным они часто жаловались на нехватку литературы на родном языке. В этой связи мулла 5-й соборной мечети Казани, известный общественный деятель и богослов Галимджан Баруди выступил с предложением о необходимости посещения в городских госпиталях раненых и больных солдат мусульманскими священнослужителями для религиозных бесед¹. Однако Городская управа не всем казанским муллам разрешила посещение единоверцев, право проведения духовных бесед с ранеными получили только несколько ахунов². В отличие от казанских лазаретов, порядок работы московских госпиталей, очевидно, был немного другим. Например, студент Гали Рахим писал о том, как посещал раненых мусульман в московских лазаретах, записывал их песни и байты. Это стало возможно после того, как Московское мусульманское благотворительное общество выхлопотало разрешение на посещение солдат-мусульман учащими-татарами. Татарские студенты и студентки помогали ранеными писать и читать письма, приносили им книги и газеты на родном языке. В своей статье Г.Рахим отмечал еще о том, что осенью 1914 года, по инициативе московских студентов-мусульман, пациентов отпустили на торжественный молебен в мечети во время Курбан-байрама. «В день праздника на лицах стоявших у дверей мечети солдат сиял луч радости. Постарались побывать в Божьем храме даже такие, которые лишь с трудом могут передвигаться на костылях. После богослужения благодетельные мусульмане москвичи уводили по нескольку человек раненых к себе и угощали их праздничным чаем или обедом», – писал он³.

Аналогичную активность проявляла в это время и мусульманская учащаяся молодежь в Петрограде. По сообщению газеты «Кояш», студенты и студентки образовали особую комиссию (из шести человек), целью которой было оказание материальной и духовной

---

¹ Казанский телеграф. – 1914. – 26 ноября. – №6445.

² Город Казань. – 1914. – 18 декабря. – №403.

³ Рахим Г. Среди раненых-мусульман // Инородческое обозрение. Кн.11-я. – Казань, 1915. – С.857.

помощи раненым-мусульманам местных госпиталей. Для этого город был разделен на районы, в каждом из них назначили ответственных лиц. Петроградская молодежь делала тоже самое, что и московская: приносили газеты и журналы, помогала писать письма и т.д. Тем, кто выздоровел и снова отправлялся на фронт, они помогали одеждой, деньгами. Старались помочь с дорожными расходами и тем солдатам, которые после госпиталя из-за неудовлетворительного состояния здоровья отправлялись домой. Газета отмечала, что среди раненых солдат в петроградских больницах очень много мусульман и обращалась к своим читателям с просьбой оказать материальную поддержку столичной мусульманской молодежи¹.

В тот же период Петроградское мусульманское благотворительное общество, функционировавшее в столице с 1898 года, собиралось организовать Мусульманский полевой госпиталь. Осуществить эту идею столичные общественные деятели планировали не только своими силами, привлекли и мусульманские объединения из других губерний. К ноябрю 1914 года из 83 обществ ответ получили от 43. Среди них были мусульманские благотворительные общества из Одессы, Оренбурга, Керчи, Челябинска, Саратова, Москвы, Омска. Одним из первых перечислило 32 тысячи рублей Бакинское общество². По инициативе мусульман лазареты появлялись и на местах. Например, уфимский купец и благотворитель Абдулатиф Хакимов передал свой дом на Бекетовской улице (д.№5) в Уфе под лазарет №7 на 37 коек. На свои средства он оборудовал там 20 коек³. В Оренбурге мусульманский лазарет с осени 1914 года функционировал в здании медресе «Хусаиния»⁴. В начале войны планировалось, что под лазарет будет предоставлено здание местного мусульманского благотворительного общества, где планировалось размещение 30 кроватей⁵. Вероятно, позднее общественность решила, что более подходящим будет здание «Хусаинии», хотя там пришлось отменить занятия.

¹ Иностранное обозрение за июнь 1915 года. Кн.11-я. – Казань, 1915. – С.852–853.

² Казанский телеграф. – 1914. – 6 ноября. – №6429.

³ Забытая война. Сто лет (Путеводитель) / Авт.-сост. В.Макарова. – Уфа: Нац. музей РБ, 2014. – С.5.

⁴ ГАОО. Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.142об.

⁵ Татарское общество Оренбургской губернии (в дореволюционной печати и архивных документах) / Сост. Ф.Бектемиров. – Оренбург, 2014. – С.53.

Летом 1915 года степной мусульманский лазарет в 15 верстах от г.Уральска, на берегу реки Барбастав, организовали местные мусульмане. Кочевой госпиталь был рассчитан на 20 мест. Больные помещались «в очень хороших войлочных кибитках, расположенных кругом», – сообщалось в прессе. В середине круга была возведена деревянная столовая. Одним из жертвователей стал купец г.Уральска Фатых Шарифов. В кочевом лазарете имелось и небольшое приусадебное хозяйство: здесь держали 25 кобылиц и 4 верблюдов для курыса. Заведовала госпиталем женщина-врач Парфенова¹.

Уже в апреле 1915 года, члены мусульманского госпитального комитета в Казани приняли решение об увеличении числа коек до 75. Для этого требовалось еще 25 тысяч рублей. Собравшиеся участники собрания выразили уверенность в том, «что состоятельные мусульмане, как и в минувшем году и теперь не откажут в добровольных взносах на содержание своего госпиталя и решили немедленно же приступить к сбору пожертвований». На этом собрании по подписке была собрана солидная сумма в размере 6 200 рублей. Члены комитета планировали содержать мусульманский госпиталь за счет будущих пожертвований до 1 октября 1917 года².

Помимо госпиталей для раненых и больных солдат со временем актуальным стал вопрос и об оказании помощи инвалидам войны. С этой целью недалеко от Казани близ Раифской пустыни планировалось строительство Дома инвалидов. Большинство горожан и жителей губернии приняли участие в благотворительных сборах. Специально для татарского населения был выпущен плакат³, где надпись о целях сбора выполнена арабской графикой на татарском языке. На красочном плакате изображен солдат-инвалид и старик, указывающий в сторону прекрасного особняка в центре парка. Именно так виделась адаптация инвалидов войны казанской общественности: она собиралась создать для них некое подобие санатория. К концу 1915 года населением губернии было собрано 59 300 рублей, в сосновом лесу на эти деньги возведено Центральное здание, где планировалось размещения амбулатории, конторы, комнат для посетителей, читаль-

---

¹ Камско-Волжская речь. – 1915. – 8 июля. – №150.

² Камско-Волжская речь. – 1915. – 14 апреля. – №81; Казанский телеграф. – 1915. – 20 октября. – №6702.

³ Хранится в фонде НМ РТ.

ни, зала для богослужения и музея войны. Кроме того, были построены три павильона, каждый из которых был рассчитан на 15 человек. Таким образом, дом инвалидов вмещал 45 больных. В строительный комплекс входили еще кухня, столовая, баня, прачечная, квартира смотрителя, помещения для служащих и прислуги, барак для заразных больных и другие хозяйственные постройки. Задумка Казанского губернского земского собрания отличалась от городских госпиталей, организованных на скорую руку, своей основательностью и необычным местоположением¹.

Благотворительная помощь требовалась не только военнослужащим, но и их семьям. В годы войны увеличилось количество сирот. Некоторые солдаты, особенно из мещанских семей, работали на заводах и фабриках. Их дети особенно нуждались в прирзрении. Для этих целей организовывались ясли или же приюты. 7 ноября 1914 года в Самаре открылся приют-ясли для детей татар-военнослужащих. Приют был организован городским попечительством. Живое участие в организации приняли и представители местной татарской общины: мулла Ф.Муртазин, предприниматель и гласный городской думы М.Баишев и другие люди. На открытии приюта из официальных лиц присутствовали самарский губернатор Н.В.Протасьев, городской голова С.Е.Пермяков, председатель городского попечительства Е.Т.Кожевников².

Вопрос об открытии приюта-убежища для бедных мусульман, «оставшихся после погибших в настоящей мировой войне солдат-мусульман» обсуждался и членами Мусульманского благотворительного общества в Петербурге. Но идея, судя по всему, не была реализована³.

В 1915 году в г.Акмолинске строил на свои средства каменное здание приюта для сирот петропавловский предприниматель Нурмухамед Забиров. Он был известным благотворителем в г.Петропавловске. В Акмолинске никогда не было своего приюта, идея о его строительстве возникла после замечания акмолинского губернатора местной городской думе. Тогда Забиров предложил на свои средства

---

¹ Казанский телеграф. – 1915. – 12 декабря. – №6746.

² Волжское слово. – 1914. – 8 ноября. – №2118.

³ Мясникова О.С. Мусульманское население г.Петрограда в 1914 – нач. 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2004. – С.100.

(15 тысяч рублей) отстроить здание и передать его в распоряжение городских властей. При этом благотворитель собирался содержать в нем за свой счет 5 мальчиков сирот из мусульман¹.

Различные эпизоды благотворительности можно было бы привести очень долго. Практически в каждом городе встречались активные предприниматели, принявшие посильное участие в общественном призрении. Вообще готовность сделать пожертвование в пользу нуждающихся являлась характерной чертой менталитета как татарского купечества, так и в целом российского предпринимательства. Отдельный вопрос их мотивация. В мирное время благотворительная деятельность рассматривалась торговцами и промышленниками, в том числе, и в качестве элемента социального престижа, как своеобразное вложение в свой символический капитал. Конечно, война представляет собой совершенно иную реальность, но определенная избирательность купечества в деле призрения наводила татарскую интеллигенцию на некоторые выводы. «Я не хочу верить тому, что господа, каждый день устраивающие театры, вечера в пользу раненых воинов, Красного креста, делают это только ради получения медалей и “спасибо”», – писал Гаяз Исхаки в 1915 году, осуждая индифферентность семипалатинских купцов к бедственному положению карских мусульман². Справедливости ради надо отметить, что в пользу мусульман Карской области были собраны солидные пожертвования, об особенностях этой благотворительной кампании будет сказано отдельно.

Таким образом, в силу разницы в материальном положении не все члены татарских общин принимали одинаковое участие в благотворительной работе. Конечно, в деле оказания социальной помощи лидировали представители торгового сословия. Поэтому и пожертвования горожан исчислялись десятками тысяч рублей, тогда как в сельских приходах муллы собирали лишь сотни рублей. Но для небогатых семей даже копейки, выделенные на благотворительность, представляли большую ценность. Поэтому неудивительно, что не все прихожане охотно отвечали на призыв о помощи. К слову, это было характерно не только для мусульманских общин деревень, но и в целом для крестьянства. Несмотря на это сельчане не могли идти против воли представителей волостных правлений или же мулл, поэто-

¹ Уфимский вестник. – 1915. – 12 апреля. – №80.

² Исхакий Г. Эсэрлэр. – Т.7. – Казан, 2008. – Б.41.

му, пусть в меньших размерах, они сдавали и свои кровные деньги в пользу армии, покупали флажки, изображения царя, собирали всем миром призванных на фронт односельчан, возили мобилизованных на своих подводах и т.д. Пожалуй, не было в татарском обществе ни одной семьи или человека прошедшего мимо этой общей трагедии и не проявившего милосердия.

Несбывшиеся надежды: вопрос о муфтии

В условиях войны одним из актуальных вопросов второй половины 1915 года стал вопрос о муфтии, который напрямую был связан с религиозной самоорганизацией мусульман, и поэтому очень горячо обсуждался в среде духовенства, интеллигенции и буржуазии. Глава Оренбургского магометанского духовного собрания – муфтий Мухамедьяр Султанов, занимавший эту должность с 1886 года, скончался 12 июня 1915 года.

Во главе Оренбургского магометанского духовного собрания всегда стояли ставленники высшей государственной власти, поэтому они часто не имели должного духовного образования. Муфтиями становились бывшие военные, чиновники. Так и Мухамедьяр Султанов до отъезда в Уфу служил городским мировым судьей в Мензелинске¹. Начиная карьеру будущий муфтий в башкиро-мещеряцком войске, в 1861–1866 гг. служил кантонным начальником в Мензелинском уезде Уфимской губернии².

Несмотря на чиновничье прошлое муфтий Султанов сумел завоевать доверие мусульманской уммы. В 1905 году он выступил одним из инициаторов общественного движения российских мусульман, обратившись с петицией в Кабинет министров, где требовал равноправия для дипломированных мусульман-преподавателей в сфере образования (им запрещалось преподавать не мусульманам). Кроме того, муфтий обратил внимание на проблему мусульманского духовенства: в армии отсутствовали военные муллы, а сами муллы подчинялись губернатору и могли удаляться с должности по его указанию. Последнее глава ОМДС считал крайне несправедливой мерой³.

¹ Волжский вестник. – 1886. – 30 января. – №24.

² Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. – Уфа: Гилем, 1999. – С.43.

³ Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Общественное движение мусульман-татар: итоги и перспективы. – Нижний Новгород, 2005. – С.31.

В 1911 году широко праздновался 25-летний юбилей службы М.Султанова в качестве муфтия. Он был довольно авторитетной фигурой. В этой связи очень любопытным представляется случай, описанный С.Минцловым. Муфтий М.Ш.Султанов пришел на прием к уфимскому губернатору И.Н.Соколовскому. Писатель подчеркивает, что «это глава местного мусульманского духовенства, старик, человек, окончивший университет, и весьма почтенный сам по себе». Главу Магометанского собрания провели в приемную, но губернатора он так и не дождался. Через два часа ожидания, муфтий предпочел покинуть губернаторский дом. «Старик, наконец, не выдержал, встал и обратился к чиновнику для особых поручений: «Передайте вашему начальнику, что таких как он, губернаторов в России 53 человека, а таких, как я – всего двое; так поступать неприлично!», – передает С.Р.Минцлов¹.

После смерти М.Султанова сразу возник вопрос о том, кто станет его преемником. Татарская общественность очень надеялась, что официальные власти будут руководствоваться не только своими соображениями, но и прислушаются к мнению прихожан. «Только выборные лица считаются у нас достойными слугами Божьих заветов, только избранники верующих могут стоять во главе нравственного просветительного дела, – писал адвокат С.Алкин, – При учреждении нашего магометанского духовного собрания законодатель всецело примкнул к этому принципу и приходское мусульманское духовенство ставится по началу избрания такового приходом. Но централистские тенденции отразились на вопросе о высшей духовной инстанции – муфтиате, и в соответствии с господствовавшими тогда взглядами решено было главу нашего духовенства ставить по назначению от правительства». Он же отмечал о том, что при жизни уважаемого М.Султанова общественность не поднимала вопроса о необходимости народного избрания муфтия². Поэтому обсуждения начались лишь после его смерти.

В различных уголках империи шли обсуждения кандидатуры будущего муфтия. 19 июня 1915 года в здании Усмановского медресе в Уфе состоялось собрание местных мусульман во главе с Ш.Енике-

---

¹ Минцлов С.Р. Уфа. Дебри жизни. Дневник 1910–1915 гг. – Уфа: Баш. кн. изд-во, 1992. – С.102.

² Алкин С. Вопрос о муфтии // Казанский телеграф. – 1915. – 18 августа. – №6652.

евым, где обсуждался вопрос о новом муфтии. Всего собралось 150 человек. Как наиболее желательные кандидаты были названы следующие лица: К.П.Тевкелев (член 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Гос. думы от Уфимской губернии), А.М.Биглов (бывший председатель Белебеевской уездной управы и член 1-й Гос. думы), Р.Ш.Сыртланов (капитан генерального штаба) и С.Максуди (член 3-й Гос. думы от Казанской губернии)¹. По всей видимости, реакцией на это совещание стало заявление 23 имамов в казанской газете «Кояш» от 6 июля 1915 года, где авторы доказывали необходимость назначения на должность муфтия человека имеющего религиозное образование. 7 июля в этой же газете появилась заметка Биккулова, в которой защищалось противоположное мнение. В отличие от почтенных имамов казанская молодежь наоборот считала, что мусульманской уммой Оренбургского духовного округа должно руководить лицо, имеющее светское образование, а его религиозные знания считались предпочтительными, но не обязательными². Через несколько дней, 12 июля 1915 года в номерах «Болгар» прошло закрытое совещание мусульманского духовенства. В совещании приняло участие большинство городских мулл, при этом были удалены представители татарской прессы (читай, молодежь). Собрание не выдвинуло определенной кандидатуры, а лишь ограничилось заявлением о том, что место муфтия должно занять лицо духовного звания, т.е. не чиновник, а религиозный служитель. Участники собрания планировали телеграфировать о постановлении совещания министру внутренних дел³.

Издатель газеты «Вақыт», золотопромышленник З.Рамеев предлагал провести на страницах своей газеты опрос и собрать предложения читателей по поводу кандидатуры нового муфтия. Сам предприниматель в частной переписке редакторам Р.Фахретдину и Ф.Кариму писал о том, что в этой роли видит, прежде всего, своего родственника, общественного деятеля С.Максуди. При этом бывший депутат Госдумы – З.Рамеев трезво оценивал ситуацию и отмечал, что еще не было практики народного избрания муфтия, но все же надеялся на внимание со стороны государственных органов власти к

¹ Уфимский вестник. – 1915. – 21 июня. – №136.

² Камско-Волжская речь. – 1915. – 11 июля. – №152.

³ Казанский телеграф. – 1915. – 14 июля. – №6624.

мнению мусульманской общественности¹. Как сообщали жандармские органы, мусульмане считали «вопрос о назначении муфтия пробным шаром для определения «что они могут» и насколько правительство считается ими»².

Петроградская и московская мусульманская общественность ходатайствовала о необходимости проведения специального съезда, в котором можно было бы обсудить кандидатуры будущего муфтия. Заявление об этом, за подписью более 100 человек, было вручено депутату К.Тевкелеву для передачи министру внутренних дел³.

Однако в Петрограде решили по-своему и в июле 1915 года назначили на должность оренбургского муфтия местного ахуна, имама Петербургского военного округа Мухаммед-Сафу Баязитова, сына петербургского муллы, издателя газеты «Нур» Атауллы Баязитова (1846–1911). Неизвестно чем именно руководствовались в Министерстве внутренних дел, но в фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий сохранилась докладная записка имама д.Медиак Челябинского уезда Оренбургской губернии Мухаммад-Габдулхая Курбангалиева от 15 июля 1915 года, где он от лица консервативной части татарского общества называл «подходящим лицом» на должность муфтия М.-С.Баязитова. Здесь же имам писал о том, что «татарская печать в глазах мусульманского населения не имеет значения, мало того, даже нелюбима им. Поэтому на шум, поднятый ими, нельзя смотреть как на общее мнение мусульман. Если они обратятся со своими просьбами к правительству, то к ним нужно относиться с особой осторожностью». Любопытно, что перевод прошения М.-Г.Курбангалеева с татарского языка на русский был сделан самим фигурантом доклада – ахуном Баязитовым⁴.

Родившийся в 1885 году Мухаммед-Сафа Баязитов получил хорошее образование, сочетавшее в себе и религиозное воспитание, и светское обучение (учился в медресе «Мухаммадия», а также на факультете восточных языков Петербургского университета). Помогал

---

¹ Бертуган Рэмиевлэр. Фэнни-биографик жыентык. – Казан: Рухият, 2002. – Б.336–337.

² ГАОО. Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.240об.

³ Камско-Волжская речь. – 1915. – 14 июля. – №154.

⁴ Документы и материалы по истории башкирского народа (1900–1940) / Сост. М.М.Кульшарипов и др. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – С.61–64.

отцу издавать газету, после смерти А.Баязитова «Нур» выходил еще несколько лет и прекратил свое существование перед войной – 22 июня 1914 года. С 1911 года М.Баязитов являлся имамом 2-го мусульманского прихода в Санкт-Петербурге, затем стал ахуном города и имамом Петербургского военного округа. Кроме того, он преподавал исламское вероучение в военных учебных заведениях, в Министерстве иностранных дел образованного имама привлекали в качестве переводчика¹. Сохранилась статья Габдуллы Тукая о пребывании в гостях у М.Баязитова в Петербурге в 1912 году. Поэт характеризует его как человека общительного и эрудированного, весьма гостеприимного и приятного².

Но несколько лет спустя фигура М.Баязитова в образованных татарских кругах стала восприниматься совсем в другом ключе. Связано это было с его политической деятельностью. В начале 1914 года он организовал Всероссийский союз мусульман («Сырат аль-мустанким»). Современники оценивали характер этого союза как черносотенный, строго монархический. Свое недовольство этим назначением выразили мусульманские депутаты IV Государственной думы. Депутат И.А.Ахтямов в речи от 8 марта 1916 года говорил о том, что «почти во всех татарских газетах на это лицо указывалось как на самое нежелательное на посту оренбургского муфтия». В этой связи, он обвинил в непродуманных действиях, прежде всего, Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД³. Сразу после назначения М.Баязитова на пост муфтия члены мусульманской группы IV Государственной думы подписали коллективный протест⁴. Но этот документ не обладал никаким решающим голосом. И после его обнаружения со стороны властей не последовало никаких действий. Однако пренебрежение, как народной волей, так и голосом его законных представителей стало определенным сигналом к передислокации общественных сил, к перемене ориентиров. Если до этого времени Оренбургское магометанское духовное собрание еще рассмат-

---

¹ Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Указ. соч. С.79; Баязитов А. Избранные труды. – Казань, 2007. – С.14.

² Тукай Г. Избранное. – Казань, 2008. – С.201–203.

³ Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. Сборник документов и материалов / Сост. Л.А.Ямаева. – Уфа, 1998. – С.269.

⁴ Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Указ. соч. С.42.

ривалось как орган самоорганизации российских мусульман, то после провала идеи о выборном муфтии татарская общественность взяла курс на консолидацию сил на базе светской организации. В начале 1916 года в Петрограде было принято решение о создании Бюро при мусульманской фракции. Планировалось, что у бюро будет широкая география. Но в итоге представители татар были только из Казани, Оренбурга и Уфы. Именно здесь получил первый опыт политической деятельности Ахмет-Заки Валиди. Бюро должно было взять на себя роль координирующего и информационного центра для мусульман России, альтернативой марионеточному Оренбургскому магометанскому духовному собранию¹.

«Департамент духовных дел с этим назначением поторопился и спустя месяц после смерти Султанова на этот пост было назначено лицо совершенно непопулярное, я даже сказал бы – более чем непопулярное, – отмечал И.А.Ахтямов, – Почти во всех татарских газетах на это лицо указывалось, как на самое нежелательное на посту оренбургского муфтия. Такое отношение Департамента духовных дел к нуждам мусульман, в особенности в военное время, когда, казалось бы, нужно было обращать большее внимание на их нужды, с моей точки зрения, является совершенно недопустимым»².

В августе 1915 года Саид-Гарей Алкин предлагал депутатам подготовить законопроект о выборности муфтия, «чтобы когда настанет черед мирному законодательству, упование мусульманского мира получило бы скорейшее осуществление»³. Но уже к сентябрю-ноябрю 1915 года жандармские органы констатировали о том, что татарская «печать прекратила статьи» по поводу избрания муфтием Мухамед-Сафы Баязитова, а недовольства по этому поводу «ничем реальным не выразилось»⁴, «вопросы о новом муфтии совсем потеряли свою остроту»⁵.

---

¹ Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. – Казань, 2001. – С.255.

² Мусульманские депутаты ... – С.269.

³ Алкин С. Вопрос о муфтии // Казанский телеграф. – 1915. – 18 августа. – №6652.

⁴ ГАОО. Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.192.

⁵ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1517. Л.72.

Однако назначение Баязитова общественность не приняла и через несколько лет. Уже после Февральской революции, по решению Уфимского комитета общественных организаций муфтий был смещен со своего поста¹. В мае 1917 года на I Всероссийском мусульманском съезде главой ОМДС был избран казанский имам Галимджан Баруди. Именно на этом съезде свершилась мечта мусульман о всенародно избранном муфтии.

Роль информации в общественной жизни

В условиях войны самыми ценными были новости о военных событиях, и связанных с ними делах: мобилизациях, пособиях и т.п. Информацию о войне люди получали от официальных властей: губернских, земских и городских органов, волостных правлений, полицейских управлений и т.д. Прежде всего, это коснулось семей мобилизованных солдат. Так обозы с запасными солдатами, прибывшие из уездов в Самару 19 июля, вызвали сильное любопытство у некоторых горожан. Они не понимали, что это значит. «В ответ слышалось: «а еще в городе живете, а не знаете, что мобилизация», – сообщал корреспондент газеты «Волжское слово»².

Образованные слои населения узнавали новости преимущественно из газет. Во время Первой мировой войны значительно увеличилось количество их читателей. «Газеты ходят из рук в руки. Русские газеты были распроданы с утра. Как только кто-нибудь начинает читать газету, вокруг него собираются люди», – писал о татарах г.Чистополя корреспондент газеты «Юлдуз» Ф.Сайфуллин в 1914 году³. Неслучайно, в это время значительно увеличились тиражи газет. Например, тираж газеты «Юлдуз» в июле 1914 года составлял 3900 экземпляров, в августе – уже 4600⁴. То же самое наблюдалось и с другими периодическими изданиями на татарском языке. Тираж газеты «Кояш» в июле 1914 года составлял 1700 экземпляров, в августе – 2100, к октябрю того же года она уже выпускалась тиражом 2600 экземпляров⁵. Когда-то «Казан мухбире» имела подписчиков не

---

¹ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1517. Л.72.

² Волжское слово. – 1914. – 20 июля. – №2032.

³ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6188. Л.126об.

⁴ НА РТ. Ф.420. Оп.1. Д.252. Л.155об., 175.

⁵ Там же. Л.147, 181, 234.

более 1,5 тысячи, в настоящее время их не менее 25 тысяч, то есть число читателей увеличилось в 16 раз, – писали авторы газеты «Кояш» в 1916 году, – Татарские газеты читают в самых дальних деревнях и они популярнее русских газет»¹. Газеты к этому времени стали ежедневными, тогда как десять лет назад – в 1906 году – они были еженедельными.

Конечно, работа редакций татарских газет постоянно контролировалась цензорами. Поэтому информация носила в основном переводной характер, сообщения брались из русских газет, самостоятельных материалов было не так много. Даже этим статьям редакции пытались придать агитационный тон. Например, заметка «Варварство немцев» из газеты «Юлдуз», в которой говорилось о поляках Познанской области. Автор писал о том, что немцы не разрешают вести богослужение в костелах на польском языке, требуют преподавания вероучения в польских школах на немецком языке. «Этим они хотят, чтобы поляки забыли свой родной язык», – подытоживает автор². В этой статье очевидна попытка провести аналогию между поляками и татарами, у которых в медресе преподавание велось на татарском языке, и проповеди в мечети читались на родном наречии. Также в газетных публикациях (особенно в газетах «Юлдуз», «Вақыт») много говорилось о доблести татарских солдат, имевших давние традиции служения государству³.

При этом, по данным казанской жандармерии, писатель Ф.Амирхан (сотрудник газеты «Кояш») считал, что власти превратили «татарскую печать в свое орудие», поэтому уменьшилось количество читателей⁴. Но, как видим, по сведениям Казанского временного комитета по делам печати, тиражи татарских газеты, в том числе и газеты «Кояш», во время войны намного увеличились.

В Казани в чайных гостиниц «Болгар» и «Сарай» часто устраивались чтения газет. В сентябре 1914 года попал под подозрение жандармерии конторщик номеров «Сарай» Фатых Абузяров. Доносчик жандармерии обвинял его в искажении сведений из газет. «Он

---

¹ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.1114. Л.38.

² НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6188. Л.102об.

³ Там же.

⁴ История Казани в документах и материалах. XX век / Под ред. Р.У.Амирханова. – Казань, 2004. – С.350.

высказывает свое соображение, что, по слухам, российская казна совершенно истощена, а потому Россия продолжать войну долее двух месяцев совершенно не сможет, – докладывал анонимный информатор жандармерии. – Слушатели, простой народ, в большинстве верят тому, что говорит им этот чтец»¹. Перепроверив данное сообщение, сотрудники полицейского управления ничего особенного в действиях Абузярова не обнаружили, но на всякий случай установили за ним негласное наблюдение².

В Вятской губернии с начала войны Губернским присутствием два раза в неделю издавались и рассылались по волостным правлениям (в 23 тысячи селений губернии) «Извещения о ходе войны». С начала 1915 года «Извещения» в немного упрощенном виде стали печататься и на инородческих языках, в том числе татарском, удмуртском и марийском³.

Не все газеты в это время выдерживали цензурный надзор. В 1915 году закрылась астраханская газета «Халык» (она была продолжателем традиций газеты «Идель», прекратившей свое существование еще в начале 1914 г.). За «вредное» направление деятельности в том же году закрыли московскую газету «Иль», редактируемую Гаязом Исхаки⁴.

Помимо газет издателями выпускалась и другая печатная продукция. Например, пользовалась спросом карта Европы. В августе 1914 года такая карта вышла на татарском языке в издательстве Вараксина в Казани (тираж – 2000 экз.), а уже в октябре того же года «Карту европейской России» тиражом в 3800 экземпляров выпустило издательство братьев Каримовых⁵. Карты театра военных действий были на татарском языке, в них указывались российские и неприятельские крепости⁶. Кстати, карты отправлялись родственниками и на фронт, в том числе военнопленным, в тайниках посылок.

Кроме периодических изданий и карт, получили распространение в народе баиты – своеобразные образцы народного творчества,

---

¹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.5765. Л.2.

² Там же. Л.7об.

³ Уфимский вестник. – 1915. – 5 марта. – №51.

⁴ Уфимский вестник. – 1915. – 9 апреля. – №77.

⁵ НА РТ. Ф.420. Оп.1. Д.252. Л.174об., 216.

⁶ НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.34.

сочиняемые по случаю каких-то трагических событий. Байты о войне издавались разными издательствами, довольно внушительными для начала XX века тиражами¹. Они являлись первой народной реакцией на начавшиеся трагические события. Многие из них создавались по шаблону: например, везде имелись эпизоды об объявлении войны и провожании родными солдата на фронт. Далее шло описание трудностей фронтовой жизни. Некоторые сатирические издания на татарском языке (например, журнал «Ялт-Йолт») высмеивали подобные брошюры². Но, вероятно, несмотря на критику узкого круга интеллигенции, в народе они пользовались большим спросом.

И газеты, и карты, и байты служили источником информации, которые помогали пережить наступившее время, осознать, что человек не одинок в своих заботах, трудностях и даже в горе.

Помимо представителей государственных органов и периодических изданий, источником информации для народа служили разговоры на улице, сведения из писем. Вся эта информационная волна, передававшаяся из уст в уста, постепенно обрастала новыми подробностями. Поэтому в годы войны постоянно циркулировали различные слухи. В первые дни войны довольно распространенными стали разного рода подозрения относительно граждан враждебных государств: германцев, австрийцев. Под эту же шпионскую истерию попадали и российские немцы. Города полнились слухами о том, что прилетали неизвестные шпионские аэропланы, что они садились на земельные участки именно германских или австрийских подданных³. Такого рода слухи фиксировались казанской жандармерией, имелись аналогичные заявления и в других губерниях. Шпиономания, борьба с «немецким засильем» спала к середине войны. Наряду с немцами как людей сомнительной репутации воспринимали и евреев. Многие из них проживали в пограничных с боевыми действиями районах, и в письмах с фронта то и дело мелькали сообщения о шпионах-евреях.

---

¹ НА РТ. Ф.420. Оп.1. Д.252. Л.231об., 280.

² Гали Б. «Молнией “Яшен” сверкает в облаках народных бед...» (Татарские сатирические журналы начала XX в.) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2007. – №1. – С.249.

³ Валиди Т., Рафикова Г. «Русские» немцы в Казани в годы Первой мировой войны: неизбежность трагедии // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2014. – №1/2. – С.147.

Информация «уходила в народ» и естественно моделировало отношение населения к евреям, проживавшим в тыловых районах.

Специфические слухи в годы войны получили распространение среди российских мусульман. Столкнувшись с масштабной войной, некоторые вспоминали слова из священного писания о судном дне, об усилении роли ислама в мире. Союз османского халифа с Германией лишь укреплял такого рода соображения. При этом суры из Корана интерпретировались в довольно искаженном виде, и появился слух о том, что «перед окончанием мира между исламом и христианством будет великая война», а в помощь исламу явится христианский царь, который примет мусульманство и победит в этой войне. В роли христианского царя выступал германский кайзер Вильгельм, а его союзничество с османским султаном понималось некоторыми как «помощь исламу». Эти слухи получили распространение, прежде всего, в Казанской губернии¹, а также в других поволжских губерниях. Основным источником модифицированной информации о помощи царя-христианина мусульманам в народе назывался некий турецкий военачальник, который услышал об этом на могиле пророка Мухаммеда от него самого². Указание на турецкого военачальника наводит нас на мысль о том, что информация могла исходить из Стамбула. Может быть, воззвание османского султана об объявлении джихада, обнаруженное им в конце 1914 года, уже в следующем 1915 году получило распространение среди простого населения в искаженном виде.

Подобные слухи могли быть спровоцированы и сообщениями из Германии об особых пропагандистских лагерях, где поощрялись религиозные потребности мусульман. Кроме того, в некоторых кавказских мусульманских газетах прошла информация о том, что немецкие инструкторы в Турции приняли ислам. Дезинформировать народ могли и изображения немецких офицеров вместе с турецкими муллами, напечатанные в одной из бакинских газет³.

В ноябре 1915 года казанская жандармерия зафиксировала слухи, распространяемые неким торговцем сырьем из Самары. Он гово-

---

¹ ГАОО. Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.166.

² Казанцев А.А. Динамика массовых настроений в российской провинции в период Первой мировой войны: на примере Пензенской, Самарской и Симбирской губерний: дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 2005. – С.167.

³ ГАОО. Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.174.

рил о том, что все кавказские мусульмане присягнули султану, как ставленнику пророка, «будто бы за Кавказом последовали мусульманские солдаты Кавказской армии, которые тоже присягнули не стрелять в турок и стараются попадать к ним в плен». При этом агент добавлял, что эти сведения после проверки не подтвердились, но он опасался влияния этих слухов на население¹.

Интересно, что слухи доходили не только в результате частных разговоров, но и в письменном виде. В 1915 году в Казанской губернии появились так называемые письма из Мекки, «повествующие, что одному из угодников пророка явился Магомет и поведал, что в 1915 году появился антихрист (Даджаль), а в 1916 году – произойдет много грозных событий, а потому угодник пророка призывал к покаянию»². Слухи продолжали нарастать с ухудшением ситуации на фронте. Характерно и время их появления – весна 1915 года, когда специалистами по данному вопросу отмечается спад патриотических настроений среди населения³. Курсировали слухи и в 1916 году. Например, в ноябре этого года Атнинское волостное правление Казанского уезда получило анонимное письмо, адресованное всем муллам. В конверте лежала записка на татарском языке следующего содержания: «Хазраты, скоро будет светопреставление, объявите народу». Вскрытое письмо было передано земскому начальнику⁴.

Татарская периодическая печать высмеивала подобного рода фантастические рассказы. Например, газета «Вақыт» в качестве анекдота писала о том, что «супруга императора-мусульманина и супруги генералов немецкого штаба летом посетят Константинополь...» или «...население Бельгии приняло мусульманство...»⁵. Однако население не всегда понимала иронию, воспринимало даже анекдоты буквально.

---

¹ История Казани в документах и материалах. XX век / Под ред. Р.У.Амиранова. – Казань: Магариф, 2004. – С.356.

² Тухватуллин А.Х. Настроения татарского населения города Казани в начале Первой мировой войны // Дискуссия. – 2013. – №9 (39).

³ Семенова Е.Ю. Патриотические и антипатриотические настроения горожан Поволжья в Первую мировую войну (1914 – начало 1918 г.) // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – №5. – С.5.

⁴ НА РТ. Ф.1246. Оп. 1. Д.165. Л.30.

⁵ ГАОО. Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.174.

«... Масса татарского населения живет вне политических мечтаний, она довольно однородна по своему составу и настроению, предана своей религии и верна русскому правительству. Но как люди с узким кругом идей и с малым общим развитием татары не обладают ясным представлением о причинах и целях настоящей войны; она для них мало понятна и потому тягостна по усиленным призывам для пополнения армии и затруднениям в промышленной жизни. В виду этого каждый татарин при встрече с лицом, которого он считает осведомленным, прежде всего, спрашивает о том, скоро ли кончится война, нет ли слухов о мире, при этом высказывает свое пожелание поскорее бы кончилась эта война, потому что для народа жить очень беспокожно и тяжело», – передавал в секретной записке казанскому губернатору от 3 августа 1916 года председатель Казанского временного комитета по делам печати¹.

Тем не менее, слухи циркулировали и в последующие годы, по всей России. Чем хуже становилась экономическая и политическая ситуация в стране, тем более невероятными слухами обрастала любая информация. Особенно тяжелым был психологический фон после февральской революции 1917 года. В условиях общей истерии первых недель и наступившего разочарования после участились случаи невротических расстройств, нация «потеряла точку опоры». Так, если в Москве и Петрограде в обычное время в среднем за неделю фиксировали 1 обращение за медицинской помощью в городские больницы для душевнобольных, то после революции число таких обращений достигло 50². Информация могла ввести человека и общество в состояние эйфории, могла успокоить и обнадежить, но она же доводила и до крайнего отчаяния.

* * *

Определенное единство среди населения, в том числе и в официальной реакции на войну, сохранялось лишь на ее первых этапах. Перемене настроений в обществе способствовал и затяжной характер военных действий, и ухудшение условий жизни в тылу. Кроме того, отношение правительства к своим гражданам так же, на наш взгляд, оказывало влияние на формирование другого мнения о войне и вла-

¹ НА РГ. Ф.420. Оп.1. Д.297. Л.12–12об.

² Аксенов В.Б. Слухи и страхи петроградцев и москвичей в 1917 г. // Социальная история. Ежегодник, 2004. – М.: РОССПЭН, 2005. – С.179.

сти. Например, несмотря на всю лояльность татарских мулл, определенные подозрения в их отношении все же сохранились. В пределах Казанского военного округа с 15 декабря 1914 года действовал циркуляр о цензуре корреспонденции всех татарских мулл, имелись даже отдельные списки особо «неблагонадежных» духовных лиц¹. Характеризуя настроения казанских мусульман, тайный агент жандармерии сообщал 18 сентября 1915 года: «в татарской среде совсем не замечается отражения в какой-либо форме политической возбужденности, проявляемой столицами. Наоборот, чувствуется сознательное спокойствие, чтобы не получить укоров в неблагонадежности»². Атмосфера недоверия и подозрительности, конечно же, давила, сковывала. Но иногда недовольство даже официальных лиц вырывалась наружу. К 1915 году даже некоторые законопослушные муллы перестали проводить богослужения во здравие царя. Например, указной мулла Акбулатовского прихода Орского уезда Оренбургской губернии Мухамедгалий Губадуллин в ноябре 1915 г. заявил местному старосте: «Я произнести [молитву] во здравие их императорских величеств и воинов не желаю и не хочу, т.к. государь император для своих выгод начал войну». К его недовольству присоединились и все прихожане³. В это же время поступила жалоба от Лаишевского уездного исправника (Казанская губерния) на муллу Сафиулла Салимова. Он отказался провести богослужение во здравие царя перед началом учебного года в мектебе дер. Татар-Саралы. Мулла заявил, что довольно пятничной молитвы об этом⁴. Аналогичные настроения наблюдались и в православных общинах⁵. Таким образом, даже официальные богослужения являлись своеобразным индикатором общественных настроений.

В 1916 году все острее чувствовалась всеобщая усталость от войны, явственнее ощущались материальные трудности, нарастало раздражение по поводу беженцев, в тыл возвращались раненые и больные солдаты, а также дезертиры, многие семьи остались без

---

¹ Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914–1918. Сборник документов и материалов / Сост. Р.Н.Рахимов [и др.]. – Уфа: Китап, 2014. – С.204.

² НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1517. Л.72.

³ ЦИА РБ. Ф.И–295. Оп.6. Д.3749. Л.2.

⁴ ЦИА РБ. Ф.И–295. Оп.6. Д.3927. Л.1.

⁵ НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.161. Л.10.

кормильцев. Проекты о строительстве Домов инвалидов, о необходимости открытия приютов для сирот войны характеризуют общее состояние страны. Например, в 1916 году правление Санкт-Петербургского мусульманского благотворительного общества «сумело скоординировать деятельность духовенства и состоятельных прихожан по благоустройству мусульманского кладбища»¹.

Несмотря на постоянные человеческие потери и социально-экономические проблемы, общество продолжало жить и другими заботами. Так в 1916 году татарская общественность отмечала десятилетний юбилей издания газет на татарском языке. Одним из таких изданий-долгожителей была казанская газета «Юлдуз». Вообще к 1916 году татарская культурная жизнь подводила своеобразный итог: именно после первой русской революции массово открылись газеты, издавались книги, открылись многие новометодные медресе, начал работать татарский театр. Конечно, в связи с войной юбилей особо не проводился. Практически незаметно прошел 100-летний юбилей со дня рождения великого богослова Шигабутдина Марджани. Единственным мероприятием, символизирующим память о нем, стал выпуск коллективного сборника «Марджани» в 1915 году. В этом издании были собраны воспоминания его учеников и последователей (Г.Гумари, Х.-Г.Гаяши, А-З.Валиди и др.). Издание было осуществлено за счет средств казанского купца Салиха Губайдуллина.

Пожалуй, наиболее масштабно отмечался десятилетний юбилей медресе «Галия» в Уфе. К этому времени данный очаг просвещения под руководством богослова Зии Камали окончательно вышел из-под опеки богатых уфимских предпринимателей, и учебное заведение вело самостоятельную политику. На юбилей помимо учеников и преподавателей медресе собрались выпускники и представители передовой светской интеллигенции. «Галия», где в тот период училась целая плеяда талантливой мусульманской молодежи, представляло собой настоящий уголок творческой свободы. Юбилей медресе освещался в татарской прессе, в частности, в уфимской газете «Тормыш».

В 1916 году произошло еще одно знаменательное событие – открылась первая татарская женская гимназия в Казани. До этого време-

---

¹ Салихов Р.Р. Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX в. – Казань, 2004. – С.252.

ни её основательница Фатиха Аитова долгие годы обивала пороги казанских чиновников, надеясь получить разрешение на превращение своей школы в гимназию, и лишь в годы войны она сумела осуществить свою мечту. Вопрос о женском образовании являлся одним из злободневных. Для вновь открывающихся и оставшихся без мугаллимов татарских учебных заведений нужны были учительницы. Поэтому в разных уголках страны открывались краткосрочные учительские курсы.

Приметой времени стало и то, что курсы открылись даже для мусульманского духовенства. В Уфе по инициативе ахуна дер.Калтаевой Уфимского уезда Гиниятуллы Гизатуллина с 1915 года работали летние курсы для мулл. В них давались общие разъяснения по ведению метрических книг и другим юридическим вопросам, в том числе о повестках. Кроме того, на курсах проводились занятия и по русскому языку¹. Таким образом, вопрос о просвещении оставался наиболее актуальным в военное время, с усложнением условий жизни нужно было разностороннее образование, пригодное к ее социально-экономическим и политическим особенностям.

Провал вопроса о выборе муфтия послужил сигналом для смены ориентира в деятельности национальных лидеров. Еще до февральской революции при мусульманской фракции Гос. думы работало бюро. В сентябре 1915 года были попытки объединить работу редакций татарских периодических изданий, для формирования единого общественного мнения. Планировался съезд татарских журналистов в Москве. Основными инициаторами выступили газеты «Юлдуз», «Кояш» и «Иль»². Но, вероятно, из-за закрытия газеты «Иль» в Москве, это совещание не состоялось. Хотя информация об объединении татарских журналистов и издания единой газеты, «которая руководила бы общественным мнением и образовывала его в нужном направлении», циркулировала среди сотрудников жандармских органов и в начале 1916 года. В качестве подтверждающего факта указывалась покупка бывшей типографии Харитонова книгоиздательским товариществом «Сабах»³. Но издательство не ставило для себя таких громких задач.

---

¹ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп.6. Д.4126. Л.1об-2.

² Фатыйх Кәрими. Фәнни-биографик жьентык. – Казан: Рухият, 2000. – Б.265.

³ История Казани в документах и материалах. XX век / Под ред. Р.У.Амириханова. – Казань: Магариф, 2004. – С.358.

Весной 1916 года уфимская жандармерия сообщала о планируемом в Уфе Всероссийском мусульманском съезде под руководством депутата Гос. думы К.Тевкелева¹. Это было своеобразной реакцией прогрессивной общественности на назначение муфтием Баязитова. Вопросы для обсуждения касались как религиозных дел и повседневных проблем (например, о праздничном отдыхе), так и политических моментов (гражданские права мусульман; в том числе, связанные с событиями в Туркестане)². Но, как известно, российские мусульмане собрались на свой первый съезд лишь в мае 1917 года.

После февральской революции возникло несколько мусульманских самоорганизаций, призванных объединить и координировать действия различных общественных сил: Центральный исполнительный комитет мусульман в Петрограде, Мусульманский комитет в Казани, Милли шуру (избрано во время I Всероссийского мусульманского съезда в Москве в мае 1917 года), Харби шуру (избрано Всероссийским мусульманским военным съездом в Казани в июле 1917 года) и т.д.³ Различные мусульманские комитеты открылись практически во всех районах компактного проживания татар. В условиях постреволюционного хаоса эти организации отличала несогласованность действий и намерений. Национальные лидеры никак не могли определиться, какая форма автономии наиболее приемлема для татар. Одна группа считала, что нужна культурно-национальная автономия, другая хотела территориальной автономии. Одним из нереализованных идей этого времени был проект о штате «Идель-Урал»⁴. На фоне противоборства между молодежью, преимущественно левых взглядов, и более умеренно настроенными людьми среднего возраста произошли события октября 1917 года и последующий разгон Учредительного собрания в начале 1918 года. Татарская общественность продемонстрировала отсутствие единства.

---

¹ ГАОО. Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.234.

² Там же. Л.240об.

³ Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. – С.276–278.

⁴ Тагиров И.Р. История татарской национальной государственности татарского народа и Татарстана. 2-е изд. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – С.175.

3.2. Исламский срез Великой войны

На протяжении всей истории человечества в одной плоскости оказывались война и вопросы религии. Экономические мотивы чаще всего прикрывались именно религиозными призывами. Такой спекуляции не избежала и Первая мировая война. Османский султан объявил священную войну с неверными – джихад, в другом лагере звучали лозунги о необходимости защиты интересов братьев-славян, православия. Конечно, в XX столетии (с уже доминирующим рацио в сознании), люди все меньше и меньше поддавались подобным уговам. Однако и единоверческая солидарность была присуща многим, в Российской империи традиционное деление населения на христиан и иноверцев (инородцев) еще больше усиливала эти ментальные установки. После подавления восстания коренных жителей Средней Азии в 1916 году очевидец этих событий Сабир Улбаев писал жителю Казани Хусайну Исмагилову следующее: «У нас в Пишпеке из годных для работы никого не оставили, всех взяли на оборонительную работу. Когда народ взяли на оборонительную работу, у нас здесь бои шли не меньше чем на Западе: сжигали деревни, хлеба и скотину, убивали народ и проч. Прислали в этот край до 30 тысяч войск, которые убивали каждый день по тысячу народу и хоронили в одну общую могилу не десятками, а тысячами людей. Все эти потерпевшие – мусульмане, а потому их очень жалко было нам»¹. Возвратившийся из Средней Азии в мае 1916 года поэт Зариф Башири вспоминал позднее о большом интересе уфимской татарской интеллигенции к этому восстанию². Жестокое подавление мусульман мало кого из единоверцев оставило равнодушным.

Поэтому при рассмотрении истории татар периода Первой мировой войны нельзя обойти стороной религию, в частности, вызванные ею чувства и действия в условиях военного времени. В какой-то мере мы уже касались вопросов религии в предыдущих параграфах. Например, планы германского правительства, преподнесенные татарским военнопленным пропагандистских лагерей под религиозной «оболочкой», по сути, потерпели крах. Большинство татарских сол-

---

¹ НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.338. Л.177.

² Бәшири З. Замандашларым белән очрашулар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1968. – Б.266.

дат остались верными сынами своего Отечества – Российской империи, призывы к религиозной войне не увлекли их. Однако пропагандистская работа с татарскими военнопленными, проводимая в Западной Европе, оказывала влияние и на жизни оставшихся в тылу российских мусульман.

Отражением сложной и противоречивой общественной ситуации начала XX столетия были взаимоотношения татарской буржуазии, интеллигенции, духовенства с органами политического сыска Российской империи. Недоверие и подозрительность к преобразовательной деятельности в татарском обществе, возникшие еще в годы первой русской революции, превалировали и в последующее время. Отсутствие профессиональной агентуры, использование бездоказательных доносов, и как следствие слабое понимание специфики общественных процессов в татарском социуме, обусловили абсолютно бесперспективный поиск революционных и пантюркистских настроений, запрещенных политических организаций среди законопослушных мусульман, озабоченных лишь сохранением своей веры и развитием культуры. «Вопрос же о панисламизме есть клевета, придуманная кадимистами, врагами мусульман и другими лицами из-за личных интересов», – писал об этом журналист Закир Кадыри¹. Действительно, давление националистически настроенной бюрократии и миссионерских кругов, беспричинно раздувавших угрозу панисламизма, превращали работу жандармерии в инструмент конкурентной борьбы между различными группировками в мусульманских приходах, надуманных политических преследований и судебных процессов. В тоже время, ход долгих и трудных переписок, проводимых профессионалами следственной деятельности в 1911–1914 годах еще раз подтвердил тезис о безусловной лояльности джадидской буржуазии и духовенства, отсутствию у них каких-либо противоправительственных и антигосударственных целей. Главной целью татарских интеллектуалов было установление религиозного и национального равноправия, как необходимого условия для сохранения единства России, упрочения ее уникального статуса мультикультурного и поликонфессионального государства.

---

¹ Цит. по: Зорин Б. Вопрос о панисламизме и национальном движении в мусульманской печати // Вестник Оренбургского учебного округа. – 1914. – №4. – С.194.

Между тем преследования представителей передовой татарской буржуазии и духовенства, интеллигенции, поиски мифического «панисламизма» продолжались и в годы Первой мировой войны. Впрочем, аналогичным было отношение и к другим российским мусульманам, например, к азербайджанцам¹.

Огромное количество отложившихся в фондах жандармерии документов об «оппозиционных» настроениях среди российских мусульман дает ложный след для наивных и недостаточно знакомых со спецификой истории мусульманских общин современных исследователей. Касаясь положения татар-мусульман, историки часто пользуются определенными шаблонами. И вызывает некоторое недоумение, когда на весь народ вывешивается ярлык панисламистов, т.е. «политически неблагонадежных лиц». В основном, это историки, которые пользуются либо советской литературой, либо ссылаются на жандармские документы². И, не обращая внимания на роль всего народа в войне, опираясь на непроверенные факты доносчиков, делают весьма громкие выводы о том, что татарские солдаты не хотели воевать, татарские крестьяне не участвовали в благотворительности и т.д. Такая некорректная оценка целого народа, с XVI века состоявшего на государственной службе, конечно, недопустима и нужны новые, адекватные, исследования в этом направлении, с переоценкой существующих взглядов.

На самом деле органами политического сыска в годы Первой мировой войны так и не удалось доказать существование каких-либо подпольных образований мусульман, свидетельствующих об их антигосударственных действиях. Поиск революционных настроений,

---

¹ Балаев А.Г. Азербайджанская нация: основные этапы становления на рубеже XIX–XX вв. – М.: ООО «ТиРу», 2012. – С.283.

² Казанцев А.А. Динамика массовых настроений в российской провинции в период Первой мировой войны: на примере Пензенской, Самарской и Симбирской губерний: дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 2005. – С.166–168; Семенова Е.Ю. Влияние Первой мировой войны на мировоззрение, общественные настроения и поведенческие практики городского населения поволжских губерний Российской империи (июль 1914 г. – февраль 1917 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Саратов, 2013. – С.38; Котюкова Т.В. Турецкая агентура в России накануне Первой мировой войны по документам ЦГА Республики Узбекистан // Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. – М.: Наука, 2006. – С.205.

радикальных политических организаций среди законопослушных мусульман, озабоченных лишь сохранением своей веры и развитием культуры не способствовали налаживанию стабильной социальной ситуации ни в приходах, ни в губерниях с компактным проживанием татарского населения. Несмотря на такую обстановку в военные годы татарской общественностью осуществлялась разноплановая социальная деятельность, основной мотивационной линией которой была помощь единоверцам-мусульманам.

*Участие татарской буржуазии
в судьбах турецких военнопленных¹*

Наряду с военнопленными из армий Германии и Австро-Венгрии на территории Российской империи уже с конца 1914 года появились и турецкие военнопленные. Только по данным 1918 года, их насчитывалось 3063 человека (из них 1321 офицер и 1742 солдата). Конечно, эта лишь небольшая часть выживших и не репатриированных пленных. По разным данным, количество турецких военнопленных в России варьируется от 50 078 до 64 509 человек². Их распределение по военным округам было довольно неравномерным: так если в Московском округе содержалось 620 офицеров, в Казанском – лишь 18³. Очевидно, опасаясь так называемого «панисламизма», власти старались селить бывших солдат османского султана подальше от российских мусульман. Много турецких военнопленных, как из числа офицеров, так и солдат находилось в Иркутском военном округе. Некоторые выжившие узники, вернувшись на Родину, описали свою сибирскую жизнь в мемуарах⁴. При этом надо отметить, что среди пленных

---

¹ Эти материалы были любезно предоставлены доктором исторических наук Р.Р.Салиховым. При написании эпизода использован его доклад «Участие татарской буржуазии в судьбах турецких военнопленных в годы Первой мировой войны», прочитанный на Международном научном симпозиуме «Акдес Нимет Курат: жизнь и творчество» (Анкара, 24–29 апреля 2013 г.).

² Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: июль 1914 – май 1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2005. – С.31.

³ Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). – М.: Центральное статистическое управление, 1925. – С.40.

⁴ Ийбар Т. «Себердән Сэрэндипкә» эсэрэннән өзек // Казан утлары. – 2005. – №11. – Б.135–162; Тогаç Х. «Бер буынның драмасы» эсэрэннән өзек // Казан утлары – 2005. – №12. – Б.159–169.

смертность была очень высокой. Например, уже в феврале 1915 года в прессу попало сообщение о том, что в Самаре ежедневно умирают около 100 пленных турок. Местных жителей из числа татар возмутило то, что при их погребении не соблюдаются мусульманские обряды. По ходатайству оренбургского муфтия, самарскому мусульманскому духовенству разрешили хоронить пленных по исламскому обычаю, а также они должны были фиксировать в метрических книгах основные данные умершего: фамилия, имя, отчество, полк и роту¹. В феврале 1915 года петроградская генеральша Магипарваз Шейх-Али получила разрешение на устройство благотворительного сбора в пользу больных турецких военнопленных². Таким образом, татарская общественность не могла оставаться равнодушной к положению своих единоверцев, пусть даже бывших солдат армии противника.

Проблеме турецких военнопленных в Российской империи в годы Первой мировой войны посвящена довольно большая и серьезная литература. Первым исследователем, обратившим внимание на эту проблему, стал профессор Акдес Нимет Курат. В своем капитальном труде «Турция и Россия...» он приводит общее количество пленных турецких военнослужащих находившихся на территории различных российских губерний, особо отмечая роль казанских татар в моральной и материальной поддержке своих единоверцев, оказавшихся не по своей воле на чужбине³. Продолжая исследовательские традиции выдающегося ученого, значительный вклад в изучение данного вопроса внесла А.Т.Сибгатуллина, посвятившая ряд интересных статей и монографий, освещающих тяжелое положение и последующую судьбу военнослужащих турецкой армии, попавших в плен на полях Первой мировой войны. В частности, в своей статье «Некоторые сведения об Исхан-Паше в Российской печати», она особо останавливается на обстоятельствах пленения в январе 1915 г. под Сарыкамышем командира 9 армейского корпуса, генерала Исхан-паши, его передвижению по городам России в статусе пленного, и собственно побега с помощью татар из г. Читы в Маньжурию⁴.

¹ Уфимский вестник. – 1915. – 11 февраля. – №32.

² Уфимский вестник. – 1915. – 15 февраля. – №36.

³ Akdes Nimet Kurat. Türkiye ve Rusya. XVIII yüzyıl sonundan Kurtuluş savaşına kadar Türk-Rus ilişkileri 1798–1919. – Ankara, 1970.

⁴ Сибгатуллина А.Т. Некоторые сведения об Исхан-паше в Российской периодической печати // Кара-Дениз – Чёрное море. – 2009. – №1. – С.173–181.

В свое время Акдес Нимет Курат связывал арест крупного иркутского предпринимателя З.Шафигуллина именно с этим событием, позволившим также, говорить жандармским следователям о существовании в г.Иркутске особого подпольного татаро-турецкого комитета, занимавшегося сбором разведсведений, антирусской пропагандой и другими антиправительственными действиями. Акдес Нимет Курат совершенно справедливо указывал на определяющую роль татарского предпринимательства в поддержке, находящихся в плену турецких военнослужащих. Однако, никаких документальных подтверждений о существовании каких-либо «антирусских» комитетов так и не было обнаружено.

Свидетельством тому масштабное расследование органов политического сыска Российской империи, вылившееся в так называемую переписку или дело «О татаро-турецкой организации существовавшей в городах империи, занимающейся подготовкой и осуществлением побегов из России военнопленных офицеров, враждебных нам государств». Началось оно 1 января 1916 г., когда начальник контрразведывательного отдела штаба Одесского военного округа подполковник Якубов на границе с Румынией задержал молодого человека, который предъявил паспорт на имя испанского подданного Пабло Кальцадо, выданный испанским консулом в Одессе. Однако, при допросе задержанный был уличен в незнании испанского языка и неумении креститься. В дальнейшем он признался, что является ротмистром 8 драгунского полка турецкой армии Мустафой Закарией, военнопленным, бежавшим из иркутского госпиталя¹.

Допрос турецкого офицера изумил контрразведчика, так как по его сведениям в России существовала отлаженная мусульманская организация по подготовке и побегам пленных из госпиталей и лазаретов, где режим содержания был относительно мягким. Мустафа Закария сообщил, что после пленения 23 декабря 1914 г. он в течение нескольких месяцев перемещался по лечебным заведениям в городах Карсе и Пензе, и, наконец, в начале 1915 года оказался в лазарете г.Томска.

Здесь, при посредничестве пленных турецких военных он познакомился с богатым предпринимателем, торговцем мануфактурой и меховыми изделиями, уроженцем д.Тугульбаево Спасского уезда Казанской губернии Мифтахутдином Низаметдиновичем Бухараевым,

---

¹ ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.2246. Л.9.

который начал снабжать единоверца религиозной литературой, вести с ним беседы о татарской и турецкой культуре. Просвещенный купец гордился тем, что один из его сыновей получил образование в Константинопольском университете, а другой сын Нурмухамед являлся корреспондентом газеты «Тормыш»¹.

От Мифтахутдина Бухараева Мустафа услышал новость об успешном побеге из русского плена командира 9 корпуса турецкой армии Ихсана паши. Но, вскоре его отношения с предпринимателем осложнились из-за того, что Закария был уличен в доносительстве на австрийских офицеров, и попытках попасть на службу в русскую армию. В конце августа 1915 г. он оказался в иркутском военном госпитале, где, так и не дождавшись положительного решения о принятии на российскую службу, да к тому же попав под дисциплинарный арест, принимает решение бежать из плена.

По совету другого пленного – поручика Халиля Насухи, Мустафа Закария обратился за содействием к предпринимателям-миллионерам, братьям Шайхулле и Зиннуру Шафигуллиным, сыновьям известного купца-реформатора Загидуллы Шафигуллина. По словам того же Насухи влиятельные татарские коммерсанты уже не раз помогали турецким и немецким офицерам с оформлением необходимых документов и денежными средствами².

Мустафу встретил один из братьев – Зиннур, Шайхулла в это время находился в Москве по торговым делам. Предприниматель доброжелательно выслушал офицера и согласился ему помочь. Он познакомил Закарию со своими единомышленниками торговцем Гали Мухамадиевым и его племянником Нигметзяном. Сначала З.Шафигуллин намеревался привезти турка в Уфу к известному книгоиздателю Хасану Мингазетдиновичу Каримову, который отправил бы его дальше по своим каналам. Однако, передумав, решил доставить Закарию в Одессу, чтобы с помощью местного мусульманского духовенства и румынского консула осуществить переход через границу.

На время подготовки побега, Г.Мухамадиев поселил офицера в квартире своего слуги Фарахутдина Фархутдинова. Здесь за несколько дней он успел познакомиться и с другими, сочувствующими пленным, мусульманами: торговцами Гимазетдином Сайфутдинови-

---

¹ ЦГАСО Ф.468. Оп.1. Д.2246. Л.38 (об.).

² ЦГАСО Ф.468. Оп.1. Д.2246. Л.9об.

чем Мавлюкеевым и Муфти Арслан-Галибом. Последний был турком, высланным в Сибирь за убийство армянина, и, именно, от него Закария узнал, что иркутские предприниматели и священнослужители принимали активное участие в организации побегов командира 170-ой дивизии Генерального штаба полковника Тахир бея и генерала Исхана паши. Причем, последнему, помогали также оренбургские мусульмане и сотрудники германского посольства в Пекине.

Через неделю, Г.Мухамадиев выдал Закарии паспорт на имя бакинского мещанина Ахмета Хасан-хан оглы, а также 300 рублей на расходы. Сопровождать в Одессу турецкого офицера поручили Ф.Фархутдинову. Добравшись до приморского города 22 декабря 1915 г., они обратились к румынскому консулу, который обещал им сделать визу, при условии, если испанский консул выдаст Закарии паспорт, что и удалось за взятку в 100 рублей. После этого, 1 января 1916 г. последовало задержание Закарии на пограничном переходе. На допросе Мустафа также уверял, что комитет по организации побегов существует также в г. Самаре.

После получения таких сведений, жандармерия немедленно начала предпринимать соответствующие меры. Так, 10 января 1916 г. был арестован Ф.Фархутдинов, 12 января одесский мулла Сабирзян Сафаров, его помощник Хасан Бикбулатов и ряд других лиц. Кроме того, незамедлительно, пошли телеграммы в города, указанные Закарией о ликвидации преступных «комитетов». Под подозрение попадали все мусульмане, имевшие контакты с турецкими военнопленными. По этой причине 9 февраля арестовали и обыскали крупного самарского предпринимателя, торговца фруктами Саттара Маннафова¹. В его магазине обнаружили пленного турецкого офицера Хаджи Ахмеда, который читал газету «Кояш», в ожидании обмена турецких денег на российские.

Днем позже, 14 февраля 1916 г. аресту и обыску подверглись все пленные турецкие офицеры в Иркутске, а также предприниматели, названные М.Закарией. Аналогичные действия жандармерия провела в Уфе, Казани, Оренбурге, Петрограде. В рамках этого дела были задержаны и обысканы книгоиздатели братья Каримовы, священнослужитель Лотфулла Фаткуллович Исхаков, бывший иркутский имам, военный мулла Губайдулла Абдурашитов и др. Правда, казанская жандармерия, проводившая обыск у братьев Каримовых 16 ян-

¹ ЦГАСО Ф.468. Оп.1. Д.2246. Л.22.

варя и коммерсанта З.Шафигуллина 21 января 1916 года, не выявив ничего предосудительного, оставила их на свободе¹.

Вообще, следствие, продолжавшееся всю весну 1916 г., имея лишь показания турецкого офицера с сомнительной репутацией и не найдя никаких вещественных доказательств, сумело привлечь к ответственности лишь несколько человек. Большинство фигурантов дела были вскоре освобождены из под ареста. В частности, по данным департамента полиции, в ссылку в Якутскую область отправились помощник одесского муллы Хасан Бикбулатов и военный мулла Г.Абдрашитов².

Фактически обнаружение так называемой «пятой колонны» в лице татарского мусульманского предпринимательства и духовенства в годы Первой мировой войны обернулось чередой безрезультатных обысков и преследований, так и не подтвердивших существование каких-либо антигосударственных «подпольных» организаций и непатриотических настроений.

Здесь, наверно, следует говорить об искреннем сочувствии татарской общественности к судьбам турецких военнопленных, попавших по злой воле войны, в тяжелую жизненную ситуацию. Безусловно, татарские предприниматели, духовенство, интеллигенция всеми силами старались облегчить участь единоверцев, оказывая им материальную и моральную поддержку, и, в какой-то степени содействие в возвращении на родину. Однако, эти действия не носили преступного, противозаконного характера. Решающими факторами в успешных побегах из российского плена, являлись, как правило, бесконтрольность властей в тех губерниях, где концентрировались пленные, бюрократический хаос в военном ведомстве, повсеместная коррупция, активная деятельность германской контрразведки.

*Проблема карских мусульман
в общественной жизни волго-уральских татар*

Любой военный конфликт – это трагедия, одного человека, семьи, населенного пункта и целого народа. Страницы истории Первой мировой войны тоже состоят из таких кровавых эпизодов: примеров человеческой жестокости и насилия. Пожалуй, одной из самых известных проблем этого плана является армянский вопрос. Многими историка-

---

¹ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.1141. Л.1–71.

² РГИА. Ф.821. Оп.133. Д.598. Л.303.

ми факт уничтожения армянских семей приравнивается к геноциду народа, в особенности российскими и западными учеными. Тогда как турецкие исследователи подходят к этим заявлениям с большей осторожностью. В этом параграфе мы не собираемся выступить арбитром одной из самых больших тем Первой мировой войны, а лишь хотим обратить внимание на еще одну схожую проблему, пусть меньших масштабов, но не менее трагичную. Речь идет о карских мусульманах: об оборванных человеческих жизнях и изуродованных судьбах.

После русско-турецкой войны 1877–1878 гг., к Российской империи были присоединены новые кавказские территории. В новообразованной Карской области проживали разные народности, в том числе мусульмане тюркского и кавказского происхождения (лазы, карапахи и др.). За тридцать с лишним лет выросло целое поколение российских поданных, но память об их османском прошлом и другой вере все равно бытовала среди приезжего населения. Это повседневное неприятие, граничащее с ненавистью, в полной мере проявилось в годы Первой мировой войны.

После вступления Османской империи на войну и открытия Кавказского фронта именно на карских мусульман вылился весь гнев некоторых представителей российских военных частей и жителей области христианского вероисповедания. Мирное население – российские подданные-мусульмане – ассоциировалось с вражеской армией. Мужчины были вынуждены оставить свои селения, скрываться в горах, многие умерли там от голода и холода. Но, по заявлению депутата Государственной думы Мамед-Юсуфа Джафарова в 1915 году они все еще надеялись вернуться домой и «не ушли в чужую страну, хотя имели эту возможность, но остались в пределах своей родины, несмотря на грозящую им опасность быть перебитыми войсками»¹. Людская ненависть не пощадила и их близких: оставшиеся в селениях женщины и дети подверглись насилию, были разорены дома и хозяйства.

Вопрос террора карских мусульман в историографии можно считать одним из малоизученных. Несмотря на имеющиеся источники, советские ученые предпочитали представлять карских мусульман как

---

¹ Докладная записка депутата М.-Ю.Джафарова императору Николаю II о положении мусульман на Кавказском фронте // Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. Сборник документов и материалов / Сост. Л.А.Ямаева. – Уфа, 1998. – С.255.

предателей, выступавших в роли османских агентов¹. Впрочем, к тому времени, Карская область и ее население уже давно была в составе Турции. И на современном этапе некоторые ученые пишут о турецких войсках, рассчитывавших при ноябрьском наступлении 1914 года на помощь кавказских мусульман². Эпизод о терроре мирного населения Карской области отсутствует в обобщающих работах по истории Первой мировой войны. Нет об этой трагической ситуации даже в статьях о Кавказском фронте³, или собственно о самой Карской области⁴. Игнорируется проблема и турецкой историографией. Во время боевых действий мирные жители Карской области сильно пострадали от солдат османской армии. Сегодня малочисленные мусульманские народности бывшей Карской области в большинстве своем отуречены и не отличаются ни национальным самосознанием, ни этнической памятью. Но эта печальная страница Первой мировой войны, преданная забвению, сохранилась в исторических источниках.

В конце 1914 года на события Карской области Российской империи отреагировали не только мусульмане Волго-Уральского региона, Центральной России и других областей страны, но даже выдавшие виды российские чиновники-христиане. Именно благодаря их действиям эти факты получили широкую известность.

22 декабря 1914 года и 12 января 1915 года военный губернатор Карской области А.Д.Подгурский был вынужден подписать специальные указы, чтобы хоть как-то остановить начавшийся террор. «Враждебное отношение христианского населения области к мусульманам, несмотря на неоднократные мои воззвания, не только не прекращаются, но, к сожалению, даже усиливаются. Кроме случаев убийств совершенно неповинных мусульман, по поступающим ко мне сведениям, христианское население области, после вторжения турок, позволяет себе иногда, под видом мести, совершать в мусуль-

---

¹ Корсун Н.Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. – М.: Военное изд-во, 1946. – С.31.

² Шишов А.В. Кавказский фронт // Первая мировая война. Пролог XX века / Отв. ред. В.Л.Мальков. – М.: Наука, 1998. – С.578.

³ Шишов А.В. Указ. соч. С.578–588; Мартиросян Д.Г. Российско-турецкий фронт Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2006. – 32 с.

⁴ Захаров В.А. Карс и Карский договор 1921 года в истории Армении. – М.: Центриздат, 2010. – 108 с.

манских селениях вооруженные грабежи, мародерство и разные насилия», – говорилось в январском документе¹.

В январе 1915 года в Москве состоялось частное совещание кавказских мусульман по этому поводу, на котором были прочитаны письма и телеграммы с Кавказа, в том числе телеграмма военного губернатора Карской области, адресованное азербайджанскому предпринимателю и общественному деятелю М.Асаддулаеву. В выступлениях отмечалось, что карские мусульмане сильно пострадали и от турецкой армии. После их отступления, и без того разрушенные жилища и разоренные хозяйства подвергались мародерству со стороны некоторых представителей российской армии. Местные жители скрывались в это время в горах. В крае, охваченном военными действиями, было неизвестно, как скоро будет организована выдача правительственных пособий пострадавшим. Участники неофициального московского собрания единогласно приняли решение о необходимости организации помощи мусульманскому населению Закавказья².

Стараниями бакинской общественности и предпринимательских кругов при Мусульманском дамском благотворительном обществе г.Баку был образован особый комитет по сбору пожертвований. Аналогичные комитеты появились и в уездах Бакинской губернии. Мусульманское благотворительное общество г.Баку командировало в Карскую область нескольких врачей для оказания врачебной помощи пострадавшим³.

Активная деятельность кавказских мусульман, главным образом, азербайджанской общественности, по сбору помощи своим единоверцам из Карса, не оставила равнодушной и высшие круги татарского общества. Положение карских мусульман в 1915 году начали обсуждать на страницах татарской прессы, поднимался этот вопрос мусульманскими депутатами на заседаниях Государственной думы. Эта проблема дала серьезный импульс благотворительным сборам в разных городах Российской империи.

Хотя мусульманская солидарность проявилась не сразу. Напуганное жандармскими преследованиями 1911–1912 годов татарское население, когда практически любого мусульманина могли обвинить

---

¹ Цит. по: Докладная записка депутата М.-Ю. Джафарова... – С.252.

² Уфимский вестник. – 1915. – 28 января. – №22.

³ Уфимский вестник. – 1915. – 4 марта. – №50.

в мифическом панисламизме, «сборе денег в пользу турок», отнеслось к этим фактам весьма осторожно. И даже образованные слои общества не спешили реагировать и предпочитали концентрироваться на общих задачах, вроде сбора пожертвований в пользу раненых, открытия госпиталей, помощи семействам воинских чинов, беженцев и т.д. Лишь отдельными татарскими журналистами велась долгая агитация народа: в своих публикациях они зывали к чувствам милосердия мусульман, доказывали необходимость оказания помощи единоверцам.

«В то время, как мы слышим и видим бедствия крымских и кавказских мусульман и такие начальствующие лица, как карский губернатор, сами призывают мусульман оказывать помощь, слишком мало будет ограничиться доставкой раненым книг и журналов и писанием для них писем, – писала оренбургская газета «Вақыт» 7 февраля 1915 года. – Если представить себе: семьи из Карской области, у которых разрушены дома и уничтожены имущества; вдов, сирот, голодных и проливающих слезы, среди бедствий наших единоверцев; погибающих среди снегов стариков, старух и больных, а также ради куска хлеба умоляюще заглядывающих вам в глаза невинных детей – (если все это представить) – тогда покажется более сносным положение раненых, находящихся в теплых, хорошо обставленных больницах и имеющих возможность пить и есть сколько угодно»¹.

Много писал об этом и известный писатель Гаяз Исхаки в газете «Иль». Он прямо заявлял о боязни мусульман навлечь на себя внимание органов жандармерии и старался успокоить читателей, что в этом случае их действия не будут интерпретированы как нечто противозаконное, и никто по этому поводу не будет писать доносы на них².

Уже в начале февраля 1915 года в некоторых российских городах появились особые комитеты помощи пострадавшим мусульманам Карской области³. На конец февраля – март 1915 года приходится наибольшая активность по сбору благотворительных средств. Здесь надо учитывать и то, что любая общественная инициатива должна была быть разрешенной со стороны губернских властей. Так, с 25 февра-

---

¹ Инородческое обозрение за июнь 1915 года. Кн.11-я. – Казань, 1915. – С.854–856

² Исхакий Г. Эсэрлэр. – Т.7. – Казан, 2008. – Б.17.

³ Уфимский вестник. – 1915. – 11 февраля. – №32.

ля открыла прием пожертвований в пользу пострадавших от войны карских мусульман уфимская газета «Турмуш». Практически в первую же неделю от жителей Уфы поступило 585 рублей. Собранные средства отправлялись в Бакинский мусульманский комитет¹.

Аналогичный комитет по сбору средств в пользу карских мусульман был открыт и в Оренбурге². Еще до его официального открытия оренбургские татары собрали 1200 рублей. После регистрации Оренбургского комитета вспомоществования мусульманам Карской области в первый же день поступило еще 2 500 рублей. Крупные пожертвования сделали торговое общество «бр. Хусаиновы», Хусаин Хусаинов, Закир Рамеев, Галим Фаткуллин³. На 18 марта в Оренбурге было собрано 5 тысяч рублей⁴.

По сообщению газеты «Халык» планировали организовать такой комитет и мусульмане г.Астрахани. В Москве и Казани в конце февраля несколько раз ставились благотворительные спектакли на татарском языке, сбор с которых также направлялся в Карскую область⁵.

Пожертвования от частных лиц из разных сел и уездных городов поступали в редакции татарских газет «Вақыт», «Турмуш», «Халык», «Иль» и т.д. По словам Гаяза Исхаки, денежные средства в пользу пострадавших мусульман Карской области собирались не только в городах, но и в селах и деревнях. Практически каждый населенный пункт, где проживали татары, мусульмане откликнулся на призыв о помощи. К началу марта, по данным Исхаки, никак не проявили себя в этом плане лишь мусульмане из Семипалатинска. В своей статье «Карские мусульмане», опубликованной в газете «Иль» 1 марта 1915 года писатель стыдил единоверцев из этого города и звал присоединиться к общей благотворительной кампании⁶. В статье от 11 марта того же года Г.Исхаки обращался к тем, кто готов усыновить осиро-

---

¹ Уфимский вестник. – 1915. – 3 марта. – №49; Уфимский вестник. – 1915. – 11 марта. – №56.

² Ислам на Урале. Энциклопедический словарь / Сост. А.Н.Старостин. – М.: Изд. дом «Медина», 2009. – С.238.

³ Уфимский вестник. – 1915. – 4 марта. – №50.

⁴ Исхакий Г. Курс. хезм. Б.53.

⁵ Казанский телеграф. – 1915. – 20 февраля. – №6511; Уфимский вестник. – 1915. – 4 марта. – №50.

⁶ Исхакий Г. Әсәрләр. – Т.7. – Казан, 2008. – Б.41.

тевших маленьких карских мусульман. Он писал о том, что среди мусульман приюты еще не получили особого распространения, дети воспитываются в семье. Для 4–5 миллионов семей кавказских и поволжских мусульман, по его мнению, не составит большого труда приютить у себя 5–6 тысяч сирот из Карса¹.

В Уфе благотворительный спектакль в пользу мусульманского населения Карской области прошел чуть позднее – 10 марта 1915 года в зале Городской думы. Спектакль был поддержан местными крупными предпринимателями С.Шамгуловым, Х.Каримовым, С.Назировым².

По словам Г.Ибрагимова, пребывавшего в эти дни в Уфе, местные артисты-любители собирались ставить пьесу Ф.Амирхана «Неравные», просили у него полный текст. Однако пьеса в это время находилась в печати у казанских издателей³. Поэтому, по всей вероятности, из-за технических трудностей (отсутствия текста, медленной работы почты) для показа было выбрано другое произведение.

Ставились татарские спектакли артистами-любителями и в других городах империи. В Ташкенте публике был представлен спектакль по пьесе Г.Камала «Даджалъ» («Демон»), сбор с которого составил 600 рублей. 12 марта благотворительный показ в пользу карских мусульман прошел в уездном городе Челябинске. Татарская общественность подготовила для этого пьесу Апанаева «Байлар хале» («Положение богачей») и комедию «Счастливый муж».

20 марта в г.Троицке Оренбургской губернии был устроен день «Карских мусульман». Всего в этот день троичане пожертвовали 2765 рублей 37 копеек. Активное участие в сборе принимали муллы семи мечетей города, так из общего сбора более 1638 рублей дали прихожане мусульманских храмов Троицка. Кроме того, татарская молодежь собирала пожертвования и на улицах города⁴.

По далеко неполным данным за февраль-март 1915 года волгоуральскими татарами в пользу карских мусульман было собрано более 11 тысяч рублей. Для сравнения, на открытие мусульманского

---

¹ Там же. С.48.

² Уфимский вестник. – 1915. – 7 марта. – №53.

³ Г.Ибрагимовның Ә.Хәсәнигә хатлары // Әхмәтгәрәй Хәсәни: Фәнни-популяр жыйынтык. – Казан, 2011. – Б.141.

⁴ Уфимский вестник. – 1915. – 9 апреля. – №77.

госпиталя в Казани со всем необходимым оборудованием в конце 1914 года потребовалось 18 334 рубля¹.

Положение населения Карской области оставалось тяжелым и в мае 1915 года. Объехавший в это время Ардаганский округ азербайджанский доктор Султанов (по поручению Общества пособия бедным мусульманам г.Баку) отмечал, что из 102 поселений 20 полностью уничтожены, в районе свирепствовал тиф. Голодное и страшно напуганное население продолжало скрываться в горах².

Карская проблема показала, насколько организованно может выступить татарская общественность: за малые сроки были открыты подписки через редакции газет, созданы комитеты по сбору пожертвований, поставлены благотворительные спектакли, организован «День карских мусульман». С одной стороны, помощь направлялась российским подданным, но излишняя агитация в пользу единоверцев-мусульман, судя по всему, не поощрялась органами власти. Например, из-за «вредной направленности», в 1915 году закрылись татарские газеты «Иль» (Москва), «Халык» (Астрахань), азербайджанская газета «Икбал» (Баку). Все редакции приняли активное участие в организации помощи карским мусульманам.

Помощь беженцам

Война охватила и российские территории, поэтому вскоре в тыловых губерниях появились первые беженцы из приграничных с фронтом районов. Их массовое прибытие началось в июле-августе 1915 года и продолжалось до окончания года. Уже в сентябре 1915 года количество беженцев было примерно 750 тысяч человек, а к концу года число вынужденных переселенцев достигло 2 млн. Эти показатели продолжали расти. Основная масса беженцев была нерусской: в приграничных областях империи проживали поляки, евреи, латыши и прочие народности. Неслучайно, на местах возникали различные благотворительные комитеты, в том числе и по национальному признаку. Работали польские, еврейские, латышские и другие школы для детей беженцев³.

---

¹ Казанский телеграф. – 1914. – 16 сентября. – №6387.

² Камско-Волжская речь. – 1915. – 26 мая. – №115.

³ Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. – 1999. – №8. – С.104.

Среди эвакуированных поляков были и мусульмане – польско-литовские татары. На рубеже XIX–XX вв. их насчитывалось около 6–10 тысяч человек. Они проживали в таких крупных городах как Варшава, Вильно, а также в сельской местности¹.

Вблизи большинства населенных пунктов Гродненской губернии, где компактно проживали татары, в 1914–1915 гг. шли сильные бои. Многие мусульмане западных губерний империи предпочли уехать в Крым, другая часть избрала местом убежища Кавказ и Поволжье².

Первые беженцы приехали в Казанскую губернию в начале августа 1915 года. Сначала их было немного, местом расселения выбрали один из городских ночлежных домов. Обеды для беженцев отпускались в особые часы в столовых, устроенных для детей военнослужащих. Постепенно число эвакуированного населения в городе росло, тогда отвели еще одно помещение – барак для погорельцев, построенный когда-то в забулачной части Казани³.

Они прибывали в основном по железной дороге, но были и так называемые лошадные беженцы. «Кто был в эти дни в Казани, тот знает, сколько скорби, нравственных страданий и физических лишений несли с собой беженские поезда. Голодные, оборванные, придавленные обрушившимся несчастьем люди сразу предъявили такую массу индивидуальных запросов и желаний, что удовлетворить все их нужды оказалось совершенно не под силу многочисленным общественным организациям, возникшим в эти дни», – писал очевидец событий. Многие родственные группы и даже отдельные семьи потерялись в пути, это создавало определенные трудности после их прибытия на место назначения. Казань являлась неким промежуточным пунктом: большую часть беженцев отправляли в уезды. Но они с неохотой уезжали туда, например, если семья на тот момент была не в полном составе, и кто-то отстал в пути. Кроме того, многих вынужденных переселенцев пугало путешествие по Волге. Они отказывались добираться до уездов по воде «ибо в их представлении Волга являлась вечно бу-

---

¹ Усманова Д. Документы по истории польско-литовских татар из архива Литвы // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2008. – №1. – С.127.

² Гришин Я. Польско-литовские татары (наследники Золотой Орды). – Казань, 1995. – С.86.

³ Обзор деятельности по Казанской губернии за первый год Великой Отечественной войны 1914–1915 гг. // Адрес-календарь и справочная книга Казанской губернии за 1916 год. – Казань, 1916. – С.LXXV.

шующим морем, путешествие по которому сопряжено с чрезвычайными опасностями». Приходилось долго разъяснять, что это наиболее удобный и достаточно безопасный вид транспорта. Между тем пароходы часами ждали нерешительных пассажиров.

К декабрю 1915 года число прибывших в Казанскую губернию беженцев достигло 67 тысяч¹. Для сравнения в соседней Уфимской губернии на 1 ноября 1915 года проживало более 63 тысяч беженцев. При этом около 5 тысяч вынужденных переселенцев проживали в самом губернском центре².

Такая же ситуация наблюдалась и в Казани. Несмотря на постоянный приток в городе редко находилось более 5–6 тысяч беженцев, при этом значительная часть приходилась на больных. После закрытия навигации, т.е. с 20 октября, беженцев начали селить только в пределах Казанского, Свияжского и Цивильского уездов³. Большинство беженцев (93%) были зарегистрированы как русские, но, вероятно, в эту цифру входили и белорусы, и украинцы. Так сельский священник Алексей Кулесов отмечал в своей публикации о том, как приехавшие в их края белорусские крестьяне из Полесья записывались русскими⁴. Поляков-беженцев было зарегистрировано 2 666 человек, татар – 58 человек⁵. Очевидно, эти цифры тоже были относительными.

Поволжские мусульмане всегда чувствовали свое родство с польско-литовскими единоверцами. Еще до войны в татарской прессе появлялись публикации о польских татарах: об их обычаях и быте. Одним из первых обратил внимание на традиции западных мусульман Исмаил Гаспринский в работе «Русское мусульманство: мысли, заметки и наблюдения мусульманина», написанной в 1881 году, он отмечал их образованность и открытость, отсюда более активную инкорпорированность в российскую систему управления⁶.

---

¹ Земская неделя. – 1916. – 21 февраля. – №8. – С.3.

² Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914–1918. Сборник документов и материалов / Сост. Р.Н.Рахимов и др. – Уфа: Китап, 2014. – С.285, 298.

³ Земская неделя. – 1916. – 21 февраля. – №8. – С.3.

⁴ Кулесов А. Беженцы (из деревни) // Земская неделя. – 1916. – 21 февраля. – №8. – С.6.

⁵ Земская неделя. – 1916. – 21 февраля. – №8. – С.4.

⁶ Исмаил Гаспринский: Историко-документальный сборник / Сост. С.Рахимов. – Казань, 2006. – С.71–73.

Особенно разносторонние (семейные, культурные, политические, экономические) связи со своими единоверцами польско-литовские татары стали устанавливать в XIX веке, состоя на государственной службе, при прохождении обучения в российских учебных заведениях¹. В редких случаях заключались браки между казанскими и польскими татарами. Например, один из сыновей Фатыхи и Сулеймана Аитовых был женат на польской татарке. Такие семейные союзы воспринимались очень лояльно, и не считались нарушением традиций.

По аналогии с общественными самоорганизациями мусульман центрального и волго-уральского регионов, польско-литовские татары накануне Первой мировой войны создавали свои кружки и общества. Например, в Петербурге работал «Кружок польских студентов-мусульман», в Вильно появилось «Литовско-мусульманское общество помощи бедным мусульманам». Весной 1913 года поволжскими татарами было создано мусульманское благотворительное общество в Варшаве, которое насчитывало 118 членов. Председателем данного общества являлся генерал М.Крычинский².

Единственным барьером в общении между поволжскими мусульманами и польскими был язык. Польские татары сумели сохранить свою религиозную идентификацию, но языком их повседневного общения со временем стали польский и русский. Тем не менее, единая религия являлась мощным фактором солидарности. 6 сентября 1915 года в Казани состоялось собрание мусульманского отдела помощи жертвам войны. Председатель С.Алкин описал ужасы войны и положение беженцев, призвал всех подключиться к работе по оказанию помощи беженцам-мусульманам. К этому времени было определено по квартирам 111 человек, на разные должности – 29, из детей отданы в русские школы – 3 ученика, в мектебы – 20. Ежедневно взрослым беженцам выдавалось по 20 коп., детям – по 10 коп. на каждого. Средства собирались как по подписке, так и с помощью различных благотворительных культмассовых мероприятий³.

---

¹ Думін С.У., Канапацкі І.Б. Беларускія татары: Мінулае і сучаснасць. – Мінск: Польша, 1993. – С.140.

² История татар с древнейших времен в семи томах. – Т. VI. – Казань, 2013. – С.137.

³ Камско-Волжская речь. – 1915. – 8 сентября. – №199.

По аналогии с латышскими, еврейскими комитетами в Казани в сентябре 1915 года был организован Мусульманский комитет помощи беженцам. Комитет состоял из различных комиссий. Так комиссию здравоохранения возглавлял врач Абубакир Терегулов, за встречу беженцев на вокзале отвечала комиссия под руководством студента Султана Габяши, комиссию по организации питания эвакуированным доверили Суфие Ахмеровой. Делопроизводственные вопросы курировала комиссия во главе со студентом Гиззетдином Сайфельмулюковым. Как видно из руководящего состава комиссий, движущей силой Мусульманского комитета являлась молодежь, в том числе студенческая¹. К слову, комитет по оказанию помощи беженцам действовал и при Казанском университете. В его состав входили профессора А.Н.Казем-Бек, М.М.Хвостов, В.С.Груздев и другие преподаватели университета². Вероятно, пример педагогов вдохновлял и студентов.

«Студенты-татары и вообще татарская молодежь теперь усиленно заняты работой по устройству беженцев-мусульман. В татарской среде совсем не замечается отражения в какой-либо форме политической возбужденности, проявляемой столицами. Наоборот, чувствуется сознательное спокойствие, чтобы не получить укоров в неблагоприятности», – докладывал агент «Житель» сотрудникам казанской жандармерии в сентябре 1915 года³.

Мусульманский комитет был озабочен вопросами питания и состояния здоровья беженцев. Некоторые из переселенцев после тягот дороги нуждались в срочной медицинской помощи, их отправляли в городские больницы. Несмотря на это были и случаи летального исхода. Кроме того, члены комитета контролировали вопросы отопления помещений, где размещались беженцы. Особенно актуальным становился этот вопрос с наступлением холодов. Уже в сентябре 1915 года Мусульманский комитет по оказанию помощи беженцам просил городскую управу выделить дрова для этой цели⁴.

---

¹ У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани в годы Первой мировой войны. 1914–1917). Сборник документов и материалов. Кн.2. – Казань: Гасыр, 2003. – С.116.

² Казанская губерния в период Первой мировой войны. Сборник документов и материалов. – Казань: Главное архивное управление при КМ РТ, 2014. – С.129.

³ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1517. Л.72.

⁴ Казанский телеграф. – 1915. – 10 сентября. – №6670.

По данным 13 сентября того же года в центр Казанской губернии прибыли 111 беженцев-мусульман, уже 15 сентября их число достигло 135. В основном, это были старики, женщины и дети. Лишь 41 человек считался работоспособным. Что касается социального статуса эвакуированных польских татар, то преимущественно они относились к рабочему люду: в мирное время трудились на фабриках и заводах. Среди детей немало было тех, кто совсем не умел читать по-русски. Нашлась лишь одна девочка, которую устроили в 6-й класс гимназии, еще несколько человек стали обучаться в городских училищах¹. Таким образом, столкнувшись со своими единоверцами из западных окраин империи в условиях войны, поволжские татары открывали для себя их с иной стороны. Если раньше в различных публикациях фигурировали преимущественно образы польско-литовских мусульман из просвещенных дворянских кругов, то в качестве беженцев прибыли простые слои населения, не всегда имеющие возможность и средства для обучения. При этом все беженцы являлись искренне верующими мусульманами, они готовы были отдать своих детей в мусульманские школы.

В том же 1915 году в казанском медресе «Мухаммадия» был открыт специальный класс для обучения польских татар. Однако из-за трудностей с языком обучения, этот класс просуществовал совсем недолго. И уже в 1916 году его распустили². Если татарская общественность в Казани хотела организовать преподавание детям беженцев-мусульман по традиционному принципу, т.е. на татарском языке, то более приемлемый альтернативный вариант обучения предложили им в Оренбурге. Особый комитет для оказания помощи мусульманам-беженцам из Польши и Литвы (такие же комитеты работали в Казани и Уфе) открыл в Оренбурге русско-татарскую школу для детей беженцев. Преподавание велось сразу на двух языках³.

Весной 1916 года, с открытием навигации, беженцы, оставшиеся в Казани, отправлялись в уезды. При этом переселению подлежали те из них, кто не имел в городе определенного заработка. В Казани оставляли немощных стариков и старух, так как они не могли участво-

---

¹ У милосердия древние корни..... – С.113–114.

² Әмирхан Р. «Мөхәмәдия» мәдрәсәсе // Мәдрәсәләрдә китап киштәсе. Мәшһүр мәғрифәт үзәкләре тарихынан. – Казан, 1992. – Б.19.

³ Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). – Уфа, 2002. – С.210.

вать в сельскохозяйственных работах и считались «обузой трудовому населению»¹, а также больных. Например, в Ново-Татарской слободе размещался холерный барак для беженцев, имелись отдельные бараки для больных дифтерией и скарлатиной в других частях Казани².

В целом, как констатируют исследователи данной научной проблемы, «коренное население тыловых территорий встретило эвакуированных сочувственно и благожелательно»³. Так объехавший селения Белебеевского уезда Уфимской губернии местный священник – о. Леонид Хомик отмечал о том, что в татарских деревнях местные жители «относятся к беженцам сердечно, входят в их нужды, а некоторые из татар (дер.Аксеновой), не получая квартирных денег за беженцев, не только не лишают беженцев квартир, но даже отапливают и освещают их на свои средства, хотя сами они и бедны». Зажиточные татары давали беженцам работу «по справедливой оценке». Кроме того, священнослужитель обратил внимание на то, что татары в этом отношении выгодно отличались от старообрядцев Усень-Ивановского завода того же уезда. Староверы оценивали вынужденных переселенцев, подселенных к ним, как иноверцев и пытались выжить любыми способами из своих квартир. Интересно, что другой православный священник – о. Григорий Войтовский, инспектировавший Стерлитамакский уезд, находил соседство местных жителей (татар) и беженцев нежелательным. Он указывал на «крайне бедственное положение беженцев в татарских деревнях», при этом не только в материальном, но и в религиозном отношении. Поэтому он просил переселить их в русские селения. Возможно, священнослужитель оценивал ситуацию с миссионерской точки зрения и опасался «вредного» влияния мусульманской культуры на переселенцев⁴.

С усложнением социально-экономической и политической ситуации в стране ухудшилось и положение беженцев. Да и местное население спустя несколько лет было настроено не так доброжелательно как в первое время. Из-за роста цен, а в связи с этим и расходов на по-

¹ Земская неделя. – 1916. – 13 марта. – №11. – С.7.

² Казанская губерния в период Первой мировой войны. Сборник документов и материалов. – Казань: Главное архивное управление при КМ РТ, 2014. – С.91.

³ Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. – 1999. – №8. – С.110–111.

⁴ Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914–1918. Сборник документов и материалов / Сост. Р.Н.Рахимов и др. – Уфа: Китап, 2014. – С.305.

стой и содержание подселенных людей, к беженцам начали относиться менее лояльно, как к некоей обузе. Этому способствовало и настроение самих беженцев, мечтавших поскорее уехать домой, не стремившихся устраиваться на работу, налаживать быт в местах вынужденного пребывания¹. Пайки выделяемые государством не поспевали за ростом цен, а после февральской революции 1917 года и их высылка из столицы порой задерживалась. Как сообщал член казанской губернской земской управы С.А.Бекетов в марте 1917 года, к этому времени выдача пайков была сокращена на 50%². Не надеясь на чужую помощь некоторые категории беженцев (ремесленники, чернорабочие и торговцы) временно устраивались на работу. Таких людей особенно много было в городах, тогда как в уездах беженцы оставались на иждивении государства и частных благотворителей. Однако пожертвования частных лиц уменьшались с каждым месяцем 1917 года³.

Положение беженцев в годы Первой мировой войны и история их реэвакуации еще нуждается в дальнейшем изучении. Например, при разработке данного сюжета мы опирались на крайне скудную источниковую базу и литературу. К сожалению, еще меньше информации о польско-литовских татарах и их взаимоотношениях с тыловым населением Волго-Уральского региона в 1915–1918 гг. Возможно, отдельные следы об этом периоде истории данной народности отложились в фондах польских архивов.

Тем не менее, обращение к теме беженцев было не случайным. Эта проблема раскрывает важную черту менталитета татарина-мусульманина. С одной стороны мы видим искреннее стремление помочь единоверцам из Польши (мусульманские комитеты по оказанию помощи беженцам из Польши и Литвы, специальные классы и школы для детей польско-литовских татар и т.д.), с другой наблюдалось аналогичное сочувственное отношение и к беженцам, исповедующим другие религии. Человек, нуждающийся в помощи, для мусульманина не имеет веры и нации, обязанность верующего оказать ему посильную помощь. Этой заповеди и следовали татары внутренних губерний России в годы Первой мировой войны.

---

¹ Курцев А.Н. Указ. соч. С.110–111.

² Земская неделя. – 1917. – 23 марта. – №12. – С.12.

³ Земская неделя. – 1917. – 6 августа. – №31. – С.13.

* * *

Мусульмане Российской империи на протяжении многих десятилетий считались инородцами, лишенными патриотических чувств и потому не претендующими на широкие права. В годы войны сохранилась довоенная подозрительность в отношении инородческого населения. Однако слабость аналитической работы, непрофессиональная агентурная сеть, порочная практика опоры на анонимные доносы, изначально ошибочное идеологическое направление в деятельности жандармерии, выразившееся в борьбе с так называемым панисламизмом приводило к пустой трате интеллектуальных сил и являлось источником постоянной напряженности в мусульманских общинах. Оно также создавало идеальные условия для активности служебных карьеристов и лиц, преследовавших свои личные, часто корыстные цели. В то же время, настоящие профессионалы расследований, не озабоченные какими-либо субъективными интересами, в ходе многолетней работы приходили к выводу об отсутствии противоправительственной деятельности среди джадидской буржуазии и духовенства. Вероятно, именно, эту тенденцию можно назвать главным итогом жандармских расследований большинства дел по панисламизму.

Первая мировая война, как и любая экстремальная ситуация, стала временем демонстрации самых разных эмоций и поступков. Предательства и доносительства, преследование материальных и личных интересов, зависть и страх.... В этом ряду стоит отдельно выделить религиозные чувства, и производные от нее милосердие и сострадание к ближнему.

Порой искусственная сегрегация представителей различных конфессий привела к тому, что российские мусульмане привыкли действовать в пределах своего религиозного сообщества, осуществлять социальные проекты связанные, прежде всего, с мусульманской верой. Иллюстрацией данных ментальных установок стали настроения и поведения татар-мусульман в годы Первой мировой войны. Вопреки сложившейся политической ситуации некоторые татарские предприниматели оказывали помощь турецким военнопленным, памятуя о единой с ними вере. По всей России прошли благотворительные кампании, связанные с карскими мусульманами. В Поволжье и Приуралье местные мусульмане старались окружить вниманием беженцев из польских и литовских татар – вынужденных переселенцев из западных губерний страны. С одной стороны эта деятельность была про-

диктована единоверческими чувствами, с другой мусульмане не смели заявлять о готовности брать более широкую социальную ответственность, поскольку всегда были на вторых ролях. Да и помощь своим единоверцам осуществлялась с некоторой оглядкой, т.к. многие опасались обвинения в панисламизме. Другое дело поведение в частной сфере. Как показывают документы, в татарской крестьянской среде оказывалась одинаковая поддержка беженцам всех конфессий. Определяющую роль здесь играли чувства сострадания к нуждающимся.

3.3. «Теперь уж нет и сахара, а чай покупают, вступив в пай ...» (материальные вопросы войны)

Первая мировая война совпала с расцветом буржуазной экономики: функционировали различные монопольные объединения, были установлены теснейшие экономические связи между государствами. Например, одним из партнеров Российской империи являлась Германия, страны сотрудничали в самых разных сферах экономики: от поставок сельскохозяйственных машин и орудий до банковского кредитования. Начавшийся мировой конфликт разрушил налаженные механизмы взаимодействия и поэтому в годы войны особенно обострились финансовые, а вместе с ним и материальные вопросы. При этом из-за сильной дифференциации российского общества жизнь населения еще до начала Великой войны отличалась контрастами: миллионные капиталы соседствовали с полуголодным существованием некоторых жителей империи. Первая мировая война лишь усугубила имеющиеся социальные проблемы и прибавила новые.

В целом, на первых порах войны цены на продовольствие и предметы первой необходимости еще оставались стабильными, кардинальных перемен в жизни не наблюдалось. О войне напоминали патриотические призывы на страницах газет, манифестации и молебны, и самое главное, массовая мобилизация запасных нижних чинов. Хотя собрать солдата в дорогу для крестьянской семьи являлось не простой задачей: нужно было подготовить одежду, теплые вещи, продукты, призывнику отдавались и кое-какие сбережения¹.

---

¹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.5759. Л.1.

Мобилизация средств передвижения

Тяжелым бременем, особенно крестьянам, ложилась воинско-конская повинность. Например, по воспоминаниям жителей села Кугарчин Казанской губернии сразу после объявления о войне уездное начальство и староста составили список имеющихся в хозяйствах лошадей, одна лошадь назначалась на каждые шесть домов деревни. Кроме того, каждая семья должна была за неделю подготовить по четыре килограмма сухарей. Причем, по свидетельству старожилов, в 1916 году собирали уже с каждого дома по 12 кг сухарей¹.

Мобилизация основной тягловой силы – лошадей на военные нужды воспринималась населением неоднозначно. Хотя отобранное имущество потом компенсировалось, но люди все равно тяжело реагировали на эту повинность. Тем более возвращали не рыночную стоимость товара, а лишь половину суммы. Крестьяне тяжело расставались с домашней скотиной, особенно во время полевых работ. Так советник Губернского правления Колибрин сообщал в своем рапорте от июля 1914 года о том, что «лошади, назначенные из Чистопольского уезда в 305 и 306 пехотные полки пришли не те, которые были приняты, так как при поступлении в полки на них не оказалось ни бирок, ни пломб, и сами лошади по своим качествам не удовлетворяют требованиям похода»². Очевидно, что хозяева отобранных для войск лошадей умудрились заменить их.

Уже в 1915 году в разных губерниях Российской империи в судебном порядке рассматривались целые серии дел о «сокрытии лошадей». Порой хозяева специально договаривались с руководителями воинско-конских участков и за определенную плату меняли хороших лошадей на плохих животных³.

Надо отметить, что татарское население использовало лошадей не только в сельском хозяйстве, но и в извозничьем промысле. В ходе военной мобилизации часть «барабусов» лишилась своих кормилиц. В эти дни весьма трудно было найти свободный экипаж или телегу. Не работали конки⁴. Впрочем, немало было среди извозчиков и

¹ Ваһапов Н.Х. Күгәрчен тарихы. – Казан: Инновацион технология үзәге, 2014. – Б.156–157.

² НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6986. Л.22.

³ Вестник полиции. – 1915. – Май. – №19. – С.602.

⁴ Волжское слово. – 1914. – 19 июля. – №2031.

призывников. Лошади требовались для перевозки новобранцев, запасных нижних чинов в призывные пункты. Однако во время жатвы не каждый крестьянин готов был тратить свое время и основную рабочую силу – лошадь на мобилизационные нужды. На этой почве в деревнях возникали конфликты между волостными начальниками и строптивыми хозяевами.

В конце августа 1914 года 38-летний крестьянин деревни Ямбулатово Сатышской волости Мамадышского уезда Зайнулла Нурмухаметов попал под немилость местной волостной администрации за то, что во время июльской мобилизации отказался возить своих односельчан-призывников в деревню Тюбяк Ельшевской волости. По словам сельского старосты Нурмухаметов высказался следующим образом: «...я не позволял царю делать войну, война не для меня, я не обязан царю таскать людей, я о войне не тужу, у меня своей работы много, надо жать». Хотя потом обвиняемый крестьянин и пытался ссылаться на поломку колеса своей телеги, в сентябре 1914 года дело было передано уже в Казанский окружной суд¹. Подобные дела в судебных органах в эти годы рассматривались довольно регулярно.

Те кто, сдали свои лошади на нужды армии, не сразу сумели получить компенсацию за них. Мобилизация средств передвижения была осуществлена за несколько дней, а средства за них выдавались не сразу. В результате, у дверей присутственных мест из желающих получить свои кровные деньги выстраивались длинные очереди. Причем люди стояли по несколько дней. Например, служащий казанской жандармерии 24 июля 1914 года подготовил в губернаторскую канцелярию следующее сообщение: «Имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что прибывшим крестьянам за получением денег по расчету за отобранных у них в казну по случаю войны лошадей приходится ожидать очереди на улице возле Казанского губернского казначейства 3–4 дня. 23 сего июля многочисленная толпа этих крестьян начала около упомянутого казначейства буянить и были моменты, что толпа эта с криками на «ура» хотела силою ворваться во внутрь помещения казначейства и потребовать с ними скорее рассчитаться за лошадей, но мерами общей полиции была отеснена вновь на улицу, причем в толпе слышались недовольные голоса крестьян: «Как крестьянину, то свои деньги ему приходится ожидать на

---

¹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.5758. Л.1–3.

улице 3–4 дня, а лишь приходит богатый помещик его же сейчас пропускают в казначейство и сейчас же с ним и рассчитываются»¹.

Между тем, у состоятельных граждан имелись проблемы другого характера. Понятно, что и они неохотно отдавали свое имущество, даже если имелось десяток лошадей, ведь компенсировалось оно также лишь наполовину. Но кроме поставки в войска лошадей, повозок, упряжи, была объявлена и автомобильная мобилизация². Например, в Казани прием «самодвижущихся экипажей» – автомобилей и мотоциклетов осуществлялся на Театральной площади 24 июля 1914 года³. С такой дорогой техникой, как автомобиль, расставаться было еще сложнее. Тем более у многих они появились, в основном, накануне Первой мировой войны.

Например, «форд» общественного деятеля и землевладельца из Уфимской губернии Салимгарея Джантюрина по всем параметрам подходил требованиям автомобильной мобилизации. Автомобиль тянул на 18 лошадиных сил⁴. Но перед уездным исправником машина предстала в абсолютно разбитом состоянии. В ходе проверок выяснилось, что автовладелец выехал на нем 20 июля из своего имения в д.Килимово Белебеевского уезда в город Вятку, оттуда направился в Петроград (там у Джантюрина был собственный дом), а «в 20-х числах августа автомобиль привезли поломанным» обратно в имение⁵. Остается лишь гадать, машина намеренно была доведена до такого состояния или это лишь стечение обстоятельств.

Житель села Набережные Челны Мензелинского уезда Г.Муллин сдал мотоциклет фирмы Гоган Пушъ. Интересно, что мотолюбитель был не особо грамотным. Возможно, это касалось только русской грамоты. Но, документы, связанные с проверкой транспортного средства, за него подписывал другой человек. Нет даже подписи владельца на татарском языке⁶. При этом Муллин занимался торговой

---

¹ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1492. Л.70.

² Обзор деятельности по Казанской губернии за первый год Великой Отечественной войны 1914–1915 гг. // Адрес-календарь и справочная книга Казанской губернии за 1916 год. – Казань, 1916. – С.V.

³ НА РТ. Ф.420. Оп.1. Д.251. Л.83.

⁴ ЦИА РБ. Ф.И–9. Оп.1. Д.1017. Л.1, 86, 189, 223.

⁵ Там же. Л.189.

⁶ ЦИА РБ. Ф.И–9. Оп.1. Д.1017. Л.108, 203.

деятельностью и за четыре года до этого, в 1910 году женился на дочери елабужского дьякона Л.Зубаревой из Вятской губернии. Дочь православного священнослужителя приняла ислам¹. Очевидно, одним из проявлений успешности этого человека являлось и владением новым транспортным средством. Однако в годы войны уже было не до мерил успешности, на первый план вышли вопросы личной безопасности: на войне или даже в тылу. Ведь никто не хотел получить ярлык «политически неблагонадежного» человека за свою строптивость или же нечаянно высказанное слово.

Мобилизация средств передвижения проводилась не только в первые месяцы войны, но и позднее. Например, 21–23 октября 1915 года только в городе Мамадыше и Мамадышском уезде Казанской губернии в ходе военно-конской мобилизации в армию было принято 360 лошадей².

Кстати, в виде возмещения за нанесенный ущерб (за 4 миллиона лошадей, за повозки и упряжь, взятых в армию путем мобилизаций) населению за все годы войны было уплачено около 400 миллионов рублей³.

Первые материальные затруднения

Война практически сразу же отразилась на торговле. Фрагментарные ценовые скачки начались уже во время первого призыва. Большое скопление населения в городах (как призывников, так и их родственников) порождал дефицит продуктов питания. Некоторые торговцы стремились воспользоваться ситуацией и умышленно завышали цены⁴. Например, казанский губернатор П.М.Боярский в конце июля 1914 года предложил уездным городским думам установить твердые цены на продукты первой необходимости (хлеб, мясо и т.д.)⁵. Собственно волнения запасных чинов были связаны не только с закрытием винных лавок во время призыва, но и нехваткой продовольствия. Для мусульман дело осложнялось тем, что первая мобилизация пришлась на время священного месяца Рамадана. Солдаты, соблюдающие пост, могли

---

¹ РГИА. Ф.821. Оп.133. Д.491. Л.144.

² НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1570. Л.87.

³ Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). – М., 1925. – С.6.

⁴ Вятская речь. – 1914. – 27 июля. – №162.

⁵ Казанский телеграф. – 1914. – 30 июля. – №6349.

позволить себе прием пищи только после заката, но им в это время никто не предоставлял еду, т.к. кормиться они должны были в определенное время – днем с общего котла. Это стало одной из причин разгрома продовольственных лавок в уездном городе Стерлитамаке Уфимской губернии в июле 1914 года¹. Самарские журналисты в начале августа 1914 года с иронией писали о том, что объявлена «третья мобилизация», но уже среди торговцев. «Возросли цены буквально на все. Вздорожали: мясо, хлеб, сахар, обувь, осветительные материалы, аптекарские товары и пр. Можно подумать, что город окружен со всех сторон неприятелем и подвоз продуктов первой необходимости к нему совершенно прекращен», – отмечали они². Хотя в это время в Самаре продукты питания и товары первой необходимости имелись в достаточном количестве, торговцы, прогнозируя проблемы с транспортировкой грузов, заранее взвинчивали цены. Большой спрос оказывал влияние и на качество продаваемого товара, увеличились случаи фальсификации продуктов питания и предметов первой необходимости. «Масло, молоко, колбаса, кондитерские изделия, хлеб, а также мыло были зачастую недоброкачественными и иногда могли причинить вред здоровью», – пишет современный исследователь «продовольственного вопроса» Я.А.Голубинов³.

Влияние войны сказывалось на ярмарочной торговле. Например, во время Нижегородской ярмарки, которая традиционно проходила летом, крупные оптовые торговцы не спешили совершать сделки с мелкими продавцами. Появились затруднения в проведении кредитных операций, закрылся заграничный рынок сбыта для древесины, пушнины, кож и некоторых других товаров. Из-за перегруженности железнодорожного транспорта, ярмарочная торговля в Нижнем Новгороде поддерживалась исключительно за счет водного сообщения⁴. Таким образом, одна из самых популярных среди татарских предпринимателей ярмарок понесла убытки уже в первый месяц войны.

---

¹ Рязанский И.В. Тыловая российская повседневность в условиях Первой мировой войны: Южный Урал в июле 1914 – феврале 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2006. – С.173.

² Н.С-кий. Три мобилизации // Волжское слово. – 1914. – 3 августа. – №2044.

³ Голубинов Я.А. Продовольственный вопрос в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2009. – С.14.

⁴ Вятская речь. – 1914. – 30 июля. – №164.

Крестьянскими семьями определенные проблемы начали ощущаться в начале войны: это и мобилизация лошадей, и неурожай 1914 года¹. Да и уход трудоспособного мужского населения на войну, особенно в сельской местности, не лучшим образом сказывалось на материальном положении семьи. Многие солдаты перед уходом сокращали поголовье скота, продавали его, дабы облегчить хозяйственные заботы домочадцев. Однако при повышении цен вырученные с продажи скота деньги быстро обесценивались. В параграфе о положении татарских женщин имеется более подробный сюжет о состоянии татарских хозяйств в сельской местности. Здесь лишь отметим, что многими авторами подчеркивалось неумение татарок практично вести хозяйство. Впрочем, некоторые из них все же освоились в новых военных условиях: как в сельском хозяйстве, так и в городской среде.

Во время мобилизаций на некоторых домохозяев были возложены обязанности по расквартированию войск. Не во всех маленьких городках хватало казенных и общественных помещений для размещения мобилизованных солдат. Например, в маленьком Свияжске количество призывников превысило даже население города, из-за этого запасных нижних чинов пришлось разместить по окрестным деревням². Конечно, питание солдат и аренда частных квартир оплачивались государством, но проживание совместно с чужими людьми все равно воспринималось населением без особой радости и энтузиазма. Тем более солдаты порой вели себя весьма вызывающе. Но в период мобилизации практически каждый городской домовладелец должен был разместить у себя нижних чинов. Так в татарских слободах г.Казани задействовали для этого большинство домов. Причем в районе проживания относительно бедного населения – у домовладельцев Ново-Татарской слободы – планировалось разместить от 1 до 6 человек³. В богатых домовладениях жителей Старо-Татарской слободы число нижних чинов доходило порой до 96 человек, а число солдатских лошадей до 60 (Гали-

---

¹ Сибгатов Б.И. Деревня в Казанской губернии в 1916 году // Хозяйствующие субъекты аграрного сектора России. Сборник материалов IV Всероссийской (XII Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. – Казань, 2012. – С.250.

² Обзор деятельности по Казанской губернии за первый год Великой Отечественной войны 1914–1915 гг. // Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии за 1916 год. – Казань, 1916. – С.Х.

³ НА РТ. Ф.98. Оп.5. Д.3881. Л.645–654.

кеевы)¹. Это объяснялось тем, что в большинстве дворов, помимо основного дома, имелись флигели и множество подсобных помещений. В среднем, количество размещенных в этом районе колебалось от 10 до 30 человек. Так в дом Галимджана Баруди на углу Тихвинской и Сенной было определено 13 нижних чинов, у Сулеймана Аитова на Евангелистовской улице – 22 человека². Размещение военных по частным домовладениям в разных городах империи практиковалось в течение всей войны. Например, жительница Астрахани 21 июня 1915 года с ужасом писала своей родственнице в Казань о том, что у них в Царевской слободе (где жили татары – *прим. авт.*) переписывают количество жильцов, детей, число комнат и окон в домах для размещения в них нижних чинов. У богатых людей размещают от 12 до 30 солдат, – пишет она, – кто живет скромнее – по 2–3 человека³.

Казенная помощь

Первая мировая война отличалась от предыдущих российских военных кампаний тем, что государство гарантировало семьям призванных на войну материальную поддержку. После русско-японской войны был принят «Закон 25 июня 1912 г. о призрении семейств нижних чинов, находящихся на действительной службе в мобилизованных частях армии и флота, в государственном ополчении или в военных дружинах». Обеспечение продовольственными пайками (в денежном эквиваленте) было организовано уже в первые месяцы войны. В Казанской губернии выдача казенных пособий началось с конца августа 1914 года. Кроме того, открывались бесплатные столовые для солдатских семей. Однако различные махинации в этой области, прежде всего, со стороны некоторых семей (не обязательно нуждающихся в помощи) привели к тому, что вскоре была создана громоздкая бюрократическая система, контролирующая выдачу продовольственных пайков: уточнялось материальное положение семьи, количество реальных членов и другие моменты. До этого некоторые умудрялись обращаться в муниципальные органы по несколько раз, были и те, кто, имея достаточный материальный уровень, все же хотел получить полагаемую государственную помощь. Более того, встречались и такие люди, которые умуд-

---

¹ Там же. Л.577.

² Там же. Л.525–526.

³ Габдрахман Гомэри: Фэнни-биографик жыентык. – Казан, 2002. – С.236.

рялись извлекать из сложившейся ситуации прибыль. Так, в Самаре в начале августа было обнаружено, что некоторые семьи запасных чинов получали лишние талоны на бесплатные обеды в городской столовой, иногда в довольно внушительном количестве. Затем талоны продавались. После этого Самарская городская управа ужесточила систему выдачи. Вместо талонов были введены удостоверения, с указанием количества пайков на обед и молока для малолетних детей. Талоны и деньги на молоко начали выдаваться в кассе, а на удостоверении делалась соответствующая отметка об этом¹.

Таким образом, из-за таких злоупотреблений порой за бортом социальной программы оставались действительно нуждающиеся слои населения. Некоторые семьи по несколько месяцев не могли оформить продовольственный паек или же получить уже оформленный². Татарскому населению, подавляющая масса которого в то время не владела ни русской грамотой, ни разговорной русской речью, вдвойне трудно было отстаивать собственные права в различных органах власти. Составление каждого официального прошения требовало определенных денежных затрат, помимо государственных гербовых сборов, нужно было платить писарю, переводчику и т.д. Даже после установления более сложной системы выдачи пособий (прошения, проверка семей и т.д.) находились подводные пути для обхождения этих ограничений. Например, подкупая сельских старост, волостных и земских начальников, пособия получали семьи, у которых кормилец не был призван на войну. Но в результате подложных документов кормильцем представлялся ушедший на фронт дядя или другой родственник. В таких мошеннических схемах особенно часто были задействованы зажиточные семьи. В то же время по закону пособия выдавались лишь кровным родственникам, но жизненные обстоятельства оказывались сложнее писанных правил, поэтому без кормильца оставались приемные родители, приемные дети и другие категории граждан. Кроме того, были лишены и те семьи, родственники которых проходили в это время срочную службу³.

---

¹ Волжское слово. – 1914. – 12 августа. – №2050.

² Щербинин П.П. Военный фактор в жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. – Тамбов, 2004. – С.275.

³ Сибгатов Б.И. Особенности реализации государственной социальной помощи в Казанской губернии в годы Первой мировой войны // Научный Татарстан. – 2014. – №1. – С.78–79.

Продовольственные пособия, предназначенные солдатским семьям, занимали существенную часть их доходов. Солдаты в письмах давали наказы своим родственникам, чтобы те обязательно получили предназначенную им казенную помощь¹. Однако если в городе, в условиях постоянного роста цен на продовольствие, аренду жилья и прочие расходы, они выполняли скорее вспомогательную роль, то сельские жители, живущие преимущественно за счет собственного хозяйства и в своем доме, за счет государственной помощи немного даже улучшили материальное положение².

Неслучайно и основным инструментом влияния на солдат стали продовольственные пайки. Когда участились случаи так называемой добровольной сдачи в плен и дезертирства в 1915 году появился закон запрещающий выдавать семьям таких солдат казенных пайков. Военные начальники связывали уменьшение самовольной отлучки военнослужащих из частей и с этими мерами³.

Весьма характерным и циничным высказыванием этого времени являлась поговорка: «Үлмәсен дә, кайтмасын да, чыгып торсын акчасы» («Пусть будет жив, и пусть не возвращается, лишь бы платили за него деньги»). Собиратели татарского фольклора считали, что это присказка была распространена среди сельских солдаток, получающих казенный паек, в 1914–1917 гг.⁴ К слову, семьям солдат пропавших без вести не оказывалась социальная помощь. Поскольку считалось, что такие солдаты могли быть в плену. Поэтому органы управления были завалены прошениями от солдаток, с просьбами разыскать пропавшего без вести мужа⁵.

Реальность городских солдаток с детьми была немного другой. Особенно трудно приходилось приезжим женщинам, не имеющим в городах родителей и собственного жилого помещения, арендуящим для жилья чужие углы. Например, в 1915–1916 гг. в г.Казани судились

---

¹ Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. – Казань, 2002. – С.98.

² Солдатов Я.В. Казанское земство в период Первой мировой войны: историко-политический анализ: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2004. – С.113; Щербинин П.П. Указ. соч. С.288.

³ НА РТ. Ф.482. Оп.1. Д.38. Л.35об.

⁴ Исәнбәт Н.С. Татары халык мәкәлләре: мәкәлләр жыелмасы: 3 томда. 2-нче басма. – Т.3. – Казан, 2010. – Б.316.

⁵ НА РТ. Ф.1. Оп.5. Д.1547. Л.1–4.

со своей квартирной хозяйкой Анной Снеговой две солдатки – Марьям Хакимова и Хусни-Джамал Юнусова. Они проживали в доме на Вознесенской улице, их мужья ранее работали у Снеговой, и поэтому, вероятно, они некоторое время пользовались бесплатным жильем. Однако с уходом мужей на фронт, собственница решила освободить помещение от солдаток с детьми. Дело рассматривал мировой судья и постановил, что А.Снегова обязана компенсировать женщинам квартирные расходы, обязав ее выплачивать 5 рублей в месяц. Но в условиях постоянного повышения цен, данное решение не устроило Хакимову и Юнусову, поэтому они опротестовали судебное постановление¹.

Помощь солдатам и их семьям оказывалась не только со стороны казны, но и различных муниципальных, общественных организаций. Например, организовывались бесплатные столовые. При этом никто не собирався помогать всем семьям военнослужащих. Тщательно проверялась благонадежность, место проживания, источники доходов семьи и только после этого солдатки и их дети допускались к бесплатной раздаче пищи или теплых вещей. С 15 марта 1915 года работала бесплатная столовая в Козьей слободе г.Казани, открытая городской управой. На содержание в первое время отпускалось 350 рублей в месяц. Здесь ежедневно кормили 64 семейства, где имелось 169 детей². Помимо нее, в 1915 году в Казани действовали бесплатные столовые, открытые Обществом борьбы с детской смертностью и Семейно-педагогическим кружком. Открылись бесплатные столовые в уездных городах Чистополе (на 640 человек) и Лаишеве (70 человек). Действовали они и в некоторых уездах Казанской губернии³.

Несмотря на получение казенных пайков, сбор пожертвований, теплых вещей и годовые налоги ложились тяжелым бременем на сельчан. Одной из характерных примет военных лет в народной памяти сохранилась картина сборщика налогов, нагрузившего на свою телегу разные ценные вещи неплательщиков: войлочные ковры, самовары, подушки и прочий домашний скарб⁴. Так в Куллекиминской

---

¹ НА РТ. Ф.482. Оп.1. Д.20. Л.254–255.

² Там же. Л.55.

³ Обзор деятельности по Казанской губернии за первый год Великой Отечественной войны 1914–1915 гг. .... – С.LXIV–LXV.

⁴ Ваһапов Н.Х. Күгәрчен тарихы. – Казан: Инновацион технология үзәге, 2014. – Б.157.

волости Царевококшайского уезда Казанской губернии в 83 семьях солдат, призванных на войну в 1914 году, имелись недоимки перед земскими органами самоуправления. В зависимости от состава семьи каждая должна была заплатить от 4 до 30 рублей¹. Неудивительно, что в военные годы рассматривались различные варианты облегчения налогового бремени солдатским семьям, практиковалось списание земских долгов. Вообще, земствами проводилась огромная работа по социальной защите сельских семей: организация бесплатной вырубki леса для подготовки топлива, бесплатная помощь в сельскохозяйственных работах со стороны учащейся молодежи. Земства выступали посредниками между крестьянами и военнопленными, беженцами, которых за умеренную плату можно было нанять в качестве сезонных работников. Другое дело, что сельчане не всегда подхватывали земскую инициативу. Например, услугами военнопленных пользовались в хозяйствах довольно редко. Иногда целые деревни отказывались от такой помощи.

Сложнее приходилось вернувшимся с фронта инвалидам войны. Конечно, тяжело раненым определенная социальная помощь оказывалась. В Казанской губернии даже были планы по открытию специального «Дома инвалидов» в Раифской пустыни. Правда, рассчитан он была всего на 50 мест, а реальное число калек, раненых, контуженных солдат было гораздо больше. Если у них имелись легкие ранения (к примеру, зубы выбиты, отстрелена кисть и т.п.) уже труднее было добиться назначения пенсии. К примеру, в июне 1915 года бывший рядовой 163 пехотного Ленкоранского полка Идиатулла Минуллин (крестьянин дер. Большие Янасалы Тетюшского уезда) обратился в уездное присутствие с ходатайством о назначении ему казенной пенсии. В 1908–1911 годах он служил в армии. В июле 1914 года его вновь мобилизовали. В январе 1915 года солдата по состоянию здоровья отправили домой. У него имелся рубец на подбородке, и отсутствовали зубы. Как видно из прошения самого Минуллина, он был ранен ружейной пулей, повредил горло и лишился зубов, и с августа 1914 года находился на лечении в лазарете при Раменской фабрике. Однако уездная комиссия нашла, что человек он вполне трудоспособный, челюсть двигается, а зубы могли быть потеряны не только из-за военных обстоятельств, но и по другой причине. Поэтому кре-

¹ ГАРМЭ. Ф.119. Оп.1. Д.481. Л.2, 5–8об.

стьянину отказали в назначении пособия¹. Похожий случай произошел и с другим крестьянином того же Тетюшского уезда, жителем д.Чирки-Дюртелей Самигуллой Зайнуллиным. Уволенный рядовой 163 Ленкоранско-Нашибургского полка обратился в июне 1915 года к земскому начальнику с просьбой о пособии. У него отсутствовали ногтевые фаланги указательного и среднего пальца правой руки в результате ранения 22 августа 1914 года под Люблином. Комиссия решила, что военное увечье представляет собой менее 10 процентов утраты трудоспособности, поэтому в дополнительной материальной поддержке со стороны казны бывший солдат не нуждается². Такого рода прошений очень много, в большом количестве они отложились в фондах волостных правлений, уездных воинских присутствий. Бывшие солдаты годами обивали пороги официальных учреждений в надежде получить хоть какую-то помощь от государства. Но в условиях военного времени, а потом и постоянной смены власти это становилось все труднее и труднее. В тех случаях, когда государственная помощь оказывалась недостаточной, определенную поддержку оказывали общественные организации, частные благотворители.

Вынужденная благотворительность

С первых дней войны начался организованный сбор денег с населения. Формально это считалось добровольным пожертвованием. Но на деле такие сборы, особенно среди бедного населения, носили скорее принудительный характер. На это указывают многочисленные возмущения крестьян и рабочих по поводу сбора денег, как правило, их негативная реакция на просьбу о сдаче определенной суммы волостным или иным органом власти сопровождалась критикой в адрес властей. При желании волостных начальников или иных свидетелей эти высказывания в довольно короткие сроки дорастали до судебных разбирательств, с формулировкой «об оскорблении царя»³.

К слову, сумма так называемых добровольных пожертвований с сельских приходов в итоге оказывалась довольно скромной. Например, в июне 1915 года, по распоряжению оренбургского муфтия, мулла мечети деревни Малые Нырсы Ключищенской волости Лаи-

---

¹ НА РТ. Ф.690. Оп.20. Д.6. Л.1, 6–6об.

² НА РТ. Ф.690. Оп.22. Д.37. Л.2.

³ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6241. Л.1об.; Ф.41. Оп.2. Д.3273. Л.2.

шевского уезда Хадый Калимуллин со своих прихожан собрал 4 рубля пожертвований в пользу действующей армии. При этом некоторые очень возмущались. Так, крестьянин Шамсутдин Серазетдинов прямо заявил мулле о том, что он обирает бедный народ и вообще «зачем собирать жертвы, народ живет бедно, государь император все время клянчит, если денег нет, так не надо бы начинать войну»¹. Мулле неохотно помогали собирать деньги староста Мухамадей Миндубаев, полицейский десятник Багман Шакиров. Как и Серазетдинов, они понимали каким тяжелым бременем станут эти пожертвования для простого народа. Поэтому на базаре в селе Карабаянах также высказывали свои мнения. Вскоре заявления всех троих были взяты на заметку жандармского управления.

Для сравнения, в Казани на содержание мусульманского госпиталя к январю 1915 года, по подписным листам, планировалось собрать 14 тысяч рублей, а сразу после объявления войны «Восточный клуб» выделил на военные нужды 100 рублей². Таким образом, возможности горожан и сельчан были весьма неодинаковыми, но от всех требовали проявления патриотических чувств, в том числе в виде пожертвований.

В благотворительных целях должностных лиц обязывали продавать предметы с царской символикой или портреты членов императорской семьи. Конечно, большинство населения неохотно реагировало на просьбы купить такие сувениры. Осознавали это и сами продающие. Например, в декабре 1914 года мулле деревни Верхнее Никитино Чистопольского уезда Казанской губернии Абдрафика Абдулбадигова обвинили в том, что в частной беседе со старостой Мубаракшой Баддаловым он позволил себе возмутиться этим: «Зачем Государь выдумал еще продавать с себя карточки-портреты, народ и так голодает». В результате, по заявлению их односельчанина обвинили в оскорблении царя и старосту, и муллу. Впрочем, вину так и не сумели доказать³. В подобных доносах нередко решающую роль играли личные мотивы мести.

---

¹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д. 6283. Л.10б.

² Казанский телеграф. – 1915. – 14 января. – №6481; Город Казань. – 1914. – 22 июля. – №289.

³ НА РТ. Ф. 1 Оп.4. Д.6563. Л.5.

Организация благотворительных сборов была осложнена не только непопулярностью этой идеи среди основной массы населения, но и корыстными интересами ряда лиц. В этот период появились различные мошенники, которые прикрываясь благотворительностью, обирали народ. Газеты периодически сообщали о таких случаях. На крючок мошенников попадались необразованные и самые бедные слои населения. Они не требовали у сборщиков никаких документов, разрешающих подобную деятельность и искренне делились своими кровными копейками. Лишь после заявления более бдительных лиц случаи мошенничества пресекались полицией¹.

В целом, любые инициативы и их дальнейшая реализация строго контролировались государственной властью. Даже для того, чтобы поставить благотворительную кружку в собственном магазине требовалось специальное разрешение. То же самое касалось осуществления других сборов, например, по подписным листам². При этом действительно добровольные инициативы, направленные на решение невоенных задач, в этот период могли быть попросту приостановлены. Например, 13 июня 1915 года поверенные сельского общества с. Старые Ургагары Спасского уезда крестьянин Гадиулла Сафин и мулла Хабибрахман Сиразетдинов обратились в Казань с просьбой о разрешении начать сбор пожертвований среди магометанских обществ уезда на строительство новой второй мечети. Губернские власти оставили прошение крестьян без всякого внимания, мотивируя свой отказ тяжелым материальным положением сельского населения уезда³. Хотя надо сказать, что благотворительные сборы в пользу воинов и раненых осуществлялись и в тот год, и в последующий период.

Продажа казенного имущества

Если с одной стороны обществом собирались средства на нужды российской армии, с другой стороны, сами же солдаты и офицеры в это время активно продавали казенное имущество. Отношение к казенному имуществу было довольно безответственным, поэтому то и

---

¹ Город Казань. – 1914. – 4 сентября. – №324; Казанский телеграф. – 1915. – 18 февраля. – №6059.

² НА РТ. Ф.1. Оп.5. Д.1358. Л.203.

³ Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Республика Татарстан: Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII – начало XX веков). – Казань, 1994. – С.229.

дело на толкучих рынках появлялись в продаже солдатские вещи. Например, чистопольский уездный исправник сообщал 30 августа 1914 года о том, что отобрал у торговцев шинели и другие солдатские принадлежности. Продавцами были татарские мещане и крестьяне из Чистопольского, Мамадышского, Бугульминского уездов. Всего у 10 торговцев было конфисковано 1261 шинель, 96 мундиров, 77 башлыков и 104 вещевых мешка. Большинство мундиров и шинелей оказались старыми. Торговцы рассказали, что эти вещи куплены ими у военных в Перми, Казани и Нижнем Новгороде¹. В сентябре 1914 года командующим войсками Казанского военного округа было дано специальное распоряжение о недопущении продажи нижними чинами сапог, форменной одежды, снаряжения и т.п.

На протяжении всей войны небрежное отношение к казенному имуществу стало одной из основных проблем российской армии. Солдаты активно распродавали собственное вещевое довольство и прибывали в полк в полураздетом состоянии. Например, генерал Брусилов, во время командования Юго-Западным фронтом распоряжался даже о порке 50 розгами тех, у кого обнаруживалась недостача в вещевом довольствии. Но эта мера не имела особого воздействия. По замечанию Н.Н.Головина, продажа казенного имущества превратилась в «безудержную вакханалию» к концу войны². Здесь надо отметить, что нижние чины во многом копировали поведение вышестоящего начальства, их небрежность в обращении с казенным имуществом являлась не только проявлением традиционного мышления «свое – чужое», но и результатом системного кризиса. Например, в августе 1915 года в Казанском военном окружном суде слушалось дело о злоупотреблениях интендантов Симбирской приемной комиссии и вещевого склада. В качестве обвиняемых по этому делу привлечены члены данных учреждений – 10 человек. Сумма взяток, полученных этими лицами с поставщиков, симбирских суконных фабрикантов, составляло около полутора миллионов рублей³.

---

¹ НА РГ. Ф.1. Оп.5. Д.1358. Л.225.

² Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. – Жуковский; М., 2001. – С.265.

³ Казанский телеграф. – 1915. – 9 августа. – №6646.

Благополучие по инерции

С началом войны оборвались многие экономические связи России, в том числе с Германией и Австро-Венгрией. Между тем денег на военные расходы у государства не хватало. В этих условиях, как и многие другие страны, Российская империя начала выпускать в большом количестве денежные билеты не гарантированные золотом. Она постоянно увеличивала свое эмиссионное право, и если до войны это было 300 млн. рублей, то к 6 октября 1917 года число такого рода «ценных» бумаг дошло до 16,5 млрд. рублей¹.

По мнению современных специалистов по экономической истории, «в 1914–1915 гг. Российская империя гораздо лучше справилась с задачей мобилизации экономики, чем утверждалось в опубликованных ранее работах». К таким выводам они пришли на основе анализа изменений реального национального дохода на душу населения в течение нескольких лет. Национальный доход оставался стабильным до конца 1915 г., был подкреплён хорошим урожаем зерновых в том году. Согласно общим цифрам, по сравнению с довоенным уровнем 1913 года в 1916 году доходы снизились менее чем на 10%. Таким образом, историки констатируют, что начавшийся экономический спад не сильно отличался от положения более богатых европейских государств². Но расшифровка доходов показывает, что в 1914–1915 годах они повысились исключительно за счет военных услуг. Между тем производительность сельского хозяйства неуклонно падала в течение всех четырех лет (от 8 288 млн. руб. в 1913 г. и 7 795 в 1915 г., 6 575 – 1916 г.)³.

Исследователи продовольственного кризиса тоже склонны считать, что «катастрофического спада производительности ведущих отраслей хозяйства не произошло». Хотя имели место оккупация значительной территории страны, нехватка рабочей силы, сокращение посевных площадей. Снабжение армии компенсировалось за счет сокращения потребления в тылу. Действовали законодательные ограничения, запрещавшие экспорт хлеба, что стабилизировало си-

---

¹ Клаус Р. Война и народное хозяйство России. – М.-Л., 1926. – С.22.

² Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: Национальный доход России в 1913–1928 гг. – М.: Мысль, 2013. – С.26.

³ Там же. С.18.

туацию на внутреннем рынке. Но развал транспортной системы, разрыв экономических связей между территориями и другие субъективные факторы способствовали обострению продовольственного вопроса. Наряду с попыткой удержания цен функционировал и параллельный рынок, процветала спекуляция¹. При регулировании цен власти очень часто шли на поводу у предпринимателей, входивших в муниципальные органы управления.

В первый год войны во многом благодаря довоенной базе ситуация еще оставалась стабильной. Например, судя по краткому обзору деятельности Кассы мелкого кредита Казанского губернского земства за 1915 год, дела учреждения в 1914–1915 гг. развивались вполне успешно. Наблюдалась довоенная стабильность, как по росту вкладов, так и по выдаче ссуд. При этом не было перекоса в ту или иную сторону, сохранился определенный баланс между двумя операциями². Более того, в этот период, с повышением зарплаты, выплатой казенных пособий и введением ограничительных мер на потребление спиртных напитков, резко увеличился наплыв вкладов в сберегательные кассы. Например, в Казани две центральных, 4 городских, 1 фабрично-заводская и 2 почтово-телеграфных кассы, непосредственно обслуживающие интересы горожан, уже не справлялись с приемом народных денег. Управляющий Казанским отделением Государственного банка Э.Берг 24 июня 1915 г. обратился в Управление сберегательными кассами со служебной запиской «О расширении сети городских отделений сберегательной кассы». В ней он обосновал необходимость открытия филиалов в ряде районов Казани. (...) Уже осенью Казанским отделением Государственного банка открыто два отделения: 1 постоянное в районе реки Казанки, на Нижне-Федоровской улице, другое выездное – в Суконной слободе на Лаврентьевской улице в доме Кочекешева³. Отделение под №2 в Старотатарской слободе было открыто задолго до начала войны и функционировало вполне успешно.

---

¹ Китанина Т.М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). – Л., 1985. – С.372–374.

² Краткий обзор деятельности Кассы мелкого кредита Казанского губернского земства за 1915 г. – Б.м., б.г. – С.1–2.

³ Сбербанк в Татарстане: традиции и современность / Ряховская Т.Д., Миннуллин И.Р., Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. – Казань, 2004. – С.38–39.

«...Материально немного нуждаюсь, но ничего. Я сам ужасно непрактичен. Мог бы я обеспечить себя от бедности, но почему-то избегал – как несчастья. Ничего. Зимой может быть легче будет. Если что – поступлю в редакцию. Ничего не поделаешь, друг мой. Буду в Уфе и зимой. В Петроград не поеду», – писал поэт Сагит Сунчелей из Уфы поэтессе Изабелле Гриневской 19 июня 1915 года¹. В этом небрежном замечании поэта проскальзывают надвигающиеся трудности бытия, которые вскоре охватили многие слои населения от крестьянства до интеллигенции. Кстати, в августе 1914 года С.Сунчелей был призван в армию². Но, видимо, по состоянию здоровья позднее он выбыл из военных рядов.

Постоянное увеличение военных расходов и бесконтрольное печатание кредитных билетов волокли экономику страну в пропасть. Государство разными путями пыталось пополнить казну. С целью сохранения золотого запаса страны с началом войны многие государства прекратили обмен бумажных денег на золотые монеты, Россия также не была исключением. В ноябре 1914 года ограничили вывоз золота за пределы страны, а с августа 1915 года последовал полный запрет. Государство пыталось извлечь золото из населения, но эти попытки оказались малоуспешны. Цены на золото начали сильно расти³. Население реагировало на эти меры по-своему. Так, в сентябре 1915 года приставом 2-го стана Царевококшайского уезда в селе Морках задержали крестьянина Казанского уезда Ковалинской волости деревни Юртуш Садыка Шакировича Хамитова. 28 летний предприимчивый господин, имевший в своей деревне спичечную фабрику, разъезжал по деревням и скупал золотые монеты. Помимо этого скупал еще и мед. В Казани у него имелась конфетная фабрика в совместном владении с предпринимателем Одинцовым. Хамитов показался приставу подозрительным, поэтому и был задержан. Между тем, сам предприниматель даже не сумел толком объяснить, почему именно скупал золото, сославшись лишь на слухи о повышении курса золота. За небольшое время он скупил 89 золотых монет на 650 рублей⁴. В итоге Садык Хамитов некоторое время сидел под арестом.

¹ Сунчелэй С. Эсэрлэр һәм хатлар. – Казан, 2005. – С.270.

² Кояш. – 1914. – 22 август. – №490.

³ Клаус Р. Война и народное хозяйство России. – М.-Л., 1926. – С.25.

⁴ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6461. Л.15–15об.

В это время шла проверка его политической благонадежности и истинных мотивов. Высказывались и совершенно фантастические версии. Например, исправник писал губернатору о том, что возможно Хамитов таким образом собирал золото не только ради личной выгоды, а для помощи туркам, «через посредство могущей тайно существовать коллегии магометан». В поисках доказательств «государственной измены» даже обыскали дом Хамитова в дер. Юртуш¹. Правда, через десять дней губернатор распорядился освободить Садыка Хамитова, т.к. никаких дополнительных сведений о его «подпольной» деятельности собрать не удалось. Однако 650 рублей исправник оставил при себе и спрашивал у губернатора, что с ними делать. В результате, золото обменяли в казначействе на кредитные билеты и вернули владельцу в октябре 1915 года².

Сухой закон

Одним из источников государственных доходов долгие годы оставались акцизы на спиртные напитки. С введением ограничений на продажу спиртного, эта статья заметно снизилась. Хотя для большинства населения первое время наоборот данный запрет стал благом, поскольку они стали по-другому распределять свои доходы и свободное время. Например, уже в 1915 году по замечанию анонимного автора газеты «Кояш», «сухой» закон стал одним из самых положительных перемен последнего времени. «Прошлый год, дав нам грозную европейскую войну, тотчас же взял от нас грозное пьянство (...), – писал он, – Избавление от пьянства мы можем назвать большой радостью. Хотя европейская война и губит миллионы людей, но свои дела кончит скоро, и мы не сомневаемся, что не сегодня, то завтра (...) Насколько мы желаем и ждем, чтобы кончилась радостно для нас, настолько же искренне желаем и ждем, что пьянство не возвратится больше к нам (...). Запрещенное исламом (это бедствие не только среди не мусульман, так же и мусульман) губит ежегодно тысячи мужей, разбивает десятки тысяч семей, заставляет плакать сотни тысяч невинных детей»³.

---

¹ Там же. Л.16.

² Там же. Л.19–20.

³ НА РТ. Ф.969. Оп.1. Д.44. Л.19–19об.

Впрочем, вскоре находчивые люди придумали новые схемы обхода этого закона. Процветало шинкарство. В этой связи в оренбургском сатирическом журнале появилась характерная карикатура «Время трезвости». У колыбели с ребенком плачет женщина, а в дом входит пьяный муж с бутылкой¹. Народ обивал пороги аптек, медицинских и государственных учреждений, имевших доступ к спиртному. Получили распространение суррогаты. Популярным напитком среди алкоголиков стал денатурат (технический спирт). Немало было число тех, кто отравился им, порой даже с летальным исходом. Среди татар имелись смертельные случаи из-за употребления политуры². В условиях затяжной войны и усугубляющихся материальных трудностей в тылу увеличивалось число тех, кто находил утешение в алкогольном забвении.

Вместе с тем с введением «сухого закона» в ряде семей началась совершенно иная жизнь. Возникла видимость спокойствия и достатка. Председатель Казанской уездной земской управы в этой связи в середине 1915 года делал любопытные выводы. «Прекращение пьянства повлекло за собой сбережение в каждой семье заработанных денег, — отмечал он, — ... потребности у рабочего населения не развиты, то наличность свободных денег, обеспечивающая семье кусок хлеба и чашку чая, вызвал у работающей массы ощущение достатка и довольства, и рабочий народ стал сплошь и рядом отказываться от работы даже за очень высокую плату. Таким образом, количество производительного труда сократилось»³. Впрочем, здесь же председатель отмечал и то, что сокращение было связано также с призывом большого количества мужчин в армию.

Общества потребления

Общество пыталось как-то защитить себя, консолидировать силы для борьбы с наступавшей дороговизной. Свою нишу заняли потребительские общества, которые старались продавать продукты питания и предметы первой необходимости по минимальной цене. Так если до войны в Казани функционировали два таких объединения:

---

¹ НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.106. Л.24об.

² Город Казань. — 1914. — 24 октября. — №364; Город Казань. — 1914. — 23 декабря. — №413.

³ НА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.10137. Л.54об.

Потребительское общество при Алафузовских фабриках и заводе (создано в 1896 году) и Экономическое общество офицеров Казанского военного округа (1907), то в 1915 году в городе появилось еще четыре потребительских общества (студентов Императорского Казанского университета; служащих в правительственных и общественных учреждениях г.Казани; при фабрично-заводских предприятиях Б.Игумновой слободы; Казанско-Суконно-слободское общество потребителей), продолжались они открываться и в 1916 году. Например, в январе того года было зарегистрировано общество с говорящим названием «Денежка рубль бережет», а также Заречно-слободское общество потребителей. В апреле 1916 года возник потребсоюз служащих Казанского городского общественного управления¹. Однако и в потребительские общества проникали различные мошеннические схемы, тем самым терялось их стабилизирующее значение. Руководством обществ допускались в членские ряды и лица, не имеющие отношения к предприятию или учреждению при котором оно действовало, что вызывало естественное негодование со стороны «настоящих» членов потребсоюзов. Например, такая ситуация сложилась в Потребительском обществе при Алафузовских фабриках и заводах. За годы войны количество членов резко выросло, многие из них не имели никакого отношения к фабрично-заводской деятельности. Если в 1914–1915 годах в Общество входило 423 человека, то в 1915–1916 годах количество пайщиков выросло до 2 500 человек². Одним из требований бастовавших прядильщиц и ткачих стало исключение из состава общества потребителей людей, не работающих в фирме. Таких посторонних бастующие женщины насчитали 220 человек³. Вероятно, среди них были разные приближенные к администрации и самому руководству общества лица, которые из-за дороговизны продуктов в городе предпочитали отовариваться в фабрично-заводских лавках.

Нарастание кризиса

Война обнажила язвы буржуазного общества: на первый план выходил культ материального, жажда прибыли. Первыми эти пере-

---

¹ НА РГ. Ф.482. Оп.1. Д.20. Л.713.

² НА РГ. Ф.94. Оп.2. Д.798. Л.3об.

³ НА РГ. Ф.1. Оп.5. Д.1526. Л.35.

мены в общественных настроениях улавливали периодические издания, которые то и дело сообщали о разных, в том числе шокирующих, случаях спекуляции. Например, в конце 1915 года газета «Казанский телеграф» вышла заметка о том, как один из казанских бакалейных торговцев некий Ю-в скрывал сахар в гробах, именно таким образом он собирался транспортировать товар в деревню¹. Правда, на следующий день, торговец Юрьев, приняв сообщение за свой счет, выступил с опровержением информации о хранении сахара в гробах, но не стал отрицать сам факт удержания товара.

В 1915 году удержание товаров стало уже определенной тенденцией. Например, в марте 1915 года за сокрытие яиц казанским губернатором был оштрафован торговец Хангарей Ибраев на 1 тысячу рублей. В случае несостоятельности нарушителя предусматривался арест на один месяц². Еще больше было случаев привлечения к ответственности из-за повышения цен. Но, невзирая на эти меры, в том числе по удержанию твердых цен, они росли с каждым днем. Если в 1915 году цены выросли на 20%, то в 1916 г. рост составил уже 60%. В последующие годы они росли в катастрофических масштабах: 1917 год – 630% (6,3 раза), за 1918 г. в 62 раза, за 1919 г. в 695 раз и за 1920 г. в 6 290 раз по сравнению с 1914 годом³.

«Продовольственный вопрос» для российского общества стал своеобразной бомбой замедленного действия. Как отмечает, исследователь менталитета горожан Поволжья Е.Ю.Семенова, он в итоге «содействовал распаду ценностных ориентиров общества и самого общества на более многочисленные страты», и помимо профессиональных, социальных, религиозных или национальных маркеров, на первый план выходило деление по уровню материальной обеспеченности⁴, что влекло за собой революционное недовольство.

К 1916 году дороговизна жизни стала очевидной и проникла практически во все слои населения. В этот период уже на государст-

---

¹ Казанский телеграф. – 1915. – 9 декабря. – №6743.

² Казанский телеграф. – 1915. – 29 марта. – №6539.

³ Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. – М., 2007. – С.47.

⁴ Семенова Е.Ю. Влияние Первой мировой войны на мировоззрение, общественные настроения и поведенческие практики городского населения поволжских губерний Российской империи (июль 1914 г. – февраль 1917 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Саратов, 2013. – С.35.

венном уровне обсуждались проекты по введению карточной системы на продовольствие, поскольку удержание цен оказалась малоуспешной мерой. Однако царское правительство не стало вводить повсеместно карточную систему, поскольку не было уверено в своих возможностях по обеспечению этих карточек. Но локальные меры все же принимались, в некоторых городах действовали ограничения на ряд продуктов¹. Еще в 1916 году карточки на сахар ввели в 70 губерниях России². Нехватку этого продукта ощущали особенно остро на первых этапах нарастания продовольственного кризиса.

«..Бер заманны ярлылар да чэй эчэйде май кабып,
Инде бер шакмак шикэр юк, чэй алалар пай салып.
Бер заманны без буа торган идек итгэн буа!
Инде булмый бер кадкап итне дэ уңай табып.
Без заманны күктэ күктэ йолдызда фикер йөрткэн хауас
Инде тоз дип, чэй-шикэр дип, аһ итэлэр чайкалып.
Бер заман эгьлэ читек кигэн аякка инде бак!»³

Нинди мескенкэйләнеп киткэн, чабата бэйләнеп!», – писал Ш.Бабич в 1916 году в стихотворении «Да здравствует, дороговизна!» («Яшәсен кыйммәтчелек!»).

Но все же не стоит распространять на все слои населения трудности материального характера. Конечно, перебои в снабжении продовольствием и товарами были и с каждым годом они учащались. Связаны они были главным образом с проблемами транспорта. В Российской империи крайне неразвитой оказался транспортная инф-

---

¹ Ильяхов А.А. Указ. соч. С.89.

² Белова И.В. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. – М., 2011. – С.71.

³ *Когда-то и бедняки чай пили, прикусывая маслом.*

Теперь уж нет и сахара, а чай покупают, вступив в пай,

Когда-то и мяса было пруд пруди,

А ныне невозможно найти и фунт мяса.

А избранные люди, рассуждающие когда-то о высоких мирах,

Теперь больше волнуются о соли да о чае с сахаром.

Посмотри на ноги, которые раньше были в ичигах,

Как они сникли в этих лаптях.

(Вольный перевод мой. – Л.Г.).

раструктура. Железные дороги по стране были распределены неравномерно. Из-за этого затруднялась и мобилизация, и снабжение армии, и обеспечение тыла продовольствием. Например, запасы мяса и хлеба из Сибири просто не доходили до Поволжья. Из-за военного положения не все железнодорожные станции могли принимать продовольственные грузы¹. Если в 1914 году гражданские перевозки по железной дороге сократились на 17%, то в следующем 1915 г. этот показатель равнялся уже более 30%².

Испытывал трудности и водный транспорт. Если до войны в летнее время Волга активно использовалась для снабжения Казанской губернии продуктами питания, то с лета 1914 года ее значение упало. Во-первых, во время навигации по реке начали транспортировать новые виды грузов, например, каменный уголь. Во-вторых, часть волжских пароходов в годы войны была переведена на Северную Двину и даже на Днепр, а многих речных работников (бакенщиков) призвали в ряды войск³. Все эти факторы осложняли продовольственное снабжение поволжских губерний. При этом по данным редакционной комиссии Общегубернского Совещания по вопросам о борьбе с дороговизной, в 1916 году Казанская губерния нуждалась в привозных продуктах общей стоимостью 53 520 000 рублей. В это число входили сахар, чай, соль, масло постное, крупы (пшено, рис, перловка, манная и пр.), мясо⁴.

В этих условиях существенную прибыль получали продавцы продуктами питания. Цены в торговых лавках иной раз росли не по дням, а по часам. Иногда покупателям, стоявшим в одной очереди, торговцы могли предложить одинаковый товар по разной цене. Это возмущало основную часть населения. Органы власти, подстегиваемые народным недовольством, пытались контролировать рыночный процесс. Создавались всевозможные комитеты по борьбе со спекуляцией. Если в первые годы спекулянтов просто штрафовали или же арестовывали на несколько месяцев, то вскоре стало понятно, что расплатившись по судебным постановлениям или же выйдя из под стражи, предприниматель продолжает вести прежнюю деятельность.

---

¹ НА РТ. Ф.482. Оп.1. Д.38. Л.21об.

² Белова И.В. Указ. соч. С.64.

³ НА РТ. Ф.482. Оп.1. Д.38. Л.22–22об.

⁴ НА РТ. Ф.482. Оп.1. Д.38. Л.21.

Тогда стали отдавать предпочтение административной высылке торговцев из их постоянных мест проживания¹.

Общественные настроения регулярно фиксировали в своих сводках жандармские управления. Например, агент «Житель» Казанской губернской жандармерии в конце 1915 года сообщал о том, что в Казани «везде говорят о недостатке сахара». Но по сведениям агента, в 35 верстах от города, на ст. «Зеленый дол» стоят 9 вагонов сахара. «Сахарный голод превратился в выгодное дело для таких торговцев татар, которые прежнее время в эту пору занимались закупкой разных сельскохозяйственных продуктов для города. Один из таких торговцев, крестьянин дер. Молвиной Свияжского уезда Насыбулла Бикмуллин заработал на сахаре около 1000 рублей в один месяц», – говорится в отчете «Жителя». По его словам, сахар, купленный в Казани по 12 рублей за пуд, торговцы продают в деревнях от 14 до 20 рублей². Недостаток или дороговизна тех или иных продуктов заставлял людей менять свой рацион, искать замену прежним предпочтениям. «Чай пьем с изюмом, раньше изюм покупали фунт по 12 коп., сейчас – 1 руб. 50 коп, сахару за 3 рубля не найдешь», – сообщал своему сыну-военнопленному Замалетдин Рахматуллин – житель Буинского уезда Симбирской губернии в конце 1916 года. В том же письме он отмечал, что в городе сейчас не найдешь «ни одного фунта хлеба», «найдется только калач за 1 фунт по 30–40 коп.»³. Но автор письма в материальном плане был еще относительно благополучным человеком. Несмотря на дороговизну вокруг, Рахматуллин умудрялся отправлять сыну посылку с сахаром и чаем, а в письме он скрупулезно перечислял разницу в ценах. Но не все так стоически переносили ухудшение материального состояния.

В Казани «к концу 1916 года цена на сливочное масло возросла по сравнению с июнем 1914 года на 845%, на телятину – на 700%, на битую птицу – до 349%, на свежую рыбу – на 200%, на молоко – на 254%». Участились и случаи фальсификации продуктов питания, ухудшилось их качество⁴.

¹ ГАРМЭ. Ф.18. Оп.1. Д.1067. Л.41.

² НА РГ. Ф.199. Оп.2. Д.1517. Л.121

³ НА РГ. Ф.1154. Оп.1. Д.335. Л.43об.

⁴ Вишленкова Е., Мальшева С., Сальникова А. Казанское житье (XIX–XX века) // Турнерелли Э. Казань и ее жители. – Казань, 2005. – С.1018–1019.

В 1916 году дороговизна продуктов была столь высокой, что сложившаяся ситуация возмущала даже состоятельных людей. Так, в мае 1916 года поступила жалоба от дворянина Якова Ясинского (из Минской губернии, очевидно, беженец) на купеческого сына Карима Исмагиловича Якупова. Дворянин услышал, как некий крестьянин кричал «Это у вас прямо дневной грабеж». На что Карим Якупов ответил рассуждениями вроде: «зачем была нужна нашему государю Польша? Если бы он ее отдал, то не было бы войны и не было бы той дороговизны, которая существует теперь». Происходило это в лавке на Евангелистовской улице, но владельца лавки в тот момент не было на месте. Дворянин об услышанном тут же сообщил в соответствующие органы власти¹. Началось расследование о неуместных суждениях купеческого сына «по поводу войны и дороговизны жизни». Однако в конце концов, Якупову удалось уладить этот конфликт, т.к. вскоре дело было закрыто с формулировкой о том, что высказывался купеческий сын без свидетелей².

Разные лики повседневности

Несмотря на определенные тенденции, вроде постоянного повышения цен и ухудшения материальных условий, перебоев в поставке продуктов питания, они все же по-разному отражались в жизни каждого человека. И материальные вопросы 1914–1917 гг. имеют самые разные оттенки. В целом, можно отметить, что вопреки выступлениям в татарской прессе некоторых национальных деятелей о единстве татарского общества, о его относительно слабой социальной дифференциации, война показала, насколько разными были уровни жизни сельчан и горожан, крестьян и буржуа.

«Мама жаловалась на перебои с продуктами, на рыночные цены, которые росли. Ей приходилось производить перерасчеты семейного бюджета, несколько менять режим питания. Очень почитаемые ею котлеты стали реже появляться на нашем столе, зато заметное место стали занимать каши и вареная или жаренная на постном масле картошка с луком – последнее блюдо я очень любил, но оно как-то не входило в наш прежний рацион, – вспоминал сын казанского чиновника о военных годах. – Не надо преувеличивать масштабы трудно-

---

¹ НА РТ. Ф.1. Оп.5. Д.1484. Л.1–1об.

² Там же. Л.4.

стей применительно к нашей, относительно обеспеченной семье. Ни о каком недоедании в то время у нас речи еще не шло, изменялся только питательный ассортимент»¹.

Вот и среди татарских состоятельных семей в это время продолжались устраиваться званые меджлисы. Например, семья астраханского муллы и ученого Габдрахмана Гумари (Абдурахман Умеров) в 1914–1917 гг. находилась в ссылке в Казани. В это время Габдрахман хазрат много внимания уделял медресе «Марджания», где сам когда-то учился, привел в порядок его библиотеку, участвовал в подготовке сборника «Марджани» в 1915 году. Для своего времени он был материально обеспеченным человеком, до ссылки являлся владельцем книжного издательства в Астрахани, издавал газету, занимался коммерческим садоводством. Кроме этого, его частную жизнь украшали меджлисы. В личном архиве Умеровых сохранились многочисленные приглашения на эти обеды, датируемые 1915–1917 гг., от семей казанских мулл Амирханов, Сагитовых, Ильяси, Марджани². При ознакомлении с дневниковыми записями писателя Фатиха Амирхана – сына муллы Зарифа Амирхана становится понятно, что материальную нужду он впервые испытал лишь в 1920-е годы.

Это касалось и других представителей татарской интеллигенции, буржуазии, чиновничества. Люди, имеющие постоянный доход в виде приличного жалованья или же какого-либо предприятия, несомненно, трудности военного времени ощущали немного иначе. «С начала войны мне часто дороговизна приносит неприятности и огорчения, я хожу в старом пальто, в платке, в нехорошей форме и старом фартуке. Даже в этом году не покупали мне перчаток, – писала в своем дневнике дочь бугульминского фельдшера, гимназистка Фатима Кашафутдинова в конце войны, – Я до сих пор ходила в прошлых маминых, но они износились (...) У папы несколько раз просила купить перчатки, он все не покупает...»³.

Полярность общества, конечно, предполагала и тех, кто получал прибыль от спекулятивных мер, от военных заказов и прочих пере-

---

¹ Адо В. Вспоминая о прошлом ... Записки русского интеллигента XX века // Казань. – 2000. – №7. – С.60.

² Габдрахман Гомэри: Фэнни-биографик жыентык. – Казан, 2002. – С.230.

³ Кашафутдинова Ф. Записки гимназистки // Тарнапольский Р.И. Наш Двадцатый век. – Казань, 2013. – С.26.

мен, связанных с войной. Например, заметно поправили свои финансовые дела текстильщики, которые в это время работали исключительно на нужды армии. Так «Торгово-промышленное товарищество Тимербулата Акчурина» в Симбирской губернии производило в год различные сукна на сумму до 3 млн. руб. Его основной капитал составлял 2 млн. рублей¹. Учрежденный другим татарским предпринимателем Алимом Агишевым в 1912 году «Товарищество на паях Тепловской суконной мануфактуры» (Сызранский уезд Симбирской губернии) за годы войны увеличило свой основной капитал от 400 тысяч до 800 тысяч рублей. Этот же фабрикант открыл аналогичные предприятия в Саратовской и Пензенской губерниях. В 1915 году товариществом Агишева производилось товаров на 3 млн. рублей².

В 1914–1917 гг. татарами открывались предприятия, на первый взгляд, не имеющие прямого отношения к войне. Например, в 1916 году казанский купец Гайнутдин Мукминов стал одним из учредителей Товарищества на вере под фирмой «Умид» («Надежда»), основанного для издания газет, журналов, книг на русском, татарском и других языках. Его вклад составлял 5000 рублей³. Но интерес к газетам и другим периодическим изданиям, рост их тиражей тоже был связан в первую очередь с военным положением.

На краю пропасти

К 1916 году первоначальный патриотизм интеллигенции и буржуа сменился социально-экономическими трудностями, и в конечном итоге, усталостью от войны и революционным взрывом. Все эти моменты в разной степени соприкасались и с материальными аспектами бытия человека. «Война затянулась. Уже притупились нервы и нет прежнего энтузиазма, – писал анонимный корреспондент газеты «Казанский телеграф» в конце 1916 года, – Общество устало, и животная мысль о своих повседневных заботах и дрязгах все чаще вырывается в серьезное настроение массы. Спекуляция, мародерство и «шкурные» интересы доминируют в нашей жизни, и определяют

---

¹ Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. – Казань, 1977. – С.212.

² Там же. С.216–217.

³ Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Республика Татарстан: Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII – начало XX веков). – Казань, 1995. – С.9.

весь смысл и ее содержание. Таким настроением живет и проникнут наш тыл. (...) Чувствуя себя в безопасности, они предались той вакханалии, которая вызвала к жизни всю наблюдающуюся у нас кутерьму, все эти «кризисы», очереди и всюду хвосты и хвосты»¹.

С таким настроением, голодная страна встретила февральскую революцию 1917 года. На Временное правительство возлагались большие надежды. Общество требовало разрешения, прежде всего, вопроса о войне и продовольственного снабжения. Но в 1917 году ситуация лишь ухудшилась. Не помогло даже введение карточной системы. Например, 1 марта 1917 года в Казани была введена карточная система на ржаной хлеб. «Без карточек с этого дня ржаной хлеб из частных, городских и кооперативных лавок не будет отпускаться, – сообщала газета «Камско-Волжская речь». – Ржаной хлеб будет отпускаться по карточкам, выданным на получение белого хлеба. Кто этих карточек не получил, надлежит озаботиться немедленным получением их в своем районном продовольственном попечительстве»².

Карточная система лишь раздражала горожан, в ожидании своей очереди они были вынуждены целый день стоять в «хвостах». Голодное состояние лишь добавляло агрессии в их поведение, они со злостью смотрели на лавки спекулянтов, готовые разгромить их в любой момент³. Движущей силой этих эмоциональных взрывов выступали чаще всего женщины. Например, в марте 1917 года в Арске толпа крестьян и женщин-беженок разгромили на базаре лавку с бакалейными, железными, москательными и другими товарами. Их возмутили высокие цены и нехватка муки. В условиях смены власти усиливались асоциальные элементы общества, учащались случаи грабежей и других нарушений закона⁴. Но даже на фоне народных волнений торговцы продолжали вести прежнюю политику: повышения цен, сокрытия товара и т.д.⁵. В условиях постоянной инфляции, очевидно, и они не могли работать в убыток себе. Кроме того, в годы войны действительно сократились объемы ряда производств, в первую очередь, товаров народного потребления. Например, если в 1914 г. на одного жителя

---

¹ Казанский телеграф. – 1916. – 12 октября. – №6984.

² История Казани в документах и материалах: XX век. – Казань, 2004. – С.70.

³ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1631. Л.2.

⁴ Вишленкова Е. и др. Указ. соч. С.1018–1019.

⁵ НА РТ. Ф.41. Оп.2. Д.6637. Л.2, 4, 26.

Российской империи производилось 25 коробок спичек в год, в 1915 г. приходилось 16,5 коробки. В годы Гражданской войны объемы производства сократились до катастрофических размеров¹.

Если горожане устраивали голодные бунты, то крестьян в это время возмущала реквизиция хлеба по низким ценам. Они старались всячески скрыть свои хлебные запасы или же продать по рыночным ценам в частные руки². С середины марта и до ноября 1917 года по всей стране прокатилась волна «аграрных беспорядков». Крестьяне выступали против помещиков и хуторян, отрубников. В Казанской губернии было зафиксировано 24 таких случая. Они захватывали поместья, леса, инвентарь, сгоняли с полей помещиков военнопленных и т.д. Землевладельцы с ужасом вспоминали события 1905–1906 гг. и звали к помощи администрации Временного правительства³. Но остановить этот хаос было уже практически невозможно. Распространившиеся среди солдат слухи о раздаче помещичьих земель привели к тому, что они убегали из действующей армии, в надежде поспеть к раздаче. Среди участников захватов помещичьих земель немало было и солдат-отпускников⁴.

Материальные вопросы являются основой любого общественного устройства. Без их удовлетворения невозможно решение никаких геополитических задач, и, конечно же, сводится к нулю лояльность общества по отношению к власти. «Хлеба и зрелищ!» – требовали древние римляне. «Хлеба и мира» нужно было большинству россиян в 1917 году.

---

¹ Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. – М., 2007. – С.162.

² НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1612. Л.30.

³ Крестьянское движение в Казанской губернии накануне Великой октябрьской социалистической революции. Сборник документов. – Т.1. – Казань: Татгосиздат, 1950. – С.4–6.

⁴ Казанцев А.А. Динамика массовых настроений в российской провинции в период Первой мировой войны: на примере Пензенской, Самарской и Симбирской губерний: дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 2005. – С.178.

3.4. Татарские женщины в годы Первой мировой войны

«Женский вопрос», появившийся в татарском обществе в конце XIX – начале XX века, связывался, в основном, с проблемами просвещения. В изучении этого вопроса, именно в привязке с женским образованием, много было сделано замечательными исследовательницами Т.А.Биктимировой¹ и А.Х.Махмутовой². Благодаря их разработкам широкой общественности стали известны имена татарских благотворительниц, первых представительниц научной и творческой интеллигенции, общественных деятелей. Тема Первой мировой войны проходит в данных исследованиях фоном, например, многие татарские девушки поступили в высшие учебные заведения как раз в военные годы, в дни тяжелых испытаний и лишений татарские женщины стали более активнее заниматься благотворительной деятельностью. Однако надо отметить, что в социокультурной сфере (благотворительности, образовании, медицине, культуре и т.д.) была занята лишь незначительная часть татарок. Основная масса женского населения татарского общества в сословном отношении состояла из крестьянок и мешанок, занималась крестьянским трудом, работала на заводах и фабриках, в области торговли и сфере обслуживания. Именно на их плечи легла львиная доля испытаний военного времени, именно их мужья, сыновья и отцы, в основном, были мобилизованы на фронты Первой мировой войны.

«Инфантильные» женщины

При рассуждении о «женском вопросе» в татарском обществе необходимо разграничивать горожанок и сельчанок. Если в городских условиях некоторые женщины уже в конце XIX века были вынуждены принять правила эмансипации, то в сельской местности этот процесс начался гораздо позднее. Хотя в пореформенное время прибывали в города в поисках заработков именно деревенские женщины. «Вслед за Казанью и другие большие города наполнились женскими рабочими руками. Положение женщины сделалось более

---

¹ Биктимирова Т.А. Ступени образования до Сорбонны. – Казань: Алма-Лит, 2003. – 183 с.

² Махмутова А.Х. Пора и нам зажечь зарю свободы (Джадидизм и женское движение). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. – 254 с.

независимым в семье, более устойчивым, она стала вести свободную открытую жизнь. Страх за завтрашний день исчез», – писал Н.Гасрый о 1880-х годах¹. Конечно за несколько довоенных десятилетий в семьях недавних мигранток выросло новое поколение татарских девушек, более открытое миру и не пугающееся трудностей. Об этом свидетельствует и бурное женское движение начала XX века, основной движущей силой которого были учительницы, вышедшие преимущественно из простых мещанских и крестьянских семей.

Интересно, что еще до начала войны не один исследователь указывал на то, что в татарских семьях наблюдается строгое разграничение женских и мужских обязанностей. Мир женщины ограничивался, как правило, домом, все полевые и иные работы оставались прерогативой супруга. «Если малмыжская татарка является хозяйкою в доме и заботливой матерью, то в полевых и других тяжелых работах она плохая помощница мужу, – писал автор конца XIX века о татарках Вятской губернии. – При всей бедности быта и при печальных условиях сельского хозяйства, требующих крайнего напряжения рабочей силы, чтобы создать довольство, татары никак не могут расстаться с традиционной мусульманской идеей о том, что женщина, во-первых, и главным образом создана для удовольствия мужчины, а не для работы; во-вторых, что показываться посторонним мужчинам женщине невозможно, а отсюда – стремление татар удалять своих жен, насколько возможно, от полевых и общественных работ. Татарка является только хозяйкой и воспитательницей. Она не работница»². Сравнивая женщин трех поволжских народностей по отношению к крестьянскому хозяйству, казанский врач А.Сухарев на рубеже XIX–XX вв. составил следующий рейтинг. На первое место он поставил черемисских (марийских) женщин, которые, по его мнению, не уступают в работоспособности своим мужьям. На втором месте были русские женщины. Татаркам ученый отвел лишь третье место. «Муж не вправе требовать от нее ничего, кроме кормления грудных детей. Она должна мужу только верностью и повиновением и это последнее в пределах разумных требований, если же она бдит и

---

¹ Неджиб. Пробуждение русских татар и их литература // Современник. Кн.4. – 1911. – С.171.

² Штейнфельд Н.П. Малмыжские татары, их быт и современное положение // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1894 год. – Вятка, 1894. – С.262.

смотрит за хозяйством мужа, то это лишь по доброй воле и любви к мужу», – отмечал он¹. В этом смысле несколько отличались татарки, проживающие в центральных губерниях. «...Резко бросаются в глаза физиономии и оригинальный костюм татарки, свободно прогуливающейся в базарный день на толкучем рынке среди русских торговков», – писал в 1851 о жительницах Татарской слободы г.Костромы литератор А.Потехин². Довольно внушительная часть татар в этих местностях занималась отхожими промыслами, уезжала на заработки в столичные и другие города. Например, очень много касимовских татар трудились в сфере обслуживания: в качестве официантов, прислуги, извозчиков и т.д. Поэтому в этих уездах женщины привыкли оставаться за главного в доме и вполне сносно справлялись с оставленным на их попечение хозяйством, из-за этого они отличались более раскрепощенным поведением. Неслучайно, и первая женщина-врач (Разия Кутлюрова), и первая известная певица (Марьям Искандерова), и первая женщина-математик (Сара Шакулова) из Касимовского уезда Рязанской губернии.

Реалии военного времени

Если до 1914 года об определенной инфантильности татарских женщин Волго-Уральского региона писали лишь сторонние наблюдатели, с началом войны данная особенность татарского быта стала очевидна и для самих мусульман. Как известно, Великая война началась летом, во время жатвы. Призывались, прежде всего, запасные солдаты. Это были 30–40 летние мужчины, имеющие большие семьи с малолетними детьми и уже престарелыми родителями. Практически единственным полноправным работником в сложившейся ситуации могла стать лишь супруга солдата. В спешке некоторые призывники продавали скотину и сокращали свое хозяйство, не надеясь на оставшихся домочадцев. Например, в рассказе Мажита Гафури «Солдатская жена Хамида» (1915) главный герой Гариф уже сначала войны, в ожидании собственного призыва, начал распродавать домашний скот, решив оставить жене лишь деньги³.

¹ Сухарев А.А. Казанские татары (уезд Казанский). Опыт этнографического и медико-антропологического исследования. – СПб., 1904. – С.40.

² Потехин А.А. Сочинения. – Т.12. – СПб., 1917. – С.23.

³ Гафури М. Эсэрләр: Дүрт томда. – Т.3. – Казан, 1983. – Б.269.

«По древнему обычаю татарка живет как птица в клетке и не знает, что есть вне этой клетки, а если знает что-нибудь, то едва ли это знание идет дальше котла, очага, лучины, посуды, ложек, чашек да бани. Таковы, разумеется, и теперешние наши солдатки, – писал в 1915 году в газете «Юлдуз» мулла и ученый Хади Атласи. – Они, проснувшись утром, доят коров, выгоняют в поле скот, готовят обед, моют посуду, кормят телят, ложатся спать, а на другой день повторяют тоже самое с начала до конца». Х.Атласи жил в Бугульминском уезде Самарской губернии. Проанализировав свои наблюдения, уже в начале 1915 года, т.е. через полгода военного времени, он сделал следующие расчеты. «Из 50 семей лиц, ушедших на войну, только в трех нет никакой перемены. Из остальных 47 две семьи имели прежде по 2 лошади, а 7 по одной, теперь же у них нет ни одной», – отмечает Х.Атласи. В остальных семьях наблюдалось сокращение хозяйства: меньше стало или уже вовсе отсутствовали лошади, коровы, овцы и козы. Конечно, война отразилась на всех хозяйствах, но, по мнению бугульминского муллы, быт татар расстроился сильнее. «Волей-неволей слишком больно сердцу видеть, как многие семьи с уходом мужского элемента на войну потеряли тысячные доходы и пришли в точно первобытное состояние, между тем как русские семьи процветают по-прежнему. Татары слишком много потеряли от того, что до сих пор не могли разрешить практически и теоретически женский вопрос», – заключает он¹. Помимо проданного скота и неумения женщин-солдаток вести хозяйство, жизнь некоторых из них была обременена долгами. Например, в Куллекиминской волости Царевококшайского уезда Казанской губернии в 83 семьях солдат, призванных на войну в 1914 году, имелись недоимки перед земскими органами самоуправления. В зависимости от состава семьи каждая должна была заплатить от 4 до 30 рублей².

В городах, по замечанию Х.Атласи, резкого отличия между русскими солдатками и татарскими нет. Вероятно, и те и другие работали, в основном, на фабриках и заводах, либо же трудились в качестве прислуги. Поэтому эти женщины не имели своего хозяйства, и жили, ис-

---

¹ Атласов Х. Война и татарки // Иностранное обозрение, приложение к журналу «Православный собеседник» за март 1915 года. Кн.10. – Казань: Центральная типография, 1915. – С.736.

² ГАРМЭ. Ф.119. Оп.1. Д.481. Л.2, 5–8об.

ключительно, за счет жалования. Одной из характерных черт военного времени стало открытие яслей и приютов для детей. Например, в ноябре 1914 года в Самаре открылся татарский приют-ясли, рассчитанный на детей призванных на войну запасных солдат¹. Здесь надо отметить, что подавляющее большинство мусульманского населения Самары составляли рабочие, недавние выходцы из окрестных сел. Неудивительно, что в этом городе проживало большое количество работающих татарок, которым не с кем было оставлять своих детей.

Доминирование женщин в годы войны в сельском хозяйстве и других отраслях производства, очевидно, послужило причиной того, что наступившие экономические трудности переживались обществом гораздо острее, а реакция на них, в силу особенностей женской психологии, была более эмоционально окрашенной, резкой и не всегда обдуманной. Неслучайно, основной силой фабрично-заводских стачек и продовольственных бунтов выступали женщины.

Так в Алафузовских предприятиях в Казани, где трудилось, в том числе, и много татарок, губернские власти пугали работниц тем, что отправят их родственников на фронт. Казанский губернатор предлагал всем военнообязанным рабочим завода ходить в погонах и с кокардой, что бы «это служило постоянным им напоминанием, что они приравнены к тем, кто призван в войска». Военная служба стала своеобразным инструментом влияния на предприятии. Из-за того, что многие на заводе и фабрике работали целыми семьями, власти, таким образом, хотели через мужей и родственников подействовать на бастующих работниц. При этом многих женщин администрация хотела уволить, однако никто из них не спешил получить расчет². Основными их требованиями было увеличение заработной платы, в связи с постоянным ростом цен на продукты. Работа на фабрике была единственным их источником доходов, а о поиске нового места в военное время не было и речи. Казань и так была заполнена бывшими сельчанами, беженцами и военнопленными.

Кроме, стачек работниц фабрик и заводов, не меньшую известность получили так называемые «антиотрубные бабьи бунты», разыг-

---

¹ Волжское слово. – 1914. – 8 ноября. – №2118.

² История Казани в документах и материалах: XX век. – Казань, 2004. – С.362–363.

равшиеся во многих уголках Казанской губернии¹. Впрочем, продовольственные беспорядки или хлебные бунты, инициируемые женщинами, были характерны в то время для всей Российской империи².

В ноябре 1915 году в Казанском окружном суде рассматривалось дело 24 татарских крестьянок из села Верхних Отар Ново-Чурилинской волости Мамадышского уезда Казанской губернии. Все они являлись солдатскими женами или же матерями, большинству женщин было от 26 до 38 лет. Солдатки вступили в конфликт с губернским землемером Грундманом, который должен был выделить отрубной участок. Женщины просто не дали ему это сделать, заявив, что нужно дождаться «возвращения их мужей и сыновей с войны», «ногами и, имевшимися у некоторых из них, палками отбрасывали измерительную ленту»³. Крестьянки помешали землемеру и на второй день. В итоге он прекратил работу и обратился за помощью к местному уряднику, и бунтовщиц привлекли к судебной ответственности. 21 солдатку обвинили в сопротивлении властям и арестовали на семь дней, некоторых на три дня. Также женщины должны были оплатить судебные издержки⁴.

Этот эпизод, несмотря на всю проявленную женскую агрессию, характеризует определенную несамостоятельность в действиях, и растерянность, представительниц слабого пола. Даже при официальном делении земли государственным чиновником, крестьянки не хотели при этом процессе полагаться только на себя, а все еще ссылались на авторитет мужей и сыновей. Хотя война многих татарских женщин заставила осваивать неизвестные ранее виды работы, в том числе, и в области сельского хозяйства, и в сфере торговли. «У нас начали наблюдаться некоторые перемены в жизни женщин. В этом году в татарских деревнях женщины исполняли такие работы, за которые они до сих пор никогда не принимались. Хотя наши женщины уже с давних пор исполняли такие полевые работы, как жатва или

---

¹ Царская армия в период мировой войны и февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). – Казань, 1932. – С.182.

² Барбара Энгл. Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С.Пушкина. – 2010. – Т.4. – №1. – С.148–178.

³ НА РТ. Ф. 41. Оп.2. Д.3330. Л.2.

⁴ Там же. Л.51–54.

молотьба, однако такие работы, как сеять, косить, снопы возить, ставить стога – всем этим до сих пор заведовали исключительно мужчины», – констатировал факты анонимный корреспондент уфимской газеты «Тормыш» в 1916 году. Кроме того, этот же автор писал о том, что некоторые татарки начали работать в качестве приказчиц, например, в магазине уфимского купца Усманова; росло количество женщин, торгующих в бакалейных лавках, а некоторые «молодые девушки поступали в конторы»¹.

Это уже был немного другой уровень в профессиональной иерархии. Например, среди казанских татарок мещанского или крестьянского сословия со второй половины XIX века распространенным промыслом было изготовление национальных головных уборов – каляпушей. Они приносили свои ручные изделия на Сенной базар, где их скупали местные торговцы за небольшие деньги и продавали с большой накруткой цены. Более того, предприниматели не всегда платили женщинам реальные деньги, а предпочитали расплачиваться товаром, причем с завышенной стоимостью². Это было унижительно, но мастерицы каляпушей не знали другого способа выживания.

Поэтому для большинства татарок, еще несколько десятилетий назад скрывавшихся от мужчин, служба в конторах и лавках, действительно, стала небывалым прогрессом. Работающие татарские женщины, скорее всего, принадлежали к бедным семьям, и именно материальные трудности толкали их на такой смелый шаг. Кроме того, убыль мужского населения приводила к тому, что освобождались рабочие места и женщины осваивали совершенно новые для себя занятия. Но даже в русском обществе появление «приказчиков в юбках» в первое время воспринималось с некоторым удивлением. Позднее покупатели признавали, что женщины-продавцы ничуть не уступают коллегам-мужчинам, а порой более вежливы и обходительны³.

Специализация татарских женщин-служащих говорила о том, что они имели определенную профессиональную квалификацию, т.е. были грамотны и знакомы с основами счетоводства, умели говорить

---

¹ Г.Х. Война и женщины // Инородческое обозрение, приложение к журналу «Православный собеседник» за сентябрь и декабрь 1916 года. – Том II, №№ 4–5. – Казань: Центральная типография, 1917. – С.298.

² Казанский телеграф. – 1893. – 17 ноября. – №208.

³ Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. – Тамбов, 2004. – С.230.

по-русски. Значит, в свое время эти девушки успели получить начальное образование в женских мектебах и медресе, или же в русско-татарских школах. Довольно внушительную социально-профессиональную группу составляли татарские учительницы. Они были первыми ласточками социокультурных преобразований начала XX века, обусловленных как идеями джадидизма, так и буржуазными изменениями пореформенного времени. С уходом многих мугаллимов на войну, их рабочие места заняли учительницы. В военный период работали как краткосрочные учительские курсы, так и другие женские учебные заведения. В «Новогоднем пожелании к 1914 году», опубликованном в журнале «Аң» в конце 1913 года, одна из татарских учительниц Лябиба Хусаиния написала о необходимости женских школ и профессиональной подготовки преподавательниц из татарок¹. Конечно, она не могла даже предположить, что ее доброе пожелание будет реализовано в трагических условиях военного времени.

На эмансипацию женщин, на их профессиональную деятельность оказывало влияние не только отсутствие мужчин на потенциальных рабочих местах и меньшая конкуренция на трудовом рынке, но и отсутствие мужчин-партнеров для создания семьи. Если в довоенное время для многих девушек именно замужество становилось решением материальных проблем, то с началом войны резко сократилось и количество браков. «С уходом мужчин на войну в этом году не стало и браков. Нет женихов для девушек, с уходом на войну мужей уменьшилась и рождаемость» – писал уже в 1914 году ахун Гиниятулла Гизатуллин². Не трудно догадаться, что положение ухудшалось с каждой последующей мобилизацией. Некоторые девушки так и не вышли замуж, сохранив в сердце память об ушедших на фронт женихах, и направили свои силы на общественную деятельность, посвятили свою жизнь профессиональной карьере.

Семья в условиях войны

При рассмотрении семейно-брачных взаимоотношений военного периода вырисовывается еще одна характерная тенденция – это увеличение количества разводов. Анализ метрических книг этого пе-

---

¹ Татар педагогик фикере антологиясе: ике томда. 1 т. (борынгы төрки чор – XX гасыр башы). – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. – Б.368.

² НА РТ. Ф. 969. Оп.1. Д.46. Л.6.

риода показал, что среди татар количество разводящихся увеличилось именно в годы Первой мировой войны¹. С одной стороны, расторжение брака имело место в обществе и в довоенное время. С другой, война, вероятно, обострила некоторые внутренние семейные конфликты. Например, несоответствие количества мужчин к количеству женщин, порождало определенную конкуренцию между представительницами слабого пола. Даже относительно небогатые татарские предприниматели в этот период могли себе позволить двух жен. Так, в 1916 году привел в свой дом вторую жену казанский мастер часовых дел Зекирзян Абдулкадыров. Две женщины не ужились в одной тесной квартире, а своего дома у часовщика не было. В результате, первая супруга Магри-Зямал Назмутдинова была вынуждена оставить мужа². Наиболее частыми причинами разводов как и в довоенное время оставались злоупотребление мужа спиртными напитками и его внебрачные интимные связи. Вообще в стрессовой ситуации алкоголь представлялся одним из верных средств, не случайно почти все мобилизации сопровождались погромами винных лавок, устраиваемые призывниками и их родственниками.

Таким образом, в годы войны обозначились несколько женских статусов: 1) незамужние девушки, 2) солдатки, 3) вдовы и 4) разведенные женщины. В качестве, пятой группы, конечно, можно выделить и тех счастливых представительниц слабого пола, чьи мужья не были призваны на войну. Но они оставались более защищенной социальной категорией, поэтому не требуют отдельного анализа.

Среди солдаток были как фактические вдовы, так и те, чьи мужья продолжали воевать. Супруги раненых солдат, лежащих в лазаретах, иногда, невзирая на дорожные трудности, отправлялись в другие города на встречу с мужьями. Некоторые брали собой и детей. Такого рода путешествия, в условиях постоянного повышения цен, порой осложнялись нехваткой денежных средств, например, для обратной дороги. Женщина могла остаться в чужом городе без единой копейки. Спасали правила военного времени, согласно которым солдатки могли претендовать на бесплатный проезд на поездах и пароходах³.

---

¹ Салахова Э. XIX–XX гасыр башында татар гаиләсе // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2008. – №1. – С.267–273.

² НА РТ. Ф.41. Оп.3. Д.5344. Л.73.

³ НА РТ. Ф.482. Оп.1. Д.26. Л.9–10.

Пожалуй, самым ценным в это время было письмо от солдата. Не все женщины были грамотными, поэтому и чтение весточки с фронта и написание ответа было для них весьма затруднительным делом. Для этого надо было найти грамотного человека. К примеру, педагог Вали Хангильдин вспоминал, как в 1916 году в Уфе поэт Шайхзада Бабич провел целый день в Нижегородской слободе, помогая солдаткам писать письма мужьям на фронт. Он в это время собирал образцы татарского народного творчества и в поисках фольклорных песен забрел на городскую окраину. Однако солдатские жены, спев поэту свои байты, стали просить его о помощи, многие из них попросту оказались неграмотными¹.

Но самым страшным было, когда эти письма прекращались. И женщина не знала живой или мертвый ее супруг. Жены, чьи мужья пропали без вести, писали прошения в губернские органы, чтобы получить хоть какие-то сведения о них. Одной из таких просительниц в марте 1916 года была и Бибиасма Мухаметзянова – крестьянка д.Конь Селенгушской волости Лаишевского уезда. Ее мужа Зинатуллу Хамидуллина призвали в качестве нижнего чина 21 июля 1914 года. С 1915 года она не получала от него никаких сведений. Было лишь письмо от старшего унтер-офицера Степана Огородникова, который писал, что Зинатулла Хамидуллин на позиции заболел холерой и умер в июле 1915 года. Тело было оставлено в г.Минске. Больше о его смерти ей никто не сообщал. Поэтому Бибиасма не верила этому письму, так как считала, что если муж заболел, ей должны были сообщить об этом из лазарета². Она просила разыскать мужа. И таких прошений в губернскую канцелярию поступало очень много. Единственное, что сумели сообщить женщине в мае 1916 года, это то, что Хамидуллина в 1914 году назначили на службу в 161-й пехотный Александропольский полк³.

Бибиасма Мухаметзянова продолжала верить, что муж живой, вероятно, искренне, по велению сердца. Но были на то и вполне рациональные причины. Военное делопроизводство было столь несовершенным, что легко могли сообщить о смерти и живого солдата. А

---

¹ Хангильдин В. Бабич белән үткән бер жәйнең истәлегә // Совет әдәбияте. – 1959. – №5. – Б.101.

² НА РТ. Ф.1. Оп.5. Д.1547. Л.1.

³ Там же. Л.4об.

выражение «пропал без вести» тем более было очень обнадеживающим для близких людей. Однако, судя по всему, встречались и другие случаи, когда мусульманки скоропалительно после таких известий выходили замуж, а через некоторое время выяснялось, что «погибший» или же «пропавший без вести» первый супруг жив. Этим вопросом Оренбургское магометанское духовное собрание было озабочено еще с 1915 года. Некоторые имамы спрашивали у казыев о том, как им поступить в тех случаях, «когда жены нижних чинов (...), предъявляя сообщения командира частей о смерти мужа, ходатайствуют о совершении им браков с вновь избранными лицами...». В ноябре 1915 года ОмДС дало предписание имамом воздержаться от совершения таких браков, до прекращения военных действий¹. Однако отказ указных мулл совершить никах не останавливало солдаток и их женихов. Находились частные лица готовые провести для желающих обряд бракосочетания. Так в феврале 1916 года в Духовное собрание обратился имам мечети дер.Калмашево Мензелинского уезда Уфимской губернии – Ахмедлатиф Биккулов с жалобой на местного старика Гайфуллу Рахматуллина, совершившего «частный гакиды» солдатке Асылбаевой с ее новым избранником. «В настоящее время в деревне Калмашевой находятся до 200 солдатских жен о смерти мужей многих из них ходят в народе частные слухи», – писал мулла, опасаящийся того, что эти женщины в итоге могут последовать примеру солдатки Асылбаевой². Мотивация большинства солдаток, вышедших замуж во второй раз, была вполне земной. В трудное военное время многие руководствовались материальными интересами. Например, жительница дер. Сейтяковой Бирского уезда Уфимской губернии Айфя Биктимирова объясняла свое второе замужество следующим образом: «лишена средств жизни и как бездетная не имею работников». При этом о смерти первого мужа и о том, что лично похоронил его, этой женщине сообщил односельчанин, воевавший вместе с ним³.

Не самостоятельность подавляющей массы мусульманских женщин, их материальная и психологическая зависимость от мужчин, подкрепляемая относительно легким отношением к браку и допус-

---

¹ ЦИА РБ. Ф.И–295. Оп.6. Д.3741. Л.4, 7.

² ЦИА РБ. Ф.И–295. Оп.6. Д.3973. Л.1.

³ Там же. Л.15.

тимостью разводов в традиционной культуре, вероятно, служили основой для вступления солдаток в новые брачные отношения.

Поэтому постановлением от 9 ноября 1916 г. Оренбургское магометанское духовное собрание вообще запретило женщинам, чьи мужья погибли или пропали без вести на фронте выходить замуж до окончания войны. Немало вопросов вызывала и проблема совместного имущества, и его раздела. Поэтому от мулл требовали, чтобы они обязательно брали с мобилизованных солдат специальную расписку¹.

Общественная активность женщин в годы войны

Несколько в ином положении были женщины из состоятельных семейств. Нужда не вынуждала их идти работать в качестве учительниц, приказчиц, работниц фабрик и заводов. Но они не хотели оставаться в стороне от социальных проблем военного времени. Представительницы купеческих и дворянских фамилий бросили все свои силы на общественную работу, собирали пожертвования в пользу раненых и беженцев, устраивали различные благотворительные акции. Именно в годы Первой мировой войны реализовалась давняя мечта купеческой дочери и жены Фатихи Аитовой: в 1916 году в Казани открылась первая татарская женская гимназия. «Узкая домашняя жизнь с заботами о хозяйстве, о воспитании детей, посвященная исключительно интересам замкнутой семьи – меня не удовлетворяла», – писала она о себе. Фатихе очень повезло, свою общественную работу она осуществляла «благодаря моральной и материальной поддержке мужа» – купца Сулеймана Аитова². Немало внимания уделяла Фатиха Аитова и благотворительной работе. Например, она была в числе тех немногих женщин, которые купили на свои средства кровати для устроенного в Казани мусульманского госпиталя. Помогали ей представительницы предпринимательских семей – Зайнаб Хасания и Нафиса Юнусова. По сообщению женского журнала «Сююмбикэ», ученицы школы Фатихи Аитовой приготовили 120 мешков для отправки на фронт, в них были собраны предметы первой необходимости: сахар, чай, мыло, табак, иголки с нитками, носовые плат-

---

¹ История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. В 2-х томах. Том II. – Уфа, 2007. – С.24.

² НА РТ. Ф.74. Оп.1. Д.1. Л.2–3.

ки, бинты и т.п.¹ Следует особо отметить, что в отличие от некоторых своих соратниц, мужа и сыновья которых сумели избежать мобилизации, Фатиха Аитова была в числе тех, кого война коснулась лично. Призвали на войну ее среднего сына – Ибрагима Аитова. После окончания Казанского коммерческого училища, в 1913 году он поступил в Московский коммерческий институт. Ибрагим олицетворял собой представителей так называемой «золотой молодежи» Старотатарской слободы. Но война не обошла стороной и эту состоятельную татарскую семью. Супруг Фатихи – купец Сулейман Аитов был в числе активных организаторов мусульманского комитета по сбору средств помощи на лекарства раненым воинам².

В различных комиссиях Мусульманского комитета помощи беженцам в Казани в 1915 году трудились и татарские женщины. Число таких активисток доходило до 19 человек³.

Участвовали в благотворительной работе в пользу раненых и военнослужащих женщины разных городов Российской империи. Одними из первых московские мусульманки приняли участие в продаже флагов и тем самым собирали пожертвования в пользу армии. Кроме того, летом 1914 года в Москве, помимо Женского благотворительного общества, был организован специальный Комитет мусульманских женщин для помощи русским воинам⁴. Аналогичный Комитет по оказанию помощи раненым появился и в уездном городе Троицке Оренбургской губернии, возглавила его Мафтуха Яшueva – представительница знаменитой купеческой семьи⁵. К слову, и упомянутая выше Фатиха Аитова была урожденной Яшueвой и принадлежала именно этому троицкому предпринимательскому роду.

В Казани вносили свою лепту общему делу ученицы татарских учебных заведений. Так, по словам учениц школы Лябибы Хусаиновой они собирали пожертвования у горожан в пользу Красного Кре-

---

¹ Хайрутдинова Д.Р. Благотворительность и милосердие татарских женщин в годы Первой мировой войны // Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.). – Казань, 2008. – С.421.

² У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие Казани в годы Первой мировой войны. 1914–1917). Сборник документов и материалов. Кн.2. – Казань, 2003. – С. 33.

³ Там же. С.86.

⁴ Город Казань. – 1914. – 29 августа. – №320.

⁵ Хайрутдинова Д.Р. Указ. соч. С.422.

ста, продавая им искусственные цветы¹. Это было в преддверии Дня белого цветка – дня борьбы с туберкулезом. Неизвестно, какие чувства одолевали девочек, когда они ходили по городу, предлагая прохожим купить у них белые цветы; осознавали ли они трагизм эпохи, в которой суждено было родиться. Но, очевидно, что кроме патриотических порывов и религиозно-нравственного стремления к милосердию им не чужды были и самые обычные эмоции, отражающие их повседневные заботы и мечты. Так, бугульминская гимназистка, дочь городского фельдшера Фатима Кашафутдинова в своей дневниковой записи от февраля 1918 года искренне сетовала на родителей, которые не покупали ей новую одежду. «С начала войны мне часто дороговизна приносит неприятности и огорчения, я хожу в старом пальто, в платке, в нехорошей форме и старом фартуке. Даже в этом году не покупали мне перчаток, – писала она, – Я до сих пор ходила в прошлогодних маминых, но они износились, а потому я их забыла у Атласовых², с тех пор несколько дней хожу без перчаток. У папы несколько раз просила купить перчатки, он все не покупает...»³. Девушка далее обвиняет отца в черствости, в невнимательности и равнодушии. Хотя в конце записи проскальзывают мотивы религиозного смирения, и она просит прощения у Бога за критику родителей.

Ростки феминизма

Но не все ровесницы Ф.Кашафутдиновой в то время были такими. Эмансипация, получившая широкое распространение в татарском обществе, оказывала влияние на поведение женщин. Наряду с расторжениями браков, имели место конфликты с родителями, не все девушки готовы были подчиняться их воле. Довольно громкую огласку в татарской прессе получил семейный скандал, разгоревшийся в селе Азеево Рязанской губернии в 1915 году. Захида Бурнашева, более известная под псевдонимом Гиффэт туташ, публиковала свои стихи в различных татарских газетах. Когда об этом узнали родители, они запретили дочери не только печататься, но вовсе посадили на домашний арест. Юная особа не стала мириться с этим, сбежала из

---

¹ Там же.

² Семья муллы и ученого Хади Атласи

³ Кашафутдинова Ф. Записки гимназистки // Тарнапольский Р.И. Наш Двадцатый век. – Казань, 2013. – С.26.

дома. Родители начали разыскивать ее через волостное правление, а поэтесса написала об этом в 1915 году в газете «Вақыт» и попросила защиты. История девушки вызвала сочувствие общественности, её родители были признаны темными и невежественными людьми. Открытое письмо Бурнашевой перепечатала и газета «Юлдуз». В числе тех, редких лиц, кто пытался образумить Гиффэт туташ и вернуться к родителям был богослов М.Бигиев. Но девушка решила поступить по-своему. Она уехала в Москву, активно участвовала в женском движении, а после смены власти в 1917 году З.Бурнашева занялась продвижением коммунистических идеалов в народные массы¹. К слову, Гиффэт туташ была не единственной, ослушавшейся родителей, особой. Будущая артистка труппы «Сайяр» Ашраф Синяева после окончания Елабужской женской гимназии тоже, несмотря на запреты родителей, уехала в Петербург и поступила в театральную школу А.Н.Петровского². К слову, родилась будущая артистка в г.Касимове Рязанской губернии.

В годы Первой мировой войны для девушек из интеллигентных и состоятельных семейств открылись новые возможности в образовательной сфере. Впервые женщины получили разрешение на обучение в университетах в годы первой русской революции – 1906–1907 гг. Позднее их права стали ограничивать, и удалось завершить учебу только тем, кто поступил в эти годы. Первая мировая война изменила сложившиеся патриархальные правила. На освободившиеся места в некоторых университетах начали принимать и представительниц женского пола. Так одним из первых таких прогрессивных учебных заведений стал Казанский университет, позднее открыли свои двери перед дамами и столичные вузы. В 1915 году студентками Казанского университета стали Гайша Апанаева (медицинский факультет) и Амина Мухутдинова (юридический). Последняя в годы революции стала видным общественно-политическим деятелем, занимала руководящие должности в советское время³.

---

¹ Гайнуллин М. Татарская литература и публицистика начала XX века. – Казань, 1983. – С.155–157.

² Рэми И.Г., Даутов Р.Н. Әдәби сүзлек сүзлек (элекке чор татар әдәбияты һәм мәдәнияте буенча кыскача белешмәлек). – Казань, 2001. – Б.218.

³ Биктимирова Т.А. Ступени образования до Сорбонны. – Казань, 2011. – С.112–115.

Помимо мужской работы в тылу, некоторые девушки стремились попасть на фронт, записавшись сестрами милосердия. Эта практика была распространена среди российских студенток, девушек образованных и увлеченных романтикой войны и милосердия. Так на Кавказском фронте пропала без вести талантливая художница, студентка Строгановского художественного училища Хадича Акчурина. Возможно, представительница известной фамилии промышленников из Симбирской губернии вдохновилась примером своих единокровок – Гюльсум Камаловой (Чистополь), Рукии Юнусовой (Петербург), Марьям Якуповой (Ташкент), Марьям Паташевой (Ростов), работавших сестрами милосердия в Турции во время Балканской войны 1912 года. Интервью и фотографии этих девушек были опубликованы во многих татарских периодических изданиях. Девушки делились своими впечатлениями о турецком обществе, рассказывали о работе в госпитале¹. Но в отличие от судьбы участниц Балканской компании, жизнь Хадичи Акчуриной оборвалась на фронтах Первой мировой войны. Она осталась в истории как автор замечательных рисунков, в том числе обложки татарского детского журнала «Ак юл», издаваемого в Казани. На этом карандашном рисунке мальчик-татарин вглядывается в даль, где восходит солнце, а впереди у него светлая дорога... Служила сестрой милосердия во время Первой мировой войны и Г.Ижбирдаева. На войну она отправилась вслед за мужем. Ее супруг – купеческий сын и врач Исмагил Усманов был призван на войну сразу после ее начала. Всю мировую войну они провели в военных госпиталях, выезжали в районы боевых действий². По данным нижегородских исследовательниц О.Н.Сенюткиной и Ю.Н.Гусевой, жительницы деревни Ишеево Нижегородской губернии – Сабира Хакимова и Ханафия Рахимова, также «ушли на войну, рука об руку со своими родными»³. Обращает на себя внимание то, что эти женщины были как раз из тех самых центральных губерний Российской империи, где эмансипированных татарок встречалось гораздо больше, нежели в Волго-Уральском регионе. Супруга врача И.Усманова –

---

¹ Сибгатуллина А. Контакты тюрков-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. – М., 2010. – С.134.

² Султанбеков Б. Исмагил-доктор // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1997. – №1/2. – С.253.

³ Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. Нижегородские мусульмане на службе Отечества (конец XVI – начало XX вв.). – Нижний Новгород, 2005. – С.37.

Г.Ижбердаева была родом из Петербурга. Участие женщины в войне было вызовом для европейского общества того времени. Женщина, которая всегда являлась хранительницей домашнего очага, покинула пределы своего традиционного пространства и проникла в самую гущу мужского мира. Конечно же, подобные примеры вдохновляли татарок на решительные действия во всех сферах жизни.

Феминизм и традиции

К 1917 году в тылу повсеместно работали татарские женские медресе, различные курсы, открылась гимназия. Женщины могли посещать библиотеки, театры, литературно-музыкальные вечера. Выпускался даже специальный женский журнал на татарском языке. Но, мусульманкам предписывалось соблюдать определенные правила поведения в обществе. В публичной жизни все же долгое время сохранялось разделение на мужскую и женскую сферу. В читальнях выделяли отдельные дни и часы для женщин, чтобы они не пересекались с лицами противоположного пола. При устройстве каких-то городских мероприятий (например, сабантуев) организовывались отдельные буфеты для дам и кавалеров. Старались разграничивать зрительские места при просмотре татарских представлений.

Соблюдались патриархальные традиции и в сельской местности, когда дело касалось торжественных мероприятий. Так в 1915 году в деревне Каракашлы Бугульминского уезда Самарской губернии открылась женская школа в честь журналистки и педагога Фатимы-Фариды Наурузовой. Она являлась одной из видных представительниц татарского женского движения. Новое учебное заведение в родной деревне известной феминистки приглашенные женщины и мужчины посещали в разное время, отдельно для каждого пола были организованы и торжественные обеды по случаю открытия школы¹.

В мусульманских политических собраниях женщины не принимали участие, а те дамы, которые все же проникали на организованные мужчинами встречи, критиковались большей частью традиционного женского сообщества. Но, несмотря на это, некоторые молодые татарки не желали подчиняться правилам предлагаемым мужчинами, они хотели строить свою жизнь по западным лекалам. Так в декабре

---

¹ Медресе Казанской губернии второй трети XIX – начала XX в. Сборник документов и материалов / Отв. сост. Л.В.Горохова. – Казань, 2012. – С.210.

1914 года московскими курсистками и студентами был устроен банкет в честь артиста Габдуллы Кареева, в нем участвовали и девушки, и молодые люди¹.

С 24 по 27 апреля 1917 года в Казани прошел Всероссийский съезд мусульманок. В Президиум вошли Зайнаб Ахмерова, Фатима Алкина, Сара Ахмерова, Марьям Губайдуллина, Хадича Мустафина, Зухра Салихова, Хадича Таначева. Делегатки представляли самые разные регионы России, кроме них в зале присутствовали более 300 женщин-гостей. В нем поднимались вопросы равноправия мужчин и женщин, отмена многоженства и калыма, право женщин на развод и другие социальные проблемы. Здесь же было избрано Центральное бюро мусульманок России: Гульсум Асафандиярова, Диляра Булгакова, Захида Бурнашева, Рауза Чанышева-Султангадиева, Салима Якубова². Схожие вопросы поднимались и в женской секции Всероссийского мусульманского съезда в Москве, в мае того же года.

К 1917 году работающая женщина, будь она врач или учительница – уже не воспринималась как предательница религиозных устоев. Но многие стереотипы сохранились. Например, татарки-учительницы, несмотря на свою материальную независимость и равноправное профессиональное положение, вели в городах, как правило, обособленную жизнь. Они не участвовали в совместных общественных собраниях, так как избегали мужского общества. Особенно это было характерно для учительниц казанских татарских школ³.

К слову, такое отношение к работающим женщинам не было характерно только для мусульманского сообщества, этими представлениями в начале XX века и в годы войны руководствовалось большинство россиян, вне зависимости от нации или религиозной принадлежности. «В России, несмотря на призыв большевиков к рабочим обоих полов трудиться бок о бок и помочь женщинам, мужчины сопротивлялись признанию равных с ними способностей женщин, – пишет британская исследовательница Линн Абрамс. – В военной промышленности России было занято очень много женщин, но практически все они работали на производствах, не требующих квалифи-

---

¹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6188. Л.195.

² Фаизов С. Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г.: страницы истории. – Нижний Новгород, 2005. – С.25–28.

³ ЦИА РБ. Ф. Р–4767. Оп.1. Д.2. Л.221.

кации, и платили им меньше. Даже в экстраординарных обстоятельствах военного времени было трудно преодолеть стереотип, распространенный в XIX веке»¹.

В этих условиях некоторые примеры из истории татарского общественно-политического движения иллюстрируют невиданную прогрессивность мыслей и поступков мусульман. Так в 1917 году некоторые мусульманки были представлены в муниципальных органах власти. Гласной Уфимской городской думы была избрана бывшая учительница, татарская певица Абруй Сайфи. Она представляла социальный блок народных избранников. Всего в думу того созыва прошли 3 женщины². Она же стала единственной женщиной, которую включили в состав национального законодательного собрания – Миллэт Меджлисе³.

Абруй Сайфи отличалась от своих единоверок довольно смелым поведением. Из-за материальной неустроенности, семейных обстоятельств (она дважды была замужем), преследований жандармерии она часто переезжала из одного города в другой и, конечно, такая жизнь закалила ее. Летом 1917 года Абруй Сайфи была избрана председателем бюро мусульманок-солдаток, созданного в мае того же года в Казани⁴. Хотя супруг ее Фатих Сайфи не служил в армии, но, вероятно, среди настоящих солдаток не нашлось активной, наделенной организаторскими и ораторскими талантами, женщины. Интересно, что при бюро солдаток-мусульманок она организовала суд, «так как народных судов еще не было, и боролась за интересы солдаток, которых обижали хозяева мужья»⁵. Сама жизнь заставила избавиться ее от старых стереотипов. Современники сохранили в памяти следующий поступок А.Сайфи. «На одном собрании, состоявшемся в Екатеринбурге, религиозные националисты отдельно посадили женщин, пришедших на собрание и, чтобы не показать мужчинам их лица, повесили занавес. Со словами: «Какие занавесы могут быть во время революции? Хватит, и так годами нас держали взаперти!» – Абруй сорвала занавес и стала выступать». В зафиксированном в уже

¹ Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789–1918. – М., 2011. – С.352.

² Уфимская жизнь. – 1917. – 12 июля.

³ Фаизов С. Указ. соч. С.58.

⁴ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2406. Л.7.

⁵ Там же. Л.38.

советское время воспоминаниями говорится еще и о том, что «герои нации «в каляпушах» бросились на певицу с криками и даже «начали избивать»¹. Но насколько это правда мы не беремся судить. Возможно, дело ограничилось лишь руганью.

Необходимость модернизации ислама и изменения положения женщины признавали даже сами религиозные деятели. Однако они еще не были готовы к отмене многоженства, к пересмотру правил развода и наследования. «... Казанские татары сильно сорятся из-за того, что устроители русской революции дали свободу не только лицам мужского пола, но и женщинам, почему казанские татарки, по русскому обычаю, стали ходить, не закрывшись от мужчин на общественные гулянья и даже на разные собрания. А этого мусульманская религия не допускает», – записал свои наблюдения в дневнике в 1917 году известный миссионер Евфимий Малов². Хотя существенным прорывом стало избрание женщины-судьи (казья) в Оренбургское духовное магометанское собрание – Мухлисы Буби.

Между тем татарские феминистки своими смелыми выступлениями на различных съездах и на страницах национальной печати выражали уже наметившиеся тенденции развития мусульманского общества: в повседневном укладе женская эмансипация стала вполне очевидным явлением. Как отмечал уже в 1920-е годы Г.Ибрагимов в своей статье «Историческое развитие татарской женщины» («Татар хатынының тарихи үсеше»), тяготы германской войны вынудили женщин отбросить прежние жизненные привычки, из-за материальной нужды она начала и пахать, и косить, и в одиночку ходить в лес за дровами. А деревенские старики, еще недавно державшие своих жен взаперти, смотрели на это как на привычное дело³. К слову, подстрекателем солдаток из Мамадышского уезда, помешавших работе землемера в 1915 году, был пожилой житель их деревни⁴.

* * *

Первая мировая война стала рубежом между домашней жизнью татарки и ее деятельностью вне дома (поле, завод, фабрика, торговля

---

¹ ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2406. Л.6.

² ИЯЛИ АН РТ. Ф.56. Оп.1. Д.5. Л.61.

³ Ибрагимов Г. Эсэрләр: 8 томда. – Т.7. – Казан, 1984. – Б.219.

⁴ НА РТ. Ф.41. Оп.2. Д.3330. Л.5.

и другие промыслы), многие женщины именно в данный период изменили стиль поведения и стали более независимыми, но отнюдь не счастливыми:

*«Ничә еллар монда мин бер башым
Ирләр түзмәс эштә интегәм;
Беләкләрем талды, йорт таланды,
Сары булдым, ахры, йөткәрәм»¹*

Это фрагмент стихотворения «Солдатская жена» Накыя Исанбета, написанное в 1917 году. «Сколько лет я одна здесь, мучаюсь на работе, которую не выдержали бы и мужчины, – жалуется на свою судьбу героиня данного поэтического произведения, – Устали мои руки, разорен мой дом, я видимо, больна чахоткой, кашляю...»². Поэтому эмансипация стала необходимым, но в то же время вынужденным шагом, Первая мировая война значительно ускорила запущенные еще в конце XIX века процессы по раскрепощению татарских женщин. Оставшиеся без мужской поддержки они были вынуждены учиться жить и выживать самостоятельно, невзирая на свою половую принадлежность, на традиции и общественное мнение. Если представительницы состоятельных семей в этот период завоевывали себе пространство в политической и культурной жизни и тем самым по-своему разрешали свой «женский вопрос», то женщины, материально нуждающиеся, сталкиваясь с реальной нуждой, шли работать наравне с мужчинами и уже на этом поприще видоизменяли свои гендерные роли.

Но с окончанием войны положение многих женщин не изменилось. Осталось много вдов, а среди вернувшихся домой солдат немало было инвалидов. Безногие и безрукие они уже не могли помогать по хозяйству, работать где-то. По данным Д.М.Исхакова, по переписи 1926 г. в крупных городах на 100 татарок приходилось лишь 98 мужчин. По сравнению с 1897 годом число вдов к этому времени среди татарок выросло в 1,8 раза³. В этих условиях и военное поколение женщин вело себя уже иначе, и их дочери воспитывались немало по-другому.

---

¹ Исәнбәт Н. Сайланма әсәрләр: 3 томда. – 1 том. – Казан, 1960. – Б.123.

² Подстрочный перевод автора статьи.

³ Исхаков Д.М. Динамика численности и особенности размещения татар в Волго-Уральском регионе в XVI – начале XX вв. // Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995. – С.290–291.

Во время Первой мировой войны татарские женщины не участвовали в боевых действиях. Да и в целом участие прекрасного пола в войне было исключительным явлением¹. Таких отчаянных дам, вроде авиатора Евгении Шаховской или организатора женского батальона смерти Марии Бочкаревой было немного. Однако сама тыловая жизнь внесла значительные коррективы в повседневность людей, в том числе и во взаимоотношении полов в трудовой сфере. Последовавшая затем Гражданская война прошла катком по женской сути. В братоубийственной борьбе участвовали и татарские женщины: в качестве сестер милосердия, санитарок, разведчиц, агитаторов, культмассовых работников и т.д.² И поэтому совершенно другую картину мы видим уже спустя тридцать лет: женщины прошли колоссальный путь от традиционного понимания своей роли до полной эмансипации. Например, на фронтах Великой отечественной войны большое мужество проявила летчица Магуба Хусаиновна Сыртланова, ей было присвоено звание Героя Советского Союза³. И это лишь один из самых ярких примеров женского героизма, а сколько было на фронтах Второй мировой войны малоизвестных женщин: пулеметчиц, радисток, разведчиц, партизанок и т.д. Среди них немало было и татарок. И этот путь татарской женщины от мирных домашних забот до солдатской жизни и ужасов сражений берет начало с той самой забытой Первой мировой войны.

3.5. Татарская культура в 1914–1917 гг.

Духовная культура в ее традиционном понимании трудно сопоставима с войной. Когда становится зыбкой грань между человеческой жизнью и смертью, когда материальные проблемы сводятся к вопросу элементарного выживания не до высокого искусства и духовных исканий. С другой стороны, вдали от фронта, в глубоком тылу население постоянно находилось в состоянии ожидания, и этот вакуум времени нужно было чем-то заполнить. Культурная жизнь российского тыла в

---

¹ Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. – М.: РОССПЭН, 2002. – С.89, 101, 108.

² ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2406. Л.42–53.

³ Кабирова А.Ш. Женщины Татарстана на фронте и в тылу. – Казань, 1995. – С.143.

годы Первой мировой войны имела свои специфические черты и обусловлена она была военными обстоятельствами. Так повсеместно органами самоуправления принимались постановления о запрещении алкогольных напитков и в условиях трезвости народные массы стали больше внимания обращать культурно-просветительским мероприятиям, посещать читальни и публичные лекции, спектакли и концерты. Большинство средств, собранных во время культурно-массовых собраний, направлялось на благотворительные нужды: семьям военнослужащих, раненым и больным солдатам, армии. Поэтому работали не только профессиональные труппы, но и образовалось множество любительских коллективов, в том числе в сельской местности. Инициаторами таких мероприятий, как правило, выступала интеллигенция, учащаяся молодежь. Коллективный культурный досуг с одной стороны служил общей цели государства, с другой – в какой-то мере выполнял психотерапевтическую роль: человек не заикливался на своей проблеме, хоть на время отвлекался от забот военного времени. Помимо массовых видов свободного времяпрепровождения в этот период духовная культура развивалась и в другом направлении: в виде авторской рефлексии наступивших мировых перемен. И характер этой оценки менялся с ходом военного конфликта. Например, в начале войны, как в Западной Европе, так и в России некоторые деятели культуры находились под эйфорией: не думая о последствиях войны, о будущих человеческих трагедиях, они предвкушали предстоящие изменения в обществе. Война представлялась единственным средством излечения застоя буржуазного мира, заикленного лишь на материальных вопросах и лишённого духовности. Война воспринималась некоторыми представителями творческой интеллигенции как необходимый элемент для очищения старого мира от наносного и временного, как определенный этап истории ради рождения чего-то более совершенного. Об энтузиазме и ликовании в первые месяцы войны вспоминал С.Цвейг, о великолепии войны писал М.Вебер, «и воистину светло и свято дело величавое войны», – звучали строки стихотворения Н.Гумилева¹. Однако к концу войны становилась очевидной несопоставимость ценности человеческой жизни с общественно-политическими (пусть даже напрашивающимися) переменами.

---

¹ Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн.1. – М.: Наука, 2005. – С.547.

«Душа приняла эту войну благосклонно. Война была необходима, так как ее результатом могла бы стать революция и большие изменения, – записал в своем дневнике писатель Мажит Гафури, правда, уже в 1920-е годы, – Война продолжалась. Ручьями лилась кровь рабочих и крестьян. Сиротами остались их дети и жены. Чем больше становилось таких трагедий, тем хуже становилось на душе. Возле казармы толпились родители, провожающие своих детей, дети, провожающие своих отцов. Я часами наблюдал за ними. Именно тогда написал “Видно нет тебя, Аллах...”»¹. Стихотворение это появилось в 1916 году. Вероятно, в начале войны люди считали, что она будет сродни русско-японской военной кампании, короткой и без больших человеческих потерь. Однако эта была совсем другая война. Так лишь за один месяц, по не полным данным, с 8 сентября по 8 октября 1914 года только в город Казань прибыло 1 841 раненый солдат². И это было лишь начало.

Татарская культура в виде авторской художественной литературы, театральных постановок, музыкального искусства стала бурно развиваться, главным образом, после 1905 года. Поэтому к началу Первой мировой войны завершился почти десятилетний этап ее развития. Мощным фактором распространения культуры в широкие народные массы служила национальная периодическая печать, в 1916 году отмечали свой первый юбилей наиболее популярные газеты «Юлдуз», «Вакыт». К этому времени некоторые повременные издания (например, «Казан мухбире») уже перестали существовать, поэтому именно эти газеты олицетворяли собой лицо национальной прессы. Об определенной зрелости татарской периодической печати говорил и тот факт, что в годы войны в большом количестве выпускались журналы. Например, в 1916 году из 18 татарских повременных изданий 12 были журналами³. Каждый из них имел определенное направление и свою читательскую аудиторию. Так вопросам культуры много внимания уделялось в журналах «Аң» и «Шура». Проблемам религиозно-нравственного содержания были посвящены статьи журналов «Дин ва адаб», «Дин ва магишат». Последний, выпускавшийся оренбургским имамом Вали Хусаиновым, выступал с резкой критикой светской культуры.

---

¹ Гафури М. Сайланма эсэрләр. – Казан, 2010. – Б.322.

² НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1493. Л.1–224. Подсчитано автором.

³ Амирханов Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – С.123.

Особенно раздражали авторов данного журнала театральные представления. Деятельность В.Хусаинова – сына известного купца-джарида (Гани бая), очевидно, не стоит оценивать лишь в негативном ключе, она выполняла в какой-то степени диалектическую роль в развитии татарской культуры, сохраняя баланс в противостоянии консервативных и либеральных сил общества.

Театр и музыка

Между тем в условиях военного времени силы были явно на стороне приверженцев либеральных взглядов. Например, до войны весьма сложно было получить разрешение на проведение татарских культурно-массовых мероприятий (спектаклей, концертов, вечеров), т.к. этому противились представители мусульманского духовенства. Как известно, музыка и производные от нее развлечения долгое время считались харамом, т.е. явлениями, призывающими к развратным действиям, а потому не соответствующими мусульманской традиции¹. Когда началась Первая мировая война, на государственном уровне контролировалась благотворительная деятельность. И татарские муллы уже не могли запрещать театральные представления или концерты, ссылаясь только на свои религиозные убеждения².

Этот, казалось бы, незначительный момент дал новый импульс для развития татарского театрального и музыкального искусства. Весной 1917 года практически одновременно вниманию зрителей были представлены две музыкальные пьесы «Зулейха» (с авторской музыкой) и «Галиябану» (на основе народной мелодии). А в 1925 г. казанская публика смогла оценить первую татарскую оперу «Сания». Это был уже новый этап развития татарского театрального искусства, которому предшествовали долгие годы работы сначала любительских коллективов, затем одной из первых профессиональных трупп «Сайяр».

Накануне Первой мировой войны и в ее годы наблюдалась следующая тенденция: профессиональные татарские драматические товарищества образовывались в разных городах империи: Уфе, Орен-

---

¹ Габдрафикова Л.Р. Повседневная жизнь городских татар в условиях буржуазных преобразований второй половины XIX – начала XX века. – Казань: Институт истории АН РТ, 2013. – С.195–196.

² Уфимский вестник. – 1915. – 17 февраля. – №37.

бурге, Астрахани и т.д. Конечно, это было связано, в первую очередь, с личностными конфликтами между артистами и антрепренёрами, невозможностью совместной работы в рамках одной труппы, коммерческими интересами и иными сопутствующими причинами, но в то же время данная тенденция способствовала развитию здоровой конкуренции, творческой свободе и новым театральным экспериментам. На смену своеобразной монополии «Сайяр» и ее руководителя Габдуллы Кариева пришли многочисленные театральные коллективы («Нур», «Ширкат», «Татар артистларының драма ширкәте», «Мохтарият» и др.¹) инициаторы которых нередко были выходцами из «Сайяра». Как, например, организовавшая в Уфе труппу «Нур», Сахипжамал Гиззатуллина-Волжская.

Если в первые годы существования татарского театра в нем служили исключительно мужчины, а первой и единственной актрисой долго оставалась С.Гиззатуллина-Волжская, то в годы войны, и связанного отчасти с ней нарастающего женского движения за эмансипацию, в татарских драматических товариществах работало достаточно много женщин. Например, в 1915–1916 гг. в труппу «Сайяр» пришли актрисы Нагима Таждарова, Нафига Арапова, Фатима Гумерова, Фатима Ильская². Связано это было и с тем, что некоторых артистов призывали в армию. Вынуждены были в 1915 году оставить сцену из-за этого актеры труппы «Нур»: Шакир Шамильский, Исхак Алмяшев, Барый Тарханов, Нуретдин Ханжаров³. Подобные кадровые потери были характерны для всех театральных коллективов.

Конечно, в этот период практически все артисты татарских драматических трупп были любителями, не имели профессионального образования. Как известно, первое учебное заведение по подготовке татарских актеров – Татарский театральный техникум открылся в Казани лишь в 1923 году. Одной из первых профессиональных актрис татарского театра стала Ашраф Синяева, окончившая против воли родителей столичные Петровские курсы сценического искусства

---

¹ См. подробнее: Мәхмүтов Һ., Илялова И., Гыйззэт Б. Октябрьгә кадәрге татар театры: Очерктар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. – 399 б.

² Мәхмүтов Һ., Илялова И., Гыйззэт Б. Күрс. хезм. Б.162.

³ Аитов Л. Артистның тормыш юлы // Сәхипжамал Гыйззәтуллина-Волжская: әдәби-нәфис, документаль, биографик жьентык / Төз.-авт. Ж.Миңнуллин. – Казан: Жьен, 2012. – Б.87.

ва. Поработав некоторое время в русских театральных коллективах, осенью 1917 года, по приглашению Г.Кариева, она начала служить в труппе «Сайяр»¹.

Требовало корректировки не только актерское мастерство татарских артистов, но даже их языковая подготовка. Во время представлений, по замечанию критика того времени Габдрахмана Карама, нередко наблюдался языковой разнобой: актеры переходили с одного диалекта татарского языка на другой, что мешало целостному восприятию спектакля². Вероятно, стремление создавать собственные коллективы на местах было связано и с этими особенностями.

Увеличение количества трупп делало особенно актуальным вопрос о репертуаре. Конечно, имелся определенный набор пьес, которые ставились с первых дней работы татарского театра. Это, прежде всего, переводные произведения русских авторов. Например, постоянно ставились спектакли по мотивам пьес А.Н.Островского. Признанным татарским драматургом был Галиасгар Камал, который даже помогал труппе «Сайяр» со сценическим оформлением постановок. Злободневные темы татарской повседневности поднимались в драматических произведениях Гаяза Исхаки. Его пьесы «Жизнь с тремя женами», «Мугаллима» были любимы зрителями. Накануне Первой мировой войны репертуар татарского театра обогатился новыми пьесами, созданными С.Рамиевым, Ф.Амирханом, К.Тинчуриным, Ф.Сайфи-Казанлы³.

Широко заявил о себе в годы Первой мировой войны талантливый писатель Мирхайдар Файзи. Его пьеса «Галиябану», поставленная впервые 19 марта 1917 года в Оренбурге труппой В.Муртазина-Иманского «Ширкат», вошла в золотой фонд национальной драмы и до сих пор не сходит со сцены тюркоязычных театров России. В родном городе автора – Орске – спектакль был сыгран 29 декабря 1917 года. В роли Галиябану выступила будущая звезда Башкирского драмтеатра Бадар Юсупова, а Галимабану сыграл сам драматург. Других исполнительниц-татарок в маленьком уездном городке не нашлось⁴.

---

¹ Айдаров С. Эшраф ханым Синяева // Татар театры (1906–1926). 2-нче басма. – Казан: Мәгариф, 2003. – Б.244.

² Салихова А.Р. Татарский театр в литературно-критическом наследии Габдрахмана Карама. – Казань: Изд-во «ФЭН», 2003. – С.80.

³ Мәхмүтов Һ., Илялова И., Гыйззэт Б. Күрс. хезм. Б.164.

⁴ Файзуллин М., Абдуллина Д. Мирхайдар Файзи: Повествование о жизни. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. – С.29, 31.

Громким событием татарской культурной жизни стала постановка пьесы Гаяза Исхаки «Зулейха», посвященная насильному крещению татар в XIX веке. Обращение к этой болезненной теме и показ на театральной сцене стало возможно лишь после февральской революции. Премьера спектакля прошла 17 марта 1917 года в Казани, впоследствии с этой пьесой актеры труппы «Сайяр» объездили практически всю страну. У труппы было эксклюзивное право на постановку этой пьесы¹. Несмотря на то, что театр всегда осуждался консервативными силами общества, в данной трагедии поднимались религиозные вопросы. Автор ставил религиозные убеждения выше материнского инстинкта. Неслучайно, казанский миссионер Е. Малов внимательно следил за показами «Зулейхи» в Казани. Ему интересно было все: от содержания самой пьесы до восприятия материала зрителями².

Трагедия «Зулейха» особенно привлекала зрителей не только своим содержанием, но и необычной для того времени формой подачи материала. Это была одна из первых музыкальных пьес: для ряда эпизодов имелись специально написанные композиции, исполняемые оркестром. По замечанию композитора Султана Габяши, они «производили на слушателей потрясающее впечатление»³.

Татарская публика к этому времени привыкла к литературно-музыкальным вечерам, где исполнялись национальные песни и мелодии. Кроме того, оркестры народных инструментов выступали и перед сеансами в синематографе, а также во время антрактов татарских спектаклей. Например, во время казанских представлений труппы «Сайяр» среди музыкантов-любителей выступал и будущий композитор Салих Сайдашев. Студент музыкального училища играл на рояле⁴.

Любительские музыкальные коллективы работали при различных учебных заведениях. Хор учениц под руководством Ф. Агиева действовал в Татарской женской гимназии Фатихи Аитовой в Казани. Солисткой хора была будущая певица и композитор Сара Садыкова⁵. В годы войны оркестр струнных инструментов организовали в

¹ Исхакий Г. Эсэрлэр. – Т.8. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – Б.346.

² ИЯЛИ АН РТ. Ф.56. Оп.1. Д.5. Л.66.

³ Султан Габяши. Материалы и исследования в двух частях. Часть 1. – Казань, 1994. – С.38–39.

⁴ Салих Сәйдәшев турында истәлектәр / Төз. Р.Исхакова-Вамба, С.Сәйдәшева, З.Хәйруллина. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. – Б.23, 9.

⁵ Габдрафикова Л.Р. Указ. соч. С.210.

уфимском медресе «Галия». Учителем музыки в этом мусульманском профессиональном училище, по приглашению Г.Ибрагимова, стал работать, эвакуированный в Уфу из Варшавы, музыкант Вильгельм Клеменц¹. Оркестр был организован под его руководством и со временем очень полюбился местной публике². Продолжали гастролировать певцы и певицы, завоевавшие популярность задолго до 1914 года. Например, таким известным исполнителем был Камиль Мутыги. Однако в 1916 году и его призвали в армию. Он служил в одном из петроградских лазаретов в качестве санитаря³.

В непростых условиях военного времени развивалась татарская музыкальная культура. Но несмотря на определенное многообразие ее форм, никогда еще татарские мелодии не имели визуального воплощения.

Как и театральные представления, целью проведения концертов и различных вечеров был благотворительный сбор. Кстати, такие спектакли и вечера собирали больше зрителей. Если обычные представления посещались теми, кто привык к подобным культурным развлечениям, то на благотворительные показы шли и неискушенные театальной жизнью зрители. С одной стороны их привлекала благотворительная сторона мероприятия, с другой такой культурный досуг уже не вызывал осуждения со стороны консервативно настроенного старшего поколения. Однако из-за любительского характера подавляющего большинства благотворительных мероприятий собственно сами спектакли или концерты не всегда оставляли благоприятное впечатление. Как писал Ш.Бабич, простой народ после таких представлений уходил, приговаривая: «оказывается, это и есть театр,

---

¹ Упоминание об этом человеке встречается только в воспоминаниях выпускников медресе «Галия». С.Кудаш называл организатора оркестра профессором Варшавской консерватории, однако в 1914 году такого учебного заведения еще не было. Существовал лишь Варшавский институт музыки, который был преобразован в консерваторию лишь в 1918 году, уже в независимой Польше. Ни в русских, ни в польских источниках нет информации о профессоре Клеменце. Поэтому, надо отметить, что возможно этот музыкальный работник имел другой социальный статус.

² Кудаш С. Онытылмас минутлар // Галимжан Ибраһимов: мәкаләләр, истәлек-хәтирәләр / Төз. Р.Акъеҗет. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. – Б.140.

³ Төхфәтуллин Х.К. Камил Мотыйгы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. – Б.67–68.

больше по своей воле сюда уже ни ногой»¹. Однако если учесть, что молодой поэт всегда относился к татарской культуре скептически, то, возможно, это лишь его субъективное мнение.

Конечно, из-за большого количества развернувшихся в тылу госпиталей все сложнее было с выбором помещения для культмассовых мероприятий. Летом 1915 года из-за этого закрылся знаменитый «Восточный клуб» в Казани. Члены клуба приняли решение о его сдаче под лазарет². Закрылось одно из самых любимых мест культурного отдыха мусульман города. Здесь имела прекрасная библиотека, устраивались театральные показы и концерты, читались лекции на различные темы, играли в лото. Многие заядлые игроки «Восточного клуба» с трудом перестраивались, на новый уклад жизни. Иронизируя над их болезненной страстью, оренбургский журнал «Кармак» в 1915 году писал о том, что «Некоторые из них думают продолжить игру в лото под мостом через Булак»³. Надо отметить, что еще до войны в «Восточном клубе» работала труппа «Сайяр». Лишившись стационарного помещения, они начали давать свои представления в разных залах Казани, в том числе в «Новом клубе».

Тяжелые условия военного времени отразились, прежде всего, на материальной жизни артистов. Так еще с 1911 года актеры труппы «Сайяр» каждый месяц получали фиксированное жалованье из бюджета «Восточного клуба», что стало новшеством для того времени. Решение это было принято администрацией клуба не сразу. По словам драматурга Галиасгара Камала, одного из инициаторов данного вопроса, лишь на третьем заседании удалось добиться положительного ответа. Артисты с тех пор уже не думали о хлебе насущном и об очередных сборах со спектаклей, а могли спокойно работать в стабильной обстановке. Но в 1915 году администрация клуба прекратила выдачу заработной платы⁴.

Кстати, с организацией лазарета, лишилась привычного зала только театральная труппа «Сайяр», в то же время одна маленькая

---

¹ Бабич Ш. Зэнгэр жырлар. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1990. – С.340.

² У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани в годы Первой мировой войны. 1914–1917). Сборник документов и материалов. Кн.2. – Казань: Гасыр, 2003. – С.92.

³ НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.106. Л.24.

⁴ Шамил К. Мәгънәви атам // Галиәсгар Камал турында истәлекләр / Төз. Р.Даутов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. – Б.156.

комнатка осталась в ведомстве «Восточного клуба». Там находилось руководство организации и библиотека. По замечанию исследователя этого вопроса Ж.Мицнуллина, «Восточный клуб» продолжал проводить свои культурно-просветительские мероприятия в годы войны в других помещениях¹. Например С.Габяши вспоминал о «Восточных вечерах» («Шарык кичәсе») в Казани, где имели место и литературные, и музыкальные выступления².

Подобные вечера организовывались и в других городах. В Уфе одним из центров мусульманской культурной жизни стало медресе «Галия». В Оренбурге результатом тяги местной татарской молодежи к музыкальному искусству явилось создание в 1916 году Мусульманского музыкально-драматического общества. Инициаторами открытия общества были купцы Хусаиновы, журналисты Ф.Карими, Б.Шараф и другие оренбуржцы. Они планировали изучать народные песни и мелодии, получили право на учреждение музыкально-драматических курсов³. Работал «Восточный клуб» и в Петрограде. Современник писал об этом: «Приходится закрывать глаза на недостатки в играх участников литературно-художественного вечера. Нельзя не поблагодарить устроителей за то, что они сделали попытку привлечь к татарской жизни, к татарской культуре и традиции и симпатии петроградских мусульман, несколько обособившихся от татар и вращающихся близ европейской культуры»⁴.

Книгоиздательское дело и литература

Помимо культмассовых мероприятий, не менее популярным способом свободного времяпрепровождения было чтение. В годы войны в некоторых населенных пунктах увеличилось количество читателей публичных библиотек. Так, если Городскую мусульманскую библиотеку в Казани в первый год открытия (1906) посетили 13 487 человек⁵, то в 1915 году уже насчитывалось 22 373 читателя¹. Боль-

¹ Мицнуллин Ж. Шарык клубы. – Казан: Заман, 2013. – Б.20.

² Султан Габяши. Материалы и исследования в двух частях. Часть 1. – Казань, 1994. – С.38–39.

³ Татарское общество в Оренбургской губернии (в дореволюционной печати и архивных документах) / Сост. Ф.Бектемиров. – Оренбург, 2014. – С.57.

⁴ Цит. по: Аминов Д.А. Татары в Санкт-Петербурге. – СПб., 1994. – С.38–39.

⁵ Юлдуз. – 1907. – 3 гыйнвар.

шую работу по просвещению населения проводили земские службы. Например, в 1915 году в Оренбургской губернии земские органы власти открыли 17 мусульманских библиотек только в сельской местности, к 1 января 1917 года в губернии насчитывалось уже 32 мусульманские читальни. В библиотечных фондах были представлены книги и повременные издания на русском и татарском языках². Конечно, в первую очередь читателей привлекала периодическая печать: журналы и газеты.

Книгоиздательское дело в годы войны переживало не лучшие времена. Где-то книжное дело практически прекратило свое существование еще до начала Первой мировой войны. Так, в Астрахани лидером джадидского движения и одним из самых успешных издателей являлся мулла Абдурахман Умеров. Его издательство было закрыто силами местной жандармерии в начале 1914 года, а самого Умерова выслали в Казань³. В других центрах татарской городской культуры дело обстояло иначе, но трудности военного времени и экономическая нерентабельность давали о себе знать. С началом войны усилилась и цензура, поэтому еще больше усложнилась процедура получения разрешения на издание. Например, только в одной татарской типографии «Умид» в 1913 году было издано 87 наименований книг общим тиражом 232 000 экземпляров, а в 1916 году было выпущено лишь 28 наименований новых изданий, тираж которых составил 75 200 экземпляров. При этом в конце 1916 года «Умид» был усилен за счет слияния с известной типографией Харитоновой, но в следующем 1917 году здесь было издано 34 новые книги тиражом 45 700 экземпляров⁴.

Вместе с тем в военный период наблюдались любопытные попытки по изменению качества издаваемой литературы. Некоторые издательства предлагали читателям весьма оригинальную продук-

---

¹ Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Республика Татарстан: Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII – начало XX веков). – Казань: Изд-во «Фест», 1994. – С.116.

² Камскова Т.А., Савинова Т.Н., Шаргалов Д.В. Книжная культура XIX – нач. XX вв. (по материалам Оренбургской губернии). – Оренбург: изд-во РИО ОУНБ, 2011. – С.140–141.

³ Курмансеитова А.Х. У истоков ногайской книги (XIX – начало XX века). – Черкесск, 2009. – С.166.

⁴ Каримуллин А.Г. Татарская книга начала XX века. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1974. – С.123–125.

цию. Например, уже было отмечено о том, что большими тиражами издавались баиты о войне. Увлечение фольклором, народной словесной и музыкальной культурой было характерным признаком этой эпохи. Шакирды и студенты с энтузиазмом собирали баиты, песни, пословицы, легенды. Среди таких собирателей были Н.Исанбет (автор многотомного собрания татарских пословиц), Г.Рахим (читал в 1920-е годы лекции по татарскому фольклору), Ш.Бабич, М.Файзи (впоследствии написал на основе народной песни пьесу «Галиябану») и многие другие. Народное творчество давало вдохновение для создания новых оригинальных произведений для поэтов, драматургов и прозаиков. Этот путь творческого поиска был освоен еще до войны поэтом Габдуллой Тукаем, создавшим поэмы «Шурале», «Су анасы» и другие сочинения на основе народных легенд, продолжался он и в 1914–1917 гг. Обращение литераторов к мифологическим сюжетам стало обычным явлением. Так, Н.Думави в этот период написал рассказы «Булгарская девушка Айсылу», «Ханская дочь Алтынчеч», поэму «Гений Востока», в котором воссоздал образ Чингисхана. Мифологические и исторические сюжеты предлагали и другие писатели: К.Юлдашев («Чура батыр»), М.Госман «Идегей и Нуретдин», Г.Хайдаров («Шахали») и др.¹ Обращение к истокам, народной культуре, историческому прошлому, вероятно, было обусловлено самим военным временем. Это был и своеобразный уход от актуальных проблем современности, и вместе с тем попытка ответить на большие вопросы настоящего языком мифов и истории. Кроме того, увлечение тюркской историей и мифологией, фольклором объяснялось пробуждением национального самосознания в начале XX века, поисками татарской самобытности.

Отражением этих мировоззренческих перемен является и бум исторической литературы. Если в XIX столетии практически единственным историком из татар был Ш.Марджани, то в начале следующего XX века возникла целая плеяда татарских историков: Х.Габяши, Х.Атласи, Г.Батталов, Г.Ахмаров, Г.Губайдуллин и др. К сожалению, не все труды этого времени сохранились. К примеру, исследование ученика Марджани – А.Умерова «Астраханские татары» так и не дошло до своего читателя, рукопись была конфискована органами НКВД.

---

¹ Гали Б.Т. Эволюция татарской общественно-политической мысли в литературе и публицистике на рубеже XIX–XX вв. – Казань: Ихлас, 2009. – С.165.

Не сумел реализовать свой потенциал и талантливый историк Гали Рахим, хотя первые свои исследовательские шаги он начинал еще в годы войны. По всей видимости, в военный период особенно остро ощущалась связь времен, вопросы вечности и небытия, необходимость изучения прошлого. К слову, эта очень характерная черта для историков разных времен и народов. Так, классический труд голландского историка Й.Хейзинга «Осень Средневековья» был создан как раз в годы Первой мировой войны. Ощущение распада старого мира он во многом экстраполировал на события XV–XVI вв.

Осенью 1914 года в издательстве «Умид» вышла книга Х.Атласи «Казанское ханство». Ее автор уже был известен широкой публике исследованиями «Сибирское ханство» и «Сююмбике». При написании своих книг он оперировал разноплановыми источниками, активно привлекал русские летописи и труды классиков русской исторической школы – Татищева, Карамзина, Соловьева¹. Невзирая на сложности военной поры, бугульминский мулла Х.Атласи был полон новых творческих идей и замыслов, он продолжал работать над своими трудами². Современники оценили книгу «Казанское ханство» как наиболее самостоятельную и значительную работу, по сравнению с первыми двумя исследованиями³.

В 1915 году отмечалось 100-летие со дня рождения Шигабутдина Марджани (по лунному календарю). В честь этого события его учениками и соратниками был подготовлен сборник «Марджани», где опубликовали статьи о нем Г.Баруди, Р.Фахреддин, Ю.Акчур, А.Максуди, М.Тунтери, Х.Габяши, З.Валиди, А.Умеров, Г.Губайдуллин, Б.Шараф и другие⁴. До этого в татарской прессе неоднократно поднимался вопрос о достойном проведении юбилея Ш.Марджани. Но, в условиях военного времени, проведение каких-то масштабных мероприятий было невозможно. В память о выдающемся ученом-богослове вышел лишь сборник «Марджани».

---

¹ Алишев С. Хади Атласи // Духовная культура и татарская интеллигенция: исторические портреты. – Казань: Магариф, 2000. – С.139.

² Хади Атласыйдан Фатыйх Кәримигә // Фатыйх Кәрими: Фәнни-биографик җыентык. – Казан: Рухият, 2000. – Б.264.

³ Губайдуллин Г. Труды (статьи и воспоминания). – Баку, 2010. – С.33.

⁴ См.: Мәржани: Фәнни-популяр җыентык. – Казан: Жьен, 2010. – 704 б.

В целом, «мировая война не давала возможности тюрко-татарской интеллигенции заниматься культурными делами, – писал Г.Губайдуллин, – многие из них были взяты на войну, часть, спасаясь от фронта, поступила “на оборону”, оставшаяся часть ждала призыва». Поэтому, по мнению ученого, никто в эти годы «не занимался историей»¹. То же самое можно было бы сказать и об авторской литературе. Например, «писатели разных национальностей и народов, вовлеченных в эту войну, в настоящее время из-за ее губительного влияния, либо из-за иных причин, лишь в редких случаях могут создать произведения, имеющие значения для своих литератур, – писал автор журнала «Аң» в 1915 году в статье «Война и наши писатели». – Хотя наши известные писатели и не находятся еще в рядах армии, они из тех же, видимо, причин обогатили национальную литературу в годы войны лишь очень незначительным количеством произведений»². Но авторская рефлексия происходящего вокруг, безусловно, присутствовала. Так же, как сочинялись в лазаретах и переписывались потом из писем солдатские баиты; и в тылу, и в армии создавались поэтические и прозаические произведения. Прошли через жернова войны писатели Нажип Думави, Мухамед Гали, Афзал Тагирови и другие литераторы.

Сын муллы Нажип Тахтамышев (Н.Думави), 1883 г.р., был призван в армию в 1916 году. Отправлялся на фронт он уже в качестве запасного солдата, более десяти лет назад его армейская служба пришлась на русско-японскую войну, где Думави принимал участие. В Первой мировой войне писатель служил писарем и не участвовал в боевых действиях³. Но жизнь в прифронтовой линии, ежедневные столкновения со смертью, ранениями, человеческим страхом оказывали гнетущее воздействие. В конце 1916 года в журнале «Аң» Н.Думави опубликовал стихотворение «Впечатления войны» («Сугыш тээссорате») ⁴, в котором он описал ужасы войны: оторванные руки и ноги, лужи крови, грохот пушек и безмолвие солдат, безропотно ис-

---

¹ Губайдуллин Г. Труды (статьи и воспоминания). – Баку, 2010. – С.33.

² Цит. по: История татарской литературы нового времени (XIX – начало XX в.). – Казань: Фикер, 2003. – С.205–206.

³ Гайнуллин М. Татарская литература и публицистика в начале XX века. Изд. 2-е, доп. – Казань, 1983. – С.139.

⁴ Думави Н. Тормыш сәхифәләре: шигъри әсәрләр һәм проза. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. – Б.145–146.

полняющих приказы, убивающих и гибнущих тут же. Н.Думави работал и в жанре прозы. Так один из его рассказов о солдате, вернувшемся с фронта, называется «Деревянная нога» (1916).

Ровесник Думави, сын сельского муллы, писатель Мухамед Гали был призван также в 1916 году. Он участвовал в звании рядового в боях в Австрии, Румынии, испытал все тяготы окопной войны. Свои тыловые и фронтовые впечатления он отразил в рассказах «Жалобы одной бабушки», «Разведчики»¹. Обращался к теме Первой мировой войны Мухаммед Гали и в прозе 1930-х годов, но уже под другим идеологическим ракурсом. Такой же поздней рефлексией военного прошлого является, пожалуй, единственный роман о Первой мировой войне на татарском языке, написанный самим участником событий – «Солдаты» Афзала Тагирова, опубликованный в 1931–1932 гг.² Автор обратился к тяжелой жизни рядового царской армии в условиях империалистической войны.

Трудная судьба солдат стала темой фронтовых рассказов писателя Файзи Валиева (1892 г.р.): «Молитва» («Намаз»), «Поют» («Жырлылар»). Автобиографичным считается его рассказ «Ирхан учитель», поскольку сам Валиев до призыва тоже служил земским учителем»³.

Рассказы и стихи литераторов, оставшихся в тылу, тоже написаны под влиянием личных впечатлений, порой даже трагедий. Например, стихотворение Ш.Бабича «Моему другу-солдату» («Солдатка алынган бер дустыма»), написано после получения известия из фронта о смерти друга Хаернаса Хабирова летом 1917 года. В произведении автор сравнивает земную жизнь с существованием нечистых сил (шайтанов), ему противна ложь вокруг и нескончаемая война. Своего друга, человека совестливого и преданного, он призывает к небесам, туда, где будет цениться его душа⁴.

После полного разочарования в земной действительности и от усталости от наблюдаемой вокруг бесконечных человеческих трагедий рождается стихотворение М.Гафури «Видно нет тебя, Аллах»

---

¹ Гайнуллин М. Татарская литература и публицистика в начале XX века. Изд. 2-е, доп. – Казань, 1983. – С.239.

² Табаров А. Сайланма эсэрлэр. – Казан: Рухият, 2008. – Б.9.

³ Гайнуллин М. Татарская литература и публицистика в начале XX века. Изд. 2-е, доп. – Казань, 1983. – С.235.

⁴ Бабич Ш. Зэнгэр жырлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. – Б.188.

(«Юктырсың да, Алла») в 1916 году. Поэт и ранее обращался к теме войны. Например, стихи «Без вести пропавшему на войне другу» («Сугышта хэбэрсез югалган туганга») 1915 г. Тему тяжелой доли солдатских жен он поднимает в стихах «Грустный праздник» («Күңелсез бэйрэм»), рассказе «Солдатка Хамида» («Солдат хатыны Хэмидэ»), написанных в 1915–1916 годах¹. Через образ несчастной жены солдата, застывшей в вечном ожидании вестей с фронта, с маленьким ребенком на руках, вынужденную выполнять мужскую работу, передает трагедию военного времени и поэт Н.Исанбет в стихотворении «Солдатская жена» (1917)².

Как отмечают литературоведы, в этот период «популярными образами и ключевыми словами в произведениях татарских писателей становятся «солдат», «калека», «дезертир», «преступник», «узник», «скиталец», «плен», «бродяга». Практически во всех произведениях, посвященных войне, осуждался ее антигуманный, братоубийственный характер. Антивоенные настроения стали особенно отчетливыми в 1915–1917 годах³.

Конечно, тема войны и трудностей тыловой жизни – это лишь одно направление татарской художественной литературы в годы Первой мировой войны. Часть литераторов, как уже было отмечено выше, обратилась к историческому прошлому, другая часть предпочитала писать о мирном довоенном времени, но все произведения были написаны, так или иначе, под влиянием военной действительности. Так, в годы войны была переработана, начатая еще в 1907 году, повесть Гаяза Исхаки «Солдат». Первый вариант был опубликован 1908 году, но многими критиками отмечалась недосказанность произведения⁴. Здесь речь идет о трансформации менталитета сельского татарина, призванного в царскую армию. Гаяз Исхаки с ранних лет страдал невротическими расстройствами, поэтому никогда не служил в армии. Но благодаря своему писательскому таланту сумел

---

¹ Гафури М. Әсәрләр. – 1 том. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. – Б.346–347, 374; Гафури М. Әсәрләр: Дүрт томда. – 3 том. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1983. – Б.267–295.

² Исәнбәт Н. Сайланма әсәрләр. – Т.1. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1960. – Б.123.

³ Гали Б.Т. Эволюция татарской общественно-политической мысли в литературе и публицистике на рубеже XIX–XX вв. – Казань: Ихлас, 2009. – С.160.

⁴ Исхакий Г. Әсәрләр. – Т.1. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. – Б.396–397; Гали Б.Т. Указ. соч. С.163.

воссоздать психологический портрет солдата, бытовые подробности армейской жизни, душевные переживания военнослужащего. Вероятно, переработка произведения была связана и с тем новым опытом, которым делились солдаты, вернувшиеся с фронтов Первой мировой войны. В годы войны Г.Исхаки особенно много внимания уделял журналистской работе, а после февральской революции – общественно-политической деятельности. Но, несмотря на такую занятость, в 1914–1918 гг. он написал ряд замечательных повестей и рассказов: «Он еще был не женат», «Ичиги», «Он сомневался». В августе 1914 года в газете «Иль» напечатана драма Г.Исхаки «Мугаллима», в том же году представлена публике третья, завершающая часть знаменитой повести «Нищенка». Публикация первой части этого драматического повествования о жизни молодой татарки Сагадат началась еще в 1906 году. Писателя волновал «женский вопрос», проблемы семьи и брака. В предельно откровенной форме, в этнографичных деталях, он касался разных сторон татарской жизни, столь близкой и понятной ему: от шакирдских метаний до психологии мусульманской женщины. Конечно, Г.Исхаки всегда был разноплановым писателем, он никогда не ограничивал себя ни в выборе тем, ни форм. Помимо повседневности, его волновала историческая судьба татарского народа, перспективы этнического развития. Так некоторые свои ранние произведения он сумел опубликовать лишь после февральской революции, с отменой цензурных ограничений. В конце 1917 года были опубликованы пьесы «Зулейха» и «Борьба»¹.

Другой известный писатель начала XX века – Фатих Амирхан, из-за парализованных ног, вел практически затворнический образ жизни. Всю информацию он черпал из периодической печати или узнавал что-то новое от редких посетителей, иногда его вывозили на культмассовые мероприятия, вроде спектаклей и концертов. Однако его личный опыт был связан с активным периодом до лета 1907 года, поэтому и литературное творчество Ф.Амирхана военной поры обращено к довоенной мирной жизни. В 1915 году была опубликована его пьеса «Неравные» («Тигезсезләр»), где поднималась проблема европеизации традиционного татарского мира, разделившей молодежь на тех, кто полностью копировал русскую культуру и тех, кто

---

¹ Исхакий Г. Эсэрләр. – Т.2–4. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1999, 2001, 2003.

осознавал собственную национальную идентичность¹. В первой редакции она называлась «Новые люди» («Яңа кешеләр») и в 1915 году была поставлена в Казани, а в 1916 году в Уфе. Из небольших рассказов Ф.Амирхана можно выделить лишь два («Жертва бедной старушки» и «Мустафа»), где затрагивается тема войны, все остальные произведения продолжают довоенную проблематику творчества писателя: свободы выбора, национального прогресса, вопросы культуры и просвещения².

Этими же романтическими идеями пронизано и творчество другого писателя Галимджана Ибрагимова. В 1916 году он опубликовал рассказ «Габдрахман Салихов» о татарском юноше мечтавшем поступить в университет³. Но в целом, 1914–1917 гг. писатель в большей степени посвятил преподавательской и журналистской работе. В годы войны он преподавал в уфимском медресе «Галия», был соратником А.Хасани в деле издания журнала «Аң». Практически, жил на два города. Как он сам писал об этом: «Когда бываешь в Казани, хочется поскорее уехать. А когда уезжаешь, тут же начинаешь скучать по нему»⁴.

Таким образом, в период Первой мировой войны татарская литература развивалась в разных направлениях, но лейтмотивом многих произведений стала война. Она обратила внимание литераторов на тему человека и ценности жизни как таковой, без оглядки на глобальные вопросы мироустройства. Последующие события истории в России не дали развиваться рефлексивной послевоенной прозе, как это произошло на Западе. Поэтому военный опыт татарских солдат нашел отражение лишь в коротких литературных формах, вроде байтов, стихов и рассказов.

Зарождение изобразительного искусства

В татарской культуре данного периода наиболее неразвитым оставалось изобразительное искусство в европейском понимании. Это очень беспокоило передовую интеллигенцию начала XX века. «Сейчас уже не важно, разрешено изображение живых существ или нет,

---

¹ Әмирхан Ф. Әсәрләр. – Т.2. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. – Б.326–375.

² Әмирхан Ф. Әсәрләр. – Т.1. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. – 478 б.

³ Ибраһимов Г. Сайланма әсәрләр. – Казан: Таткнигоиздат, 1957. – Б.202–215.

⁴ Г.Ибраһимовның Ә.Хәсәнигә хатлары // Әхмәтгәрәй Хәсәни: Фәнни-популяр җыентык. – Казан: Жыен, 2011. – Б.142.

но тяжелый камень сброшен и теперь предпринимаются меры по открытию дороги для изобразительного искусства», – писал Г.Ибрагимов в 1915 году во вводной статье к альбому с образцами мировой живописи. Альбом опубликовали как приложение к журналу «Аң»¹. Это был весьма оригинальный для своего времени издательский замысел. В журнале и до этого активно публиковались различные иллюстрации, но издатель А.Хасани и помогавший ему Г.Ибрагимов решили пойти дальше и познакомить своих читателей с мировой художественной культурой.

В 1916 году А.Хасани издал и распространял изображение царицы Сююмбике (репродукции картины XIX века). В казанской жандармерии этот факт интерпретировали по своему, если распространяет изображения бесплатно, значит «с целью подготовить массы к мысли о возможности воссоздания Казанского ханства»². Хотя издателем двигали исключительно идеи «национального прогресса».

Конечно, интерес к изобразительному искусству, художники-самоучки и первые профессиональные живописцы в татарском обществе были еще до 1917 года. Например, в учебной программе Казанской татарской учительской школе значились черчение и рисование, где помимо элементарных знаний, учили перспективе и светотени³. Долгие годы преподавателем этих предметов работал Шакирджан Тагиров, выпускник этой же школы. Выходец из деревни Ачасыр Свияжского уезда Казанской губернии Ш.А.Тагиров еще в 1883 году сдал экстерном экзамены и получил диплом Петербургской Академии художеств на право преподавания живописи и рисунки⁴.

Первые изобразительные практики в татарском обществе на рубеже XIX–XX веков являлись дополнением к издательскому делу, к театральным постановкам. В оформлении татарских книг (а после 1905 года газет и журналов) сначала использовались готовые русские штампы, потом уже появились и оригинальные художественные образцы. В дореволюционной периодической печати особенно был раз-

---

¹ Ибрагимов Г. Эсэрләр. – Т.5. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1978. – Б.186.

² Амирханов Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – С.70.

³ Казанская татарская учительская школа 1876–1917 гг. Сборник документов и материалов. – Казань, 2005. – С.63.

⁴ Червоная С.М. Искусство Татарии. – М.: Искусство, 1987. – С.287.

вит жанр карикатуры. Критические, эмоциональные статьи того времени усиливались с помощью остроумных изображений. Известным мастером карикатурного жанра был писатель Галиасгар Камал. Оформлял он и декорации к театральным постановкам¹. Но книжные иллюстрации и декорации для спектаклей были лишь отдаленным напоминанием собственно изобразительного искусства. В пейзажных рисунках отсутствовали люди, а о портретах еще не было и речи.

Взгляды татар-мусульман на изображение живых существ, в первую очередь, людей, изменились после широкого распространения фотографии. Среди горожан фотоуслуги стали особенно популярны в последней трети XIX века. Связано это было как с более поздним развитием данного сегмента рынка в провинциальных регионах России, так и спецификой мусульманского мировосприятия. Но почти в каждой состоятельной татарской семье имелись фотоснимки. В начале XX века, когда появились переносные камеры, и увлечение фотографией достигло невероятного размаха, в татарских семьях составляли уже фотоальбомы. В годы войны фотография стала особенно актуальной, некоторые солдаты отправляли родственникам свои фотоснимки, просили об этом же и их. «Душа моя Майи-Шераб, вот к Вам мое слово: если Вы снялись, пришлите свою карточку», – писал из фронта солдат Тимир-Галей Ахмадуллин своей жене в Троицк 8 октября 1915 года². Изображение близких согревало через дальние расстояния, и уже было не важно, разрешено это религией или нет. В фондах Национального музея Республики Татарстан сохранился фотоснимок, где запечатлены солдаты-уроженцы дер.Сарсаз Багряж Мензелинского уезда Уфимской губернии в 1916 году. По словам их односельчан, на этой фронтовой фотографии один из солдат уже мертвый. После боя односельчане обмыли его, и сфотографировались с ним «как с живым» на память. Насколько правдива эта версия, судить очень сложно, поскольку на фотографии, действительно, все бойцы выглядят как живые.

В мировой истории фотография развивалась под воздействием живописи, а в истории татар распространение фотоуслуг повлияло на развитие изобразительного искусства. Благодаря фотографии исчезли некоторые стереотипы визуального восприятия мира. Так примерно в 1912–1913 гг. в Восточном клубе в Казани была организова-

¹ Червонная С.М. Искусство Татарии. – М.: Искусство, 1987. – С.288.

² НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.157. Л. 153об.

на небольшая художественная выставка, где экспонировались портреты татарских писателей Г.Тукая, Ф.Амирхана и др. Одним из организаторов выставки был Сабит Яхшибаев¹. Он работал декоратором труппы «Сайяр», сотрудничал с татарскими газетами и журналами, писал портреты, увеличивал фотографии.

Если в повседневной жизни к 1910 годам визуальное восприятие мира у татар-мусульман значительно видоизменилось: об этом свидетельствуют фотографии, иллюстрации книг и периодических изданий, театральные декорации, то отношение к профессиональному занятию изобразительным искусством оставалось критичным. Практически ни один родитель не желал своему ребенку судьбы художника. Это отношение выразил в своей пьесе «Неравные» (1915) Ф.Амирхан, где главная героиня гимназистка Рокья мечтает стать художницей, но ее семья считает, что лучше получить юридическое образование. «Художники не могут обеспечить себя, – говорит старший брат Рокьи, – Другое дело – юристы. Их знания всегда нужны, в любом деле»².

Хотя по данным газеты «Эль-ислах» на 1908 год в Казани, в художественном училище в указанном году обучались два ученика из татар³. На рубеже XIX–XX вв. поступили в разные высшие художественные училища К.Девлеткильдеев, Х.Баданинский, М.Байкеев, Х.Акчурина и другие. За исключением единичных случаев получения профессионального художественного образования, в целом эта ниша продолжала пустовать.

В советские годы К.Девлеткильдеев стал одним из родоначальников национальной живописи в Башкирии. М.Байкеев, окончивший Училище технического рисования барона Штиглица в Петербурге в 1893 году, впоследствии стал известным скульптором⁴. Трагически оборвалась жизнь молодой художницы Хадичи Акчуриной. Она выросла в семье механика Мубина Акчурина, работавшего на суконной фабрике в селе Зуевка Симбирской губернии. Училась в Симбирской женской гимназии. В 1913 году уехала в Москву, поступила в Стро-

---

¹ Урманче Б. Татарстанның рәсем сәнгате // Совет әдәбияты. – 1960. – №10. – Б.138.

² Әмирхан Ф. Әсәрләр. – Т.2. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. – Б.355.

³ История Казани в документах и материалах. XX век. – Казань: Магариф, 2004. – С.536.

⁴ Червоная С.М. Искусство Татарии. – М.: Искусство, 1987. – С.287.

гановскую школу изобразительных искусств. В этот период публиковала свои рисунки в казанских журналах «Ан» и «Ак юл». Но в 1914 году Х.Акчурина ушла добровольно в качестве сестры милосердия на войну, и пропала без вести на Кавказском фронте¹.

Будущий известный татарский художник Баки Урманче в годы войны служил в армии в Средней Азии. Конечно, профессиональное образование он получил уже при советской власти, на это же время приходится его становление как художника. Но по некоторым данным, первые уроки живописи он получил у пленного австрийского офицера как раз во время службы в армии.

Татарское изобразительное искусство является результатом сложных социально-экономических, культурных и общественно-политических процессов, охвативших тюрко-мусульманское сообщество России в конце XIX – в начале XX века. Этот исторический промежуток включает в себя и Первую мировую войну, отбросившую на второй план религиозные идеалы и выдвинувшую вперед вопросы гуманизма, человеческой индивидуальности. Все это трансформировало эстетику восприятия, и вдохновляло на новые творческие поиски, в том числе в изобразительном искусстве.

* * *

За годы Первой мировой войны татарская культура значительно изменилась, стала более зрелой. Произошло это, главным образом, из-за смены поколения. За четыре года подросла молодежь, обладающая необходимыми профессиональными навыками и новым эстетическим восприятием. Раскрыли они свой потенциал, в большей степени, уже при советской власти. В первую очередь, это касалось музыкального искусства. Вниманию публики были представлены авторские романсы, музыкальные спектакли, а в 1920-е годы – даже первая опера. Народные песни и мелодии в этот период были переложены на ноты.

Вместе с новым музыкальным оформлением менялась и эстетика татарского театра, на авансцену были выдвинуты поющие главные герои. Музыкальные спектакли, в том числе на основе народных песен («Галиябану», «Башмачки» и др.), надолго стали визитной карточкой национального театра. Война повлияла на актерский состав

---

¹ Рэми И., Даутова Р. Эдэби сүзлек (элекке чор татар эдэбияты һәм мәдәнияте буенча кыскача белешмәлек). – Казан, 2001. – Б.14.

татарских драматических трупп, некоторые актеры были призваны в армию, увеличилось количество женщин.

Что касается развития интеллектуальной и художественной литературы, то из-за военных условий жизни в этот период можно скорее отметить их спад, нежели качественный скачок вперед. Многие интеллектуалы были заняты преподавательской или журналистской работой, часть ушла на войну, возможно, из-за этого в данный период не было создано каких-то заметных произведений или исследований. Война поменяла мировоззрение многих, сменила вектор от идей национального прогресса к идеалам социалистического толка. Поэтому революционные перемены 1917 года были восприняты творческой общественностью с большим воодушевлением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Война является самой худшей выдумкой человеческой цивилизации, она противоречит основной идее существования мира – жизни на Земле. Однако история человечества до 1914 года складывалась так, что люди привыкли к тому, что невозможно жить без войн. Первая мировая война охватила практически всю планету, число жертв войны было не сопоставимо с прежними военными конфликтами. И на кровавых пепелищах приходило осознание того, что человеческая жизнь не может быть выше политических/экономических интересов или религиозных идеалов. Но не все участники и свидетели этой войны сумели принять уроки Первой мировой, поэтому ее последствия дали о себе знать уже спустя два столетия, дав импульс еще более масштабной мировой войне.

Роль Первой мировой войны в истории татарского народа еще никогда ранее не становилась объектом исследований. Мы осознанно выделяем войну в истории народа, а не наоборот. Татары стали невольными участниками данной трагедии, они имели очень небольшие ресурсы (малочисленность, политический статус, экономический потенциал), поэтому не могли повлиять на ее ход. Число генералов и офицеров из татар в российской армии было ничтожным, как и число нижних чинов накануне Первой мировой войны – чуть более 38 тысяч солдат. Но, когда объявили мобилизацию, количество призывников увеличилось до нескольких сотен тысяч. В литературе фигурирует порой даже цифра 1,5 млн. человек. Конечно, для татарского народа, численность которого в Волго-Уральском регионе (наиболее заселенном татарами) составляла чуть больше 3,5 млн. человек, это колоссальные цифры. Практически половина нации была призвана на фронт.

Попадали на поля сражений не только мобилизованные запасные солдаты, новобранцы и ратники, но и добровольцы. Среди желающих отправиться на фронт по собственной воле, в основном, фигурировали представители учащейся молодежи. Татары служили в разных войсках, смешанных по этническому составу, от казачьих полков до пехоты. Как исключительные случаи можно указать матросов и авиаторов. Неординарным явлением было и отправление на фронт татарок в качестве сестер милосердия. Отчаянные добровольцы-мусульманки шли на фронт вслед за родственниками, но были и те, кто руководствовал-

ся исключительно идеями феминизма и служения Родине. Татарские солдаты служили преимущественно в пехоте, где жертв было особенно много. Внушительное количество обладателей Геогриевских медалей и других наград говорит о боевой доблести татарских солдат, характеризует их как храбрых воинов, настоящих защитников Отечества. К сожалению, немало было тех, кому присуждали награды за боевые заслуги уже после смерти, медали передавали родственникам. Могилы с именами татарских солдат разбросаны по всей Восточной и Западной Европе. Очень многие покоятся в безымянных братских могилах, считаются пропавшими без вести. Часть татарских солдат оказалась в военном плену в Германии, Австро-Венгрии, Болгарии, Османской империи. Выжившие после тягот лагерей невольники сумели вернуться на Родину лишь в начале 1920-х годов.

Но помимо прямых потерь на фронте, не сосчитать тот моральный и физический ущерб нанесенный войной в тылу, далеко от зоны боевых действий. Война легла тяжелым бременем на плечи многочисленного татарского крестьянства, откуда была основная масса мобилизованных солдат. Оставшиеся без глав семейства, хозяйства пришли в некоторое запустение – татарские женщины в первое время не справлялись с хозяйскими заботами, поскольку для них было не привычным самостоятельное ведение дел, в том числе выполнение полевых работ (исконно мужской области занятий в татарских семьях). С другой стороны, военные условия жизни способствовали эмансипации женщин не только в городах, но и в сельской местности. Тяжелая доля солдатки заставила отбросить прежние мировоззренческие и поведенческие стереотипы, выйти из своей женской половины в общество, выполнять мужскую работу.

Кроме колоссальных человеческих ресурсов, война требовала материальных вложений. Каждая семья, вынужденно или же на добровольной основе участвовала в благотворительном сборе: сдавала деньги, продукты, вещи, средства передвижения и т.д. Благотворительная деятельность особенно широко развернулась в городах: где силами интеллигенции, духовенства и предпринимательства собирались деньги по подписке, устраивались кружечные сборы, открывались госпитали, приюты, бесплатные столовые, отправлялись посылки на фронт, раздавались вещи и пособия семьям военнослужащих и беженцев. Активное участие горожан в социальной деятельности объяснялось их образовательным и материальным уровнем, характе-

ром занятости и другим укладом жизни, нежели у сельчан. Одним из мощных мотивов социальной активности наряду с идеями милосердия и сострадания был религиозный фактор. Это касалось как атрибутики благотворительной помощи (например, день Красной звезды вместо Красного Креста), так и его характера (помощь единоверцам).

С другой стороны война выдвинула на первый план иные маркеры идентичности, отодвинув религиозную идентификацию на второй план. Выступление мусульман по разные стороны фронта очередной раз доказала отсутствие конфессионального единства в мире. До начала Первой мировой войны в татарской прессе очень популярными были статьи, освещающие жизнь единоверцев-мусульман в разных уголках земного шара – Турции, Египта, Индии... Арабы, турки, индусы и другие мусульмане воспринимались татарами как братья, имеющие не только общую веру, но и схожий образ жизни. С началом войны все они были вынуждены воевать друг против друга, что противоречило идее ислама. Во многом искусственно сформулированная мысль единства тюркского мира тоже дала трещину – страна тюрков – Османская империя выступила на стороне Тройственного союза. Неудивительно, что именно в последние годы войны – в 1916–1917 гг. в среде интеллигенции аккумулировалась идея нации на этнической основе. Татарский народ стал восприниматься как отдельная единица, независимая как от российского мусульманства, так и от мирового исламского и тюркского сообщества. После февральской революции 1917 года обсуждались идеи татарской автономии в пределах Волго-Уральского региона.

Любая война усиливает естественный ход событий, способствует резкому взрослению молодого поколения. Эти перемены с одной стороны видны на примере эмансипации татарок, с другой прослеживаются в развитии татарской культуры военного периода. Качественные изменения в театральном искусстве произошли именно в 1914–1917 гг.; в это время делали первые шаги будущие выдающиеся татарские музыканты и художники. Война заставляла острее чувствовать время, зыбкость грани между жизнью и смертью. Эти переживания, как своеобразная рефлексия действительности, находили выход в творчестве. Среди нижних чинов из татар были артисты, поэты, писатели и другие творческие люди.

Смена поколений видна и в преобразовании идей тюркского и мусульманского единства в мысль о самобытности татарского наро-

да, со своей уникальной историей и культурой, заслуживающей если не политическую, то национально-культурную автономию. Татаристские идеи зародились в молодежной среде, которая во многом отказывалась воспринимать этнорелигиозные послылы старшего поколения. Обещания о национальном и социальном равенстве, очевидно, воспринимались ими как награда за потерянные четыре военных года. Поэтому большая часть татарской молодежи вскоре была втянута в авантюру Гражданской войны и строительства нового будущего, они постарались забыть прошедшую войну как ненужное империалистическое зло. Даже участники войны предпочитали не вспоминать о своей службе в рядах царской армии.

Между тем еще в ходе Первой мировой войны в обществе начались обсуждения вопроса об увековечивании памяти её жертв. Подобные инициативы появлялись в разных уголках страны. Например, в Москве планировали организовать братское кладбище-пантеон. Здесь же должен был работать музей, задумывалось также открытие памятников и храмов¹. Частично эта давняя идея нашла свое воплощение на Поклонной горе, уже после других войн. В октябре 1915 года профессор Казанского университета В.Н.Болдырев выступил с предложением об организации в университете музея войны. Аналогичной идеей горели и участники «Общества археологии, истории и этнографии», существовавшего при университете. Для будущего музея собирали образцы оружия, солдатские письма, брошюры². В сентябре 1915 года Стерлитамакская городская дума постановила отвести особые места на православном и магометанском кладбищах, для установки памятников. Кроме того, в кладбищенской церкви и соборной мечети планировали установить памятные доски с именами погибших воинов. Однако постановление думы имел несколько усеченный характер: в памятных знаках собирались увековечить имена лишь тех воинов, которые умерли на территории Стерлитамакского уезда³. Между тем, имена тех неизвестных героев, выходцев кон-

---

¹ Земская неделя. – 1915. – 15 февраля. – №7. – С.7.

² Казанская губерния в период Первой мировой войны. Сборник документов и материалов / Под общ. ред. Д.И.Ибрагимова. – Казань: Главн. архивное управление при КМ РТ, 2014. – С.94.

³ Городское самоуправление Уфимской губернии в годы Первой мировой войны. Документы и материалы / Сост. О.А.Полянина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – С.23.

кретно из этого уезда¹ и многих других сел и городов Российской империи были преданы со временем забвению. Пожалуй, единственным памятником татарским воинам, умершим в 1914–1920 гг., является возведенная на средства российских военнопленных, стела на территории мусульманского кладбища Вайнсбергского лагеря, в Германии. Люди, прошедшие через жернова армии, фронта и военного плена, как нельзя лучше осознавали, что нельзя забывать о жертвах этой ужасной войны.

Пусть эта книга станет хоть небольшой, но данью памяти нашим предкам, судеб которых в разной степени коснулась Первая мировая война. Участникам войны, солдатским женам, отцам и матерям, детям солдат, работникам тыла – славным сынам и дочерям татарского народа, вставших на защиту своей Родины – Российской империи и принявших все тяготы военной поры, сохранивших человеколюбие и достоинство. Мы очень надеемся, что исторические уроки избавят нас от новых ошибок, и уберегут народы всего мира от будущих кровавых потерь.

---

¹ Например, среди боевых потерь лишь первых месяцев войны выходцев из Стерлитамакского уезда Уфимской губернии было достаточно. См. подробнее об этом: Денисов И.В., Кильметова О.Р. Статистика боевых потерь среди военнослужащих из Уфимской губернии в первый месяц Второй Отечественной войны // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Сборник материалов. – Казань: Институт истории АН РТ, 2014. – С. 105–117.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные материалы

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Ф.400 – Главный штаб Военного министерства.

Ф.407 – Рукописные списки по старшинству генералов, штаб- и обер-офицеров.

Ф.408 – Списки по старшинству в чинах генералов, штаб- и обер-офицеров русской армии.

Ф.409 – Послужные списки, аттестации и наградные листы офицеров русской армии.

Ф.493 – Управление военного воздушного флота.

Ф.2008 – Полевое управление авиации и воздухоплавания при штабе Верховного главнокомандующего.

Ф.2067 – Штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта.

Ф.2129 – Штаб 7-й армии.

Ф.2365 – 35-я пехотная дивизия.

Ф.3554 – 2-й лейб-драгунский Псковский полк.

Ф.3642 – Татарский конный полк.

Ф.16196 – Особое делопроизводство по сбору и регистрации сведений о выбывших за смертью или за ранами, а также пропавших без вести воинских чинах, действующих против неприятельских армий.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф.821 – Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД.

Ф.496 – Капитул российских орденов Министерства императорского двора.

Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ)

Ф.1 – Канцелярия Казанского губернатора.

Ф.2 – Казанское губернское правление.

Ф.3 – Казанская губернская казенная палата.

Ф.41 – Казанский окружный суд.

Ф.74 – Аитовы Сулейман, Фатиха.

Ф.94 – Торгово-промышленное общество Алафузовских фабрик и заводов г. Казани.

- Ф.98 – Казанская городская управа.
Ф.99 – Казанское губернское присутствие.
Ф.199 – Казанское губернское жандармское управление.
Ф.304 – Казанское губернское по воинской повинности присутствие.
Ф.420 – Казанский временный комитет по делам печати.
Ф.482 – Казанское городское полицейское управление.
Ф.683 – Казанский городской комитет по предоставлению военн-обязанным отсрочек.
Ф.690 – Тетюшское уездное по воинской повинности присутствие (Казанская губерния).
Ф.969 – Катанов Николай Федорович.
Ф.1154 – Местная военно-цензурная комиссия при штабе Казанского военного округа.
Ф.1155 – Казанский военно-цензурный пункт.
Ф.1246 – Канцелярия Казанского губернского комиссара Временного правительства.

Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ)

- Ф.30 – Партийный архив Татарского рескома КПСС, г.Казань.
Ф.36 – Отдел истории партии Татарского обкома ВКП(б).

Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ)

- Ф.И–9 – Уфимское губернское правление.
Ф.И–295 – Оренбургское магометанское духовное собрание.
Ф.Р–4767 – Коллекция документов по истории уфимского медресе «Галия».

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО)

- Ф.21 – Оренбургское губернское жандармское управление.

Государственный архив Республики Марий-Эл (ГАРМЭ)

- Ф.18 – Царевококшайская уездная земская управа Казанской губернии.
Ф.119 – Кулле-Киминское волостное правление Козмодемьянского уезда Казанской губернии.
Ф.243 – Шиньшинское волостное правление Царевококшайского уезда Казанской губернии.

Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО)

Ф.468 – Самарское губернское жандармское управление.

Государственный архив Ульяновской области (ГАУО)

Ф.76 – Канцелярия симбирского губернатора.

Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусств им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (ИЯЛИ АН РТ)

Ф.56 – Евфимий Малов.

Ф.58 – Мухаммед Гали.

Опубликованные документы и материалы

На русском языке

Авиаторы – кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: Биографический справочник / Сост. М.С.Нешкин, В.М.Шабанов. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 360 с., илл.

Адо В. Вспоминая о прошлом... Записки русского интеллигента XX века // Казань. – 2000. – №7.

Алфавитный указатель приказов по военному ведомству и Циркуляров Главного Штаба за 1915 г. Вып.2. – №240. – Петроград, 1915.

Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914–1918. Сборник документов и материалов / Сост. Р.Н.Рахимов и др. – Уфа: Китап, 2014.

Военно-статистический ежегодник за 1912 год. – СПб., 1914.

Георгиевские кавалеры Лейб-гвардии Егерского полка за период Великой войны 1914–1918 /нижние чины/. Авт.-сост. М.П.Васильев. – М., 2002.

Георгиевские кавалеры Лейб-гвардии Семеновского полка за период Великой войны 1914–1918 /нижние чины/. Авт.-сост. С.Б.Патрикеев. – М., 2002.

Георгиевский архив. – Часть 2. Списки полных георгиевских кавалеров (пехотные и стрелковые части) за период 1-й мировой войны. – Екатеринбург, 2004.

Городское самоуправление Уфимской губернии в годы Первой мировой войны. Документы и материалы / Сост. О.А.Полянина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008.

Документы и материалы по истории башкирского народа (1900–1940) / Сост. М.М.Кульшарипов и др. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012.

Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. – М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1942.

Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.). Сборник материалов / Сост. Д.Ю.Арапов. – М.: Наталис, 2006.

История Казани в документах и материалах. XX век / Под ред. Р.У.Амирханова. – Казань: Магариф, 2004.

Казанская губерния в период Первой мировой войны. Сборник документов и материалов. – Казань: Главное архивное управление при КМ РТ, 2014.

Казанская татарская учительская школа 1876–1917 гг. Сборник документов и материалов. – Казань, 2005.

Капков К.Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX–XX веков. Справочные материалы. – М.: «Летопись», 2008.

Кашафутдинова Ф. Записки гимназистки // Тарнапольский Р.И. Наш Двадцатый век. – Казань, 2013.

Краткий обзор деятельности Кассы мелкого кредита Казанского губернского земства за 1915 г. – Б.м., б.г.

Крестьянское движение в Казанской губернии накануне Великой октябрьской социалистической революции. Сборник документов. – Т.1. – Казань: Татгосиздат, 1950.

Медресе Казанской губернии второй трети XIX – начала XX в. Сборник документов и материалов / Отв. сост. Л.В.Горохова. – Казань, 2012.

Минцлов С.Р. Уфа. Дебри жизни. Дневник 1910–1915 гг. – Уфа: Баш. кн. изд-во, 1992.

Мировые войны XX века. Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы / Сост. А.П.Жилин; отв. ред. В.К.Шацилло. – М.: Наука, 2005.

«Мне нужна только свобода и свобода...». Письма И. Казакова с фронта, адресованные Н. Казаковой / публ. Л.Хузеевой // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2002. – №1/2. [Электронный ресурс] www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2002_1_2/04/04_4/

Мусульмане и мусульманское духовенство в военном ведомстве Российской империи. Сборник законодательных актов, нормативно-правовых документов и материалов / Составитель, автор вводной статьи

и комментариев Х.М. Абдуллин. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009.

Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. Сборник документов и материалов / Сост. Л.А.Ямаева. – Уфа, 1998.

Мы из Китая. Сборник воспоминаний / Сост. Г.Т.Хайруллин, Г.Т.Исхаков. – Алматы, 1999.

Новиков. В.А. Сборник материалов по истории уфимского дворянства. – Уфа: Печатня Блохина, 1879.

Обзор деятельности по Казанской губернии за первый год Великой Отечественной войны 1914–1915 гг. // Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии за 1916 год. – Казань, 1916.

Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 года – март 1918 года. Сборник документов / Под ред. Л.С.Гапоненко. – М., 1973.

Особое совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы / Сост. И.К.Загидуллин. – Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011.

Положение о полевом управлении войск в военное время. – Петроград, 1914.

Попов К.С. Воспоминания Кавказского гренадера. 1914–1920 гг. – Белград, 1925.

Приказ войскам 1-го Сибирского Армейского корпуса 22.05.1916 г. №195.

Приказ войскам 1-й Армии 08.04.1915 г. №709.

Приказ Командующего Флотом Балтийского моря 06.09.1916 г. №619.

Приказ Командующего Флотом Балтийского моря 30.05.1916 г. №389.

Приказ Командующего Флотом Балтийского моря 30.08.1916 г. №583.

Приказ Командующего Флотом Балтийского моря 30.12.1915 г. №1430.

Приказ по 8-й Армии от 04.05.1916 г. за № 1470.

Приказ по войскам 8-й армии от 04.05.1916 г. за № 1469.

Приказ по конному отряду генерала князя Трубецкого 20.10.1915 г. №32.

Приказы армиям юго-западного фронта. – 1915 г. – №599.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Собр. I. – Т. VI. – №3884. – СПб., 1830.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Собр. III. – Т. XXVIII. – Отд. II. – №30503. – СПб., 1911.

Россия 1913 г. Статистико-документальный справочник / Сост. А.М.Анфимов, А.П.Корелин. – СПб., 1995.

Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). – М.: Центральное статистическое управление, 1925.

Рязанская Книга Памяти Великой войны 1914–1918 годов. Том I. Автор проекта и составитель: Александр Игоревич Григоров. – М.: Типография РосАрхива, 2010.

Сведения обязательные рядовому. – Уфа: Печатня т-го дома Н.К.Блохин и К., 1916.

«Солдаты смотрят на войну как на огромное несчастье» (Солдатские письма с фронтов Первой мировой войны) / Публ. Н.Шарангиной // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1998. – №3/4. – С.177–184.

Список военнопленных татар, скончавшихся в годы первой мировой войны в немецком лагере для военнопленных Вюнсдорф и похороненных на кладбище Церендорф // Татарстан. – 2006. – №9. – С.67–68.

Список военнопленных татар, скончавшихся в годы первой мировой войны в немецком лагере для военнопленных Вюнсдорф и похороненных на кладбище Церендорф // Татарстан. – 2007. – №2. – С.56–57.

Список генералам по старшинству. Составлен по 10.07.1916. – Петроград, 1916.

Список генералам по старшинству. Составлен по 15.04.1914. – Петроград, 1914.

Список подполковникам по старшинству. Составлен по 15.05.1913. – СПб., 1913.

Список полковникам по старшинству. Составлен по 01.08.1916. – Петроград, 1916.

Список подполковникам по старшинству. Составлен по 15.05.1913. – СПб., 1913.

Список полковникам по старшинству. Составлен по 01.03.1914. – СПб., 1914.

Список полковникам по старшинству. Составлен по 01.08.1916. – Петроград, 1916.

Султан Габяши. Материалы и исследования в двух частях. Часть 1. – Казань, 1994.

Татарское общество в Оренбургской губернии (в дореволюционной печати и архивных документах) / Сост. Ф.Бектемиров. – Оренбург, 2014.

У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани в годы Первой мировой войны. 1914–1917). Сборник документов и материалов. Кн.2. – Казань: Гасыр, 2003.

Устав о воинской повинности. – М., 1914.

Царская армия в период мировой войны и февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). – Казань, 1932.

Юнусов Г. Из жизни купцов-меценатов Юнусовых // Казань. – 1997. – №10–11. – С.134.

На татарском языке

Абдулмәнев Г.М. Сугыш жырлары. 2-нче басма. – Уфа: «Шарк матабагасы», 1915.

Аитов Л. Артистның тормыш юлы // Сәхипжамал Гыйззәтуллина-Волжская: әдәби-нәфис, документаль, биографик жыентык / Төз.-авт. Ж.Миңнуллин. – Казан: Жыен, 2012. – Б.74–106.

Айдаров С. Әшраф ханым Синяева // Татар театры (1906–1926). 2-нче басма. – Казан: Мәгариф, 2003. – Б.244–246.

Әмирхан Ф. Әсәрләр. – Т.1. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984.

Әмирхан Ф. Әсәрләр. – Т.2. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985.

Әмирхан Ф. Әсәрләр. – Т.2. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985.

Бабич Ш. Зәңгәр жырлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. – Б.188.

Баруди Г. Хатирә дәфтәре. Казан-Мәскәү сәфәре – 20нче ел нәдвәсе (1920нче ел 12нче июннән сентябрь ахырына кадәр) // Казан. – 1997. – №12. – Б.134–135.

Бәшири З. Замандашларым белән очрашулар. – Казан, 1968. – Б.273.

Бертуган Бубыйлар һәм Иж-Бубый мәдрәсәсе. Тарихи-документаль жыентык. – Казан, 1999.

Бертуган Рәмиевләр. Фәнни-биографик жыентык. – Казан: Рухият, 2002.

Г.Ибраһимовның Ә.Хәсәнигә хатлары // Әхмәтгәрәй Хәсәни: Фәнни-популяр жыентык. – Казан: Жыен, 2011. – Б.141–142.

Габдрахман Гомәри: Фәнни-биографик жыентык. – Казан: Рухият, 2002.

Гайнетдин Әхмәрәв. Тарихи-документаль жыентык. 2-нче басма / Төз. Р.Мәрданов, Р.Миңнуллин, Э.Сәлахова. – Казан, 2011.

Гафури М. Әсәрләр. – Т.1. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1980.

Гафури М. Әсәрләр. – Т.3. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1983.

Гафури М. Сайланма әсәрләр. – Казан, 2010.

- Думаи Н. Тормыш сәхифәләре: шигъри әсәрләр һәм проза. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985.
- Европа сугышы бәете. – Уфа: Электро-типография «Восточная печать» («Шарк»), 1915.
- Европа сугышы хәлләре. 2-нче басма. – Казань: Типо-литография «Бр.Каримовы», 1916.
- Ибраһимов Г. Әсәрләр. – Т.5. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1978.
- Ибраһимов Г. Әсәрләр. – Т.7. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984.
- Ибраһимов Г. Сайланма әсәрләр. – Казан: Таткнигоиздат, 1957.
- Ийбар Т. «Себердән Сәрәндипкә» әсәрәннән өзек // Казан утлары. – 2005. – №11. – Б.135–162.
- Исәнбәт Н. Сайланма әсәрләр. – Т.1. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1960.
- Исәнбәт Н.С. Татары халык мәкәлләре: мәкәлләр жыелмасы: 3 томда. 2-нче басма. – Т.3. – Казан, 2010.
- Исхакый Г. Әсәрләр. – Т.1. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1998.
- Исхакый Г. Әсәрләр. – Т.6. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2005.
- Исхакый Г. Әсәрләр. – Т.7. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2008.
- Исхакый Г. Әсәрләр. – Т.8. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001.
- Кудаш С. Онытылмас минутлар // Галимжан Ибраһимов: мәкәләләр, истәлек-хатирәләр / Төз. Р.Акъегет. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. – Б.137–158.
- Мәржани: Фәнни-популяр жыентык. – Казан: Жыен, 2010.
- Салих Сәйдәшев турында истәлекләр / Төз. Р.Исхакова-Вамба, С.Сәйдәшева, З.Хәйруллина. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1980.
- Сүнчәләй С. Әсәрләр һәм хатлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2005.
- Татар педагогик фикере антологиясе: ике томда. 1 т. (борынгы төрки чор – XX гасыр башы). – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014.
- Татар театры (1906–1926). 2 нче басма. – Казан, 2003.
- Татар халык ижаты. Бәетләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1983.
- Таһиров А. Сайланма әсәрләр. – Казан: Рухият, 2008.
- Тогаç Х. «Бер буынның драмасы» әсәрәннән өзек // Казан утлары. – 2005. – №12. – Б.159–169.
- Фатыйх Кәrimi. Фәнни-биографик жыентык. – Казан: Рухият, 2000.
- Хангильдин В. Бабич белән үткән бер жәйнең истәлеге // Совет әдәбияте. – 1959. – №5. – Б.101.
- Хатлар // Рецензияләрдән тәгъзияләргә. XX йөз башы татар әдәби тәнкыйте / Төз. Т.Ш.Гыйлажев. – Казан, 2008. – Б.225.
- Нади Атласыйдан Фатыйх Кәrimiгә // Фатыйх Кәrimi: Фәнни-биографик жыентык. – Казан: Рухият, 2000. – Б.264.

Шамил К. Мэгънэви атам // Галиэсгар Камал турында истәлекләр / Төз. Р.Даутов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. – Б.156.

Периодическая печать

Астраханский листок. – 1914.

Вестник полиции. – 1915.

Волжский вестник. – 1886.

Волжское слово. – 1914.

Вятская речь. – 1914.

Город Казань. – 1914.

Земская неделя. – 1915; 1916; 1917.

Иностранческое обозрение. – 1915, 1916.

Кояш. – 1914.

Казанский телеграф. – 1893; 1914; 1915; 1916.

Каспий. – 1914; 1915; 1916.

Камско-Волжская речь. – 1915.

Мир ислама. – 1912.

Нива – 1917.

Уфимская жизнь. – 1917.

Уфимский вестник. – 1915.

Юлдуз (Йолдыз). – 1907.

Литература

На русском языке

Абдрашитов Э.А. Восприятие плена татарами Казанской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Северо-Кавказского университета. – 2014. – №1 (40). – С.96–101.

Абдрашитов Э.Е. Источники личного происхождения по истории российских военнопленных первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2003.

Абдуллин Х.М. Военные учреждения и заведения Казанского кремля в XVIII – первой половине XX вв. – Казань: Отечество, 2013.

Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789–1918. – М., 2011.

Абубакирова М., Шамсутдинов И., Хасанжанова Р. Историю оставить народу своему. – Троицк, 2002.

Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. – Уфа: Гилем, 1999.

Аксенов В.Б. Слухи и страхи петроградцев и москвичей в 1917 г. // Социальная история. Ежегодник, 2004. – М.: РОССПЭН, 2005. – С.163–200.

Алишев С. Хади Атласи // Духовная культура и татарская интеллигенция: исторические портреты. – Казань: Магариф, 2000. – С.136–139.

Алкин С. Вопрос о муфтии // Казанский телеграф. – 1915. – 18 августа. – №6652.

Амерханова Э. Издательские шаблоны писем солдат Первой мировой войны // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2014. – №1/2. – С.133–142.

Аминов Д.А. Татары в Санкт-Петербурге. Исторический очерк. – СПб.: «СПТ№6», 1994.

Амирханов Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005.

Амирханов Р.У. Система конфессионального образования у татар // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. – Казань, 2002. – С.140–157.

Арапов Д. «Желательно, чтобы ознакомление с мусульманством велось без крайностей, более спокойно и разносторонне» (Генерал Абд-ал-Азиз Давлетшин и его труды по мусульманскому вопросу) // Источник. – 2003. – №3.

Арапов Д.Ю. «Можно отметить ряд высоких подвигов воинской доблести проявленных мусульманами» // Военно-исторический журнал. – 2004. – №11. – С.42–44.

Арашаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. – Казань, 2002.

Аршаруни А.М., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. – Лондон, 1990.

Армеев В. Щи да каша – пища наша. Этюд о военно-полевой кухне // Родина. – 2007. – №3. – С.103–108.

Асадуллин Ф.А. Москва мусульманская: история и современность. Очерки. – М.: УММА, 2004.

Атласов Х. Война и татарки // Иностранное обозрение, приложение к журналу «Православный собеседник» за март 1915 года. Кн.10. – Казань: Центральная типография, 1915.

Ахметшин Ш., Гришин Я., Насеров Ш. Генерал-майор И.И.Ислямов // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2003. – №3/4. – С.94–97.

Балаев А.Г. Азербайджанская нация: основные этапы становления на рубеже XIX–XX вв. – М.: ООО «ТиРу», 2012.

Барбара Энгл. Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну // Вестник Ленинградского госу-

дарственного университета им. А.С.Пушкина. – 2010. – Т.4. – №1. – С.148–178.

Батыргарей Ф. Татары в Тверском крае. – Тверь, 2004.

Баязитов А. Избранные труды. – Казань, 2007.

Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. – М.: АИРО-XXI, 2011.

Беляк Тамерлан Сулейманович. [Электрон. ресурс] Режим доступа: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=7487>. Дата обращения 28.05.2015.

Биктимирова Т.А. Ступени образования до Сорбонны. – Казань: Алма-Лит, 2003.

Биринджи А. Халим Сабит Шибай // Научный Татарстан. – 2012. – №4. – С.51–56.

Валиди Т., Рафикова Г. «Русские» немцы в Казани в годы Первой мировой войны: неизбежность трагедии // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2014. – №1/2. – С.143–147.

Валяев Я.В. Фронтовой быт военнослужащих Российской армии в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Белгород, 2012.

Васильев А.Д. Русские военнопленные в Турции в годы Первой мировой войны // Институт востоковедения РАН. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ivran.ru>. Дата обращения 18.07.2014.

Вахрушева Н.А. Солдатские письма и цензорские отчеты как исторический источник (1915–1917 гг.) // Октябрь в Поволжье и Приуралье (источники и вопросы историографии). – Казань, 1972.

Виноградов В.Н. Еще раз о новых подходах к истории Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 1995. – №5. – С.62–74.

Вишленкова Е., Малышева С., Сальникова А. Казанское жительство (XIX–XX века) // Турнерелли Э. Казань и ее жители. – Казань, 2005.

Волков С.В. «Восточные части» российской армии // Восточная коллекция. – 2001. – №3. – С.120.

Волков С.В. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Том II (Л-Я). – М.: ЗАО Центрполиграф, 2009.

Волков С.В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. – М.: Русский путь, 2002.

Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии: Опыт мартиролога. – М.: Русский путь, 2004.

Волков С.В. Офицеры российской артиллерии: Опыт мартиролога. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2011.

Волков С.В. Русский офицерский корпус. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003.

Воскобойников Г.Л. Казачество в Первой мировой войне 1914–1918 годов. – М.: Издательство Российской киноvideокомпании, 1994.

Габдрафикова Л.Р. Повседневная жизнь городских татар в условиях буржуазных преобразований второй половины XIX – начала XX века. – Казань: Институт истории АН РТ, 2013.

Габдрафикова Л.Р., Салихов Р.Р. Военная повседневность в татарских байтах // Филология и культура. *Philology and Culture*. – 2012. – №4. – С.305–308.

Гайнуллин М. Татарская литература и публицистика в начале XX века. Изд. 2-е, доп. – Казань, 1983.

Гали Б.Т. Эволюция татарской общественно-политической мысли в литературе и публицистике на рубеже XIX–XX вв. – Казань: Ихлас, 2009.

Гали Б. «Молнией “Яшен” сверкает в облаках народных бед...» (Татарские сатирические журналы начала XX в.) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2007. – №1. – С.249–253.

Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. Справочные материалы. – М.: Русский путь, 2009.

Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945. Биографический справочник. – М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2007.

Гарипов Н.К. Политика Российского государства в этноконфессиональной сфере в конце XVIII – начале XX вв.: опыт духовного управления мусульман: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2003.

Гатауллина Л.Р. Из истории создания военных формирований татарских джихадистов в Германии (1915–1916 гг.) (по материалам архива Министерства иностранных дел Германии) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – Т.152, кн.3, ч.2. – С. 109–115.

Гатауллина Л.Р. Религиозно-политическая пропаганда среди российских военнопленных-мусульман в Германии (1914–1922): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2011.

Гатауллина Л.Р. Татарская пресса 1914–1915 гг. об отношении российских мусульман к Первой мировой войне // Ученые записки Казанского университета. – 2008. – Т.150, кн.1. – С.133–134.

Гашек Я. Похождения храброго солдата Швейка. – М., 1956.

Гиззатуллин И.Г. Мусульманские военные организации (1917–1921 годы). – Казань: Фэн, 2002.

Гилязов И.А., Гатауллина Л.Р. Российские солдаты-мусульмане в германском плену в годы Первой мировой войны (1914–1920). – Казань: Татарское книжное издательство, 2014.

Гилязов И. «Германия воспринимает вас не как военнопленных, а как своих гостей»: о книге Маргот Каляйс «Мусульмане в Бранденбурге – военнопленные в первой мировой войне» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2002. – №1/2. – С.250–255.

Гилязов И. На другой стороне (коллорабационисты из поволжско-приуральских татар в годы второй мировой войны). – Казань, 1998.

Гилязов И. Судьба Алимджана Идриси // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1999. – №3/4. – С.158–172.

Гилязов И.А. «Продолжать работу, пока тюрко-татарская нация не станет независимой от европейской культуры» (Общество поддержки студентов-мусульман в Берлине, 1918–1925) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1996. – №3/4. – С.193–199.

Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. – Жуковский; М., 2001.

Голубинов Я.А. Продовольственный вопрос в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2009.

Гребенкин И.Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. – Рязань: Рязанский гос. ун-т, 2010.

Гришин Я. Командарм Якуб Юзэфович // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1999. – №3/4. – С.120–123.

Гришин Я. Польско-литовские татары (наследники Золотой Орды). – Казань, 1995.

Гришин Я., Мэнди С. «Волевой командир с твердым характером» (Х.Б.Мавлютов) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2011. – №3/4. – С.173–176.

Гришин Я.Я. Польско-литовские татары: взгляд через века. Исторические очерки. – Казань, 2000.

Гришин Я.Я., Шарафутдинов Д.Д. Безупречный генерал Искандер Тальковский // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1997. – №1/2. – С.147–153.

Гришин Я.Я., Шарафутдинов Д.Д. Личное дело и жизнь комдива И.Тальковского // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1998. – №3/4. – С.162–168.

Губайдуллин Г. Гаспринский и язык // Исмаил Гаспринский. Историко-документальный сборник / Сост. С.Рахимов. – Казань: Жыен, 2006. – С.261–332.

Губайдуллин Г. Труды (статьи и воспоминания). – Баку, 2010.

Губайдуллин К., Губайдуллина М. Пища казанских татар // Вестник научного общества татароведения. – 1927. – №6. – С.17–49.

Губайдуллин Л.И. Проблемы функционирования мелкокредитных товариществ в татарских деревнях в начале XX века (на материале татарских печатных изданий) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – Т.152, кн.3, ч.2. – С.32–37.

Давлетбаев Б.С. Большая Ока. История села. – Уфа, 1992.

Денисов И.В., Кильметова О.Р. Статистика боевых потерь среди военнослужащих из Уфимской губернии в первый месяц Второй Отечественной войны // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. – Казань: Институт истории АН РТ, 2014. – С. 105–117.

Евдокимов Р.Н. Казачьи войска в условиях Первой мировой войны: кавказский фронт: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005.

Забывтая война. Сто лет (Путеводитель) / Авт.-сост. В.Макарова. – Уфа: Нац. музей РБ, 2014.

Загидуллин И.К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006.

Зайнуллина Ф.Г., Шайдуллин Р.В. Татарское крестьянство Казанской губернии в период столыпинской аграрной реформы (1906–1914) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – Т.150, кн.1. – С.113–120.

Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003.

Захаров В.А. Карс и Карский договор 1921 года в истории Армении. – М.: Центриздат, 2010.

Зверев С.Э. Военная риторика Нового времени. – СПб.: Алетейя, 2012.

Зорин Б. Вопрос о панисламизме и национальном движении в мусульманской печати // Вестник Оренбургского учебного округа. – 1914. – №4. – С.184–194.

Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. – М.: РОССПЭН, 2002.

Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. – М., 2007.

Империалистическая война (к десятой годовщине). Материалы для рабочих, красноармейских и школьных клубов. – Л.: рабочее изд-во «Прибой», 1924.

Ислам на европейском востоке: энциклопедический словарь. – Казань: Магариф, 2004.

Ислам на Урале. Энциклопедический словарь / Сост. А.Н.Старостин. – М.: Изд. дом «Медина», 2009.

История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. В 2-х томах. Том II. – Уфа, 2007.

История Казани. – Т.1. – Казань, 1988.

История татар с древнейших времен в семи томах. – Т.VII. – Казань, 2013.

История татар с древнейших времен в семи томах. – Т.VI. – Казань, 2013.

История татарской литературы нового времени (XIX – начало XX в.). – Казань: Фикер, 2003.

Исхаков Д.М. Динамика численности и особенности размещения татар в Волго-Уральском регионе в XVI – начале XX вв. // Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995. – С.290–291.

Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). 2-е изд., испр. и доп. – М.: изд-во «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2004.

Исхаков С.М. Тюрки-мусульмане в российской армии (1914–1917) // Тюркологический сборник. 2002: Россия и тюркский мир / Ред. кол. С.Г.Кляшторный (пред.) и др. – М.: Вост. лит., 2003. – С.245–280.

Кабирова А.Ш. Женщины Татарстана на фронте и в тылу. – Казань, 1995.

Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / Пер. с нем. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.

Казиков А.Г. Село Каюки Казанской губернии в годы Первой мировой войны // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. – Казань: Институт истории АН РТ, 2014. – С.446–452.

Казиков А.Е. К вопросу об организации военной мобилизации в России в 1914 году // Новые российские гуманитарные исследования. – 2008. – №12.

Казиков А.Е. Организация и проведение военной мобилизации в Российской империи в 1914 году (на примере Казанского военного округа) // Вестник СамГУ. – 2007. – №5/7 (59). – С.191–192.

Казаковцев С.В. Мобилизация людских и материальных ресурсов в Вятской губернии в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. – Киров, 2007.

Казанцев А.А. Динамика массовых настроений в российской провинции в период Первой мировой войны: на примере Пензенской, Самарской и Симбирской губерний: дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 2005.

Камскова Т.А., Савинова Т.Н., Шаргалов ДВ. Книжная культура XIX – нач. XX вв. (по материалам Оренбургской губернии). – Оренбург: изд-во РИО ОУНБ, 2011

Кандидов Б. Церковь и гражданская война на Юге. – М., 1931.

Каримуллин А.Г. Татарская книга начала XX века. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1974.

Картагузов С.В. Офицерский состав частей уральского казачьего войска 1914–1918. – М.: Рейтар, 2012.

Китанина Т.М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). – Л., 1985.

Клаус Р. Война и народное хозяйство России. – М.-Л., 1926.

Климович Л. Ислам в царской России. Очерки. – М.: Государственное антирелигиозное издательство, 1936.

Корсун Н.Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. – М.: Военное изд-во, 1946.

Котюкова Т.В. Турецкая агентура в России накануне Первой мировой войны по документам ЦГА Республики Узбекистан // Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. – М.: Наука, 2006.

Краснов П.Н. За Веру, Царя и Отечество. Тихие подвижники. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской Армии. – М.: «Листвица», «Артос-Медиа», 2005.

Курмансеитова А.Х. У истоков ногайской книги (XIX – начало XX века). – Черкесск, 2009.

Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. – 1999. – №8. – С.98–113.

Ленцен И. Использование труда русских военнопленных в Германии // Вопросы истории. – 1998. – №4. – С.129–137.

Литвиненко Д.В. Деятельность военных органов управления России по развитию артиллерийского снабжения в годы Первой мировой войны: 1914–1918: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2009.

Мандру Р. Франция раннего Нового времени, 1500–1640: Эссе по исторической психологии. – М., 2010.

Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: Национальный доход России в 1913–1928 гг. – М.: Мысль, 2013.

Маркеев Б.Г. Память легендарных лет. (Из материалов к истории училища). Вып.1. – Казань, 1979.

Мартиросян Д.Г. Российско-турецкий фронт Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2006.

Махмутова А.Х. Пора и нам зажечь зарю свободы (Джадидизм и женское движение). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2006.

Машкова Н.Н. Политические настроения на Южном Урале в годы Первой мировой войны // Теория и практика высшего профессионального образования: содержание, технологии, качество. Материалы XXV научно-практической конференции. Оренбург, 3–4 апреля 2003 г. – Оренбург, 2003. – С.32–46.

Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк / Отв. ред. Г.Д.Шкундин. – М.: Наука, 2002.

Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн.1. 2-е изд. – М.: Наука, 2005.

Мустакимов И.А. «Преданная нам служба российских военнопленных из мусульман... представляется лишеной вероятности». Документы Османского архива о возможности использования военнопленных в интересах Порты. Май 1917 г. // Отечественные архивы. – 2010. – № 2. – С.109–110.

Мустафин Р., Фаттахов Р. Черная трава Германии: забытая страница истории // Татарстан. – 2006. – №7. – С.44–47.

Мухаметшин Р.Ф. Татары и ислам в XX веке (Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана). – Казань: Изд-во «Фэн», 2003.

Мясникова О.С. Мусульманское население г. Петрограда в 1914 – нач. 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2004.

Наганова Н. Мусульманское сообщество в условиях мобилизации: участие волго-уральских мусульман в войнах последнего десятилетия существования Российской империи // Волго-Уральский регион в имперском пространстве: XVIII–XX вв.– М.: Вост. лит., 2011. – С.198–228.

Нагорная О.С. Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии: 1914–1922 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. – Челябинск, 2011.

Население России в XX веке: в 3-х т. – Т.1. – М.: РОССПЭН, 2000.

Неджиб. Пробуждение русских татар и их литература // Современник. Кн.4. – 1911. – С.169–171.

Ничуговская А.И., Костова Т.В. История здравоохранения и медицины в Оренбургской губернии. – Оренбург: Изд-во «Детство», 2010.

- Новое Надырово: Древняя столица края. – Казань, 2010.
- Оськин М.В. Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. – М., 2011.
- Первая мировая война: Пролог 20 века. – М.: Наука, 1999.
- Писарев Ю.А. Новые подходы к изучению первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 1993. – №3. – С.46–57.
- Подпрятков Н.В. Национальные меньшинства в борьбе за «честь, достоинство, целостность России...» // Военно-исторический журнал. – 1997. – №1. – С.58.
- Покровский М.Н. Империалистская война (1915–1930). Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
- Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников. – М.: «Компания Арсенал-Пресс», 1994.
- Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. – М., 2004.
- Поршнева О.С. Социальное поведение российского крестьянства в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Социальная история. Ежегодник, 2000. – М.: РОССПЭН, 2000. – С.57–86.
- Последняя война Российской империи = The Last War of the Russian Empire: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. Материалы Международной научной конференции, Москва, 7–8 сентября 2004 года. – М.: Наука, 2006.
- Потехин А.А. Сочинения. Т.12. – СПб., 1917.
- Рафиков А.М. Татарское купечество Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX века. – Киров, 2013.
- Рафиков А.М. Татары Вятской губернии в годы Первой мировой войны // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, приуроченной 100-летию начала войны (10–11 октября 2014 г.). – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. – С.411–423.
- Рашитов Ф.А. Мостяк (1713–2013). Страницы истории татарского села. – Саратов, 2013.
- Румянцев Е.Д. Социально-экономическое положение и быт рабочего класса Поволжья в годы первой мировой войны. – Казань, 2002.
- Рыбаков С. Ислам и просвещение инородцев в Уфимской губернии. – СПб., 1900.

Рязанский И.В. Тыловая российская повседневность в условиях Первой мировой войны: Южный Урал в июле 1914 – феврале 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2006.

Сагидуллин М. Татарские трудящиеся на путях Великого Октября. – Казань, 1927.

Салихов Р.Р. Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX в. – Казань, 2004.

Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Республика Татарстан: Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII – начало XX веков). – Казань: Изд-во «Фест», 1995.

Салихова А.Р. Татарский театр в литературно-критическом наследии Габдрахмана Карамы. – Казань: Изд-во «ФЭН», 2003.

Саматова Ч.Х. Имперская власть и татарская школа во второй половине XIX – начале XX века. – Казань, 2013.

Сбербанк в Татарстане: традиции и современность / Ряховская Т.Д., Миннуллин И.Р., Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. – Казань, 2004.

Семенов В.Г. Татары в Оренбургском казачьем войске // Евразийское ожерелье: Альманах. – Оренбург, 2001. – Вып.1. – С.166–190.

Семенова Е.Ю. Влияние мобилизации периода Первой мировой войны на настроения городского населения Поволжья // Вестник МГОУ. Серия «Исторические и политические науки». – 2011. – №2. – С.131–136.

Семенова Е.Ю. Влияние Первой мировой войны на мировоззрение, общественные настроения и поведенческие практики городского населения поволжских губерний Российской империи (июль 1914 г. – февраль 1917 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Саратов, 2013.

Семенова Е.Ю. Патриотические и антипатриотические настроения горожан Поволжья в Первую мировую войну (1914 – начало 1918 г.) // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – №5. – С.2–9.

Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. Нижегородские мусульмане на службе Отечеству (конец XVI – начало XX вв.). – Нижний Новгород, 2005.

Сенявская Е.С. История войн России XX века в человеческом измерении. Проблемы военно-исторической антропологии и психологии. – М., 2012.

Сенявская Е.С. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. – 1997. – №3. – С.140–145.

Сибгатов Б.И. Деревня в Казанской губернии в 1916 году // Хозяйствующие субъекты аграрного сектора России. Сборник материалов

IV Всероссийской (XII Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. – Казань, 2012. – С.244–251.

Сибгатов Б.И. Особенности реализации государственной социальной помощи в Казанской губернии в годы Первой мировой войны // Научный Татарстан. – 2014. – №1. – С.78–81.

Сибгатуллина А. «Тюрксист в чалме»: Халим Сабит Шибай // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2009. – №3/4. – С.98–101.

Сибгатуллина А. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. – М., 2010.

Сибгатуллина А.Т. Некоторые сведения об Исхан-паше в Российской периодической печати // Кара-Дениз – Чёрное море. – 2009. – №1. – С.173–181.

Снесарев А.Е. Литература и война // Наш современник. – 2004. – №8. – С.217.

Соегов М. Военнопленные и спетые им песни в лагерях Австро-Венгрии в 1916–1917 гг. // Научный Татарстан. – 2013. – №2. – С.63–73.

Солдатов Я.В. Казанское земство в период Первой мировой войны: историко-политический анализ: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2004.

Солнцева С.А. Военный плен в годы Первой мировой войны (новые факты) // Вопросы истории. – 2000. – №4/5. – С.98–105.

Спиридович А.И. Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 гг. Книга I. – Нью-Йорк: Всеславянское Издательство, 1960.

Стрелянов (Калабухов) П.Н., Киреев Ф.С., Картагузов С.В. Кубанские, терские и уральские казаки в наступлении Юго-Западного фронта 1916 года. – М.: Рейтар, 2007.

Субаев Н. Два брата – две судьбы // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1998. – №3/4. – С.294–297.

Султанбеков Б. Исмагил-доктор // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1997. – №1/2. – С.252–254.

Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). – М.: РОССПЭН, 2014.

Сухарев А.А. Казанские татары (уезд Казанский). Опыт этнографического и медико-антропологического исследования. – СПб., 1904.

Тагиров И.Р. История татарской национальной государственности татарского народа и Татарстана. 2-е изд. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008.

Тагиров И.Р., Валеев Р.К. Общественно-политическая жизнь в первой четверти XX века // Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995.

Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: июль 1914 – май 1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2005.

Тамарин А. Мусульмане на Руси. – М., 1917.

Татарская энциклопедия в 5 томах. – Т.1: А-В. – Казань, 2002.

Татарская энциклопедия в 5 томах. – Т.2: Г-Й. – Казань, 2005.

Татарская энциклопедия в 5 томах. – Т.4: М-П. – Казань, 2008.

Татарская энциклопедия в 5 томах. – Т.5: Р-Т. – Казань, 2010.

Терешина Е.П. Отношение населения Поволжья к первой мировой войне (по материалам периодической печати 1914–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2005.

Терешина Е.П. Периодическая печать и формирование общественного мнения в начале первой мировой войны // Научный Татарстан. – 2005. – №1/2. – С.126–132.

Терешина Е.П. Деятельность местного самоуправления в годы первой мировой войны (по материалам поволжской прессы // Вопросы истории. – 2004. – №10. – С. 132–134.

Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. – М., 2000.

Тукай Г. Избранное. – Казань, 2008.

Тухватуллин А.Х. Настроения татарского населения города Казани в начале Первой мировой войны // Дискуссия. – 2013. – №9 (39).

Уманова Д. Документы по истории польско-литовских татар из архива Литвы // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2008. – №1. – С.126–141.

Фаизов С. Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г.: страницы истории. – Нижний Новгород, 2005.

Фаизов С.Ф. Ислам в Поволжье. VIII–XX века. Очерк истории. – М.: Изд-во «Спутник+», 1999.

Файзуллин М., Абдуллина Д. Мирхайдар Файзи: Повествование о жизни. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987.

Федорченко С. Народ на войне. – СПб., 2012.

Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – в начале XX веков. – Казань, 2001.

Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Общественное движение мусульман-татар: итоги и перспективы. – Нижний Новгород, 2005.

Хайрутдинова Д.Р. Культурная жизнь Казани в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1997.

Хайрутдинова Д.Р. Благотворительность и милосердие татарских женщин в годы Первой мировой войны // Общественно-политическая

мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.): проблемы изучения. – Казань, 2008. – С.418–423.

Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1977.

Червонная С.М. Искусство Татарии. – М.: Искусство, 1987.

Шайдуллин Р.В. Крестьянские хозяйства Татарстана: проблемы и пути их развития в 1920–1928 годах. – Казань: Фэн, 2000.

Шишов А.В. Кавказский фронт // Первая мировая война. Пролог XX века / Отв. ред. В.Л.Мальков. – М.: Наука, 1998.

Штейнфельд Н.П. Малмыжские татары, их быт и современное положение // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1894 год. – Вятка, 1894.

Щербинин П.П. Военный фактор в жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. – Тамбов, 2004.

Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губернии). – Уфа, 2002.

На татарском языке

Әмирхан Р. «Мөхәмәдия» мәдрәсәсе // Мәдрәсәләрдә китап киш-тәсе. Мәшһүр мәғрифәт үзәкләре тарихынан. – Казан, 1992. – Б.12–33.

Әмирхан Р. Шомлы еллар кайтавазы // Казан утлары. – 1996. – №1. – Б.171–175.

Әхмәтжанов М. Әсир солдат бәете / Әхмәтжанов М. Мирас истә-лекләре. – Казан, 2008. – Б.128–148.

Ваһапов Н.Х. Күгәрчен тарихы. – Казан: Инновацион технология үзәге, 2014.

Вәгыйзова В. Үлгәннәрнең дә кадерен бел // Татарстан. – 2006. – №9. – Б. 58–63; 2006. – №11. – Б. 40–41; 2007. – №2. – Б. 60–61.

Гайнетдинов А. Австриядә әсирлектә ижат ителгән әсәрләр // Про татар [Электронный ресурс] <http://protatar.ru>. Дата обращения 19.08.2014.

Гарифуллин Д. «Татар иле» алман жирендә // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1996. – №1/2. – С.221–225.

Ибраһимова Ф. Фажиғале язмыш // Казан утлары. – 1996. – №2. – С.188–1896.

Ислаев Ф., Нәккаш Н. Солтангәрәй Хәбибуллин – беречне бөтен-дөнъя сугышы әсире // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2001. – №1/2. – Б.152–157.

Ислаев Ф. «Һәрбер фәндә маһир дә бул, шагыйрь дә бул...» (Беренче бөтендөнъя сугышы сәхифәләреннән) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2014. – №3/4. – С.226–235.

Мәһдиев М. Герман жире яшел үлән // Идел. – 1990. – №7. – Б.30–34.

Мәхмүтов Һ., Илялова И., Гыйззәт Б. Октябрьгә кадәрге татар театры: Очерктар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1988.

Миңнуллин Ж. «Татар полктары ни өчен кирәк?» // Мирас. – 1994. – №4. – Б. 114–117.

Миңнуллин Ж. Шәрәк клубы. – Казан: Заман, 2013.

Рәми И., Даутова Р. Әдәби сүзлек (элеке чор татар әдәбияты һәм мәдәнияте буенча кыскача белешмәлек). – Казан, 2001.

Салахова Э. XIX–XX гасыр башында татар гаиләсе // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2008. – №1. – Б.267–273.

Төхфәтуллин Х.К. Камил Мотыйгий. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. – Б.67–68.

Тюркоглу И. Себерияле мәшһүр сәяхәтче Габдерәшит Ибраһим // Габдерәшит Ибраһим: фәнни-биографик җыентык. – Казан, 2011. – Б.390.

Урманче Б. Татарстанның рәсем сәнгате // Совет әдәбияты. – 1960. – №10. – Б.138–140.

Шәфигуллин Р. Хәлими һәм ефрейтор Гитлер // Мәйдан Чаллы. – 2009. – №9. – Б.156–159.

На турецком языке

Akdes Nimet Kurat. Türkiye ve Rusya. XVIII yüzyıl sonundan Kurtuluş savaşına kadar Türk-Rus ilişkileri 1798–1919. – Ankara, 1970.

Seçil Karal Akgün Murat Uluğtekin. Akçuraoğlu Yusuf: Birinci Dünya Savaşı Sonunda İskandinavya'dan Sibirya'ya Hilal-i Ahmer Hizmetinde. – Ankara, 2009.

На белорусском языке

Думін С.У., Канапацкі І.Б. Беларускія татары: Мінулае і сучаснасць. – Мінск: Полымя, 1993.

ПРИЛОЖЕНИЯ

*Приложение №1***Объявление казанского губернатора П.Боярского о мобилизации**

1914 г.

Высочайшим повелением для формирования ополченских частей призваны ратники ополчения первого разряда, поэтому довожу до сведения населения губернии, что, в силу закона, семейства поступивших на службу в государственное ополчение, а также в военные дружины, пользуются правом на признание на счет казны на тех же основаниях, как и семейства нижних чинов, призванных на действительную службу из запаса; равным образом такими же правами на признание пользуются и семьи лиц, принятых на мобилизацию охотниками и добровольцами.

Губернатор,
Двора его величества камергер

П.Боярский

Приписка: Напечатать срочно крупными буквами во всех казанских газетах, в том числе и в «Земской газете».

НА РТ. Ф.420. Оп.1. Д.251. Л.96.

*Приложение №2***Заметка из газеты «Волжское слово» о начале мобилизации**

На улицах

Вчера в Самару из окрестных сел, начали прибывать запасные.

Рано утром на Александровской ул. с Вокзальной площади, направляясь к пересыльной части проследовало около 50-ти крестьянских телег, в которых находились прибывшие на сборный пункт запасные.

Движение этого «обоза» вызвало сильное любопытство прохожих, которые обращались к крестьянам с вопросом: «что это значит». В ответ слышалось: «а еще в городе живете, а не знаете, что мобилизация».

По пути следования крестьянских подвод на улицах собиралась публика, рассматривая запыленных, усталых запасных.

Волжское слово. – 1914. – 20 июля. – №2032.

*Приложение №3***Список нижних чинов из числа татар и башкир, награжденных в Первую мировую войну Георгиевскими крестами и Георгиевскими медалями**

Абдулбакиев Тахаутдин Сабердинович – подпрапорщик, 189-й пехотный Измаильский полк – Полный георгиевский кавалер. Житель Оренбургской губ. Орского уезда д. Ново-Зафарская, 1891 г.р. Источник: Георгиевский архив. – Часть 2. Списки полных георгиевских кавалеров (пехотные и стрелковые части) за период 1-й мировой войны. – Екатеринбург, 2004. – С.4.

Абузаров Ножлеугалим – рядовой, 14-й пехотный Олонецкий Е. В. Короля Сербского ПЕТРА I полк. – Георгиевский крест 4 ст. № 86079 «Высочайше пожалован в воздаяние боевых заслуг, через Генерал-Адъютанта Князя Белосельского-Белозерского, за отличия в боях». Источник: Приказ войскам 1-й Армии 08.04.1915 № 709.

Ахмадуллин Мухамет-Галей – драгун, 2-й лейб-драгунский Псковский полк. – Георгиевская медаль 4 ст. № 166040 Источник: РГВИА. Ф.3554. Оп.1. Д.30. Наградной алфавит солдат-граждан 2-й лейб-драгунского Псковского полка – В компании против Австро-Германии.

Ахмадуллин Мухамет-Зариф – драгун, 2-й лейб-драгунский Псковский полк, Е.В. эскадрон – Георгиевский крест 4 ст. № 153601; Георгиевский крест 3 ст. № 234184 Источник: РГВИА. Ф.3554. Оп.1. Д.30. Наградной алфавит солдат-граждан 2-й лейб-драгунского Псковского полка – В компании против Австро-Германии.

Ахмадшин Махтарла Ахмадшевич – егерь, Лейб-гвардии Егерский полк, 11 рота – Георгиевский крест 4 ст. №1005337 «За личный подвиг, оказанный в боях с неприятелем в период Владимиро-Волынской операции в сентябре 1916 года, а именно за бой 3 сентября 1916 года». Источник: Георгиевские кавалеры Лейб-гвардии Егерского полка за период Великой войны 1914–1918 /нижние чины/. Авт.-сост. М.П.Васильев. – М., 2002.

Бикамагиров Гарифулла – драгун, 2-й лейб-драгунский Псковский полк – Георгиевская медаль 4 ст. № 495753. Источник: Приказ по 5-му Армейскому корпусу 24.07.1915 № 307; РГВИА. Ф.3554. Оп.1. Д.30. Наградной алфавит солдат-граждан 2-й лейб-драгунского Псковского полка – В компании против Австро-Германии.

Валиахметов Мидарис Лемевич – рядовой, Лейб-гвардии Егерский полк, 6 рота – Георгиевский крест 4 ст. №1217007 «За отличие в

период боев с 23 июня по 21 июля 1917 года, а именно за бой 6 июля». Источник: Георгиевские кавалеры Лейб-гвардии Егерского полка за период Великой войны 1914–1918 /нижние чины/. Авт.-сост. М.П.Васильев. – М., 2002.

Габдульманов Абдрахман (первоначально – Гаптрахмок) – рядовой, 61-й пехотный Владимирский полк. – Георгиевский крест 4 ст. № 86228 «Высочайше пожалован в воздаяние боевых заслуг, через Генерал-Адъютанта Князя Белосельского-Белозерского, за отличия в боях». Источник: Приказ войскам 1-й Армии 08.04.1915 № 709, имя исправлено приказом войскам 1-й Армии 02.05.1917 № 2792.

Гайнуллин Заривзян – ефрейтор, 2-й лейб-драгунский Псковский полк – Георгиевский крест 4 ст. № 6874; Георгиевский крест 3 ст. № 46108. Источник: Приказ войскам 1-й армии 1914 № 99; Приказ по 12-й армии 18.04.1915 № 119; РГВИА. Ф.3554. Оп.1. Д.30. Наградной алфавит солдат-граждан 2-й лейб-драгунского Псковского полка – В компании против Австро-Германии.

Гайсин Мухамед Нур – егерь, Лейб-гвардии Егерский полк, 10 рота – Георгиевский крест 4 ст. №652081 «За отличие в Холмской операции, а именно за бой 8 июля 1915 года». Источник: Георгиевские кавалеры Лейб-гвардии Егерского полка за период Великой войны 1914–1918 /нижние чины/. Авт.-сост. М.П.Васильев. – М., 2002.

Гамадисламов Сатчивислам – рядовой, 61-й пехотный Владимирский полк – Георгиевский крест 4 ст. № 86227 «Высочайше пожалован в воздаяние боевых заслуг, через Генерал-Адъютанта Князя Белосельского-Белозерского, за отличия в боях». Источник: Приказ войскам 1-й Армии 08.04.1915 № 709.

Гамахметов Галимзян – ефрейтор, 2-й лейб-драгунский Псковский полк – Георгиевский крест 4 ст. № 98958. Источник: Приказ по конному отряду генерала князя Трубецкого 24.11.15 № 41; РГВИА. Ф.3554. Оп.1. Д.30. Наградной алфавит солдат-граждан 2-й лейб-драгунского Псковского полка – В компании против Австро-Германии.

Ганеев Юсаф – ефрейтор, Лейб-гвардии Егерский полк, 10 рота – Георгиевский крест 4 ст. №195388 «18 февраля 1915 года в бою у дер. Высокий Дуж вызвался охотником, дополз до неприятельского окопа, снял с убитого германца все снаряжение и винтовку и тем дал возможность определить действующие против нас части». Источник: Георгиевские кавалеры Лейб-гвардии Егерского полка за период Великой войны 1914–1918 /нижние чины/. Авт.-сост. М.П.Васильев. – М., 2002.

Гареев Мухшагулла Арусланович – ефрейтор, 2-й лейб-драгунский Псковский полк – Георгиевская медаль 4 ст. № 341946. Источ-

ник: Приказ по 1-му кавалерийскому корпусу 1915 № 19; РГВИА. Ф.3554. Оп.1. Д.30. Наградной алфавит солдат-граждан 2-й лейб-драгунского Псковского полка – В компании против Австро-Германии.

Гильманов Дильмухамет – рядовой, 121-й пехотный Пензенский полк, команда разведчиков – Георгиевский крест 4 ст. № 190464 «С 16 на 17 февраля [1915 г.] при ночной разведке в с. Лужно, при первой и второй атаке противника, превосходящего численностью, личным мужеством и храбростью содействовал успеху контр-атаки». Источник: Приказ войскам 10-го Армейского корпуса 22.03.1915 № 316; РГВИА. Ф.2198. Оп.1. Л.133–134.

Гильфанов Ульдан – драгун, 4-й драгунский Новотроицкий полк, 3-й эскадрон – Георгиевский крест 4 ст. № 498599, подвиг совершил 03.10.1915. Источник: Приказ по Рижскому укреп. району 30.12.1915 №123; РГВИА. Ф.3556. Оп.1. Д.89. 4-й драгунский Новотроицкий полк. Алфавит драгун, награжденных Георгиевским крестом и Георгиевской медалью. 1915 г.

Зайпулин Шайкомал – рядовой, 70-й пехотный Рязский полк – Георгиевская медаль 4 ст. № 566297 «За отличия, оказанные при молодецкой атаке 10-го сентября 1915 года укрепленной позиции у д.д. Чижевичи и Малмычи (п.2 ст.149 и ст.157 Георгиевского Статута)». Источник: Приказ войскам 2-й армии Западного фронта 24.02.1916 № 192.

Закиров Мухамед-хан Андреевич – егерь, Лейб-гвардии Егерский полк, 6 рота – Георгиевский крест 4 ст. №734209. Награжден Его Императорским Высочеством Великим Князем Георгием Михайловичем от имени Государя Императора 17 ноября 1916 года за бой 15 июня 1916 года. Житель Казанской губернии, Лаишевского уезда, Кибакозовской волости. Источник: Георгиевские кавалеры Лейб-гвардии Егерского полка за период Великой войны 1914–1918 /нижние чины/. Авт.-сост. М.П.Васильев. – М., 2002.

Ибрагимов Мартуз Ибрагимович – Кочегар, унтер-офицер 1 ст., Крейсер «Громобой» – Георгиевская медаль 3 ст. № 79727 «За выдающееся мужество и хладнокровие во время боя с неприятелем»; Георгиевский крест 4 ст. № 559238 «За то, что во время атаки неприятельской подводной лодки заметил и быстро исправил серьезное повреждение котла, чем дал возможность крейсеру иметь самый полный ход и благополучно уклониться от нее (Применительно к п. 52 ст. 67 Георгиевского Статута)». Источник: Приказ Командующего Флотом Балтийского моря 30.12.1915 № 1430; Приказ Командующего Флотом Балтийского моря 06.09.1916 № 619.

Ибраимов Ахмет – ефрейтор, 14-й пехотный Олонецкий Е. В. Ко-роля Сербского ПЕТРА I-го полк – Георгиевский крест 4 ст. № 86071 «Высочайше пожалован в воздаяние боевых заслуг, через Генерал-Адъютанта Князя Белосельского-Белозерского, за отличия в боях». Источник: Приказ войскам 1-й Армии 08.04.1915 № 709.

Идрисов Абульгуд Идрисович – егерь, Лейб-гвардии Егерский полк, 11 рота – Георгиевский крест 4 ст. №841258 «За отличие в Виленской операции, а именно за бой 1 сентября 1915 года». Источник: Георгиевские кавалеры Лейб-гвардии Егерского полка за период Великой войны 1914–1918 /нижние чины/. Авт.-сост. М.П.Васильев. – М., 2002.

Каримов Мухамет – стрелок, 2-й Туркестанский стрелковый полк – Георгиевский крест 4 ст. № 86567 «Высочайше пожалован в воздаяние боевых заслуг, через Генерал-Адъютанта Князя Белосельского-Белозерского, за отличия в боях». Источник: Приказ войскам 1-й Армии 08.04.1915 № 709.

Кунабаев Гайфула – ефрейтор, 121-й пехотный Пензенский полк, команда разведчиков – Георгиевский крест 4 ст. № 190476 «1 марта [1915 г.], производя разведку в с. Лужно, пробрались к неприятельской сторожевой заставе, примером личной храбрости увлекли товарищей, перекололи 8 австрийцев и выяснили расположение противника». Источник: Приказ войскам 10-го Армейского корпуса 22.03.1915 № 316; РГВИА. Ф.2198. Оп.1. Л.133–134.

Латыпов Валей – драгун, 2-й лейб-драгунский Псковский полк – Георгиевский крест 4 ст. № 200211. Источник: Приказ по 4-му Сибирскому корпусу 09.03.1915 № 78; РГВИА. Ф.3554. Оп.1. Д.30. Наградной алфавит солдат-граждан 2-й лейб-драгунского Псковского полка – В компании против Австро-Германии.

Латыпов Галей – рядовой, 121-й пехотный Пензенский полк, команда разведчиков – Георгиевский крест 4 ст. № 190466 «С 16 на 17 февраля [1915 г.] при ночной разведке в с. Лужно, при первой и второй атаке противника, превосходящего численностью, личным мужеством и храбростью содействовал успеху контр-атаки». Источник: Приказ войскам 10 Армейского корпуса 22.03.1915 № 316; РГВИА. Ф.2198. Оп.1. Л.133–134.

Мавлютов Минвалетдин – драгун, 2-й лейб-драгунский Псковский полк – Георгиевский крест 4 ст. № 497772. Источник: Приказ по 37-му Армейскому корпусу 1915 № 21; РГВИА. Ф.3554. Оп.1. Д.30. Наградной алфавит солдат-граждан 2-й лейб-драгунского Псковского полка – В компании против Австро-Германии.

Мавлютов Шангорей – рядовой, 124-й пехотный Воронежский полк, 6-я рота – Георгиевский крест 4 ст. № 379942 «5 марта 1915 г. у с. Сташковка при выбитии противника из редута на выс. 437 примером личной храбрости ободрял товарищей и шел вперед в атаку на неприятеля». Источник: Приказ войскам 10-го Армейского корпуса 28.08.1915 № 565; РГВИА. Ф.2198. Оп.1. Д.168. Л. 99–102а.

Махмудьянов Галимьян – егерь, Лейб-гвардии Егерский полк, 4 рота – Георгиевский крест 4 ст. №734196. Награжден Его Императорским Высочеством Великим Князем Георгием Михайловичем от имени Государя Императора 17 ноября 1916 года за бой 15 июля 1916 года. Житель Уфимской губернии, Бирского уезда, Исмаиловской волости. Источник: Георгиевские кавалеры Лейб-гвардии Егерского полка за период Великой войны 1914–1918 /нижние чины/. Авт.-сост. М.П.Васильев. – М., 2002.

Мещеров Хусаим Ханикович – санитар стрелок, Стрелковый полк Офицерской Стрелковой Школы – Георгиевская медаль 4 ст. № 639055 «За подвиги мужества, храбрости и самоотвержения, проявленные ими в бою с неприятелем 8 Июля 1915 года (п. п. 4, 5 и 7 ст. 145 Георгиевского Статута)». Источник: Приказ Командующего Флотом Балтийского моря 30.05.1916 № 389.

Минваев Муфтахутдин Муфтахудинович – старший комендор, ЛК «Слава» – Георгиевская медаль 3 ст. № 105413 «За мужество, храбрость и самоотвержение, проявленные при обстреле неприятельских позиций (п.п. 4 и 5 ст. 145 Георгиевского Статута)». Источник: Приказ Командующего Флотом Балтийского моря 30.08.1916 № 583.

Мусин Зайнулла – драгун, 2-й лейб-драгунский Псковский полк – Георгиевский крест 4 ст. № 468698. Источник: Приказ по конному отряду генерала князя Трубецкого 24.11.1915 № 41; РГВИА. Ф.3554. Оп.1. Д.30. Наградной алфавит солдат-граждан 2-й лейб-драгунского Псковского полка – В компании против Австро-Германии.

Мухамеджанов Сабир Яхинович – ефрейтор, 138-й пехотный Болховский полк – Георгиевская медаль 2 ст. №16933 «За мужество и храбрость, оказанные в бою с неприятелем 14 мая 1915 года». Награжден Генерал-Адъютантом Брусиловым. Источник: Приказ по 8-й Армии от 04.05.1916 за № 1470; Рязанская Книга Памяти Великой войны 1914–1918 годов. Том I. Автор проекта и составитель: Александр Игоревич Григоров. – М.: Типография РосАрхива, 2010. – С.747.

Мухамедзянов Шарифьян Мухамедзянович – ефрейтор, Лейб-гвардии Егерский полк, 11 рота – Георгиевский крест 4 ст. №735178. Награжден Его Императорским Высочеством Великим Князем Георгием

Михайловичем от имени Государя Императора 17 ноября 1916 года. Житель Казанской губернии, Казаского уезда, Мамшенской волости. Источник: Георгиевские кавалеры Лейб-гвардии Егерского полка за период Великой войны 1914–1918 /нижние чины/. Авт.-сост. М.П.Васильев. – М., 2002.

Мухтаров Зиятдин Музафарович – младший унтер-офицер, 219-й пехотный Котельнический полк – Георгиевский крест 3 ст. № 4181 «[В январе 1915 г.] находясь в связи с командиром полка, своевременно доставлял важные поручения в роты под сильным артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем, чем способствовал отбитию атак у д. Боржимов и Гумин с 3 по 24 января (п. 19 ст. 67 [Георгиевского Статута])». Источник: Приказ войскам 2-й армии – Западного фронта 24.02.1916 № 190.

Насыбулин Туктар – стрелок, 6-й Туркестанский стрелковый Генерала Черняева полк – Георгиевский крест 4 ст. № 86683 «Высочайше пожалован в воздаяние боевых заслуг, через Генерал-Адъютанта Князя Белосельского-Белозерского, за отличия в боях». Источник: Приказ войскам 1-й Армии 08.04.1915 № 709.

Незамунтдинов Аихмунтдин Незалунтдинович – машинист 1 ст., крейсер «Баян» (1-я бригада крейсеров) – Георгиевский крест 4 ст. № 12411 «За то, что во время боя с неприятельскими судами, после взрыва со стороны их снаряда, перебившего осколками трубу отработанного пара идущей от мусорной лебедки, с явной опасностью для собственной жизни сплющил кувалдой паровую трубу, чем прекратил большую утечку пара, а затем быстро и отлично вывел из действия всю поврежденную часть трубы (п. 52 ст. 67 Георгиевского Статута)». Источник: Приказ Командующего Флотом Балтийского моря 05.08.1915 № 843.

Низамутдинов Халтин – драгун, 2-й лейб-драгунский Псковский полк – Георгиевский крест 4 ст. № 200318. Источник: РГВИА. Ф.3554. Оп.1. Д.30. Наградной алфавит солдат-граждан 2-й лейб-драгунского Псковского полка – В компании против Австро-Германии.

Рахимов Насибулла Гималеттинович – стрелок, Стрелковый полк Офицерской Стрелковой Школы – Георгиевский крест 4 ст. № 558970 «За то, что при наступлении 8-го Июля 1915 года, на дер. Вейверы, находясь впереди всех, первыми ворвались в деревню и окопы и дружным натиском выбили из них неприятеля, который в полном беспорядке разбежался в разные стороны, при чем были взяты пленные и пулемет (п. п. 4 и 5 ст. 67 Георгиевского Статута)». Источник: Приказ Командующего Флотом Балтийского моря 30.05.1916 № 389.

Сабирзянов Галимзян – драгун, 2-й лейб-драгунский Псковский полк – Георгиевская медаль 4 ст. 3492654. Источник: Приказ по конному отряду генерала князя Трубецкого 25.09.1915 № 22; РГВИА. Ф.3554. Оп.1. Д.30. Наградной алфавит солдат-граждан 2-й лейб-драгунского Псковского полка – В компании против Австро-Германии.

Сабилов Закир – драгун, 2-й лейб-драгунский Псковский полк – Георгиевский крест 4 ст. № 453884 (По Высочайшему повелению выдан на ст. Трепенгоф Р.-О.Ж.Д. 26.09.1915 Великим Князем Георгием Михайловичем). Источник: РГВИА. Ф.3554. Оп.1. Д.30. Наградной алфавит солдат-граждан 2-й лейб-драгунского Псковского полка – В компании против Австро-Германии.

Сарбулатов Салкан – драгун, 2-й лейб-драгунский Псковский полк – Георгиевский крест 4 ст. № 453722 (По Высочайшему повелению выдан на ст. Трепенгоф Р.-О.Ж.Д. 26.09.1915 Великим Князем Георгием Михайловичем). Источник: РГВИА. Ф.3554. Оп.1. Д.30. Наградной алфавит солдат-граждан 2-й лейб-драгунского Псковского полка – В компании против Австро-Германии.

Сарычев – телеграфный унтер-офицер 1 ст., крейсер «Олег» – Георгиевский крест 4 ст. № 1023 «Высочайше пожалован при посещении 7-го сего июля ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ крейсера “Олег”». Источник: Приказ Главнокомандующего 6-й армией Флоту Балтийского моря 15.07.1915 № 123; РГАВМФ. Ф.417. Оп.5. Д.3568. Л.16–17.

Сулейманов Телеха Санфил Абрамович – ефрейтор, 138-й пехотный Болховский полк – Георгиевская медаль 3 ст. №119108 «За мужество и храбрость, оказанные в бою с неприятелем 14 мая 1915 года». Награжден Генерал-Адъютантом Брусиловым. Источник: Приказ по 8-й Армии от 04.05.1916 за № 1470; Рязанская Книга Памяти Великой войны 1914–1918 годов. Том I. Автор проекта и составитель: Александр Игоревич Григоров. – М.: Типография РосАрхива, 2010. – С.746.

Тангромбердин Султан – рядовой, 63-й пехотный Углицкий Г.-Ф. АПРАКСИНА полк – Георгиевский крест 4 ст. № 86295 «Высочайше пожалован в воздаяние боевых заслуг, через Генерал-Адъютанта Князя Белосельского-Белозерского, за отличия в боях». Источник: Приказ войскам 1-й Армии 08.04.1915 № 709.

Туктагалов Мухамед-Нур Ефимович – ефрейтор, Лейб-гвардии Егерский полк, 14 рота – Георгиевский крест 4 ст. №734254. Награжден Его Императорским Высочеством Великим Князем Георгием Михайловичем от имени Государя Императора 17 ноября 1916 года за бой 3 сентября 1916 года. Житель Уфимской губернии, Бирского уезда Кулрияновской волости. Источник: Георгиевские кавалеры Лейб-гвардии Егер-

ского полка за период Великой войны 1914–1918 /нижние чины/. Авт.-сост. М.П.Васильев. – М., 2002.

Файзулин Хамидулла Файзуличев – рядовой, 138-й пехотный Болховский полк – Георгиевский крест 4 ст. № 683214 «Отличие в бою 23 мая у деревни Старжава, находясь в секрете и будучи окружен противником, с явной опасностью для жизни пробился и присоединился к своей роте». Награжден Генерал-Адъютантом Брусиловым. Источник: Приказ по войскам 8-й армии от 04.05.1916 за № 1469; Рязанская Книга Памяти Великой войны 1914–1918 годов. Том I. Автор проекта и составитель: Александр Игоревич Григоров. – М.: Типография РосАрхива, 2010. – С.733.

Фаткуллин Файзрахман – драгун, 2-й лейб-драгунский Псковский полк – Георгиевский крест 4 ст. № 284782. Источник: РГВИА. Ф.3554. Оп.1. Д.30. Наградной алфавит солдат-граждан 2-й лейб-драгунского Псковского полка – В компании против Австро-Германии.

Фатыхов Ратулла – драгун, 2-й лейб-драгунский Псковский полк – Георгиевский крест 4 ст. № 174757. Источник: РГВИА. Ф.3554. Оп.1. Д.30. Наградной алфавит солдат-граждан 2-й лейб-драгунского Псковского полка – В компании против Австро-Германии.

Фойсханов Мухамед Фазулович – младший унтер-офицер, Лейб-гвардии Семеновский полк, 16 рота – Георгиевский крест 4 ст. №481133 «Пожалован по случаю годовщины объявления войны 28.9.1915». Крест пожертвован на нужды войны. Источник: Георгиевские кавалеры Лейб-гвардии Семеновского полка за период Великой войны 1914–1918 /нижние чины/». Авт.-сост. С.Б.Патрикеев. – М., 2002.

Хабибуллин Ярулла – драгун, 2-й лейб-драгунский Псковский полк – Георгиевский крест 4 ст. № 199670. Источник: Приказ по 12-й армии 18.04.1915 № 119; РГВИА. Ф.3554. Оп.1. Д.30. Наградной алфавит солдат-граждан 2-й лейб-драгунского Псковского полка – В компании против Австро-Германии.

Хабибулов Камамутдин – драгун, 4-й драгунский Новотроицкий полк, 4-й эскадрон – Георгиевская медаль 4 ст. № 3547148. Источник: РГВИА. Ф.3556. Оп.1. Д.89. 4-й драгунский Новотроицкий полк. Алфавит драгун, награжденных Георгиевским крестом и Георгиевской медалью. 1915 г.

Хабидулин Бадретдин – рядовой, 63-й пехотный Углицкий Г.-Ф. АПРАКСИНА полк – Георгиевский крест 4 ст. № 86306 «Высочайше пожалован в воздаяние боевых заслуг, через Генерал-Адъютанта Князя Белосельского-Белозерского, за отличия в боях». Источник: Приказ войскам 1-й Армии 08.04.1915 № 709.

Хайруллин Гайфулла – драгун, 2-й лейб-драгунский Псковский полк – Георгиевский крест 4 ст. № 468681. Источник: Приказ по конному отряду генерала князя Трубецкого 20.10.1915 № 32; РГВИА. Ф.3554. Оп.1. Д.30. Наградной алфавит солдат-граждан 2-й лейб-драгунского Псковского полка – В компании против Австро-Германии.

Хайруллин Зинатулла – драгун, 2-й лейб-драгунский Псковский полк – Георгиевский крест 4 ст. № 118210. Источник: Приказ по 10-й армии 20.02.1915 № 201; РГВИА. Ф.3554. Оп.1. Д.30. Наградной алфавит солдат-граждан 2-й лейб-драгунского Псковского полка – В компании против Австро-Германии.

Хайруллин Сибатулла – драгун, 2-й лейб-драгунский Псковский полк – Георгиевский крест 4 ст. № 126292. Источник: Приказ по 10-й армии 20.02.1915 № 201; РГВИА. Ф.3554. Оп.1. Д.30. Наградной алфавит солдат-граждан 2-й лейб-драгунского Псковского полка – В компании против Австро-Германии.

Хасамутдинов Ахмет-хан – драгун, 2-й лейб-драгунский Псковский полк – Георгиевский крест 4 ст. № 466010 (По Высочайшему повелению выдан на ст. Трепенгоф Р.-О.Ж.Д. 26.09.1915 Великим Князем Георгием Михайловичем). Источник: РГВИА. Ф.3554. Оп.1. Д.30. Наградной алфавит солдат-граждан 2-й лейб-драгунского Псковского полка – В компании против Австро-Германии.

Хаснутдинов Камулдин – драгун, 4-й драгунский Новотроицкий полк, 4-й эскадрон – Георгиевская медаль 4 ст. № 547152. Источник: РГВИА. Ф.3556. Оп.1. Д.89. 4-й драгунский Новотроицкий полк. Алфавит драгун, награжденных Георгиевским крестом и Георгиевской медалью. 1915 г.

Шагиахматов Даут Наумирович – ефрейтор, 138-й пехотный Болховский полк – Георгиевская медаль 3 ст. №117985 «6-го мая 1915 г., находясь в сторожевом охранении, под сильным перекрестным артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем, поддерживал связь между отдельными караулами и заставами, подавая пример мужества и самоотвержения нижним чин. роты». Награжден Генерал-Адъютантом Брусилковым. Источник: Приказ по 8-й Армии от 04.05.1916 за № 1470; Рязанская Книга Памяти Великой войны 1914–1918 годов. Том I. Автор проекта и составитель: Александр Игоревич Григоров. – М.: Типография РосАрхива, 2010. – С.749.

Шагиахметов Мухамет Мухаметович – младший унтер-офицер, 2-й Сибирский стрелковый Генерал-Адъютанта Графа Муравьева-Амурского полк – Георгиевский крест 3 ст. № 81550 Награжден 29 Марта сего [1916] года от имени ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА,

Его Императорским Высочеством Великим Князем Георгием Михайловичем «За мужество и храбрость, проявленные в боях с 1 по 5 Июля 1915 года»; Георгиевский крест 2 ст. № 18470. Награжден 29 Марта сего [1916] года от имени ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Его Императорским Высочеством Великим Князем Георгием Михайловичем «За мужество и храбрость, проявленные в боях с 5 по 15 марта с.г.». Источник: оба – Приказ войскам 1-го Сибирского Армейского корпуса 22.05.1916 № 195.

Шагитуллин Гатаулла – драгун, 2-й лейб-драгунский Псковский полк, 3-й эскадрон – Георгиевский крест 4 ст. № 284776. Источник: Приказ по 1-му кавалерийскому корпусу 1915 № 19; РГВИА. Ф.3554. Оп.1. Д.30. Наградной алфавит солдат-граждан 2-й лейб-драгунского Псковского полка – В компании против Австро-Германии.

Шайхметов Галимзян – драгун, 2-й лейб-драгунский Псковский полк, 2-й эскадрон – Георгиевский крест 4 ст. № 468651. Источник: Приказ по конному отряду генерала князя Трубецкого 20.10.1915 № 32; РГВИА. Ф.3554. Оп.1. Д.30. Наградной алфавит солдат-граждан 2-й лейб-драгунского Псковского полка – В компании против Австро-Германии.

Шакиров Галимзян – драгун, 2-й лейб-драгунский Псковский полк, пулеметная команда – Георгиевский крест 4 ст. 3438753. Источник: Приказ по конному отряду генерала князя Трубецкого 14.09.1915 № 13; РГВИА. Ф.3554. Оп.1. Д.30. Наградной алфавит солдат-граждан 2-й лейб-драгунского Псковского полка – В компании против Австро-Германии.

Шамулик Сафурьян (первоначально – Шакурьян) – рядовой, 61-й пехотный Владимирский полк – Георгиевский крест 4 ст. № 86236 «Высочайше пожалован в воздаяние боевых заслуг, через Генерал-Адъютанта Князя Белосельского-Белозерского, за отличия в боях». Источник: Приказ войскам 1-й Армии 08.04.1915 № 709, имя исправлено приказом войскам 1-й Армии 02.05.1917 № 2792.

Шарафутдинов Шатимардан – рядовой, Лейб-гвардии Егерский полк, 3 рота – Георгиевский крест 4 ст. №1217069 «За отличие в период боев с 23 июня по 21 июля 1917 года, а именно за бой 23 июня». Источник: Георгиевские кавалеры Лейб-гвардии Егерского полка за период Великой войны 1914–1918 /нижние чины/. Авт.-сост. М.П.Васильев. – М., 2002.

Шафиков Нурислан Кафиевич – рядовой, Лейб-гвардии Семеновский полк, 9 рота – Георгиевский крест 4 ст. №1216866 «За отличие в бою 23.06.1917 у дер. Годов, когда будучи неоднократно высылаем в

разведку, с явной опасностью для жизни, под сильным и действительным огнем противника, добыл и доставил важные сведения о местах накопления противника, чем дал возможность своевременно принять меры противодействия». Крест выдан 01.01.1918. Источник: Георгиевские кавалеры Лейб-гвардии Семеновского полка за период Великой войны 1914–1918 /нижние чины/. Авт.-сост. С.Б.Патрикеев. – М., 2002.

Шахмаев Гильмутдин – ефрейтор, 1-й Туркестанский стрелковый полк – Георгиевский крест 4 ст. № 86510 «Высочайше пожалован в воздаяние боевых заслуг, через Генерал-Адъютанта Князя Белосельского-Белозерского, за отличия в боях». Источник: Приказ войскам 1-й Армии 08.04.1915 № 709.

Юсопов Шарифутдин Юсопович – младший унтер-офицер, стрелок, 2-й Сибирский стрелковый Генерал-Адъютанта Графа Муравьева-Амурского полк – Георгиевский крест 4 ст. № 540414. Награжден 29 Марта сего [1916] года от имени ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Его Императорским Высочеством Великим Князем Георгием Михайловичем «За мужество и храбрость, проявленные в боях с 5 по 15 Марта 1916 года». Источник: Приказ войскам 1-го Сибирского Армейского корпуса 22.05.1916 № 195.

Приложение №4

Письмо солдата-татарина родным о получении Георгиевского креста

Ф.Хуснутдинову.
г.Мамадыш.

Вчера я получил георгиевский крест. Ходили мы давно уж в разведку и сняли австрийский дозор. Обещали, обещали и вот дали. Ротный сказал, это тебе Шакир, хоть ты и татарин и песни петь не умеешь, знай, что за русским царем служба не пропадает. Теперь тебя бить меньше станут. Вот я и думаю. Георгиевский крест все таки защита, а то все подзатыльники и ругань. Шакир сходи за водой, Шакир топи печку, Шакир сторожи. Все меня заставляют, а потому что я мусульманин. Теперь не будут.

15 декабря 1915 г.

Ш.Фаткуллин.

Цит. по: Царская армия в период мировой войны и февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны) / Отв. ред. М.Вольфович, Е.Медведева. – Казань: Татариздат, 1932. – С.196.

*Приложение №5***Расписка Б.Шакировой о получении Георгиевского креста
4-й степени за погибшего мужа**

1916 года декабря 30-го дня, я нижеподписавшаяся крестьянка Казанской губернии, Свияжского уезда, Азелевской волости деревни Мамадыш-Акиловой жена убитого Мухамет Сабира Шакирова¹ – Биби Фархи Срур Ахмедзянова Шакирова дала настоящую подписку земскому начальнику 4-го участка Свияжского уезда, в том, что присланный Георгиевский крест 4 степени за № 557772 оставшийся после убитого мужа моего Шакирова я сего числа получила. В чем и подписуюсь Биби ФархиСрур Ахмедзянова Шакирова, а за нее неграмотную по ее личной просьбе расписался Владимир Иванов.

Земский начальник 4-го участка Свияжского уезда (подпись)

НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6602. Л.44.

*Приложение №6***Заметка «Герой-татарин» из журнала «Нива»
о рядовом Гильмутдине Гильманове**

Это было очень недавно. Наши войска непрестанно находились в боевых столкновениях с турецкими сторожевыми постами. Это не были крупные бои, это не было нечто стратегическое, но это было тяжелое, беспокойное время. Приходилось напрягать все усилия, чтобы преодолеть не только стойкое сопротивление врага, но и силы природы: крутые обледенелые скалы, снежные метели, морозы, доходящие до сорока градусов, – вот так обстановка в которой приходилось нашим кавказским частям совершать свое незаметное, но важное дело.

Об атаках, которые велись нашими кавказскими героями в эти дни, мало кто знает, но тем выше подвиг героев этой борьбы на орлиных высотах. Особенно отличалось в этих боях наша, так называемая «стальная» дивизия. Полки ее проявляли чудеса храбрости: каждый солдат дивизии

---

¹ *Мухаметсабир Шакиров был рядовым. Убит в бою 10 сентября 1915 года. Георгиевский крест присудили ему со следующей формулировкой «в бою 10 сентября 1915 года при атаке неприятельских укреплений, примером отличной храбрости ободрил своих товарищей и увлекал их в бой» (НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6602. Л.118).*

был героем. Трудно было бы сказать, кто из них заслуживает большей похвалы, если бы не свидетельство самих героев об их товарищах.

Особенно поразило всех геройство татарина – рядового Гильматдина Гильманова. Вот как об его подвиге рассказывают товарищи.

Во время одной атаки, уже за проволочными заграждениями противника, осколком разорвавшегося снаряда у Гильманова выбило из рук винтовку. Захваченный общим воодушевлением и движением, Гильманов продолжал бежать вперед, пока не натолкнулся на группу турок. Те, заметив безоружного врага, кинулись на него.

Гильманов выдернул свою висевшую на поясе лопатку и, выждав момент, когда первый из нападавших добежал до него, ловко отвел рукою штык султанского гвардейца. В ту же минуту герой ударом лопаты раскроил череп турку. Воспользовавшись винтовкой убитого, Гильманов застрелил второго неприятельского солдата, а затем заколол еще двоих турок.

Покончив дело с первым встретившимся ему врагом, Гильманов бросился вновь вперед и одним из первых ворвался в окопы противника. Здесь он действовал не менее энергично, сея вокруг себя смерть при помощи ручных гранат. Гильманову удалось убить и ранить еще нескольких турок, обратив в бегство других.

Затем герой вместе со своей ротой пошел в наступление на вторую укрепленную линию противника. Во время этой атаки Гильманов, оглушенный и контуженный разорвавшимся около него снарядом, потерял сознание, но, придя в себя на перевязочном пункте, он немедленно возвратился в строй и занял место в ряду защитников завоеванного окопа.

Отличившегося героя-татарина немедленно представили к награде. Командир корпуса пожелал лично увидеть его. Генерал собственноручно надел молодцу на грудь Георгиевский крест 3-й степени, поцеловал Гильманова и благодарил за доблестную службу. Кроме того, за предшествовавший бой Гильманов получил Георгиевский крест 4-й степени и произведен командиром полка в унтер-офицеры.

Вот как наши доблестные мусульмане отвечают на призыв своих единоверцев стать под зеленое знамя пророка. Русские мусульмане свято исполняют долг присяги, и беззаветно проливают кровь за Россию наравне с прочими ее верноподданными.

Полковник Г.П.

Нива. – 1917. – №8, рубрика «Незаметные герои фронта».– С.128.

*Приложение №7***Копия перевода статьи муллы Садыка Иманкулова
из газеты «Юлдуз» от 21 сентября 1914 года,
призывающая к оказанию помощи раненым***Обращение к родственникам по религии*

Самое высшее достоинство человека не только перед верующими, но и перед неимеющими никакого отношения к религии и вероисповеданию, это, безусловно оказание помощи и милосердия страждущим и нуждающимся.

Мусульмане должны оказывать помощь и милосердие не только с точки зрения здравого смысла, но и в виду признания подобного рода благотворительности одним из высших родов милосердия Кораном. Но только Коран, но и изречения Магомета извещают о святости помощи страждущим.

Самым лучшим из благих дел является то, которое труднее всех выполнимо, каковым является уделение из трудовых сбережений в пользу страждущих.

Помощь страждущим и убогим – дело благое и святое во всякое время, но иногда необходимо дело усилить и распространить обязательность не только богатым, но и всем имеющим возможность.

Таким моментом является время общих бедствий. Переживаемые родиной ужасы войны являются самым грандиозным из общих бедствий, которе причиняет вред всем народам мира. Одним вред причиняется имуществу, другим телу и третьим жизни.

Конечно, самый ужасный вред достается на долю погибающих и искалечивающихся на всю жизнь. «Эти молодцы ради сохранения нашего безопасия и защиты родины побежали по повелению Великого Государя с оружием в руках на войну, оставляя на произвол судьбы своих жен и детей».

На войне с врагом ради защиты отечества вчерашние здоровые люди очутились совершенно искалеченными. Мы же живем спокойно. Из этого ясно, что мы обязаны по силе возможности помогать этим раненым. Не смотря на то, что громадная помощь им оказывается казной, грандиозность и кровопролитность войны требует общественной помощи. Действительно, учитывая все это, все народы государства протянули руки помощи. В Казани существуют уже несколько учреждений и организаций по помощи раненым. Все требуется помощь. Мест для оказания помощи очень много, «но в настоящее время самым высоким и

более всех уместным для мусульман является пожертвование на нужды лазарета, открываемого в Казани со стороны мусульман. Помощь, оказанная в этом направлении, являясь самым полезным из пожертвований на святое дело, окажется силой и помощью нашей нации, так как этим мы неоднократно выражаем свою преданность высокому правительству и любовь к отечеству».

В настоящее время приступлено к организации лазарета с 50 кроватями. Все казанские мусульмане должны по силе возможности присоединиться к этому благому делу.

Всякого рода пожертвования с благодарностью принимаются на Сенном базаре в магазине казначея комитета Сибигатуллы Хасанова.

Мулла Садык Иманкулов.

НА РТ. Ф.1. Оп. 4. Д. 6188. Л.97–97 об.

Приложение №8

**Объявление казанского губернатора П.Боярского от 19 июля 1915 г.
о выдаче продовольственных пайков семьям солдат**

19 июля 1915 г.
г.Казань

В виду последовавшего в 16-й день сего июля высочайшего повеления о приведении на военное положение части армии и флота, довожу до всеобщего сведения, что по действующему закону семейства нижних чинов, призванных на действительную службу и находящихся в мобилизованных частях армии и флота, пользуются правом на призрение на счет казны.

Из состава членов семейств запасных нижних чинов пользуются призрением жена и дети, а также находившиеся на их иждивении отец, мать, дед, бабка, братья и сестры.

Семейства принадлежащих к старообрядцам или сектантам нижних чинов, браки которых хотя и не записаны в подлежащие книги, но, по удостоверению волостного правления фактически существуют, призываются наравне с семействами лиц, браки которых записаны в метрические книги

Каждый член семейства призванного имеет право на получение установленным законом продовольственного пособия деньгами (пайка).

Трудоспособные сыновья и дочери призванных, достигшие семнадцатилетнего возраста, а равно дочери, вышедшие в замужество, утрачивают право на призрение, но в случае доказанной нетрудоспособности означенных лиц, кроме замужних дочерей, за ними сохраняются право на призрение и по достижении указанного возраста.

Выдача пособия призреваемым семействам, после надлежащего обследования на местах личного состава семейств призванных, возлагается в сельских поселениях на волостные правления, а в городах на городские управы.

Губернатор,
Двора его Императорского Величества камергер П.Боярский.

НА РТ. Ф.420. Оп.1. Д.251. Л.100.

Приложение №9

**Копия отношения председателя комиссии начальников
средних учебных заведений г.Казани №23 от 16 марта 1916 г.
на имя председателя Казанской губернской земской управы
об оказании помощи семьям военнослужащих**

Новые призывы военнообязанных в ряды армии в еще большей степени ослабили кадры трудоспособного населения нашей деревни, и в наступающий новый период полевых работ перед государством и обществом снова встает задача обеспечить всеми доступными средствами и способами нормальный, по возможности, ход этих работ.

В виду этого Министерство народного просвещения обратилось с призывом к учащейся молодежи отдать свой летний досуг на дело помощи в полевых работах семьям защитников Родины.

Принимая во внимание, что учебные заведения могут предложить только даровой труд учащихся, организация которого возможна лишь при непосредственном участии земства, имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, уведомить меня, насколько ощущается необходимость в такой помощи учащихся по Казанской губернии и в чем могло выразиться содействие земства в организации трудовых учебных артелей.

Председатель комиссии [подпись не разборчива]

ГАРМЭ. Ф.18. Оп.1. Д.1040. Л.182.

*Приложение №10***Статья Гали Рахима «Среди раненых мусульман»**

Известно, что в разных лазаретах Москвы находятся раненные на войне татары. Московские мусульмане не уклоняются оказывать им по мере своих сил материальную и духовную поддержку. В прошлый праздник «Гайди курбан» группа учащейся молодежи у правлений лазаретов выхлопотала разрешение для мусульманских солдат помолиться. Для раненых, у которых дни протекают обыкновенно однообразно и скучно, это было неожиданным, словно с неба упавшим, событием. Нет нужды говорить о том, насколько были рады возможности хоть раз сходить помолиться эти бедные (раненные), до того времени не знавшие даже о дне праздника, и никогда даже не мечтавшие увидеть хоть подобие праздника в таком городе, как Москва.

В день праздника на лицах стоявших у дверей мечети солдат сиял луч радости. Постарались побывать в Божьем храме даже такие, которые лишь с трудом могут передвигаться на костылях. После богослужения благодетельные мусульмане москвичи уводили по нескольку человек раненых к себе и угощали их праздничным чаем или обедом. Это тоже должно оставить в их угнетенных сердцах неизгладимый след.

В последнее время московское благотворительное общество взялось за одно доброе дело. По его инициативе теперь наши учащиеся татары и татарки будут ходить по порученным им лазаретам писать и читать письма и доставлять разные книги и газеты для чтения. Во всех лазаретах татарские раненные жаловались на отсутствие у них книг. Из книг особенно настойчиво спрашивались «хафтьяк» (седьмая часть Корана), молитвенник и рассказы. Если среди них имеется грамотный, то, окружив его, слушают его чтение и, вынужденные сидеть без дела, коротают таким образом свои дни.

Везде раненные мусульмане очень любят, когда к ним приходят навещать их другие мусульмане. Так как для них видеть нового человека – уже большое событие, то они с большой радостью рассказывают о своих впечатлениях и пережитых случаях. Как только узнают, что пришел к ним посторонний человек, так тотчас же мусульмане один за другим окружают его, здороваются с ним за руку, благодарят за то, что «он их не забыл и пришел». Среди них можно видеть мусульман со всех сторон: какими-то знакомыми, где-то виденными кажутся широколицые башкирцы Уфимской губернии, сухопарые мужики Казанской губернии с рыжими бородами и глубокоглазые татарские парни. Остается только

надеть на головы залоснившийся «каляпуш», на плечи – такие же камзолы да обуться еще в белые чулки и лапти.

Когда расспрашиваешь, они очень охотно говорят о войне. Один рассказывает: «Пуля – ничего, к пуле легко привыкаешь, но очень скверная штука шрапнель: она словно дождь – обсыпает тебя сверху».

Другой вмешивается в разговор: «Удивительное дело эти пули: кружатся возле тебя целыми роями, подобно мухам и комарам в летнюю пору; не хотят вредить – так не вредят. Да и не боишься особенно: защитишь лицо лопатой и знай бежать». Речь переходит к пулеметам. Пули винтовки и пулемета они отличают по скорости их хода. «Пули винтовки летят быстро и потому, когда попадают, пролетают насквозь, а пули пулемета слабее, и потому они всегда застревают в теле». Один рассказывает, что у него внутри все еще сидит пуля: «Сколько ни старались, не могли таки ее вынуть оттуда». Речь заходит о пушках. Между двумя солдатами поднимается горячий спор о том, разрываются австрийские бомбы, или нет. Вмешиваются в разговор и другие. Подумаешь, что эти дяди Хайри и Назмутдины разговаривают не о войне и разрушении, а о жнитве и молотье.

Среди раненых мусульман особенного внимания заслуживает одна группа. Эта – слагатели песен – народные певцы (стихотворцы). Наш народ вообще любит слагать песни. Каждая деревня имеет своего «певца». Случится ли в деревне более или менее шумная история – так вскоре про нее слагается песня. И до сих пор можно найти среди народа песни про наполеоновские войны, про войны севастопольские и турецкую, составленные участвовавшими там солдатами. Их авторы уже давно умерли, да и имена их уже давно забыты, но произведения их все еще сохраняются в народной среде народа. Во время японской войны появилось много песен. И про настоящую войну уже вышли песни. Они пишутся на столах лазаретов собственными незаметными для других поэтами и рассылаются в письмах по селам и деревням. Мне в лазаретах с большим числом мусульман попались случайно две такие песни. Так как они составлены участниками войны и в самом подлинном народном духе, то я думаю, что будет не безынтересно для читателей познакомиться с ними.

Произведение одного автора очень длинное. Оно имеет вид книги, и на обложке ее написано: Песня про войну. Составлена по поводу войны, возникшей в 1914 году между Россией и Германией с Австрией. Пусть будет известно, что ее составитель Салимулла Хамидуллин из Шунгаловской волости Тетюшского уезда Казанской губернии. Прочитав, помолитесь (за него). По подписи видно, что автор видел порядочную школу. Он участвовал в боях под Люблином, Львовым, Красным и до

шел до Пржемышля. Оттуда он возвратился раненым. В своем произведении стихами он пишет так:

«Получили телеграмму, поехали в Пржемышь. Потом возвратились в Красный, а оттуда приехали ранеными».

Его песня начинается шаблонными строками:

«С именем Бога начинаются все дела. Ушли наши бедные головушки – пусть поможет один Бог. В тысяча девятьсот четырнадцатом году, в середине Рамазана, нас забрали на войну».

Далее он таким образом обращается к читателю: «прошу, читатель, быть снисходительнее: написал бы получше, да не найду времени. Ниже слова мои расходятся между собою, да и рука неверно пишет, потому что затуманилось в глазах. Как не туманиться глазам, если мы сами попали в огонь. Не печальтесь, мои родители, потерпите немного. Обдумал бы и описал, что видела моя голова, да не уходят из памяти у меня мать и отец, – они все время стоят у меня перед глазами».

Далее очень долго рассказывает, как пришло известие о мобилизации, как собирали его в поход, как горевали об нем родные и как потом его провожали. Но эти описания не новы. Они все взяты из одной из песен про японскую войну. Но так как они очень яркие, и в них много удачных мест, то я не могу не привести здесь несколько строк оттуда: «В день отъезда рано утром затопили печку. Два сына и две дочки лежали со мной, обняв меня. Перед отъездом собрались мы все в мечети. Там читал нам проповедь муллы из нашей деревни и после проповеди муллы мы воздержались от многих вещей. Староста уехал разыскивать кое-кого из нас. Когда выехали из деревни, нас было шестнадцать человек. Тихо плакала жена моя, когда складывала вещи, и славословила Бога, провозжая нас из деревни. Помолитесь за нас, взятых (на войну). Пришли провожать меня моих два сына и две дочки, и, когда они очень плакали, им дали конфет».

Потом солдат рассказывает о своих внутренних переживаниях:

Когда пели «Боже, Царя храни», переполнилось сердце мое (печалью), и заплакал я тогда, когда же ехали на машине, то запел я от тоски. После долгой езды, приехали мы в город Люблин, да поможет сам Бог тому, кто остался сиротой. После долгой езды приехали мы в город Красный. Я не печалюсь о себе, тяжело только очень матери».

Тут он говорит, что воевать – обязательно, необходимо, и тем утешает себя:

«Нелегко оставлять дом с детьми, но как не идти воевать, когда взяты наши города?».

Далее поэт дает описание войны:

«Как только доехали мы до места, начали бой и стреляли очень усердно против австрийцев. Три корпуса и три батальона дрались мы с австрийцем среди черного дыма несколько дней. Мы стреляли день и ночь, и уничтожилась вся австрийская армия. Австрийские солдаты отступают и падают, когда попадают в них наши пули. Покрылась кровью вся австрийская земля, и стало тесно для австрийцев, когда мы начали стрелять. Ныне я за стрельбу получил военный приз, и австрийские солдаты (для меня) подобны крысам в воде».

Вот видите, как наши храбрые солдаты смеются над австрийцами.

Германцев же они считают настоящими своими врагами. Вот послушайте, что он говорит о них.

«(Как) вы закалываете белых уток и укладываете их грудь с грудью – (так) закрываете живыми в могилу «проклятых германцев».

Львовский бой в песне занимает порядочное место:

«Когда стреляешь день и ночь, пули набиваются в подмышки. Страшнее всего было сражение под Львовым. В течение пяти часов сделали мы сто верст и вечером того же дня взяли город Львов».

Одно из наиболее красивых мест песни посвящено лошадям на войне:

«Запряженные парами в телеги лошади – все вороные меринки. Бедные животные осматриваются по сторонам, когда пролетают бомбы, и ржут друг дружке. Когда не успеваю запрягать их, помогают тогда мне офицеры. Текут у них из глаз слезы ручейками: и жалко мне их больше, чем себя».

Господин Салимулла заканчивает свою песню таким образом:

«Много писал, и нет уже у меня больше слов. Писал я и все время плакал до того, что теперь глаза мои воспалены. Могу ли я писать еще и выскажу ли я все в письме? Если я со слезами помолюсь Богу, то примет ли Он мою молитву?».

(Из №46 газеты «Иль», Москва, 1 декабря 1914 г.).

Цит. по: Инородческое обозрение. Кн.11-я. – Июнь, 1915. – Казань, 1915. – С.857–862.

Приложение № 11

**Списки потерь нижних чинов из числа татар и башкир
138-го Болховского пехотного полка в 1914–1917 гг.
(погибшие, раненые, пропавшие без вести и попавшие в плен)**

1914 г.

Список №1. Ноябрь 1914 г.

- 2 роты рядовой **Бекеров Намилула**, магом., ранен 13 ноября
4 роты рядов. **Абдулнасыров Газетдин**, магом., жен., Уфимск.губ., Стерлитамак.у., Покровской вол., ранен 19 ноября
4 роты рядовой **Хусаинов Сибирзян**, прав., хол., Алексеев.вол., ранен 15 ноября
6 роты рядовой **Микаев Мулла**, магом., хол., Харьков.губ., Змиевского у., Балаклинской вол., ранен 17 ноября
7 роты рядовой **Илетов Рузван Фалулла**, магом., жен., Саратов.губ., Хвалын.у., Старо-Отлашин. вол., убит 11 окт.
7 роты рядовой **Гайнулин Губейдула Гатаулин**, магом., хол., Уфим.губ., Стерлитамак.у., Дибуйской вол., ранен 17 ноября
7 роты рядовой **Зяйнетдинов Наумян**, магом., жен., Симб.губ., Курмыш.у., Петраксин вол., ранен 17 ноября
7 роты рядовой **Насыров Истрахмал**, магом., хол., Табольской губ., Петропавлов.у., г.Петропавловска, ранен 17 ноября
7 роты рядовой **Баутдинов Мустафа**, магом., жен., Симб.губ., Курмыш.у., Петраксин.вол., убит 6 ноября
9 роты ефр. **Валиулин Фатых**, магом., хол., Казанской губ., Казанск.у., Мангарской вол., ранен 10 ноября
10 роты рядовой **Нафе-Веле Сеит**, магом., холост, Таврич.губ., Симфер.у., г.Бахчисарай, ранен 11 ноября
11 роты рядовой **Фейнзов Урязой**, магом., жен., Пермск.губ., Екатеринбург.б.у., Сарнской вол., убит 16 ноября
11 роты ст. у.-о. **Баятзитов Хамидулла**, магом., жен., Оренб.губ., Челябин.у., Сарткаминск (?) вол., ранен 5 ноября
11 роты рядовой **Шарипов Митулла**, магом., сведений нет, ранен 17 ноября
6 роты рядов. **Самсидинов Абдул Изингальдев**, магом., холост, Пермск.губ., Екатеринбург.у., Сарпов.вол., ранен 24 ноября
3 роты ефр. **Сокаев Кирип Абдулов.**, магом., жен., Тамб.губ., Шацк.у., Новоберезовск.вол., пропал без вести 27 ноября

3 роты рядов. **Суфьянов Хабиб Рахман**, магом., хол., Уфим.губ., Стерлит.у., ранен 4 ноября

1 роты рядов. **Нурахматов Мухамет Садык**, магом., жен., Пермск.губ., Екатерин.у., Соринской вол., ранен 26 ноября

1 роты рядов **Мухаметов Шариф Мухамет**, магом., жен., Пермск.губ., Екатерин.у., Соринской вол., ранен 26 ноября

11 роты рядов. **Шайхула Инетулла**, магом., жен., Симб.губ., Паиск.вол., д.м.Уилна (?) ранен 17 ноября, умер от ран 19

11 роты рядов. **Абдул-Алимов Хусьян**, магом., холост, Уфим.губ., Бирск.у., Янтанской вол., пропал без вести 17 ноября

11 роты рядов. **Мухаметгирей Сейтгирей**, Уфим.губ., Бирск.у., Аксенской вол., пропал без вести 17 ноября

11 роты рядов. **Датиуллин Ярулла**, Уфим.губ., Бирск.у., Аксенской вол., пропал без вести 17 ноября

13 роты рядов. **Ярасланов Гатаидир**, магом., жен., Оренб.губ., Челябин.у., Картаинск.вол., ранен 2 ноября

13 роты рядов. **Мухамажанов Мухамет**, магом., жен., Оренб.губ., Челябин.у., Ачкинск.вол., ранен 13 ноября

13 роты рядов. **Ибрагимов Сулейман Абдулов**, магом., жен., Саратов.губ., Хвалынск.у., д.Ст-Масток, ранен 13 ноября

15 роты рядов. **Юмаваев Тульковой**, магом., жен., Оренб.губ., Челябин.у., Первом.вол., ранен 13 ноября

Список №2. За декабрь месяц 1914 г.

10 роты рядов. **Осман Осан**, магом., холост., Таврич.губ., Симфер.у., г.Бахчисарай, пропал без вести 2 дек. при мест.Пржемиров

11 роты ефр. **Осман Абдраман**, сведений нет, пропал 2 дек. при м.Пржемиров

15 роты рядов. **Кучербеев Загидулла**, пропал без вести 2 дек.

15 роты рядов. **Салишев Фазытдин**, пропал без вести 2 дек.

15 роты рядов. **Газетдинов Мухамет**, пропал без вести 2 дек.

5 роты ефр. **Еникеев Алим**, магом., холост, Тамб.губ., Темник.у., убит 3 дек.

5 роты рядов. **Шарафетдинов Калимулла**, магом., сведений нет, убит 3 дек.

5 роты рядов. **Маукаев Махмуд**, магом., убит 3 дек.

5 роты рядов. **Юносов Хайбулла**, магом., холост, Саратов.губ., Хвалынск.у., Старо-Кулаткинск.вол., убит 3 дек.

5 роты рядов **Якуров Насеретдин**, магом., жен., Пермск.губ., Красноуф.у., д.Бихмицкой, убит 3 дек.

5 роты рядов **Сфаргамин Афозон**, д.Ячгорова, убит 3 дек.

5 роты рядов **Саянов Ифатулла Махмаз**, д.Ячгорова, ранен 3 дек.
при пос. Концеполь

5 роты рядов **Мустафимов Гарифулла**, магом., жен., Уфимск.губ.,
Верск., Асановск., ранен 3 дек.

5 роты рядов **Кавиров Марвальян**, Казанск.губ., Машад., Ниж-
Соповск., ранен 3 дек.

5 роты рядов **Муртазин Давлетша**, магом., холост, Клеушской
вол., ранен 3 дек.

6 роты рядов **Ялышев Ибрагим Акимов**, магом., жен., Тамб.губ.,
Темник.у., Стрелицк.вол., убит 3 дек.

6 роты рядов **Трегулов Мухамет Хайрулин**, магом., жен., Бору-
новск.вол., д.Едово, убит 3 дек.

6 роты рядов **Рахманкулов Умер**, магом., сведений нет, убит 3 дек.

6 роты рядов **Гаритуллин Гарифулла**, магом., жен., Казанск.губ.,
Мамаден.у., Аньшинск.вол., д.Касимир, убит 3 дек.

6 роты рядов **Забигатуллин Закир Гатгатулинов**, магом., жен.,
Казанск.губ., Маматыж.у., Ириск., Балыс.вол. убит 3 дек.

6 роты рядов **Алюшев Белян**, магом., сведений нет, убит 3 дек.

6 роты рядов **Авдюльманов Мазарис**, магом., сведений нет, убит
3 дек.

6 роты рядов **Девлеткельдеев Гейнетдин Изатулов**, магом., хо-
лост, Тамб.губ., Шацк.у., пропал без вести 3 дек.

8 роты рядов **Абубекиров Сафиулла Абдулов**, магом., жен., Са-
рат.губ., Хвалынк.у., Средне-Гершадовск. вол. и с., убит 3 дек.

8 роты рядов **Хамбиков Мустафа Юсупов**, д.Верхстиреша (? –
неразб. – прим. авт.) убит 3 дек.

8 роты рядов **Сайжапов Исхак Юсупов**, магом., холост, Са-
рат.губ., Хвалынк.у., Старокулот.вол., без вести пропал 3 дек.

8 роты рядов **Салихов Хусаин Алимов**, магом., жен., Саратов.губ.,
Хвалынк.у., Старокулот.вол., без вести пропал 3 дек.

8 роты рядов **Шафеев Мясибулла Эхмижанов**, без вести пропал
3 дек.

8 роты рядов **Фаскутинов Дыльма Ханешов**, магом., жен.,
Уфимск.губ., Уфимск.у., Старо-Кульчево, без вести пропал 3 дек.

15 роты рядов **Кучербеев Зайфулла Фейзаллин**, магом., жен.,
пропал без вести 2 дек.

15 роты рядов **Газетников (? – неразб.) Мухамет**, магом., жен.,
Уфимск.губ., Бирск.у., Саловск., пропал без вести 2 дек.

15 роты рядов. **Шаймухаметов Мингаш**, магом., холост, Уфим.губ., Бирск.у., д.Урют, убит 3 дек.

15 роты рядов. **Нухоматранов Лакимжан**, магом., жен., Оренб.губ., Челябин.у., Перв., Раткал, убит 3 дек.

15 роты рядов. **Изаметдинов Нардын**, магом., жен., Уфимск.губ., Бирск.у., Осаны, убит 3 дек.

15 роты рядов. **Мухаметякир Ахмицев**, магом., холост, Уфимск.губ., Бирск.у., д.Юктерка, убит 3 дек.

15 роты рядов. **Даулякбердин Ахтян Гахаутдинов**, магом., жен., Уфимск.губ., Стерлитамакск.у., Бака Стерман (? – неразб.), пропал без вести 3 дек.

15 роты рядов. **Исмагилов Гайнатулла**, магом., холост, д.Сарпонец (? – неразб.), пропал без вести 3 дек.

15 роты рядов. **Фатхлыслам Тилимисан** (?), Уфимск.губ., Бирск.у., Осаново, пропал без вести 3 дек.

16 роты рядов. **Асылъваев Мавлюбер**, магом., холост, Уфим.губ., Стерлитама.у., Дранков.вол. (?), убит 3 дек.

16 роты рядов. **Валиев Мухамет**, жен., Казанск.губ., Казанск.у., Малыжинск.вол., убит 3 дек.

16 роты рядов. **Сюрюкбаев Мингалей**, магом., холост, Уфим.губ., Стерлитама.у., Стерлитамак, убит 3 дек.

16 роты рядов. **Исаков Нигмадзан**, магом., холост, Казанск.губ., Казанск.у., Кукморск.вол., убит 3 дек.

16 роты рядов. **Санагатулин Юлимша**, магом., холост, Пермск.губ., Кунгур.у., Кырловск.вол., ранен 3 дек

16 роты рядов. **Ягудин Ахтян**, магом., холост, Уфимск.губ., Стерлитама.у., Покровск.вол., ранен 3 дек.

16 роты рядов. **Кармурзин Халатулла**, магом., холост, Уфим.губ., Стерлитама.у., д.Каверди, ранен 3 дек.

Список №3. За декабрь 1914 г.

1 роты рядов. **Апрахманов Мугасим Антронов**, магом., холост, Казанск.губ., Мамадыш.у., Бу克林ск. вол., убит 12 дек.

1 роты рядов. **Валиев Шариф Валиев**, магом., холост, Казанск.губ., Мамадыш.у., Бу克林ск.вол. ранен 12 дек.

7 роты рядов. **Давыдов Закир Евр...**, Саратов.губ., Хвалын.у., Ст.Оплаш..., убит 12 дек.

7 роты рядов. **Мухамет–Зафиров Харн** (?), магом., жен., Уфим.губ., Мензелин.у., Крахтинск.вол., убит 12 дек.

7 роты рядов. **Алмакаев Мильдян Шаферов**, магом., жен., Саратов.губ., Хвалынк.у., ст.Оплашинск., убит 12 дек.

8 роты рядов. **Салихов Сабиржан Абдулов**, магом., жен., Саратов.губ., Хвалынк.у., д.Масневки, ранен 11 дек.

10 роты рядов. **Дильмухаметов Нурмухамет**, магом., холост, Оренб.губ., Челяб.у., д.Бизбердина ранен 12 дек.

10 роты рядов. **Кожеров Абдул**, магом., жен., Нижегород.губ., Сергаш.у., с.Самарское, ранен 12 дек.

11 роты рядов. **Галимов Гариф Кискович**, арм-григор., жен., Перм.губ., Екатеринбург.у., Саринск.вол., ранен 11 дек.

11 роты рядов. **Ахтямов Мирза**, магом., холост, Тобол.губ., Кург.у., Соломатинск., ранен 11 дек.

11 роты рядов. **Валешев Гариф**, Полушмановск.вол., ранен 11 дек.

11 роты рядов. **Фензов Урязой Хенсаметдинов**, магом., жен., Пермск.губ., Екатер., Сарейск.вол., ранен 11 дек.

11 роты рядов. **Губайдуллин Хутьян**, магом., холост, Вятск.губ., Ялав... (?) Серп...ской (?), ранен 11 дек.

11 роты рядов. **Мажитдинов Хийрзамов (?)**, Уфимск.губ., Бирск.у., д.Рюшевой, убит

12 роты рядов. **Коепкулов Якимберт Давлетбаев**, магом., жен., Уфим.губ., Стерлит.у., с.Лебедеянки, ранен 12 дек.

12 роты рядов. **Аглюлин Гришран Улканов (?)** магом., холост, Уфим.губ., Стерлит.у., Екатеринов., ранен 12 дек.

12 роты рядов. **Киндебулатов Зайтфулла Тимингарей**, магом., холост, Уфим.губ., Стерлит.у., Арисленск., ранен 12 дек

9 роты рядов. **Гайнитула Нигматуллин**, магом., жен., Абинькаево, ранен 11 дек.

1915 г.

Список №4. Февраль 1915 г.

11 роты рядов. **Масаутов Саабат**, магом., жен., Томск.губ., Змеиногор.у., д.Харловой

12 роты рядов. **Камалдинов Миннула**, магом., жен., Уфим.губ., Мензел.у., Останковск.вол., д.Абдуловой, ранен 16 февр.

12 роты рядов. **Ильясов Хасиф**, магом., жен., Уфим.губ., Стерлитам.у., Останковск.вол., д.Казеевой, ранен 16 февраля

16 роты ефр. **Фейсканов Зайнутдин**, магом., жен., Казанск.губ., Цивильск.у., Кошелевск.вол., д.Ново-Бейметовой, ранен 16 февр.

5 роты рядов. **Дигандиров Ахмет Хамбат**, магом., жен., Уфимск.губ., Мензелин.у., Пойсевск.вол., д.Исянцоповой

5 роты рядов. **Тригулов Люкман Касьянов**, магом., жен., Тамб.губ., Темник.у., Барашевск.вол., д.Идеевой, ранен 16 февр.

9 роты рядов. **Каримов Хабибула Антула**, магом., жен., Tobол.губ., Тюкалин.у., Тугулумск.вол., д.Калачинской, убит

9 роты рядов. **Кимирбулат Валиша**, магом., хол., Оренб.губ., Челябин.у., Лихинск.вол., д.Вишнякова, убит

9 роты рядов. **Каби-Капти Кабиев**, магом., хол., Перм.губ., Красноуф.у., Обоквонск.вол., д.Янгуди

9 роты рядов. **Бикбауф Мингалей**, магом., жен., Оренб.губ., Троицк.у., г.Троицка, без вести пропал 16 февр.

9 роты ефр. **Яушев Хамула Садыков**, Акмол.губ., г.Петроп., ранен

9 роты рядов. **Сейтупса Арамазан**, магом., хол., Оренб.губ., Челябин.у., Ширминск.вол., д.Курмакова, ранен 16 февр.

12 роты рядов. **Кутловаев Мурзагалей Тимиргалеев**, магом., холост, Уфимск.губ., Стерлитам.у., Арагонск.вол., с.Верхн.Кочухск., ранен 17 февр.

12 роты рядов. **Нурьев Гальфатдин**, магом., хол., Уфимск.губ., Мензел.у., Останковск.вол., д.Нароски, ранен 17 февр.

1 роты рядов. **Мингиреев Мухамет-Гирей**, магом., хол., Уфим.губ., Бирск.у., Перкинск.вол., д.Истрияковой, убит 18 февр.

1 роты рядов. **Гарифуллин Ахмет Софа Хамедов**, магом., жен., Казанск.губ., Чистопольск.у., Кутялинск.вол., с.Кормишкина, ранен 18 февр.

3 роты рядов. **Ульмаскулов Хафиз**, магом., хол., Уфимск.губ., Стерлитам.у. (?), Мерксепанск.вол., д.Толмазово, ранен 18 февр.

6 роты рядов. **Адюльманов Амерзян Амерзянов**, магом., жен., Tobол.губ., Ялуторовск.у., Азбакеевск.вол., ранен 16 февр.

6 роты рядов. **Уразаев Куман**, магом., жен., Tobол.губ., Tobол.у., Tobолдинск.вол., ранен 16 февр.

6 роты рядов. **Сычпокеев Абас**, магом., хол., Tobол.губ., Tobол.у., Рогаевск.вол., пропал без вести 16 февр.

6 роты рядов. **Алеев Герман**, магом., жен., Курадовск.вол., пропал без вести 16 февр.

6 роты рядов. **Абдулгатаров Баймаргам**, магом., хол., Пермск.губ., Екатеринбург.у., Кульмянск.вол., пропал без вести 16 февр.

11 роты рядов. **Губайдулин Хузьян**, магом., хол., Серкаск.вол., д.Мортов, ранен 17 февр.

12 роты рядов. **Назаматдинов Шарифатдин**, магом., хол., Уфимск.губ., Мензел.у., Останковск.вол., д.Казеева, убит 18 февр.

12 роты рядов. **Насипов Камалдин**, магом., жен., Уфимск.губ., Мензел.у., Арейсовск.вол. (?) ранен 18 февр.

12 роты рядов. **Музафаров Абдул Халиков**, магом., хол., Уфимск.губ., Стерл.у., Урмакинск.вол., д.Субуднкулеж (?), без вести 18 февр.

12 роты рядов. **Мавлуткулов Абайдула Гнайкулов**, магом., хол., Уфим.губ., Стерлита.у., Читурлинск.вол., В.Орлогват (?), без вести 18 февр.

3 роты рядов. **Хостков Хабибула**, магом., жен., Уфим.губ., Стерлита.у., Покровск.вол., с.Арасланово, убит 19 февр.

14 роты ефр. **Курбангаметов Минибай Мухаметов**, магом., хол., Уфим.губ., Стерлита.у., Бегина-жабуканской вол., без вести 19 февр.

1 роты рядов. **Хасанов Хаирун Мухатов**, магом., жен., Пермск.губ., Екатеринбург.у., Саринск.вол., д.Абдаев, без вести 23 февр. при д.Микув

1 роты рядов. **Хабибум Хасаметдин Азиев**, магом., жен., Саратов.губ., Хвалыинск.у., Ст-Кулат.вол., с.Янзовка, без вести 23 февр.

1 роты рядов. **Ханов Шариф Амер**, магом., жен., Казан.губ., Маманденск.у., Кершанск.вол. и с., без вести 23 февр.

6 роты рядов. **Хайбулин Мухамет Мухамежадыгов**, магом., хол., Уфим.губ., Стерлит.у. (?) Бешкаинск.вол.

7 роты рядов. **Кусайнов Гальян**, магом., жен., Вятск (?) Малмыжск.у., Ямгульск.вол., без вести 23 февр.

7 роты рядов. **Саликов Минагалей Хайбулов**, магом., хол., Уфим.губ., Стерлит.у., Караушинск.вол., без вести 23 февр.

7 роты рядов. **Кашефтдинов Зинуль Зичануров**, Бишканск.вол., без вести 23 февр.

9 роты рядов. **Валешин Хамедула Абдулкабуров**, магом., хол., Уфим.губ., Стерлит.у., д.Анискау...(?)

11 роты рядов. **Камалов Махамедали Мухамула**, магом., жен., Акмол.обл., Петропавл.у., г.Петропавловска, без вести 23 февр.

11 роты рядов. **Самсядинов Байрамгали**, магом., хол., Уфим.губ., Стерлита.у., Покров.вол., Айтугайской, без вести 23 февр.

11 роты рядов. **Шафиуллин Хайрулла**, магом., жен., Перм.губ., Екатеринбург.у., Сариск.вол., Силимана (?), без вести 23 февр.

11 роты рядов. **Лытыпов Исаак Таксеулин**, магом., хол., Казанск.губ., Мамадыжск.у., Железовск.вол., без вести 23 февр.

12 роты рядов. **Ильясов Мазашайдин**, магом., жен., Уфим.губ., Мензел.у., Астанковск.вол., д.Казеева, без вести 23 февр.

12 роты рядов. **Афизов Шакир**, д.Абдулово, без вести 23 февр.

5 роты ефр. **Ахондьянов Темир хан**, магом., жен., Уфим.губ., Мензел.у., Пойсевск.вол., Исянцопово, без вести 25 февр.

*Список №5. Без вести пропавшие 14–26 февраля 1915 г.
(по состоянию на 1 марта 1915 г.)*

1 роты рядов. **Курамшин Газадулла Даулагерей**, магом., жен., Оренб.губ., Орск.у., д.Трохманы, без вести пропал 25 февр.

1 роты рядов. **Базфиулов Гатефула**, магом., жен., Перм.губ., Екатеринбург.у., Сарск.вол. и с., без вести пропал 25 февр.

1 роты мл. у.-о. **Хайруллин Нериматулла**, магом., жен., Казан.губ., Мамадышск.у., Малокерш.вол. и с.

1 роты добр. **Зайтегинов Шариф**, магом., хол., Екатериноссл.губ., Юменск.вол., д.Б-Кукмары, без вести 25 февр.

4 роты рядов. **Шейтахин Анматдин**, магом., жен., Уфим.губ., Мензел.у., Пойсовск.вол., с.Симяково, без вести 25 февр.

4 роты рядов. **Хафизов Мирзахилиф**, магом., жен., Уфим.губ., Белебеевск.у., Куручиевск.вол., д.Синграновой.

4 роты рядов. **Хафизов Файтих**, без вести 25 февр.

2 роты рядов. **Ибрагимов Лагифулла Исмагилов**, магом., жен., Перм.губ., Красноуфимск.у., Сергеевск.вол. и с., без вести 25 февр.

3 роты рядов. **Абдулнасыров Мусальян**, магом., хол., Уфимск.губ., Стерлитам.у., Ксетабанск. (?) вол., Кумаимшево, без вести 25 февр.

7 роты рядов. **Курмакаев Адрахман**, магом., жен., Саратов.губ., Вольск.у., Васильсевск.вол., без вести 25 февр.

*Список №6. Убитых, раненых и пропавших без вести
с 1 по 26 марта 1915 г.*

4 роты ефр. **Мухамед-Хафизов Мухамед**, маг., жен., Уфимск.губ., Мензел.у., Симетровск.вол.

4 роты рядов. **Шейхатинов Лимхтдин (?)** маг., жен., Уфимск.у., Мензел.у., Пайсовск.вол., д.Стимяково

10 роты рядов. **Исмагилов Ибрагим**, маг, жен., Казан.губ., Тютьшск.у., Б.Шелюкшинск.вол.

10 роты рядов. **Рахаткан Камердин**

10 роты рядов. **Галейкуло Хамедуин**, Никирск.вол., д.Болгоярка

10 роты рядов. **Алмаулин Мишваил**, Шемекшинск.вол.

13 роты рядов. **Хайрюлин Гарифулла**, Уфим.губ., Бирск.у., Основск.вол.

13 роты рядов. **Абтрахманов Мухаматин**, магом., хол., Уфим.губ., Бирск.у., Бурайск.вол.

7 роты рядов. **Садеков Бахмут**, магом., жен., Симб.губ., Курм.у., Петраксинск.вол.

Список №7. Потери Болховского полка марта 1915 г.

на высотах юго-западнее дер.Солинки

4 роты ополч. **Хабибулин Абул Габидулов**, магом., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Нуркеск.вол., д.Танчи-Ташак, убит 25 марта

4 роты рядов. **Гардаширов Афимам Ислам-Али**, магом., жен., Уфим.губ., Мензел.у., Баторск.вол., д.Туба

4 роты ополч. **Абубакер Харматулин**, магом., жен., Урал.обл., Минделинск.у., Байсарск.вол., с.Старобик...

4 роты ополч. **Мухаметдинов Шарипор (?)**, Казанск.губ., Тетюш.у., Б.Фурсалов.вол.

4 роты ополч. **Мухамедянов Насыбал Минулин**, магом., хол., Казанск.губ., Тетюш.у., Варижск.вол., с.Картона,

4 роты ополч. **Юсуфов Салахитин Тамербаев**, Б.Яносновск.вол., д.Мингенчева,

4 роты ополч. **Габитев Амескор Хамитов**, Б.-Келеринск.вол., д.Кленча

4 роты ополч. **Гафиатулин Гинатула**, Кишдуранск.вол., д.Маматкул... (?)

Список №8. За 25–31 марта 1915 г.

4 роты рядов. **Фадхатдинов Тархмула Гемлетдинов**, магом., жен., Уфим.губ., Мензел.у., Батарск.вол., с.Биксент

4 роты рядов. **Хизатгислан Шейхлислан**, Старковск.вол., д.Саран

4 роты ополч. **Минагaley Гальякбаров**, магом., хол., Урал.обл., Миндёнск.у., Старокск.вол., д.Сарайлен

4 роты ополч. **Хуснетин Шихавтинов**, магом., жен., д.Утаман

4 роты ополч. **Санфудин Мозомудинов**, магом., хол., Уфим.губ., Мензел.у., д.Старикаш... (?)

4 роты ополч. **Гирфун Мингастинов**, магом., жен., Казанск.губ., Тетюш.у., Сиркинск.вол., д.Кабалов

4 роты ополч. **Гантула Ке...тула (?)**, магом., жен., Уфимск.губ., Мензел.у., Симотр.вол., д.Уменей, убит 25 марта при Цуелло

4 роты ополч. **Секев Ислам Юсуп**, магом., жен., Саратов.губ., Хвалын.у., Шикск.вол., ст.Мостяк

4 роты рядов. **Абдулин Ризван Мифтехатин (?)**, Зимницк.вол., Усы-кулатки

4 роты рядов. **Гимранов Салим**, магом., хол., Кильдуранск.вол., с.Комтово (Коштово?)

4 роты ополч. **Гарифулин Камитула**, магом., жен., Вятск.губ., Сарап.у., Исанбаевск.вол., д.Кадываш... (?)

Список №9. Потеря Болховского полка за апрель 1915 г.

4 роты рядов. **Галотдинов Магландин**, магом., жен., Уфимск.губ., Бирск.у., Калмыкск.вол.

4 роты рядов. **Валиуллин Намбулла**, магом., Бакланск.вол.

4 роты рядов. **Мустафин Минигалий**, С(о)ко-Кармалинск.вол.

4 роты рядов. **Гиззатуллин Нигамет-Улла**

4 роты рядов. **Галилютдинов Илялютдин**

4 роты рядов. **Гамалютдинов Гилялютдин**

4 роты рядов. **Зеатдин Резатин**, магом., Соко-Кармалинск.вол.

4 роты рядов. **Фарукшин Мубаракши**

4 роты рядов. **Миназдинов Набилла**, магом., жен.

4 роты рядов. **Фардынь Камфутдин**, магом., Соко-Кармалинск.вол.

12 роты рядов. **Кабанов Шарифандин Фалхатинов**, магом., жен., Перм.губ., Перм.у., Култаевск.вол. и с.

13 роты рядов. **Мухоматанов Мухамед-Валей**, магом., хол., Оренб.губ., Челябинск.у., Очкинск.вол., д.Эчкулево

13 роты рядов. **Маулютов Гемальтин Бодагдинов**, магом., хол., Уфим.губ., Стерлитама.у., д.Ибраево

14 роты ефр. **Сифидинов Игнатий Искандиров**, Саратов.губ., Хвалын.у., Старо-лебежайск.вол.

15 роты ополч. **Сайфетдинов Сулейман Охметзакир**, магом., Сырмясовск.вол., с.Татарское

1 роты рядов. **Кинзебулатов Абдул**, магом., жен., Уфим.губ., Стерлитама.у., Авандавинск.вол., д.Мурсай

6 роты рядов. **Ибрагимов Хусян**, магом., сведений нет, пропал 27

6 роты рядов. **Мордашин Мувал-Акша**, магом., жен., Самар.губ., Бугурусл.у., Стерлитама.вол.

6 роты рядов. **Валгулин Ташдалла**

6 роты рядов. **Абдулвалеев Абдухак**, Самаруковск.вол., д.Каралы

6 роты рядов. **Кочеров Шай Мухамет**, Стерлитамак.вол., д.Синдук

6 роты рядов. **Махмадьян Мухаметлатинов**, магом., Саморуковск.вол., д.Каралы

*Список №10. Потери нижних чинов Болховского полка
за апрель месяц 1915 г.*

8 роты ополч. Хомиков Абдул Рахман Абдул Мугин (?), Кармаши-
вальск.вол.

Список №13. За апрель 1915 г.

11 роты рядов. **Хусьян Абдул Галимов**, магом., жен., Томск.губ.,
Томск.у., Неизвестновск.вол.

4 роты ополч. **Хасанов Самахдин Хомадинов**, магом., жен., Ка-
занск.губ., Тетюш.у., Ст.Варижеск.вол., д.Картона

4 роты ополч. **Иватулин Физрафман Хайрулин**

4 роты ополч. **Шашв... (?) Хайрула Неболин**, Б.-Келеринск.вол.,
д.Кленча

4 роты ополч. **Визатулин Набиола Ва(лг)оулин (?)**, Самар.губ., Бу-
зулук.у., Старотеплов.вол., д.Нововязовки

6 роты рядов. **Мухамед-Хадиев Мухамед Гариф**, магом., жен., Са-
мар.губ., Бугурусл.у., Стерлита.вол., д.Усяли (?)

6 роты рядов. **Гайдулин Гарифулла**, магом., хол.

6 роты рядов. **Гизятулин Габилла**

6 роты рядов. **Галеев Миргасив**, магом., хол., Самар.губ., Бугу-
русл.у., Стерлита.вол. и с.

6 роты рядов. **Хусаин Мутасип**, д.Агурва

Список №12. За май месяц 1915 г.

3 роты рядов. **Фазизюлин Сайгатула Фазизюлов**, магом., хол., Ка-
занск.губ., Тетюш.у., Староворинск.вол.

3 роты рядов. **Ахметвалиев Лабрахман Кусаедов**, Самар.губ., Бу-
гульмин.у., Самар.вол., д.Корамолы

3 роты рядов. **Заулятбай Атрохман Галиев**, Стерлита.вол.,
с.Сукайш.

6 роты рядов. **Хикматулин Хамидулла**, магом., хол., Самар.губ.,
Бугульм.у., Стерлитамак.вол., д.Стерли...

6 роты рядов. **Мухамет-Галеев Гаргахмет**, Урсалинск.вол., д.Нов.-
Кажирс... (?)

12 роты рядов. **Заиров Мухамет Ла...нов (?)**, магом., хол., Са-
мар.губ., Бугульм.у., Альшецк.вол., д.Верх.Махтань

12 роты рядов. **Назиматдинов Мухамет-Закир Мини... (?)**, ма-
гом., жен.. Самар.губ., Бугульм.у., Верх.-Кармасовск.вол.

11 роты рядов. **Габдулафиров Габиллафит**, магом., хол., Самар.губ., Бугульм.у., Тол-юроговск.вол., с.Солпенское, 24 мая

11 роты ратн. **Гилятзетдинов Илятзидин**, магом., жен., Самар.губ., Бугульм.у., Томозовск.вол., с.Солпенское, 24 мая

11 роты ратн. **Гатаулин Минаратых**

Список №17. Убитых за июнь месяц 1915 г.

8 роты ополч. **Хайритдинов Багаутдин**, магом., жен., Казан.губ., Чистопольск.у., Старо-Сосенск.вол., Старо-Ормановской

11 роты рядов. **Гильфанов Мюшгата**, магом., хол., Самар.губ., Бугульм.у., Кузаевск.вол., д.Иштырак

11 роты ополч. **Нигматжанов Ахматжан**, магом., жен., Казанск.губ., Лаиш.у.. Бол.-Кобахутинск.вол., д.Микашабанской

11 роты рядов. **Гейнулин Галиахмет**, магом., жен., Уфим.губ., Стерлитамак.у., Кармеевск.вол., д.Сакмаинск

11 роты рядов. **Казаргулов Малахатдин**, магом., жен., Уфим.губ., Стерлитамак.у., Анзайск.вол., д.Бол.-Байгов (?)

11 роты рядов. **Каримов Юнос Идрисов**, магом., хол., Перминск.вол., д.Катлуни

5 роты рядов. **Мухамедьянов Газизьян**, магом., Шумбутск.вол., д.Котло-Букаш

5 роты рядов. **Валеев Шамей-Вали**, Ураксинск.вол., д.Ниж-Темерликов

Список №18. Пропавшие без вести за июнь 1915 г.

2 роты ратн. **Бикбаев Нургалий Шигалиев**, магом., хол., Уфим.губ., Стерлитама.у., Карамышск.вол., Яночингант...

2 роты ратн. **Фатхулин Харматула Шветаулин**

2 роты ратн. **Котлумухаметов Ярмухамет**, магом., хол., Уфим.губ., Стерлитама.у., Пестровск.вол., д.Кузяновки

2 роты ратн. **Сайтмухаметов Абдулла**, магом., хол., Уфим.губ., Стерлитама.у.

2 роты ратн. **Сафин Мухамет Лафа**, магом., жен., Казанск.губ., Лаишевск.у., Дорожавин.вол., д.Пешева (?)

2 роты ратн. **Абдульманов Шагильдула Галимула**, Ватошевск.у., Кавакатинск.вол., д.Макса

2 роты ратн. **Югутдин Ахметгалей Гемалин**, магом., хол., Макарск.вол., Арметен... (?)

2 роты рядов. **Теляголов Гесьман Сафуганов**, магом., жен., Кире-
косацк.вол. (?)

2 роты рядов. **Салемьянов Нургалей Нургалеев**, магом., хол., Ка-
рамышск.вол., д.Скаленки

3 роты рядов. **Хайбулин Шатдулин Хайбулин**, магом., хол., Кобя-
козенск.вол., д.Бол.-Кобякозы

3 роты рядов. **Сидыков Галим**, Урахчинск.вол., Верх.-Темерлин.

3 роты рядов. **Хафизулин Абдулахмет**

3 роты рядов. **Мосин Абдулмазит**, Бетьковск.вол., Бол.-Кинкуши

3 роты рядов. **Димухаметов Альмухамет**, магом., жен., Урах-
чинск.вол., д.Ямаш

3 роты рядов. **Данмухаметов Салик Баригетов**, магом., хол.,
Уфим.губ., Стерлитама.у.

3 роты ратн. **Кинжелатов Кажемхет Хоматов**, магом., жен.,
Уфим.губ., Стерлитама.у., Петровск.вол., д.Кузянова

3 роты ратн. **Абдулвалиев Хабдухай Абдулхаликов**, Ки-
рей(ка?)сачинск.вол., д.Кучуны

3 роты рядов. **Хабидинов Зинур Габдулов**, магом., Азнайск.вол.,
д.Пусокалы (?)

3 роты рядов. **Гантыгафоров Габдрахман**, Кармашинск.вол.,
д.Янкинской

3 роты рядов. **Ижаков Габидула Мухамадулов**, Азнайск.вол.,
д.Кинжебулатки

3 роты рядов. **Гафоров Абдул Абдурахманов**, магом., хол., Са-
рат.губ., Петровск.у., Палковск.вол., д.Сурловка

4 роты ополч. **Гарифулла Набиулин**, магом., сведений нет

7 роты ефр. **Зайнетдинов Наумян**, магом., жен., Симб.губ.,
Курм.у., Петраксинск.вол.

7 роты рядов. **Ахназаров Юмагул**, магом., жен., Самар.губ., Ни-
кол.у., Кулябаевск.вол.

7 роты ратн. **Камалтынов Ард(а)ула**, магом., жен., Казанск.губ.,
Лаишск.у., Исельбутск.вол.

7 роты ратн. **Хаерулин Габдрахман**, магом., жен., Казанск.губ.,
Лаишск.у., Украинск.вол.

7 роты ратн. **Невретдинов Велялетдин**, магом., хол., Нижегор.губ.,
Сергачск.у., Гривашск.вол.

7 роты рядов. **Киитбаев Багсутдин**, магом., жен., Азнайск.вол.

6 роты рядов. **Габдулжапаров Рахматулла Сафулов**, магом., хол.,
Уфимск.губ., Стерлитама.у., Казамыжск.вол., д.Скаинской, 2 июня при
Мельники

- 6 роты рядов. **Гафаров Хабирахман Газелин**, магом., жен., Уфим.губ., Стерлитам.у., Петроков.вол., д.Кузьяиновой
- 6 роты новобр. **Гизатулин Ахматша**, магом., хол., Уфим.губ., Стерлитам.у., Ознайск.вол., д.Оптекской
- 6 роты новобр. **Валидов Абдул Бари**, магом., хол., Уфим.губ., Стерлитам.у., Петровск.вол., с.Кузьянское
- 6 роты новобр. **Нагиманов Абдул-Гата**, магом., хол., Уфим.губ., Стерлитам.у., Кармишевск.вол., д.Алатани (?)
- 11 роты ополч. **Валимухамедов Абдул**, магом., жен., Оренб.губ., Челябин.у., Карасевск.вол., д.Сумаклиной
- 14 роты рядов. **Хомедяров Синатулла Сайбатулгин**, магом.
- 14 роты рядов. **Сайфитдинов Нишвль (?) Сайфулла**, Самар.губ., Бугульм.у., Туматукск.вол., д.Сал(т)инск
- 14 роты рядов. **Комалтинов Масяр Ахмадулин**
- 14 роты рядов. **Садыков Мухамедсафар**
- 14 роты рядов. **Ахмадшин Сибиршан**
- 14 роты рядов. **Мухамедгариев Кумаятдин Ахмедгариф**
- 14 роты рядов. **Саегултанов Фазлахмед**
- 14 роты рядов. **Булдынов Мухаметгарей Исламгарей**, Бугульм.у. и вол., Сакальской
- 14 роты рядов. **Хаметзулин Калимулла Сайфула**, Казан.губ., Спасск.у., Старобаржинск.вол.
- 14 роты рядов. **Габдулла Хомедзян Адбрахман**, Самар.губ., Бугульм.у., Урсалинск.вол., д.Угвауц (?)
- 14 роты рядов. **Ильясов Габдрахман Габисай**
- 14 роты рядов. **Ханисов Мухамедсадир**
- 14 роты рядов. **Шарипов Сахадулин**
- 14 роты рядов. **Ахмедгарим Абзалтин**, д.Кашар
- 14 роты рядов. **Асмалгалеи Исмагил**
- 14 роты рядов. **Нургалеи Минихади** (? – неразб.)
- 14 роты рядов. **Нигматуллин Габдула**, магом., хол., Туматск.вол., д.Саенколь
- 14 роты рядов. **Сабиров Мухаметжан**
- 14 роты рядов. **Егатисамов Хасан**
- 14 роты рядов. **Гамалтинов Миннигазул**
- 14 роты рядов. **Сайфулин Зайнула**, Казан.губ., Спасск.у., Мурсинск.вол., д.Алнар
- 14 роты рядов. **Хайритдинов Гарафиулин**, Тумат(ук)ск.вол., д.Нов.Галый

14 роты рядов. **Мафиатулин Гизматула**, Самар.губ., Бугульм.у., Кишинск.вол., д.Армушил (?)

14 роты рядов. **Бакшухамет Мухамед-Шакир**, Мордов.вол., д.Верхн.Чагдей

14 роты рядов. **Набиулла Лазидулла**, магом., жен., Уфим.губ., Мензел.у., Томачевск.вол. и с.

14 роты рядов. **Хасанов Мирсад**, магом., хол., Самар.губ., Бугульм.у., Туматукск.вол. и д.

14 роты рядов. **Гамаетулин Насибулла**

14 роты рядов. **Ахмадзариф Хамеджариев**

14 роты рядов. **Садердин Фаухратдин**

14 роты рядов. **Исламгариев Минингарей**, магом., хол., Урса-линск.вол., д.Надирса

14 роты ополч. **Мухамедгариев Хазиахмед**, магом., Катаевск.вол. и с.

10 роты рядов. **Валиев Абдул Загидула**, магом., хол., Уфим.губ., Стерлитам.у., Гилекожаковск.вол. и с.

10 роты рядов. **Амиров Калимулла Ахмадулла**, Карминск.вол.

10 роты рядов. **Дургалиев Абдрахман**, Азнайск.вол., д.Кинзибулы

10 роты рядов. **Умаргали Абдулабабов**, д.Развийской

10 роты рядов. **Савитов Габдул Кавир**, магом., хол., Уфим.губ., Стерлитам.у., Ознайск.вол.

10 роты рядов. **Имангулов Мухадил**, Кормишевск.вол., д.Ербиняковской

10 роты рядов. **Хайбула Гайнула Калимулла**, Азнайск.вол., д.Гажине... (?)

14 роты рядов. **Шакиров Ахмедян**, магом., хол., Самар.губ., Бугульм.у., Шумацк.вол.

14 роты рядов. **Нургали Абдулвахит**, магом., хол., Оренб.губ., Челябинб.у., Очкинск.вол. и с.

14 роты рядов. **Абтрахманов Габидула Хазинов**, Уфим.губ., Стерлитам.у., Редаевск.вол., с.Меркиташского

14 роты рядов. **Рофиков Салахтдин Заринов**, д.Кармело

Список №19. Июль 1915 г. 138-го пехотного полка убитых

12 роты ефр. **Нагнулов Михбахматдин Абрахман**, магом., хол., Самар.губ., Ставроп.у., Берязинск.вол., с.Абдулка, 1 июля

12 роты рядов. **Ямилев Хаким Каримов**, магом., жен., Уфим.губ., Стерлитам.у., Ознейковск.вол., д.Уразвайской

6 роты ефр. **Серазетдинов Хуснетдин**, магом., жен., Казан.губ., Лаишск.у., Бол.-Минтуленск.вол. и с.

8 роты ополч. **Сибгатулин Гамитула**, магом., жен., Казан.губ., Лаишск.у., Шумбутовск.вол., д.Кочевской, 13 июля

Список №20. Июль 1915 г. Убитые и раненые

11 роты рядов. **Кутматмахотов Иблиамиш Закрин**..., магом., хол., Уфим.губ., Стерлитам.у., Арисландск.вол., д.Верх.-Ташевской, 3 июля

11 роты рядов. **Гамаакбер Рамазан**, магом., жен., Самар.губ., Новоузен.у., Пилединск (?)

Список №21. Потери за июль 1915 г. Пропавшие без вести

9 роты ефр. **Сулейманов Телеха (?) Санфимабрахманов**, магом., хол., Уфим.губ., Стерлитам.у., Зудовязков.вол. и д.

9 роты рядов. **Ахмедян Ахмуд**, маг., хол., Уфим.губ., Стерлитам.у., Киракипсарск.вол., д.Стар.-Сантан

2 роты рядов. **Шарафутдинов Галимулла Халитулов**, маг., жен., Уфим.губ., Стерлитам.у., Карамыш.вол., д.Тугаево

3 роты ефр. **Мустиаев Мухамет Карим Футкулов**, маг., Больш.-Бородацк.вол., с.Серебряково

7 роты рядов. **Абельфемезов Режат**, маг., жен., Уфим.губ., Стерлитам.у., Азнайск.вол.

7 роты рядов. **Каримов Бахтыгорей**, прав., хол., Уфим.губ., Стерлитам.у., Азайск.вол. и с.

7 роты рядов. **Фандух Исхак**, маг., хол., Кармишск.вол.

7 роты ратн. **Башибратов Харис**, маг., жен., Самар.губ., Никол.у., Хужебийск.вол. (? – неразб.)

7 роты мл. у.-о. **Багаутдинов Мингас**, маг., жен., Акмол.обл., Акмол.у., Никольск.вол.

7 роты рядов. **Кабиров Ахмет-Наки**, маг., жен., Уфим.губ., Белебеев.у., Н.-Матулинск.вол.

7 роты рядов. **Касимов Ромазан**, Вятск.губ., Глазов.у., Святогорск.вол.

7 роты рядов. **Саликов Махаметзян**, маг., хол., Саратов.губ., Аткарск.у., ст.Абашинская

11 роты ратн. **Саратцыпов Солях**, маг., жен., Казан.губ., Цар-Кокшайск.у., Сотнурск.вол., д.Гойкнарат.

11 роты рядов. **Гнязетдинов Гаметзедул**, маг., хол., Самар.губ., Бугульм.у., Тиматоков.вол., с.Солпенское (? – неразб.)

11 роты рядов. **Мухамедин Гарифзян**, маг., хол., Самар.губ., Никол.у., Томоговск.вол. (? – неразб.)

11 роты рядов. **Габурьян Габтрауфас**, маг., хол., Самар.губ., Бугульм.у., Толютоковск (? – неразб.) вол., д.Сосенское

11 роты рядов. **(Н)уреклад Абдул Хватег**, маг., хол., Уфим.губ., Башаульск.у. (?), дер.Улукулы и вол.

11 роты рядов. **Матагдуинов Шашметдин**, маг., жен., Казан.губ., Лаиш.у., Поповск.вол., д.Трюк

11 роты ополч. **Шарипов Вали**, маг., жен., Казан.губ., Лаишск.у., Зюзинск.вол., д.Тумут Серхей (?)

11 роты ополч. **Назамутдин Гаимутдин**, Уракчинск.вол., д.Кленчево

5 роты рядов. **Комалтинов Минула Калантин**, маг., жен., Уфим.губ., Мензел.у., Останков.вол., с.Абдулово

12 роты рядов. **Кебанов Тарифатдин Фасхатдин**, маг., хол., Перм.губ., Перм.у., Култаевск.вол. и с.

12 роты рядов. **Хутнитдинов Садырдин Сабахатдинов**, маг., хол., Самар.губ., Бугульм.у., Секанск.вол., с.Каразирск...

12 роты рядов. **Потемкин Фахардин Сандудин**, маг., хол., Верх Кармальск.вол. и с.

12 роты рядов. **Абдурнасыров Минибей Гиматдин**, маг., хол., Уфим.губ., Стерлитам.у., Карамыжск.вол., д.Якозикаям

12 роты ополч. **Исламулов Гусаметдин Исламетдин**, маг., хол., Уфим.губ., Стерлитам.у., Ознайск.вол., д.Уразвийско...

12 роты рядов. **Гиляметдинов Сираматдин**, маг., жен., Уфим.губ., Стерлитам.у., Кармашевск.вол., с.Ишинь

6 роты рядов. **Богаутдинов Ибрагим**, маг., хол., Самар.губ., Бугульм.у., Стерлитам.вол., д.Сандук

6 роты рядов. **Искандаров Исаак Шанхрисламов**, маг., хол., Самар.губ., Бугульм.у., Стерлитам.вол., д.Сандук

8 роты рядов. **Магдовлетов Нагиман**, маг., жен., Уфим.губ., Стерлитам.у., Ознайск.вол., д.Атекской

8 роты рядов. **Рофиков Муфтахутдин**, маг., хол., Уфим.губ., Стерлитам.у., Кармишин.вол.

10 роты рядов. **Арсало Хасамутдин Гауриф**, маг., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Заменилак.вол.

10 роты рядов. **Мухаметов Шаразидин**, маг., хол., Самар.губ., Бугульм.у., Мардовск.вол., с.Чагильби

10 роты рядов. **Шайдулин Сахиула**, маг., жен., Самар.губ., Бугульм.у., (Т)уматск вол. и с.

10 роты рядов. **Каламулин Минимухамет**, маг., хол., Тумацк.вол. и с.

10 роты рядов. **Юнасов Идрис**

10 роты рядов. **Ахмед-Зарипов Ахмед-Гарий**

10 роты рядов. **Ахмадчук Хабибула**, Мордовск.вол., д.Ниж.-Чагоды

10 роты рядов. **Галинтинов Паших**, Казан.губ., Казан.у., Алодск.вол., д.Терняш

10 роты рядов. **Игматулин Садык**

10 роты рядов. **Галимов Илиш...фик** (? – неразб.) **Мухамедов**, маг., Екатеринб.у., Карабельск.вол., д.Барденино

Список № 22. Потери за июль 1915 г.

10 роты рядов. **Ахмадулин Валиев Бакир**, маг., жен., Уфим.губ., Стерлитама.у., Карагущк.вол., Халкаево, 19 июля

Список №23. За июль 1915 г. убитых нижних чинов

12 роты ополч. **Факертынов Ямельтин**, маг., жен., Нижегород.губ., Сергач.у., Грибановск.вол., с.Шубино, 28 июля

Список №25. За август 1915 г. убитых нижних чинов

11 роты рядов. **Нуракмат Абдул Фатеев**, маг., жен., Уфим.губ., Бирск.у., д.Улукулы

Список № 28. За август 1915 г. пропавших без вести

11 роты рядов. **Эсупов Сангалей**, маг., сведений нет

11 роты рядов. **Мухаметзулин Изедым**, маг.

2 роты рядов. **Теляголов Гельман Сафуганов**, маг., жен., Уфим.губ., Стерлитама.у., Киргиз-койсацк.вол.

3 роты рядов. **Урмесов Ибрагим Ишматули**, маг., хол., Симбирск.губ., Сингелеев.у., Старо-Тимошкин.вол. и д.

4 роты ефр. **Минерахметов Лотрахмет Зегель**, маг., хол., Бугульм.у., Казайкинск.вол.

4 роты рядов. **Шарафетдинов Манасип Илиош**, маг., хол., Уфим.губ., Стерлитама.у. Макаров.вол., д.Армитрофинова

9 роты рядов. **Шакиров Мухаметхавис**, маг., хол., Спасск.у., Кузнечихин.вол., д.Кашель-бал Татарский

8 роты ополч. **Азнаюлов Ганитдин Солов**, маг., жен., Тамб.губ., Темник.у., Стрельников.вол., д.Тенишева

Список №33. Убитые за октябрь 1915 г.

8 роты рядов. **Мамин Умар Муссов**, маг., хол., Пенз.губ., Керенск.у., Черкас.вол., с.Николева, 18 окт.

Список №35. Убитые за ноябрь 1915 г.

10 роты рядов. **Савитов Абдул Невир Фочесийман**, маг., хол., Уфим.губ., Стерлитама.у., Азнаинск.вол., с.Гонамское, 6 ноября

Список №36. Убитые за ноябрь и декабрь 1915 г.

12 роты рядов. **Кутловаев Музоголей Тамугали**, маг., хол., Уфим.губ., Стерлитама.у., Ораганск.вол., 28 дек.

1916 г.*Список №44. За март-апрель 1916 г.*

12 роты рядов. **Тимаркаев Хабибула**, маг., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Сухарск.вол., д.Молята, убит 30 марта

Список №50. Без вести пропавшим и попавшим в плен нижним чинам за июнь месяц 1916 г.

15 роты рядов. **Яролин Габдула**, маг., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Ерсубаев.вол., попал в плен 10 июня под дд.Дранче Польская и Дранче Русская

15 роты рядов. **Мингалимов Мухамет-Гата**, маг., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Ерсубаевск.вол., попал в плен 10 июня под дд.Дранче Польская и Дранче Русская

15 роты рядов. **Сибигатула Асодул**, маг., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Ерсубакинск.вол., попал в плен 10 июня под дд.Дранче Польская и Дранче Русская

15 роты рядов. **Фархутдин Назип**, маг., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Ерсун... попал в плен 10 июня под дд.Дранче Польская и Дранче Русская

15 роты рядов. **Ахмедьев Шакир**, маг., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Ерсубакин.вол., попал в плен 10 июня под дд.Дранче Польская и Дранче Русская

15 роты рядов. **Губадильбергов Мухамет-Гата**, маг., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Ерсубак.вол., попал в плен 10 июня под дд.Дранче Польская и Дранче Русская

15 роты рядов. **Котарваков Ибрагим**, маг., жен., Оренб.губ., Орск.у., 2-й Усергантск.вол., попал в плен 10 июня под дд.Дранче Польская и Дранче Русская

Список №57. Убитые за июнь 1916 г.

15 роты рядов. **Хамулин Киомутдин**, маг., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Ерсубакин.вол., 4 июня под Дранче Польска и Дранче Русская

5 роты рядов. **Шайхатаров Сабир Мухаметов**, маг., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Кускойск.вол., 4 июня под Дранче Польска и Дранче Русская

13 роты рядов. **Сидиков Габдул-хай**, маг., хол., Казан.губ., Свиж.у., Кушманск.вол., под Дранче Польска и Дранче Русская, 20 июня

6 роты рядов. **Курдовлятов Давлетбай Мухаметов**, маг., хол., Оренб.губ., Оренб.у., Бурчан-котаевск.вол., под Дранче Польска и Дранче Русская, 22 июня

4 роты рядов. **Халиков Ибрагим Газизов**, маг., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Кузекиевск.вол., под Дранче Польска и Дранче Русская, 29 июня

Список № 53. Убитые за июль 1916 г.

14 роты рядов. **Мавлекасов Шайчула Мендин**, маг., хол., Херс.губ., Елисаветград.вол., Перв.-Карякой (?), 4 июля под д.Тростянец

16 роты рядов. **Гарифулин Сайфулла Гайтуллин**, маг., жен., Самар.губ., Бугульм.у., Секанск.вол., 29 июля под д.Тростянец

16 роты ополч. **Илялетдинов Хаерпын** (?), маг., хол., Самар.губ., Бугульм.у., Стерлитам.вол., 29 июля под д.Тростянец

8 роты рядов. **Мухатинов Захрутин**, маг., жен., Казан.губ., Лаишск.у., Панавуск.вол., 29 июля под д.Тростянец

10 роты рядов. **Моборакшин Мисбахтдин**, маг., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Сухаревск.вол., 28 июля под д.Тростянец

2 роты рядов. **Хамидуллин Курмухамет**, маг., хол., Уфим.губ., Мензел.у., 30 июля под д.Тростянец

2 роты рядов. **Абдрахманов Мархирахман**, 30 июля под д.Тростянец

Список №55. Убитые за август 1916 г.

11 роты рядов. **Райнгужин Абдулгазиз Гумердаков**, маг., жен., Оренб.губ., Орск.у., 1-й Сарагайск.вол., убит 29 июля при д.Тростянец

11 роты рядов. **Гиниатуллин Курила... (?) Минибудов**, маг., хол., Уфим.губ., Мензел.у., д.Нижн.Обдом, убит 29 июля при д.Тростянец

11 роты рядов. **Кульбай Давлетук Натулин**, маг., жен., Оренб.губ., Орск.у., д.Юнасово, убит 29 июля при д.Тростянец

8 роты рядов. **Абдулгафонов Абрамхан**, маг., жен., Уфим.губ., Стерлитама.у., Кармышен.вол., убит 3 авг. под д.Харбугув

13 роты рядов. **Салахутдинов Фатахутдин**, маг., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Ерсубакин.вол., убит 3 авг. под д.Харбугув

6 роты рядов. **Габрашитов Газис Валиев**, маг., хол., Оренб.губ., Оренб.у., Муратаевск.вол., убит 3 авг. под д.Харбугув

6 роты рядов. **Явбаров Гимятдин Галимов**, маг., хол., Оренб.губ. и у., Новотруевск.вол., убит 3 авг. под д.Харбугув

6 роты рядов. **Сирваев Мухамет**, маг., хол., Оренб.губ. и у., 2-й Каракипчайск.вол., убит 3 авг. под д.Харбугув

16 роты рядов. **Валиуллин Хайзула**, маг., жен., Оренб.губ., Орск.у., убит 3 авг. под д.Харбугув

8 роты рядов. **Минигалимов Мухаметхат**, маг., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Ерсубакин.вол., 18 при мест Зборов

15 роты ефр. **Фасафутдинов Саифутдин**, маг., хол., Казан.губ., Спасск.у., Алексеев.вол., 19 при мест Зборов

15 роты рядов. **Сафиуллин Мухамет Гариф**, маг., хол., Казан.губ. и у., Тишинск.вол., 19 при мест Зборов

Список №57. Без вести пропавших нижних чинов за авг. 1916 г.

11 роты рядов. **Сабиров Мухамет Фатых**, маг., жен., Уфим.губ., Мензел.у., Наркиев.вол., 29 июля при д.Тростянец

11 роты рядов. **Кашафутдин Мавлядин**, маг., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Байсарск.вол., 29 июля при д.Тростянец

Список №58. Убитым нижним чинам за сент. 1916 г.

5 роты рядов. **Гапсатаров Габдулсалих**, маг., хол., Уфим.губ., Мензел.у., с.Такталочик, убит 3 сент в бою у д.Ярославец

5 роты рядов. **Гильманов Миннигат**, Уфим.губ., Мензел.у., Ярсвайск.вол., убит 3 сент в бою у д.Ярославец

5 роты рядов. **Сафин Касимов**, маг., жен., Уфим.губ., Мензел.у., Ярсвайск.вол., убит 3 сент в бою у д.Ярославец

5 роты рядов. **Косымбаев Мухамет Гарим**, маг., жен., Семиреч.обл., Катальск.у., Б...ак – Сульск.вол., убит 3 сент в бою у д.Ярославец

5 роты рядов. **Хакимов Ваффа Мухамед**, маг., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Яровайск.вол., убит 3 сент в бою у д.Ярославец

6 роты рядов. **Даутов Гимятдинов(?)** маг., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Сухарев.вол., убит 3 сент в бою у д.Ярославец

6 роты рядов. **Нуртынов Гарифула**, маг., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Сухарев.вол., убит 3 сент в бою у д.Ярославец

7 роты рядов. **Нордин Гайнетдинов**, маг хол Каз Спасск. Левашевск вол. 3 сентября

8 роты рядов. **Валеев Лафа**, маг., 10 сентября

10 роты рядов. **Юнусов Монгалей**, маг., жен., Уфим.губ., Белебеев.у., Емакульск.вол. 14 сент под д.Баткув

10 роты рядов. **Садыков Мустафа Шазизов**, маг., хол., Нижегород.губ., Васильсурск.у., Ургиневск.вол., 22 сентября

16 роты рядов. **Латыпов Файзылгдин Кургалеев**, маг., хол., Уфим.губ. и у., Абайск.вол., 19 сентября

Список №59. Без вести пропавшим нижним чинам за сент. 1916 г.

1 роты рядов. **Насыбулин Аглула Насыбулов**, магом., жен., Самар.губ., Бугурусл.у., Ботагорск (?) вол., пропал 3 сент под д.Ярославице

1 роты мл. у.-о. **Симинеев Шакир Хайбулинов**, маг., хол., Тамб.губ., Темник.у., Новосельск.вол., 4 сентября

14 роты рядов. **Шарафутдин Зарип**, маг., хол., Самар.губ., Бугульм.у., Тумутуков.вол. 4 сентября

12 роты рядов. **Ильясов Хафиз Ильсов**, маг., жен., Уфим.губ., Мензел.у., Астайков.вол., 10 сентября

14 роты рядов. **Гельманов Шашарза**, маг., хол., Казан.губ., Лаиш.у., Юздринск.вол., 22 сентября под д.Баткув

14 роты рядов. **Гафуров Мухамет**, маг., жен., Самар.губ., Бугурусл.у., 22 под д. Баткув

14 роты рядов. **Валеев Габдурахман**, маг., хол, Самар.губ., Бугульм.у., д.Лихо, 22 под д. Баткув

2 роты рядов. **Батритдинов Савартин Габдулахмет**, маг., хол., Уфим.губ., Белебеев.у., Кариячдинск.вол., 22 под д. Баткув

2 роты рядов. **Ахъярдинов Маргазин Хабишинов**, Калмажск.вол., 22 под д. Баткув

2 роты рядов. **Шаговалеев Шагидахмет**, маг., хол., Уфим.губ., Мензел.у., 22 под д. Баткув

8 роты рядов. **Майхандаров Габдувар**, маг., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Сухарев.вол.

12 роты рядов. **Бикташев Мингалей**, маг., хол., Уфим.губ., Белебеев.у., Назайватск.вол.

1 роты рядов. **Валиахметов Могнеахмет**, маг., жен., Уфим.губ., Златоуст.у., Марзолорск.вол., 22 под д.Баткув

1 роты рядов. **Аресламбаев Абдрахим**, маг., хол., Оренб.губ., Оренб.у., Бурьян-Кипчакск.вол., 22 под д.Баткув

1 роты рядов. **Атлыбаев Шишенелов**, Оренб.губ., Орск.у., с.Пятой Усерганов, 22 под д.Баткув

1 роты рядов. **Гантрахимов Миналей**, маг., хол., Уфим.губ., Белебеев.у., Менеузбашев.вол., 22 под д.Баткув

2 роты рядов. **Халиков Мухамет Абдул**, маг., жен., Казан.губ., Тетюш.у., Шумбуц.вол.,

2 роты рядов. **Шагифулов Зайнула**, маг., жен., Самар.губ., Самар.у., Степно-шайтанск.вол.

Список №? Раненые за сент. 1916 г.

(в том числе «ранены и остались на поле сражения»)

12 роты рядов. **Латхулин Ахмет ...** (оборвано), маг., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Альмет-Мулинск.вол. остался на поле сражения 3 сент.

16 роты рядов. **Сейвапталов Урас**, маг., жен., Перм.губ., Шадринск.у., Ичкинск.вол., остался на поле сражения 3 сент.

Список №60. Убитым нижним чинам 138 пп за октябрь 1916 г.

2 роты рядов. **Исупов Идрис**, маг., хол., Уфим.губ., Златоуст.у., Дуван-Мечетлинск.вол., 14 октября

Список №62. Без вести пропавшие за окт. 1916 г.

10 роты рядов. **Сагайтулин Хайрулла**, магом., жен., Уфим.губ., Мензел.у., Бедкинск.вол., пропал 12 окт у д.Звыжин

10 роты рядов. **Сегнатулин Гафиатула**, магом., хол., Белебеев.у., Кормдонск.вол., пропал 12 окт у д.Звыжин

11 роты рядов. **Подулжалиев Кадьян**, магом., хол., Оренб.губ., Оренб.у., Каракальск.вол., 14 октября

11 роты рядов. **Сабиров Мухамет Фатых**, Уфим.губ., Мензел.у., Поркиевск.вол., 14 октября

11 роты рядов. **Кульбаев Давлетсук Натулин**, магом., жен., Оренб.губ., Орск.у., д.Юкосова, 14 октября

11 роты рядов. **Мингайдаров Хабибула Мингадари...**, магом., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Сахарск.вол., 14 октября

12 роты рядов. **Галлудинов Шариф**, магом., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Ерсубаевск.вол., 14 октября

Список №64. Убитые за ноябрь месяц 1916 г.

16 роты рядов. **Муканяев Хасан Юсупов**, магом., хол., Саратов.губ., Хвалынский.у., Средне-Терешкинск.вол., д.Ю.-Терешки, убит 28 окт у д. Кудыновце

14 роты ефр. **Гафуров Нуруахмет**, магом., жен., Самар.губ., Бугульм.у., Альметьевск.вол. и с., убит 25 ноября

Список №65. Раненым нижним чинам за декабрь 1916 г.

(в т.ч. и умершим от ран)

4 роты рядов. **Садыков Минибай**, магом., хол., Уфим.губ., Златоуст.у., Верхне-Качинск.вол., ранен 26 дек в р-не ст.Зборов и д.Кудыновце, умер от ран 27 дек.

Список №66. Убитые за декабрь 1916 г.

1 роты .....?.... **Ахметкали Бакмухаметов**, магом., жен., ...?..., Уф. ... (срезан край в архивном документе – прим. авт.)

6 роты рядов. **Фасхутдинов Аглумутулла**, магом., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Ярцевск.вол., убит 24 дек.

7 роты рядов. **Ахматдянов Салмиян**, магом., хол., Уфим.губ., Златоуст.у., Де...мовск. (?) вол., убит 27 дек.

Список №69. Убитым нижним чинам за февраль 1916 г.

1 роты рядов. **Якубов Шакир**, магом., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Языковск.вол., убит 1 февр. у д.Кабаровце

13 роты рядов. **Гузаер Якофер**, магом., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Ярец-ва(л)евск.вол.

13 роты рядов. **Аптыков Альтын Хаясетинов**, магом., жен., Перм.губ., Осинск.у., Юлпачекск.(?) вол.

1917 г.

Список №71. Без вести пропавшим нижним чинам за февраль 1917 г.

1 роты рядов. **Егоноров Закир**, магом., хол., ... Златоуст.у., Носовашск.вол. без вести 1 февр у д.Кабаровце

1 роты рядов. **Мухарамов Шарифулла**, магом., жен., Уфим.губ., Златоуст.у., Еланулинск.вол., без вести 1 февр у д.Кабаровце

1 роты рядов. **Голенбаров Шемахамет**, Уфим.губ., Мензел.у., Стайповск.вол. (?), без вести 1 февр у д.Кабаровце

1 роты рядов. **Валиуллин Рахимжан**, Уфим.губ., Златоуст.у., Еланск.вол., без вести 1 февр у д.Кабаровце

1 роты рядов. **Ялышев Саберзян**, магом., жен., Тамб.губ., Темник.у., Стрелецк.вол., без вести 1 февр у д.Кабаровце

1 роты рядов. **Нураев Алим**, магом., жен., Тамб.губ., Темник.у., Стрелецк.вол., без вести 1 февр у д.Кабаровце

1 роты рядов. **Азангулов Сантгарей**, магом., хол., Оренб.губ., Орск.у., Король-косацк. (? Кара-кайсацкской?) вол., без вести 1 февр у д. Кабаровце

1 роты рядов. **Семетдинов Мензеахмед**, магом., хол., Уфим. губ., Златоуст.у., Кишнинск.вол., без вести 1 февр у д. Кабаровце

1 роты рядов. **Тухметуллин Нерулла**, магом., хол., Уфим.губ., Белебеев.у., Кильшокск.вол., без вести 1 февр у д. Кабаровце

1 роты рядов. **Гайбададулин Шахисман**, магом., жен., Уфим. губ., Стерлит.у., Рязановск.вол., пропал 1 февр.

2 роты рядов. **Шархитдин Бахтисуджа**, магом., хол., Уфим. губ., Златоуст.у., Дуван-мечетск.вол.

2 роты рядов. **Якубов Юнас**, магом., хол., Уфим. губ., Белебеев.у., Трайташинск.вол.

2 роты рядов. **Бахтияров Камальдин Хасисов**, магом., хол., Пенз. губ., Инсар.у., Потшевск.вол.

3 роты рядов. **Жиганоров Зинор Сулиманов**, магом., хол., Уфим. губ., Златоуст.у., Верх.-Уфимск.вол.

3 роты рядов. **Закиров Вахридин Габдулеров**, Ирбаевск. вол.

3 роты рядов. **Зинатулин Галимулла**, Верхне-канск. вол.

3 роты рядов. **Митызим Миниалиев**, магом., жен., Уфим. губ., Белебеев.у., Черносанск. вол.

3 роты рядов. **Мухтадин Сагдатинов**, Златоуст. у., Верх-коганск. вол., пропал 1 февр.

4 роты рядов. **Сахаутдинов Гильмандинов**, магом., хол., Уфим. губ., Златоуст.у., г.Златоуста

- 4 роты рядов. **Сафаргалиев Мухамет Галиев**, Мурзаларск. вол.
4 роты рядов. **Гильмадинов Шарифулла**, Верхне-келинск. вол.
4 роты рядов. **Хабибула Габайдулин**
4 роты рядов. **Незаметдинов Мухамет-Нор**
4 роты рядов. **Гатауллин Насибулла**
4 роты рядов. **Мухаметханов Габлул Хай**, магом., хол., Уфим. губ.,
Златоуст. у., Верхне-кулинск. вол.
4 роты рядов. **Мафтахитин Фатхатин**, магом., хол., Уфим. губ.,
Белебеев. у., Шкодитск. вол.
4 роты рядов. **Сайфутдинов Гильматдин**, Мензел.у., Осташ-
ковск. вол.
4 роты рядов. **Одигамов Исмаил Сахаутдинов**, Нижегород. губ., Ва-
сильсурск. у., Андреевск. вол.
4 роты рядов. **Надершин Якоб**, магом., жен., Оренб. губ., Аршан.
(Орск?) у., Притибуринов. вол.
4 роты рядов. **Шайхутдин Гильмандинов**, магом., хол., Казан.губ.,
Казан.у., Орск. вол.
4 роты рядов. **Габидулин Зинатулла**, магом., хол., Симб. губ., Бу-
инск.у., Ново-кокирланск. вол.
4 роты рядов. **Абдул-Кабир Гайнетдинов**, магом., жен., Оренб.губ.,
Оренб.у., Рождеств. вол.
14 роты рядов. **Загритдинов Шайхутдин**, магом., хол., Уфим. губ.,
Мензел.у.. Александровск. вол.
14 роты рядов. **Садыков Фахрислам Гарифулов**, магом., хол.,
Уфим. губ., Белебеев.у., Иль-кулманск. вол.

Список №77. Пропавшие без вести за июнь 1917 г.

- 10 роты рядов. **Ахматзакир Сабиров**, магом., жен., Уфим.губ.,
Мензел.у., Ерсулайск. вол., 23 июня у г.Зборов

Список №78. Убитые за июнь 1917 г.

- 10 роты рядов. **Мурзагулов Ямгул Еренца**, магом., хол.,
Уфим.губ., Мензел.у., 1-я Каракинская вол., убит 28 мая у д.Кабаровце
2 роты рядов. **Гесматулин Тухватула**, магом., жен., Самар.губ., Бу-
гульм.у., Паратсалов. . . (?) убит 18 июня у Зборов
12 роты рядов. **Габibuлин Гарифулла**, магом., хол., Уфим.губ.,
Стерлит.у., Битровск. вол., 27 июня

Список №79. Без вести пропавшие за июль 1917 г.

6 роты рядов. **Шалимарданов Куручи**, магом., жен., Уфим.губ., Бирск.у., Аюновск.вол., пропал 7 июля в бою у д.Бялогловы

6 роты рядов. **Насибулин Ибатулла**, Златоуст.у., Бошокост....(?) вол., пропал 7 июля в бою у д.Бялогловы

6 роты рядов. **Мосин Саиббутан**, магом., хол., Уфим.губ., Белеб.у., Старо-Корманск.вол., 7 июля в бою у д.Бялогловы

6 роты рядов. **Хисаметдинов Саберзьян**, 7 июля в бою у д.Бялогловы

6 роты рядов. **Сатардын Сефейфинов**, магом., жен., Нижегород.губ., Сергиев.у., Грибанов.вол., 7 июля в бою у д.Бялогловы

6 роты рядов. **Хасанов Гариф**, магом., хол., Уфим.губ., Златоуст.у., Колекск.вол., 7 июля в бою у д.Бялогловы

Список №80. Без вести пропавшие за июль 1917 г.

(неполный)

2 роты рядов. **Гениатуллин Хасиятулла**, магом., жен., Самар.губ., Бугульм.у., Динской вол., пропал 6 июля у д.Белоглавы

2 роты рядов. **Катяинов Фарварити**, Уфим.губ., Златоуст.у., Улькульдинск.вол., пропал 6 июля у д.Белоглавы

2 роты рядов. **Абзувалеев Нормухамет**, Оренб.губ., г.Оренбург, пропал 6 июля у д.Белоглавы

2 роты рядов. **Ахматдяхжинов Тухватша**, магом., хол., Уфим.губ., Белеб.у., Негматулинск пропал 6 июля у д.Белоглавы

9 роты рядов. **Саттретдинов Фахретдин**, магом., хол., Уфим.губ., Мензел.у., Акташск.вол., пропал 17

Список №81. Убитые за июль 1917 г.

8 роты рядов. **Валиуллин Валимухамет**, магом., хол., Уфим.губ., Бирск.у., Болтаинск.вол., убит 25 июля

Список № 82. Раненые за июль 1917 г.

(в том числе раненые и оставшиеся на поле сражения)

9 роты рядов. **Абунагим (?) Муслинов**, магом., хол., Уфим.губ., Белеб.у., Старо-хольмешск.вол., ранен, остался на поле сраж. 7 июля 1917 у д.Белоглавы

9 роты рядов. **Абдурахман Гизатуллин**, магом., хол., Уфим.губ., Белеб.у., Старо-хольмешинск.вол., ранен, остался на поле сраж. 7 июля 1917 у д.Белоглавы

Список №12. С 1 по 15 февр. 1917 г. нижним чинам умершим в Перевязочном отряде 35 пехотной дивизии и похороненным на братском кладбище на вост. окраине м.Ярчевцы

13 роты ефр. 15 роты 138 пп **Ибрагим Катлахматов** 1 февраля

Списки составлены на основе архивных данных (РГВИА. Ф.16196. Оп.1. Кн.275; Кн.276; Кн.277; Ф.2365. Оп.2. Д.518), приведенных в книге: Рязанская Книга Памяти Великой войны 1914–1918 годов. Том I. Автор проекта и составитель: Александр Игоревич Григоров. – М.: Типография РосАрхива, 2010. – С.515–730.

Приложение №12

Служебная записка Царевококшайского уездного воинского начальника в Куллекиминское волостное правление № 28162 от 19 декабря 1916 года о солдатах, пропавших без вести

Предписываю объявить родственникам рядовых 270 п. Гатчинского полка Шакирзяна Хамзина, Галиуллы Хабибуллина и Низамутдина Шигабутдинова, что они 17–18 июля 1915 года в бою с Германцами у деревни Жабино Остроленского уезда пропали без вести.

Справка: означенные н/г. происходят Хамзин – дер. Большого Куюка, Хабибуллин – дер. Ислейтар и Шигабутдинов – дер. Малого Куюка.

Подполковник [Подпись не разборчива]

Делопроизводитель, коллежский секретарь [Подпись не разборчива]

ГАРМЭ. Ф.119. Оп.1. Д.491. Л.3.

Приложение №13

Стихи татарских поэтов, написанные в 1914–1917 гг.

Нэкий Исәнбэт

Солдат хатыны

Урамнардан узган никрутларның
Гармун тарткан моңлы тавышына,
Сөялэм дә тәрәз яңагына,
Мин биреләм сагышыма.

Кар өстенә аккан каннар кебек
 Көнбатышта күренә кан болыт,
 Минем дә шул кайгым күкрәгемдә
 Укмашты ла кара кан булып.

Өй артында елый, жилдән иңрәп,
 Ятим калган шыксыз ак каен;
 Яз айларын көткән шул каендай,
 Мин дә көтәм аның кайтканын.

Урамнарға баксам, жансыз өйләр,
 Күккә баксам, козгын-каргалар;
 Баш очымда йөрөп: «Карр!» – диләр дә
 Яра сала жанга тагы алар.

Ничә еллар монда мин бер башым
 Ирләр түзмәс эштә интегәм;
 Беләкләрем талды, йорт таланды,
 Сары булдым, ахры, йөткерәм.

Кычкыралмый, козгын, әй каршымда,
 Кычкырганың төшсен башыңа!
 Күкрәгемә поскан ач сабыем:
 – Өт-тә, – ди дә төелә яшенә.

1917.

Цит. по: Исәнбәт Н. Сайланма әсәрләр: 3 томда. – 1 том. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1960. – Б.123.

Нәҗип Думави

Сугыш тәэссораты¹

I

Кычкырмачы, карга, баш янымда,
 Китче, зинһар, миннән арыра!
 Күрмисеңме канны як-ягымда,
 Куллар мәжрух, тездән юк аяк?

¹ Впервые опубликовано в журнале «Аң», № 21 от 5 декабря 1916 года.

Тында туплар, тынды пулеметлар,
Мылтык таушы ауды сул якка;
Сугыш күчте моннан, сүнде утлар,
Югал, карга, син дә шул якка.
Карап торма миңа күзең терәп,
Сулыш алым – нинди тын кичә!
Куркам, вәхши карга, явыз йөрәк,
Китмәссең дип каным эчмичә.
Жәрәхәтем авыр, рухым төшкән,
Тынлык тели жаным кич белән.
Күрәм: канлы күзең канга төшкән,
Кызганмасаң аша, эч, бирән!

II

Егълама, балам, ник егълуйсың,
Күз яшеннән безгә ни файда?
Гомер буге егълап ник тормыйсың –
Кызганмаслар, булма дивана!
Заман халкын кара – нинди эштә,
шуда хәят сиңа, шунда көн.
Алар нишли – син дә шуны эшлә,
Залим булсаң бул, тик булма кол!
Хаклык, вөждан диеп торма балам,
Жир йөзөндә көн юк аларга;
Юк киссәләр, юл кис, урла, балам,
Жыенсалар – жыен таларга.
Елга-елга булып ага каннар,
Ычкындырма кулдан мылтыкны;
Шунда сиңа «егет» диерләр,
Кызганмыйча када штыкны!

1916.

*Цит. по: Думави Н. Тормыш сәхифәләре: шигъри әсәрләр һәм проза.
– Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. – Б. 145–146.*

*Мәҗит Гафури***Сугышта хәбәрсез югалган туганга¹**

Айлар үтте, инде бер жыл тулды
Аерылганга туган илеңнән.
Мин көтәмен синнән һәр көн хәбәр
Килерме дип сугыш жиреннән.

Күп көтсәм дә зарыгып, хәсрәт белән,
Синнән һичбер хәбәр килмәде.
Киттең!.. Шул китүдән син югалдың,
Сине бер кеше дә белмәде...

Кайдасың син, туган? Ниләр күрдең?...
Язмыш сине кайда ташлады?
Кайда йөрөп, кайда гаиб булдың,
Кайда каның ага башлады?...

Күкрәгенә килеп керде мәллә
Каршындагы дошман уклары?...
Әллә сине тетеп юк иттеме
Жир селкетеп килгән туплары?..

Әллә калдыңмы син туп актарган
Туфрак астларында күмелеп?...
Актык сулышларың ала алмый
Үлдең мәллә шунда тилмереп?...

Әллә хәлдән таеп егылдыңмы
Япа-ялгыз зур бер яланда?...
Күкрәк киереп каршы торамын дип,
Башкалардан торып калганда?

Әллә дошманнарга эләктеме
Арыслан кебек ялгыз калганда?..
Тәнең каннар белән буялдымы,
Алар сине тотып алганда?

---

¹ Впервые опубликовано в газете «Вақыт», №1860 от 3 сентября 1915 года.

Һәрхәлдә, син үлдәң чит илләрдә –
Кан каплаган кызғылт жирләрдә,
Өмидләрең өзәләр, йөзәң сулып,
Ғажиз булып дәрман эзләргә!...

Актык сүзләреңне әйтә алмый
Яткансыңдыр, туган, тилмереп;
Кайда анда хәлең сорар кеше:
«Нихәл, туган?» – диеп, кул биреп.

Югансыңдыр каның күз яшь белән,
Ғажиз булып соңгы минутта.
Син хәбәрсез югалгандан бирле,
Шатлык бетте!... Торам мин утта...

1915.

Күңелсез бәйрәм¹

Күңелсез, моңлы бәйрәм:
Бер житешсезлек вә кимлек бар, –
Матәм тоткан кебек дөнъя,
Бетен жирдә ятимлек бар.

Күрәм бер тол хатынны: ул
Баласын сөйдә дә шунда
Сорый: «Әткәң кая?...» ди,
Юк жавап, чын юк шул ул монда.

Тагын сөйдә, күзен сөртте:
«Сугышта шул синең әткәң,
Исән-сау әйләнеп кайтсын,
Дога кыл тәңрегә, бәбкәм...»

Ятим карчык утырган кыйблага каршы,
Күтәргән кул,
Күзе яшьле, үзе моңлы,
Теләк теләү белән мәшгуль.

¹ Впервые опубликовано в газете «Тормыш», №491 от 18 июля 1916 года.

Ул аерылган үзенең ялгызыннан
 Соңгы гомрендә.
 «Күреп үлсәм иде!...» – дип,
 Сызлана, яна гает көндә...

Күрәмсез: бер ятим чынлап
 Моңайган, өс-башы керле,
 Аның әткәсе юк монда,
 Бу бәйрәм шатлыгын күрми...

Күнелләр шатланырлык нәрсә юк,
 Тик яшьле күзләр бар...
 Еракта кан ... яқында гел
 Шулай мәжрух күнелләр бар...

1916.

Цит. по: Гафури М. Әсәрләр: Дүрт томда. – 1 том. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. – Б.346–347, 374.

Шәехзадә Бабич

Солдатка алынган бер дустыма¹

Аңладык, белдек хәлеңне: килде таушың таң белән,
 Килде таушан, тыңладык та, еладык бер тәм белән.

«Мин эләктем, китте баш. Хуш, хуш...» дигәнсең кайгырып,
 Шатланып, кайгыңны котлыйбыз хәерле фал белән.

Селтә кулны доньясыннан, кер әжәл базарына,
 Зур жаныңны хур итеп йөрмә кадерсез тән белән.

Кер сугышка һәм, тәнеңне канга ташлап, күккә оч,
 Нинди мәгънә бар жиһанда жан кыйнап торган белән?

Күккә оч, күктә тыныч, монда сугыш, кулда кылыч,
 Монда эшләр куркыныч, жир-су буялды кан белән.

¹ Впервые опубликовано в газете «Солдат теләге һәм Уфа мөселман гаскәрләре турасының хәбәрләре» от 31 июля 1917 года. Написано после смерти на фронте друга Хаернаса Хабирова.

Вәхши күз, шакшы күнел, алдакчы тел дөнъя тулы,
Күпме-күпме тугрылык корбан була ялган белән.

Ак күнелне таплатып, кыйммәт намусны таптатып,
Торма жирдә, әй, бөөк вөждан, жыен шайтан белән!

1917.

Цит. по: Бабич Ш. Зәңгәр җырлар: Шигырьләр, поэмалар, эпиграммалар, мәкаләләр, хатлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. – Б.188.

Приложение №14

Из воспоминаний писателя Амирхана Еники о родных братьях отца – участниках Первой мировой войны

«Два брата оба попали на германскую войну. (Мы тогда были маленькими.) Мухаммедьяр дадакай ушел позже и вскоре вернулся, повредив мизинец. Повезло ему, легко отделался! Но дело, как мне кажется, было вовсе не в мизинце. Вероятнее всего, у него обнаружили какую-нибудь болезнь. Из-за мизинца его вряд ли отпустили бы.

А Нигматулла дадакай ушел в самом начале войны, воевал на австрийском фронте, попал в окружение и оказался в плену... Трижды бежал из плена, и только на третий раз удалось скрыться от преследований.

Интересна история его возвращения домой. Кажется, это было глубокой осенью 1917 года – мимо нашего аула проходили эшелоны с солдатами, которые самовольно побросали окопы и уехали домой. Один солдат-татарин крикнул с проходящего эшелона: «Ждите Нигматуллу из вашего аула-а! Он добирается в следующем эшелоне, просил сообщит-ить!» Кто-то услышал и побежал с новостью к эбекей. Понятно, весть эта была как гром среди ясного неба – сперва все онемели, а потом, придя в себя, стали шумно радоваться и готовиться к встрече: одного из близких родственников (кажется Рахматуллы абзы) погнали на станцию Буздяк (в Каргалы в то время поезда не останавливались), а сами затопили баню, зарезали овцу. Однако поздно вечером усталая лошадь вернулась без гостя... Надежду, однако, так просто убить нельзя, штука эта крепкая и упорная! Лошадь посылали и на другой, и на третий, и на четвертый день, но Нигматуллы дадакай все не было. Бедные домочадцы не знали, что и подумать, ходили тихие, печальные, но ждать не переставали – неделю, две недели, месяц; но потом, решив, что произошла ошибка, что односельчанин, принесший

радостную весть, ослышался, потихоньку оставили эту мысль. Эбекей подолгу сидела на молитвенном коврике, а Мадина джингачай тихонько лила возле печи горькие слезы...

Но вот в самом начале зимы, в одну из морозных ночей с поезда, проходившего мимо нашего аула, спрыгнул Нигматулла дадакай. На нем старый бушлат, задубевшие на морозе сапоги, через плечо стянутый веревкой мешок – сошел с железной дороги на санный путь и зашагал, поскрипывая снегом, к своему дому. Почувяв его, Муйнак и Алабай выскочили из-под крыльца и с лаем бросились навстречу. Однако стоило Нигматулле дадакаю окликнуть их, как обе собаки тут же притихли и, подбежав, принялись визжать, извиваться вокруг хозяина, прыгать ему на грудь. Разве не удивительно это! Можно подумать, что дадакай отсутствовал не четыре года, а всего четыре дня!

Первым делом он осмотрел хозяйство, заглянул на скотный двор и только потом поднялся на крыльцо. В доме еще не спали – Мадина джингачай вязала что-то, эбекей сидела на саке, перебирая четки. Услышав громкий стук в дверь, джингачай вышла в сени. Но тут же прибежала назад. Лицо ее было бледно, губы дрожали: «Анакай, там мужчина какой-то, Нигматулла никак...» Эбекей, всплеснув руками: «Ай, Алла!» сползла с саке и нетвердыми шагами, пошатываясь, подошла к двери. Вскоре вернулась, а за ней шел Нигматулла дадакай... Говорить не было сил, все трое сели на саке и заплакали. Лишь успокоившись немного, женщины засуетились, забегали. Тут же в печи загудел огонь, зашумел самовар, зашипело масло на сковороде. Дадакаю дали теплые валенки... Несмотря на поздний час, по велению эбекей, сбегали за Гиниятом муллой, который жил напротив, и обновили никах. А когда рассвело, уж и баня была готова.

В этих записках не должно быть ничего вымышленного, а потому хочу заметить: подробности этой ночи я описал со слов Мадины джингачай много лет спустя».

Цит. по: Еники А. Страницы прошлого. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1998. – С.31–33.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области
ГАРМЭ – Государственный архив Республики Марий-Эл
ГАУО – Государственный архив Ульяновской области
ИЯЛИ АН РТ – Центр письменного и музыкального наследия
Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
КМ РТ – Кабинет министров Республики Татарстан
НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание
ОРРК НБ КФУ – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки
им. Н.И.Лобачевского Казанского федерального университета
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
ЦГАИПД РТ – Центральный государственный архив историко-
политической документации Республики Татарстан
ЦГАСО – Центральный государственный архив Самарской области
ЦИА РБ – Центральный исторический архив Республики Башкортостан

*Габдрафикова Лилия Рамилевна
Абдуллин Халим Миннулович*

**Татары в годы Первой мировой войны
(1914–1918 гг.)**

Монография

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева*

Подписано в печать 20.07.2015 г. Формат 60×84 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 24,75 Тираж 200 экз.

Отпечатано в множительном центре

Института истории АН РТ

г. Казань, Кремль, подъезд 5

Тел. (843) 292–95–68, 292–18–09

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

www.tataroved.ru